

Ранняя русская драматургия

(XVII — первой половины XVIII в.)

Первые пьесы русского театра

Издание подготовили:
О. А. Державина,
А. С. Демин,
Е. К. Ромодановская,
под редакцией
А. Н. Робинсона

Издательство «Наука» Москва 1972

От редактора

Эта книга посвящена первым пьесам русского театра, трехсотлетие которого отмечается в октябре 1972 г. Книга открывает серию «Ранняя русская драматургия», подготавливаемую Группой по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР. Издание содержит публикацию текстов старинных драм, их исследование и комментарии.

В подготовке книги участвовали: О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская, А. Н. Робинсон, В. П. Гребенюк.

Вступительная статья написана А. С. Деминым, О. А. Державиной, А. Н. Робинсоном. Разделы —«Вводные замечания», «Организация первого театра», «Две первые пьесы русского театра» написаны О. А. Державиной; разделы —«Причины появления театра и драматургии в России», «Общие черты драматургии 1670-х годов» написаны А. С. Деминым; разделы—«Историческое место и значение первого русского театра» и «Заключение» написаны А. Н. Робинсоном. Тексты «Артаксерксова действа» подготовлены к печати О. А. Державиной и В. П. Гребенюком. Комментарий к этой пьесе написан А. С. Деминым. Текст, комментарий и приложения к пьесе «Иудифь» подготовлены Е. К. Ромодановской. Словарь и библиография составлены О. А. Державиной, указатели — А. Г. Мирзоян.

Авторский коллектив приносит глубокую благодарность И. М. Кудрявцеву, К. Н. Ломунову, Н. И. Прокофьеву за ценные научные замечания, сделанные ими при обсуждении и рецензировании рукописи этой книги.

Появление театра и драматургии в России в XVII в.

В 1972 г. исполняется 300 лет со дня возникновения русского театра. Значение этой даты трудно переоценить. Всегда и везде, где бы ни существовали театральные зрелища, начиная с древней Греции, они не были только развлечением. Это было сильнейшее средство воздействия на сознание масс, с помощью которого писатели-драматурги, режиссеры и актеры проводили свои идеи, боролись с социальными недостатками, воспитывали зрителей. Так было и в нашей стране, где театр, начиная с первых десятилетий своего существования, играл важную роль в русской идеологической, культурной и общественной жизни.

За истекшие 300 лет русская драматургия прошла долгий и славный путь развития. Как известно, основными этапами этого пути являются:

а) начальный период — возникновение русской придворной и школьной драматургии (конец XVII — первая половина XVIII в.). В это время наиболее выдающимся драматургом был Симеон Полоцкий;

б) драматургия русского классицизма, представленная творчеством А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Н. П. Николева, Д. И. Фонвизина и других писателей XVIII в.;

в) реалистическая драматургия XIX — начала XX в. А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького и других писателей;

г) драматургия социалистического реализма — пьесы А. М. Горького, В. В. Вишневского, А. Е. Корнейчука, Н. Ф. Погодина, К. А. Тренева и многих других известных советских драматургов.

Все эти этапы истории русской драматургии прочно связаны между собой. Так, придворный и школьный театр конца XVII — начала XVIII в. подготовил почву для драматургии русского классицизма, начало которой было положено трагедиями А. П. Сумарокова «Хорев», «Гамлет» и «Синав и Трувор», опубликованными в 1747—1750 гг. Проблемы, поставленные драматургами XVIII в., и отдельные образы, ими использованные, нашли дальнейшее развитие в реалистической драме и комедии XIX в. Возникший в первой половине XVIII в. демократический театр заложил основы бытовой и сатирической драматургии второй половины XVIII в., а позднее — реалистической комедии XIX в. Все это богатое наследство может служить для современных советских драматургов великолепной школой драматургического мастерства, а для специалистов-исследователей, преподавателей, учащихся— незаменимым источником по истории русской культуры.

В связи с 300-летним юбилеем русского театра Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР по инициативе покойной В. Д. Кузьминой осуществляет издание серии книг «Ранняя русская драматургия», которая будет содержать полное собрание известных в настоящее время оригинальных русских пьес XVII — первой половины XVIII в. Публикация памятников, подготавливаемая на основе требований современной текстологии, сопровождается историко-литературной характеристикой драматургии указанного периода в ее связях с исторической действительностью, с культурой, литературой и театром того времени в России, отчасти — с театром в других славянских странах и в Западной Европе. Конечно, решение всех этих сложных проблем принадлежит будущему нашей науки, но некоторые из них ставятся, освещаются и решаются в издаваемой серии книг.

Организация первого театра

Вопрос о становлении русского театра в XVII в. и появлении драматургии в России привлекал внимание ученых еще в XVIII в. В XIX—XX вв. этой теме было посвящено много работ[1].

---

[1] Библиографический обзор см.: В. П. Адрианова-Перетц. Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв.— В кн.: «Старинный спектакль в России. Сборник статей». Л., 1928, стр. 184—197; Б. Н. Асеев. Русский драматический театр XVII—XVIII веков. М., 1958; С. С. Данилов. К историографии русского дореволюционного и советского театра.— В сб.: «Записки о театре». Л.— М., 1958, стр. 195—211; 1960, стр. 328—356; И. Ф. Петровская. Источниковедение истории русского дореволюционного театра. Л., 1971.

В настоящее время история возникновения русского театра выяснена с достаточной полнотой. Этому способствовали публикации текстов ранних русских драм, прежде всего издание, предпринятое Н. С. Тихонравовым [2]; публикации документов по истории русского театра, в первую очередь материалы, изданные С. К. Богоявленским [3]; общие обзоры истории русского театра в работах Е. Н. Опочинина, А. И. Соболевского, П. О. Морозова, Б. В. Варнеке, в трудах под редакцией В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса, в работах С. С. Данилова и В. Н. Всеволодского-Гернгросса, подводящих итог всему сделанному до них [4]; наконец, значительное количество статей, в особенности в сборниках 1920-х годов ленинградского Института истории искусств [5] и в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы АН СССР [6].

История создания театра в России и появления первых пьес представляется в следующем виде. Задолго до первой в России театральной постановки (1672) царь Алексей Михайлович пытался завести театр. Об этом свидетельствует интересная документальная находка. И. Я. Гурлянду, занимавшемуся историей Приказа тайных дел, посчастливилось натолкнуться на любопытную черновую «роспись» 1660 г. с собственноручными поправками и вставками царя Алексея Михайловича [7]. В этой «росписи» перечислялись покупки и поручения, которые надлежало выполнить

---

[2] Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. 1—2. СПб., 1874.

[3] С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914.

[4] Е. Н. Опочинин. Русский театр, его начало и развитие. СПб., 1887; А. И. Соболевский. Заметки по истории драмы.— «Русский филологический вестник», 1889, № 1; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; «История русского театра», т. 1. Под редакцией В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. М., 1914; Б. В. Варнеке. История русского театра XVII—XIX вв. Изд. 3. М.— Л., 1939; В. Н. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра. Т. 1—2. М.— Л., 1929; он же. Хрестоматия по истории русского театра. М., 1936; С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.— Л., 1948; В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957.

[5] «Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Сборник статей под редакцией акад. В. Н. Перетца. Труды Росс. Инст. Ист. Искусств». Пг., 1923; «Старинный спектакль в России. Сборник статей». Л., 1928.

[6] «Труды Отдела древнерусской литературы», тт. III, IV, VIII, X, XI, XIII, XIV, XVI, XX, XXI, XXIV. М.— Л., 1938—1969.

[7] И. Гурлянд. Иван Гебдон. Комиссариус и резидент (материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903, стр. 46—49.

для царя английскому купцу Гебдону. Наряду с различными поручениями «иноземцу Ивану Гебдону» вменялось в обязанность «призвать ему в Московское государство из Немецких земель... мастеров комедию делать». Причем упоминание о «мастерах комедию делать» было вписано рукой самого Алексея Михайловича. И. Я. Гурлянд опубликовал этот документ, не обратив внимания на столь многозначительное упоминание о «комедии». Но зато историк литературы И. А. Шляпкин сразу откликнулся на публикацию специальной заметкой, подчеркнув тот факт, что царь Алексей Михайлович хотел завести театр еще в 1660 г.[8]

Однако дело с организацией театра в Москве продвигалось чрезвычайно медленно. Документы Посольского приказа, изданные С. К. Богоявленским, относятся к следующему десятилетию XVII в. и раскрывают уже непосредственную историю создания театра в Москве.

Как можно видеть по сохранившимся «росписям», «памятям», «докладам», письмам и пр., царь в 1672 г. поручил немцу Николаю фон Стадену, находившемуся на службе в России в чине полковника, пригласить в Москву из Курляндии, Швеции или Пруссии музыкантов и людей, «которые умели бы всякие комедии строить». Но эта попытка успехом не увенчалась. Царь дал распоряжение найти подходящих людей в московской Немецкой слободе, и подготовка первого спектакля была поручена жившему там пастору лютеранской кирки Иоганну-Готфриду Грегори

И.-Г. Грегори, немец по происхождению, европейски образованный человек, по-видимому, был достаточно знаком с западным, в частности с немецким и голландским, театром [9]. По предположению А. Мазона, И.-Г. Грегори ранее принимал участие в театральных постановках дрезденской Collegium Carolinum [10]. По-видимому, Грегори создавал первый спектакль русского театра, уже владея некоторым опытом средневекового и школьного театра.

---

[8] И. А. Шляпкин. История русского театра при царе Алексее Михайловиче (Заметка).— «Журнал Министерства народного просвещения», 1903, ч. 346, март, отдел «Критика и библиография», стр. 210—211.

[9] Биографические сведения о И.- Г. Грегори см., например, в кн.: «Relation du voyage en Russie, fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux qui se conservent à la Bibliothèque ducale publique, de Gotha». Berlin, 1883; Д. В. Цветаев. Генерал Николай Бауман и его дело. Из жизни московской Ново-иноземной слободы в XVII в. М., 1884; он же. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.

[10] А. Мазон. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори.— Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 357.

После нескольких месяцев напряженной работы первый спектакль был показан царю 17 октября 1672 г. Спектакль состоялся в новопостроенной «комедийной храмине» в подмосковной царской резиденции в селе Преображенском. Было играно «Артаксерксово действо»— пьеса на сюжет библейской «Книги Есфирь», рассказывающей о том, как красавица Есфирь стала женой персидского царя Артаксеркса и спасла свой народ от истребления.

Долгое время текст первой пьесы русского театра оставался нам неизвестен. Мы знали лишь о ее постановке по упоминаниям в документах XVII в. Только в 1954 г. были открыты сразу два списка пьесы — один во Франции, в Лионской городской библиотеке, другой в СССР, в рукописном собрании Вологодской областной библиотеки; позднее был найден еще один фрагментарный список пьесы в ГДР в Веймарской библиотеке [11].

Публикуя «Артаксерксово действо» по списку Вологодского собрания, И. М. Кудрявцев восстановил все пропуски (обусловленные дефектами рукописи) по печатному тексту списка Лионской библиотеки, опубликованному А. Мазоном и Ф. Кокроном, а также сопроводил свое издание фундаментальным исследованием, где показал, в частности, что для создания русского театра важное значение имела активная деятельность начальника Посольского приказа боярина Артемона Сергеевича Матвеева, руководившего всеми подготовительными работами [12].

«Артаксерксово действо» было сочинено на немецком языке И.-Г. Грегори при участии лейпцигского студента-медика Лаврентия Рингубера и, возможно, других лиц. По основательному предположению И. М. Кудрявцева, пьеса «Артаксерксово действо» сразу же была переведена на русский язык переводчиками Посоль-

---

[11] Лионский список «Артаксерксова действа» был издан французскими исследователями А. Мазоном и Ф. Кокроном: La Comédie d'Artaxerxés (Артаксерксово действо) présentée en 1672 au Tsar Alexis par Gregorii le pasteur. Texte allemand et texte russe publiés par André Mason, membre de l'institut professeur honoraire au Collège de France, et Frédéric Cocron, docteur de l'université de Vienne et de l'université de Paris. Paris, Institut d'études slaves de l'université de Paris, 1954. Вологодский список пьесы издан советским ученым И. М. Кудрявцевым: Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.— Л., 1957.

Немецким исследователем К. Гюнтером (ГДР) опубликован отрывок той же пьесы: K. Günther. Das Weimarer Bruchstück des ersten russischen Dramas «Artaxerxovo Dejstvo» (1672).— «Studien zur Geschichte des russischen Literatur des 18. Jahrhunderts», Bd. III.— «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichen des Instituts für Slawistik», N 28/III. Berlin, 1968, S. 120—178.

[12] И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 6—17.

ского приказа (притом перевод нередко переходил в свободное переложение) и исполнялась перед царем на русском языке, хотя актерами были «иноземцы»— ученики школы И.-Г. Грегори [13].

Репертуар придворного театра царя Алексея Михайловича не был однообразным. Наряду с преобладающими обработками библейских сюжетов в нем фигурировали сюжеты исторический, агиографический (из житий святых), антично-мифологический. Как свидетельствуют документы, собранные в упомянутом выше издании С. К. Богоявленского, порядок подготовки и постановки пьес на придворной сцене был следующим.

После открытия театра первую пьесу «Артаксерксово действо» несколько раз повторяли. В то же время готовилась новая пьеса на библейский сюжет —«Иудифь», которая была показана царю между 2 и 9 февраля 1673 г. и затем тоже повторялась. Эта пьеса посвящена библейской героине Иудифи, которая смело отправилась в стан врагов, осадивших ее родной город Вефулию, отрубила голову их военачальнику Олоферну и спасла своих сограждан от порабощения [13а].

В ноябре 1673 г. были поставлены еще две пьесы — о Товии, также на библейский сюжет, и о Егории Храбром — на известный житийный сюжет. Тексты обеих пьес до нас не дошли.

Затем игрались «Малая прохладная (т. е. развлекательная) комедия об Иосифе», представляющая собой обработку библейского рассказа об Иосифе, проданном в рабство его братьями, а за ней — первая пьеса на историческую тему —«Темир-Аксаково действо» [14]. К концу масленицы 1675 г. была поставлена «Жалобная комедия об Адаме и Еве», — как бы в напоминание о посте и покаянии.

В январе 1676 г. актеры разучили пьесу о Давиде и Голиафе и пьесу о Бахусе и Венусе, очевидно, на антично-мифологический сюжет. Тексты этих двух пьес не сохранились. О балете «Орфей», ставившемся при дворе, мы также почти ничего не знаем.

Авторов перечисленных выше пьес можно назвать лишь с большей или меньшей степенью предположительности. Так, по-

---

[13] И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 71—75.

[13а] Настоящая книга была уже в производстве, когда появилось новое ценное историко-литературное исследование пьесы «Иудифь», осуществленное Куртом Гюнтером (ГДР): K. Günther. Das Moskauer Judithdrama von Iohann Gottfried Gregorii.— «Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts», Bd. IV. Berlin, 1970. Названное исследование сопровождается переводом пьесы на немецкий язык, текстологическим изучением ее списков, библиографией.

[14] О пьесе см.: А. Булгаков. Комедия о Тамерлане и Баязете.— В сб.: «Старинный спектакль в России», стр. 317—357.

мощник И.-Г. Грегори Иоганн Палцер, по-видимому, принимал участие в сочинении пьес об Иудифи и о Товии. Другой помощник И.-Г. Грегори, Юрий Гибнер, вероятно, был автором «Темир-Аксакова действа». Балет «Орфей» ставил и, возможно, сочинял немецкий инженер Николай Лим. Можно предполагать участие Стефана Чижинского, воспитанника Киево-Могилянской коллегии, в создании пьес о Давиде и Голиафе, о Бахусе и Венусе. Документы, в которых упоминаются эти лица, дают основания для подобных догадок.

С русским придворным театром 1670-х годов, несомненно, находятся в связи две пьесы, написанные в те же годы Симеоном Полоцким,— «Комидия притчи о блуднем сыне» и «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных» [15]. Сведений об их постановке не сохранилось, но тексты пьес дошли в списке с поправками самого автора. Из обращения Симеона Полоцкого к царю в предисловии к пьесе о Навуходоносоре ясно, что пьеса должна была идти в присутствии Алексея Михайловича.

Характеризуя придворный театр 1670-х годов, нельзя не сказать о его актерах, оформлении сцены, требуемом реквизите. Эта сторона жизни раннего русского театра отражена во многих работах исследователей [16]. Для постановки первых пьес русского театра использовалась не только школьная молодежь из Немецкой слободы, но и русские «отроки». 16 июня 1673 г. была набрана труппа из русской молодежи, в том числе подьячих Посольского приказа. Имена этих первых русских актеров дошли до нас лишь частично: в документах упоминаются подьячие Тимофей Максимов, Михаил Белянинов, Кузьма Журавлев, Алексей Зверев, Исаия

---

[15] О драматургии Симеона Полоцкого см., например: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 1—162; А. И. Белецкий. Из начальных лет литературной деятельности Симеона Полоцкого.— В кн.: «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1928, стр. 264—267; С. А. Щеглова. «Декламация» Симеона Полоцкого.— Там же, стр. 5—9; И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург.— В кн.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.— Л., 1953.

[16] В. Перетц. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII в.— В сб.: «Старинный спектакль в России», стр. 64—98; В. П. Адрианова-Перетц. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII вв.— Там же, стр. 7—63; С. А. Щеглова. Актеры и зрители светского театра XVII—XVIII вв.— Там же, стр. 209—264; В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Театральные здания в Москве в XVII и XVIII столетиях.— «Ежегодник императорских театров», 1910, VII, стр. 1—26; VIII, стр. 1—30.

Ляпин, Иван Владиславлев, «отроки» Василий Мешалкин и Лука Степанов, танцор Тимофей Блисов, Василий Смольский и два брата Ивановых — Родион и Николай.

Кроме того, в недавно найденном списке русских актеров, исполнявших пьесу «Иудифь», поименовано 36 человек [17]. У нас нет сведений о том, как справлялись упомянутые в списке «робята» с порученными им ролями. В списке отмечено только, кто из них выучил и кто еще не выучил роли: рядом с каждым именем стоит буква «н» или «в», а против имени Абрашки Семенова, которому была поручена роль «поручика» Сисеры, написано полностью: «не выучил — лежит». Васька Андреев, исполнявший роль Сусакима, некоторое время числился «в нетях», но потом, видимо, явился и приступил к исполнению своих обязанностей: слово «в нетях» зачеркнуто.

Актеры — всего их было около 70 человек — обучались в специальных школах в Немецкой и Мещанской слободах. По мнению В. Н. Всеволодского-Гернгросса, это обучение состояло только в разучивании ролей и репетициях [18]. О том, какими правилами руководствовались актеры и как они должны были вести себя на сцене, некоторое представление дает «Рассуждение о сценической игре» иезуита Ф. Ланга, сочиненное в первой четверти XVIII в. (переведено с латинского языка и опубликовано В. Н. Всеволодским-Гернгроссом [19]).

Жалованье актерам выдавалось нерегулярно, и, чтобы не умереть «голодной смертью», они должны были напоминать о себе челобитными [20].

Устройством придворного театра было занято вместе с актерами, по-видимому, не менее 200 человек. Среди них люди самых разнообразных специальностей: подьячие, стрельцы, столяры, жестянщики, портные. Новая «потеха» царя становилась популярной среди москвичей, в особенности среди населения Мещанской слободы, откуда набирались актеры и где жили ремесленники, обслуживавшие придворный театр.

---

[17] ЦГАДА, ф. 139. Комедиальные дела, № 32. Список найден старшим научным сотрудником Архива И. А. Балакаевой (см. прилагаемый фотоснимок и комментарий к пьесе).

[18] В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Русский театр..., стр. 120.

[19] Сб. «Старинный спектакль в России», стр. 132—183; см. также: О. Носкова. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII веков.—Там же, стр. 265—308; В. И. Резанов. К истории русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевского. Нежин, 1911.

[20] Челобитные актеров опубликованы в кн.: С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 16 и сл.

Спектакли шли то в царском селе Преображенском, в специально построенном здании, то в Москве, в помещении над дворцовой аптекой. Декорации и костюмы перевозились с места на место, что при тогдашних способах передвижения далеко не обеспечивало их сохранности: их то и дело приходилось чинить и подновлять.

Из документов видно, что правительство не жалело средств на театральные постановки: закупались или брались из дворцовых запасов дорогие заграничные ткани (гамбургское сукно, турецкий волнистый атлас, шемаханский шелк), закупались десятками аршин ленты и кружева. Портные шили костюмы, мастера изготовляли оружие (протазаны, мечи, копья, сабли, жестяные латы) и всевозможный реквизит. Так, для роли Голиафа была сделана большая голова из клееного полотна, для оформления сцены в раю — несколько деревьев с восковыми яблоками. Для одной из пьес лепилась из теста оленья голова. О том, как ее надо делать, русские мастера советовались с иноземцем Петром Сиверсом, о чем читаем в одном из документов: «...сотником московских стрельцов Ивану Лобкову, Микифору Ватолину дано на провоз извозчиком, что они ездили да с ними два человек столяров с Посольского двора в Немецкую слободу к иноземцу к Петру Сиверсу трижды, а с собой возили аленью голову и иные потешные дела для указанья, как делать» [21].

Спектакли отличались большой пышностью, сопровождались пением, музыкой, иногда танцами; во время спектаклей звучал орган, раздавались звуки труб (например, в первой сцене «Темир-Аксакова действа»), играли и на других инструментах. Сохранились ноты музыки, специально написанной для пьесы «Иудифь» [22]: по ходу действия в ней должны были петь солдаты, а в конце ее звучал благодарственный псалом, который исполняли жители Вефулии.

Сцена оформлялась к каждой пьесе особо: писались «рамы перспективного письма», т. е. боковые кулисы и задняя декорация. Занавеса, отделявшего сцену от зрительного зала, по-видимому, не было, но в ряде пьес сцена разделялась занавесом на «большую» и «малую»; по ходу действия этот занавес открывался или закрывался. Так, например, в пьесе об Иосифе сцены в доме Иакова и в доме Потифара шли при закрытом заднем занавесе, а эпизод продажи героя в рабство, наоборот, при открытом, так как на сцене должна была изображаться степь и безводный колодец, куда братья опускают Иосифа. В качестве реквизита на сцене

---

[21] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 53.

[22] Т. Ливанова. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М., 1938, стр. 182.

должен был появляться стол, уставленный яствами и напитками (в сцене пиров у Потифара, в ставке Олоферна).

В последнем явлении пьесы об Адаме и Еве («божественный суд» над грешными людьми) сцена должна была иметь, как это часто практиковалось при постановке западноевропейских мистерий, верхнюю площадку, изображавшую «небо», откуда к Адаму и Еве сходили ангелы и стоял трон «верховного судии».

К сожалению, у нас нет сведений о том, как осуществлялась перемена места действия в таких сложных пьесах, как «Иудифь» и «Темир-Аксаково действо». Здесь, конечно, большую роль играл задний занавес; и, по-видимому, отдельные части сцены изображали разные места (например, дворец Баязета и ставку Тамерлана), и действие переносилось из одной половины сцены в другую.

* * *

После смерти царя Алексея Михайловича (30 января 1676 г.) спектакли придворного театра приостановились. 15 декабря 1676 г. молодой царь Федор Алексеевич «указал над аптекарским приказом палаты, которые были на комедию, очистить и что в тех палатах было: органы и перспективы, и всякие комидийные припасы — все свезть на двор, что бывал боярина Никиты Ивановича Романова» [23].

Однако, по предположению Алексея Веселовского, «при всей своей слабости и индифферентизме Федор Алексеевич сохранил некоторое расположение к театру; представления в Заиконоспасской академии шли беспрепятственно, а, согласно преданию, царь любил заходить к царевне Софье и присутствовать при устраиваемых ею зрелищах» [24].

Добавим также, что в 1680-х годах переписываются тексты первых русских пьес. Некоторые из этих списков вошли в сборник, принадлежавший И.-Г. Спарвенфельду. В это же время, возможно, ставятся на сцене пьесы Симеона Полоцкого (см. цельногравированное издание «Комидии притчи о блудном сыне» с датой «1685» на титульном листе). [25]

---

[23] Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. СПб., 1871. Приложения. Дела Аптекарского приказа, № 2, стр. IV.

[24] Алексей Веселовский. Старинный театр в Европе. М., 1870, стр. 361.

[25] Сборник И. Г. Спарвенфельда хранится в Швеции в библиотеке г. Вестероса. О том, что в 1680-е годы в России продолжались театральные постановки, свидетельствует челобитная Максима Юрьева с просьбой о вы-

Прекратив свое существование в 1676 г., светский театр возобновляется лишь в начале XVIII в., но это был уже не придворный, а общедоступный театр, который, по замыслу Петра I, должен был живо откликаться на современные события [26].

В 1702 г. в Москве на Красной площади по повелению царя была построена «комедийная храмина», в которой выступала приглашенная из Германии труппа странствующих актеров, сначала под руководством Иоганна Кунста, а затем — Отто Фюрста. Руководителям театра вменялось в обязанность готовить для театрального дела и русских актеров, набранных из подьячих Посольского приказа.

В театре Кунста — Фюрста ставились пьесы из репертуара бродячих немецких трупп, так называемые «английские комедии», пользовавшиеся особым успехом в Германии с начала XVII в. В них «зритель видел перед собой удивительнейшие подвиги исторических или баснословных героев и царей, кровавые ужасы рядом с напыщенной галантностью влюбленных принцев и принцесс и нахальнейшими выходками «дурацкой персоны», элементы придворной оперы и пасторали, волшебства и превращения, «махины и летания», сны и привидения, небо и ад—и все это в причудливом соединении с торжественно-поучительными аллегориями, интермедиями, танцами, сражениями, хорами, ариями, иллюминацией и фейерверком...» [27]. Вот названия некоторых из пьес поставленных в театре Кунста — Фюрста: «Сципио Африкан, вождь римский, и погубление Софонизбы, королевы Нумидийския», «Принц Пикельгеринг, или Жоделет», «Честный изменник, или Фридерико фон Поплей и Алоизия, супруга его», «Комедия о Дон-Яне и Дон-Педре», «Амфитрион» [28].

Однако этот театр не удовлетворял Петра I, которому хотелось, чтобы пьесы пропагандировали проводимые правительством реформы. Популярностью у зрителей театр Кунста—Фюрста также не

даче жалованья за участие в пьесе «Иосиф, принц Индейский», поставленной в 1685 г. в театре царицы Прасковьи Федоровны в подмосковном селе Измайлове, и за службу в этом театре в предыдущие годы (ЦГАДА, ф. 159, д. 1341; см. «Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР. Обзоры документов. XVII век — 1917 г.» М., 1966, стр. 56).

[26] О новом периоде русского театра подробно будет говориться в последующих выпусках «Ранней русской драматургии».

[27] П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 221—223.

[28] Перечисленные здесь и ниже пьесы опубликованы в следующих изданиях: Н. С. Тихонравов. Указ. соч., т. 2; В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903; И. А. Шляпкин. Старинные действа и комедии Петровского времени.— «Сборник отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. 97. Пг., 1921.

пользовался, так как содержание пьес было далеко от русской жизни, а тяжелый язык переводов затруднял их восприятие.

Любительские придворные театры, возникшие в петровскую эпоху (театр царевны Натальи Алексеевны, театр царицы Прасковьи), также не ставили перед собой общественно-политических задач: на их сценах шли развлекательные инсценировки западноевропейских переводных романов, особо популярных в то время («Акт о Петре Златых ключей», «Комедия об Индрике и Меленде», «Акт о Калеандре», «Комедия об Ипполите и Жулии» и т. п.).

Значительно более важную, общественно-воспитательную роль сыграл другой тип раннего русского театра — школьный театр.

В странах Западной Европы школьные пьесы имели давнюю средневековую традицию. Они писались обычно учителями пиитики или риторики и разыгрывались учениками. Особенностью этих пьес является то, что в число действующих лиц часто вводились аллегорические персонажи — олицетворения отвлеченных понятий, пороков и добродетелей, иногда — географических названий, а также образы античной мифологии. Характеризуя иезуитский школьный театр XVI—XVII вв., В. И. Резанов писал: «...нигде смешение христианского с античноязыческим не обнаруживалось сильнее, чем в этих представлениях, где вперемешку выступали персонификации христианских представлений, добродетелей и т. д.—отражение средневекового моралите— и образы греко-римской мифологии, языческие боги и богини со своими спутниками и атрибутами — результат воздействия эпохи Ренессанса» [29]. То же можно сказать и об украинской, а потом и русской школьной драме.

На Руси школьная драма не была известна до XVII в., пока ее не перенесли с Украины. Украинская школьная драма появилась тогда, когда защитники народной религии — православия, борясь с западной католической экспансией, вынуждены были использовать опыт и приемы своих противников — иезуитов. В Киево-Могилянской коллегии начали ставить спектакли, построенные по образцу западноевропейских мистерий, моралите и мираклей. Такова «Рождественская драма», в основу которой положена евангельская легенда о рождестве Христовом—спектакль типа мистерии, или пьеса «Алексей божий человек», построенная на материале жития святого по образцу миракле.

Воспитанники Киево-Могилянской коллегии — ученые монахи после воссоединения Украины с Россией часто приезжали в

[29] В. И. Резанов. К истории русской драмы. Экскурс в область театра иезуитов. Нежин, 1910, стр. 456; см. также: В. И. Резанов. Памятники русской драматической литературы. Нежин, 1907.

Москву. Здесь они становились преподавателями первых школ, а в отдельных случаях занимали должности иерархов русской церкви. Являясь представителями и носителями западнорусского просвещения и культуры, они прививали своим русским ученикам интерес и любовь к школьным постановкам. Таким ревнителем школьной драмы оказался митрополит Димитрий Туптало (Ростовский), развернувший свою деятельность в Ростове Великом. Он сам писал пьесы для школьного театра: ему принадлежат «Успенская» и «Рождественская» драмы, пьеса «Грешник кающийся» и некоторые другие произведения, которые исполнялись на сцене ростовской и ярославской духовных школ [30].

В Москве школьная драма успешно развивалась в Славяно-греко-латинской академии. Первоначальные постановки напоминали здесь школьные украинские спектакли [31]. Но с течением времени содержание и идейное звучание пьес существенно меняется. Они становятся более светскими, их политическая направленность углубляется. Авторы стремятся откликнуться в пьесах на современные события, на отдельные действия правительства, на победы, одержанные под предводительством Петра I. Таковы, например, пьесы, списки которых были обнаружены И. М. Бадаличем в Загребе [32]. Таковы также пьесы «Царство мира», «Ревность православия», «Свобождение Ливонии», «Божие уничижителей гордых уничижение» и ряд других, программы которых были специально изданы при Петре I. Школьная драма, строившаяся по правилам средневековых поэтик и риторик, подготовляла почву для дальнейшего развития русской драматургии, в особенности — для драматургии эпохи классицизма.

Причины появления театра и драматургии в России

Зарождение русского театра и драматургии не было явлением, изолированным от общих культурных процессов, которые происходили в России XVII в.

---

[30] О драматургии Димитрия Ростовского см., например: Е. Троицкий. О драматических произведениях св. Димитрия Ростовского.— «Труды Киевской духовної академии», 1912, № 3, приложение, стр. 676—680; И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891.

[31] Ср., например: И. А. Шляпкин. «Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным».— «Памятники древней письменности и искусства» [т. 28. СПб.], 1882.

[32] И. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII в. (по загребским спискам). М., 1968.

Понятие «русский театр» может иметь разный объем. В общих трудах по истории русского театра это понятие обычно охватывает сценические произведения России за большой период времени: от XVII до XIX в. включительно. Русский театр всего этого времени рассматривается как некое целое, имеющее свою внутреннюю периодизацию и свои истоки. При объяснении существования всего театра в целом вполне уместным оказывается обращение к тем истокам, более или менее постоянно питавшим русский театр, которые были раскрыты в первую очередь в трудах Алексея Веселовского и В. И. Резанова,— во-первых, к русским народным обычаям и церковным обрядам и, во-вторых, к традициям украинского и западноевропейского театров.

Свыше ста лет тому назад А. Веселовский, сопоставляя историю западноевропейского театра с русским, выделил народные «игрища» и церковные «действа» в качестве истоков отечественного театра, отметив при этом, что «пагубные условия народной жизни не допустили развития русского театра из народных основ» и что «особенность условий православной церкви не содействовала развитию литургической мистерии» на Руси [33]. А. Веселовский имел в виду, в частности, то обстоятельство, что богослужение на Руси совершалось на понятном народу церковнославянском языке, а не на латинском, как в католических странах, и не требовало поэтому специальных наглядных иллюстраций.

В последующих работах других авторов, вплоть до трудов С. С. Данилова и В. Н. Всеволодского-Гернгросса, упомянутых выше, указания на истоки русского театра в народной обрядности и в церковной жизни стали общим местом. Народные и церковные обряды действительно оказали воздействие на те или иные драматические произведения и их сценическое воплощение.

Однако, когда речь идет о возникновении русского театра, то приведенные объяснения оказываются малопригодными. Народные обряды и церковные «действа» не имели почти никакого отношения к русскому театру 1670-х годов. По этому поводу совершенно определенно писал В. Н. Перетц: «Попытки возводить начало русского театра, сложившегося в самом конце XVII в., к народному хороводному действу или к церковной службе — невозможны. О деятельности носителей «народной драмы», скоморохов — до XVIII в. мы знаем очень мало, а то, что знаем,— не укрепляет нас в мысли искать в их играх и импровизациях зародыш первых сценических представлений на русской почве... История нашего старинного...театра шла...через более

[33] Алексей Веселовский. Указ. соч., стр. 303, 326.

или менее полное заимствование чуждой литературной и художественной традиции... Отсюда вытекает тесная и неизбежная связь изучения старинного русского театра и драмы — с изучением театра европейского, без чего всякая речь о прошлом театра в России будет праздным пустословием» [34].

Слова В. Н. Перетца требуют уточнения в одном: какую роль сыграло иностранное заимствование для начальной драматургии 1670-х годов? Первые пьесы русского театра, включая и драмы Симеона Полоцкого, исследователям не удалось отнести к каким-либо конкретным западноевропейским или украинским источникам. Пьесы 1670-х годов являлись оригинальными произведениями, как отмечали в своих исследованиях П. О. Морозов и В. И. Резанов, хотя это и не исключало их тяготения к тем или иным западным театральным традициям.

Создание театра было обусловлено культурными потребностями верхов русского феодального общества. Развитие культурных потребностей феодальных верхов и в особенности царского двора протекало в XVII в. весьма интенсивно, тем более что в эту эпоху почти все слои русского общества, хотя и с разной степенью активности, пытались использовать в своих интересах новые достижения культуры, новые литературные средства, формы и жанры, частично зародившиеся на Руси, частично же привнесенные извне. Можно даже предполагать некоторое, не всегда осознанное соперничество разных общественных слоев в использовании отдельных литературных форм и средств. Возможным примером этого является четкая социальная соотнесенность драматургических элементов и первых драм в русской литературе XVII в.

Появление театра в России не было абсолютно неожиданным и новым. Как отметил П. Милюков, «двор ... сразу переходит к самой сложной форме иноземной забавы: к театральному спектаклю (1672—1675). Форма была нова, но все ее составные элементы стары, так что переход к этой форме не вызвал особого протеста» [35].

Зачаточные элементы драматургии, а их видят преимущественно в различных диалогических формах [36], бытовали в русской

---

[34] В. Н. Перетц. К постановке изучения старинного театра в России.— В сб.: «Старинный театр в России», стр. 16—17.

[35] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III. Изд. 3. СПб., 1909, стр. 101.

[36] Ср., например: К. Державин. Болгарский театр. Очерк истории. М.— Л., 1950, стр. 18: «Некоторые зачаточные элементы драматургии в средневековой болгарской литературе можно усмотреть лишь в дидактических и назидательных диалогах».

литературе с древнейших времен. В литературе XVII в. все эти драматургические элементы особенно усиливаются и получают четкую социальную ориентацию.

Широко распространяются сатирические и юмористические повести, написанные в форме диалога. Примером может служить известное антиклерикальное «Сказание о куре и лисице», сочиненное не позже 1630-х годов [37]. Оно целиком построено на диалоге святоши лисицы и ее жертвы — кура, на том, что «рече кур лисице» и что «отвеща лисица к куру»; с ремарками такого рода: «лисица же скрежеташе зубы и, гледя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на християн...», «отвеща лисица х куру с великим гневом и яростию» и т. д. [38]

Драматический элемент повести усилен тем, что к концу «Сказания» их диалог превращается как бы в диалог людей, и лисица, опасаясь доноса со стороны своего собеседника, прямо называет кура человеком: «...И ты, лихой человек,— говорит лисица куру,—огласишь меня митрополиту небылными словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небылных твоих неправедных словес и до конца погибну» [39].

В другом сатирическом произведении демократической литературы, в «Повести о бражнике», написанном тоже в диалогической форме, высмеиваются святые, причем местами в повести вообще опускаются обозначения действующих лиц и остается лишь сам диалог: «Бражник же рече: А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем.—Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю.— Господине Павел, помниши ли, коли тебе дана власть при Темире царе архиерей побивати веру Христову, и ты, господине, первомученика Стефана камением побил; о чемь ты в раю?— Павел отиде посрамлен» [40].

Элементы драматургической формы в демократической литературе, как видим, постоянно использовались в целях разоблачения и обличения. Любопытен в этом отношении пример сатирических сказаний о птицах. Сказания затрагивают вопросы общественного устройства древней Руси и в диалоге, вернее в виде «многоголосия» птиц, аллегорически передают неразбериху, своеобразный птичий гомон в беседе представителей разных сословий.

Сказания эти обычно начинаются со взаимной перебранки птиц, в том числе и орла-боярина. Другие птицы хотят их

---

[37] «Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц». М. — Л., 1954, стр. 271.

[38] Там же, стр. 74.

[39] Там же, стр. 77.

[40] Там же, стр. 107—108.

утихомирить, но вызывают еще большую перепалку. В разговор вступают уже самые «низшие» из птиц.

«Синица молвит: Я жонка разумная и дородная, я дома сижу и вас разсужу. Воробей молвит: Ой ты, синица, блядь! Не доведетца тебе нас, мужей, судити; знай ты свой гребень до охлопки. Синица молвит: Никшни ты, воробей, не почирикивай!..» и т. д. В конце концов одна из птиц заявляет: «Говорите, братцы, а слушать у вас нечево...» [41]

Есть основания предполагать, что в русской демократической литературе XVII в. появились уже некоторые «малые» драматургические жанры, в частности интермедии — короткие сценки сатирического и юмористического характера с определенной социальной направленностью. Если в дальнейшем интермедии включались в состав больших спектаклей, где они разыгрывались в перерывах между действиями, то в демократической среде интермедии, возможно, исполнялись отдельно.

Итак, демократическая литература XVII в., главным образом сатирическая, уже стояла на подступах к созданию какой-то своей драматургии. Сходный процесс наблюдается и в письменности иного рода. В XVII в. возникает раскол в русской церкви и появляется литература раскольников, боровшихся против новых установлений государственной церкви. Писатели-раскольники, выражавшие народный протест против феодалов, сразу же используют драматургические элементы в своих сочинениях. Появляются старообрядческие «прения», написанные преимущественно в диалогической форме и рассчитанные на убеждение читателей в правоте «старой веры». Об одном из них следует сказать подробнее.

В 1668 г. один из расколоучителей, сподвижник протопопа Аввакума, дьякон Федор Иванов написал «Прение с Афанасием, митрополитом иконийским». Федор описал свой острый спор с Афанасием о сложении перстов, действительно бывший в Москве в Богоявленском монастыре, куда власти заключили дьякона. Митрополит, «хотя его прельстити», велел привести Федора. Разговор, состоявшийся между ними в присутствии «старцев», и передал Федор.

Диалог в сочинении Федора имеет некоторые формальные признаки, приближающие произведение к драматическому жанру. Речи действующих лиц в «Прении» отделяются от автора словами: «митрополит вопроси», «отвеща дьякон» и сопровождаются как

---

[41] «Древнерусские сказания о птицах. Сообщение Хрисанфа Лопарева».— «Памятники древней письменности», CXVI. СПб., 1896, стр. 7, 16.

бы особыми ремарками. «Митрополит рече: Како ты крестишься рукою и персты слагаеши?— Диякон же (тут следует в виде ремарки описание ритуального жеста), сложа персты руки своея три, палец со двема последними вкупе, два же, указательный и великосредний, совокупив и един пригнув, рече: Сице аз слагаю персты и знаменую лице свое, крестяся». Затем жесты становятся экспрессивными, что также указывается в диалоге: «Митрополит же, ударив по бедре своей, рек: У, пропал Христос,— несть его!— Противу же сего его богоборства диякон укори его сице: Зле, отче, глаголеши! Беснуешися!..» Концовка «Прения» напоминает, пожалуй, комическую интермедию. Спор коснулся имени церковного писателя древности Дамаскина. «Отвеща митрополит: Есть имя ему,— потом скажу. — И велел принести книгу. И брат ему подал книгу письменную в полдесть, по их греческому языку, и он долго искал, и всю книгу ту от начала и до последнего листа перебрал, а имени тому Дамаскину не нашел. И стало ему стыдно. Рек: Дияконе, опять поищу; а топерва очи болят. Поиди, дияконе!— и велел его стражем взять. И тако конец совершися прению их» [42].

Добавим, что не один только Федор приближал свои сочинения к драматическому жанру. Другой расколоучитель, инок Авраамий, в 1670 г. тоже написал сочинение на ту же тему — о своем «прении» с «властями» в Чудовом монастыре — и в такой же диалогической форме с ремарками. Некоторые из ремарок не уступают федоровским по выразительности и пластичности. «И власти,— вставляет Авраамий замечание в диалог действующих лиц,— просвиру соловецкую, вынятую, передвигая по столу, ругаяся, говорили мне: «Такие вы враги, еретишки худыя, что соловецкия старцы ...» [43]

Приведенные нами примеры показывают, насколько сильна была социальная активность элементов драматургической формы в русской литературе и письменности XVII в., в том числе в светской сатире и в религиозной полемике. Появлению русского театра в 1670-х годах непосредственно предшествовал период овладения драматургическими элементами в демократической среде, которая использовала их преимущественно в качестве

---

[42] «Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. Субботина», т. 6. М., 1881, стр. 51, 57, 59.

[43] «Материалы для истории раскола...», т. 7, 1885, стр. 406. В начале 1670-х годов было написано еще одно старообрядческое прение в диалогической форме. См.: Н. С. Сарафанова. «Прение верного инока с отступником». (Из истории старообрядческой литературы XVII в.). -«Труды Отдела древнерусской литературы», т. 17. М.— Л., 1961, стр. 287—289.

литературного средства борьбы с церковными и светскими феодалами.

Первые пьесы русского театра стали обслуживать идеологические и художественные потребности феодальных верхов так же целенаправленно, как драматургические элементы в литературе использовались в интересах демократических слоев. Можно сказать, что своеобразие переходного периода от средневековья к новому времени в России обусловило особые возможности появления театра в той социальной среде, которая ощущала потребность в его введении и имела материальные и духовные средства для этого. Появление театра и драматургии в России связано с формированием феодальной придворной культуры при царе Алексее Михайловиче.

Конечно, понятия «феодальная придворная среда» и «феодальная придворная культура» применительно к изучению истории театра и драматургии требуют определенной исторической конкретизации. Пока еще остается недостаточно изученной проблема формирования духовной придворной культуры в царствование Алексея Михайловича, неотъемлемой составной частью которой стал театр. В пределах данной статьи представляется возможным остановиться на этом вопросе лишь в общей форме.

Обращает на себя внимание исключительная интенсивность, так сказать, фундаментальность попыток многих современников отразить царствование Алексея Михайловича в произведениях культуры. О больших и малых событиях этого времени повествуется в многочисленных речах и «орациях», стихах и стихотворных «приветствах», предисловиях и послесловиях к различным рукописным сочинениям и печатным книгам. Активность этого литературного явления необычна, но еще показательнее то, что особенно внимательно и разносторонне разрабатывается вопрос о месте «великого государя» Алексея Михайловича в отечественной и мировой истории. Составляются книги о царском родословии (например, «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей...» Лаврентия Хурелича), книги по русской истории как истории династической («История о царях и великих князьях земли русской» Федора Грибоедова), по русской и украинской истории («Синопсис» Иннокентия Гизеля), по мировой истории («Хрисмологион» Николая Спафария). В сочинениях этого типа наибольшее внимание уделяется современному царствованию.

При царе Алексее Михайловиче не только возрастает пышность разнообразных празднеств, обрядов, придворных приемов и церемоний, но резко увеличивается количество специальных руковод-

ств («Чинов») для всего этого, нередко роскошно иллюстрированных. Составляют «Книгу о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия» Михаила Федоровича (отца Алексея Михайловича). Подготовляют книги по титулатуре: знаменитый «Титулярник» с портретами, переводное «Изложение титулов по изъяснению чертогоправителя Кодина» [44].

Наблюдается стремление превратить в факт культуры даже «потехи» царя. Многие цари, князья, дворяне увлекались соколиной охотой, и удивительно здесь не то, что царь Алексей Михайлович отдавал обильную дань этому занятию, а то, что он сам участвовал в составлении специальной книги —«Урядник сокольничья пути»— и, кроме того, поручил перевести с иностранных языков книги на тот же предмет. Царю была преподнесена, например, переведенная с немецкого «Книга о псовой охоте», а в 1670 г. перевели связанную с охотой «Книгу лошадиного учения» [45].

Даже столь интимное дело, как лечение царя, ведет к последствиям более широкого значения. Учреждается Аптекарский приказ; врачи, служащие в нем, занимаются и литературной деятельностью. Составляются новые лечебники и пособия по медицине, гораздо более полные, чем раньше. В 1670 г. переводится с латинского сочинение Альберта Великого «О силах трав» и пр. [46]

Приведенные сведения, которые можно умножить, свидетельствуют, как нам думается, о том, что при дворе формировалась широкая и многосторонняя культура. Социальная основа этой культуры была достаточно широка, ибо центрами ее служили Посольский приказ, Оружейная палата, Аптекарский приказ, Печатный двор с разнообразным составом служащих в них специалистов. Многие представители народа участвовали в сложном процессе этого культурного развития. Но нельзя забывать определяющие слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила» [47].

Нельзя не отметить также, что при дворе XVII в. в качестве очень тонкой общественной прослойки возникла русская интел-

---

[44] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 382.
[45] Там же, стр. 111—114.
[46] Там же, стр. 157.
[47] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45.

лигенция [48]. Как явление еще формирующееся, придворная культура XVII в. была относительно восприимчива к разным формам и веяниям и к плодам деятельности разных людей, могущих сослужить ей службу. Поэтому именно при дворе испытывают новые для России литературные жанры — стихотворство, драматургию, «барочное» красноречие. Здесь же получает развитие и новая манера иконописания: «...икона новая светло и румяно, тенно и живоподобне воображается» [49]. Играют большую роль отдельные талантливые личности — Артемон Матвеев, Симеон Полоцкий, Симон Ушаков и некоторые другие: их судьбу мы можем проследить теперь сравнительно подробно (знание же жизни деятелей русской культуры XV—XVI вв. составляет, к сожалению, редкое и ценное исключение).

Недостаточная исследованность русской придворной культуры XVII в. (несмотря на большое количество накопленных, но разрозненных фактов) заставляет нас оставить в стороне вопрос о взаимоотношениях придворной культуры с фольклором, так как этот вопрос требует специального изучения. Д. С. Лихачев выдвинул предположение о том, что театр в России возник в результате «отступления» фольклора: «Литература существовала параллельно фольклорным жанрам... Сказочники и скоморохи восполняли недостаточное развитие некоторых жанров в литературе...» [50] «В самом деле, почему до XVII века у нас не было регулярного театра?.. «Театральность» была «разлита» во многих фольклорных жанрах... Новые жанры появляются в XVII в. в результате вакуума, созданного отступлением фольклора. Конечно, причины появления новых жанров не только в этом, они многообразны. Однако отступление фольклора должно быть принято во внимание...» [51]. По той же причине именно при царском дворе и в палатах бояр Милославских начинает заводиться театр...» [52]

Объяснения причин возникновения русского театра в данном случае не противоречат друг другу и даже идут друг другу

---

[48] Этот вопрос уже поставлен в советской науке. Мысль о возникновении русской интеллигенции в XVII в. была высказана, например, в статье Л. К. Ермана «Интеллигенция в России и в СССР» («Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 114) и получила развитие в кн.: «Краткий очерк истории русской культуры» (Л., 1967, стр. 143, 145, 146, гл. «XVII век», автор главы А. И. Копанев).

[49] См.: Е. С. Овчинникова. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве.— В сб.: «Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 52.

[50] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 65—67.

[51] Там же, стр. 64.

[52] Там же, стр. 66.

навстречу: формирование придворной культуры XVII в. совпадает по времени с отступлением фольклора. Возникновение русского театра и драматургии было результатом сложного процесса, все стороны которого мы, возможно, еще не знаем. Сейчас мы выделяем лишь одно обстоятельство, до сих пор отмеченное все-таки недостаточно: появление начальной русской драматургии 1670-х годов было обусловлено формированием придворной культуры в России XVII в.

Конечно, придворный театр был «потехой». Но тут уместно вспомнить замечание, сделанное И. Е. Забелиным по поводу «потешных книг», которые художники XVII в. готовили для царевичей. «Под словом «потешный»,— замечает исследователь,— в этом случае не должно разуметь того только, что забавляло, увеселяло. Этим именем обозначали нередко и те предметы, которые не принадлежали к главному, то есть церковному, направлению древнего образования и попросту служили светск м, мирским целям» [53].

В том, что театр 1670-х годов был не только развлечением, убедиться нетрудно. На спектакли созывались в обязательном порядке все бояре и придворные, за которыми даже посылали гонцов [54].

И сами пьесы, с которыми знакомились зрители, были далеко не потешными. Но об этом скажем ниже.

Отметим любопытную черту — свидетельство четкой социальной предназначенности нового зрелища. Когда в 1672 г. полковник Николай фон Стаден по царскому поручению искал за границей актеров, то согласившиеся выехать в Россию комедианты поставили условие: «А за всякую б игру или окомедию, что перед великим государем учнут творить, давать по 50 руб. всем вобче. Да им же б волно было перед всякими людми за денги играть». Об этом писал фон Стаден из Риги в Посольский приказ. Очевидно, последнее условие комедиантов — «перед всякими людми за денги играть»— было отвергнуто, потому что ни в каких последующих документах оно не упоминается, хотя о других условиях найма постоянно говорится. Лишь музыкантам было разрешено свободно играть перед немецким обществом в Немецкой слободе [55]. Каков бы ни был повод для запрета, но придворный характер русского театра строго соблюдался.

---

[53] И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI–XVII ст., ч. 2, Изд. 3. М., 1915, стр. 173.

[54] Алексей Веселовский. Указ. соч., стр. 319—320.

[55] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 3, 19.

Общие черты драматургии 1670-х годов

Теперь обратимся к самим дошедшим до нас пьесам русского придворного театра 1670-х годов. Обычно исследователи предпочитают изучать каждую пьесу в отдельности. Между тем рассмотрение их как единой группы произведений позволяет точнее оценить место начальной русской драматургии в литературе XVII в. Первые пьесы русского театра — уникальная группа памятников, в которых получил отражение комплекс идей придворной среды 1670-х годов. Придворные взгляды и представления отразились еще в сочинениях Симеона Полоцкого.

Пьесы 1670-х годов объединяет представление авторов о том, как должны развиваться события в драматическом произведении. Правда, авторы драм специально не писали об этом. Но, если сравнить содержание дошедших пьес, то можно заметить, что начало и конец почти у всех из них одинаковы. Пьесы начинаются и кончаются монологами о благоденствии и радости. Радуется Артаксеркс в «Артаксерксовом действе» («Сы ныне аз бо сам в радостех пребываю» — л. 3 [56]); радуется Адам в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» («О, како усердно возрадуюся, како возвеселюся о бозе моем... Идеже бо очеса моя вождену, тамо возрадуется весма сердце мое» — стр. 1354—1355); радуется отец блудного сына в «Комидии притчи о блуднем сыне» («Даде богатства господь мой предрагий...» — л. 602).

Но дело не только в обязательной счастливой концовке. Авторы изображают не столько благоденствие персонажей, пусть даже самых значительных, сколько устроенность мира в целом, гармонию мира, нарушаемую назревающим конфликтом, но непременно вновь восстанавливаемую. Радуются или возвращаются к благоденствию целые народы и громадные царства, вся земля, природа и вселенная. Поэтому во вступительных монологах персонажи рисуют картину мирового благополучия. Библия является основным источником пьес, но подобные монологи в ней, разумеется, отсутствуют. Они сочинены драматургами 1670-х годов. Артаксеркс призывает жить в веселии все свои народы: «Прех-

[56] При цитировании отрывков из пьес в скобках указываются листы или страницы по следующим рукописям: «Артаксерксово действо» — ГБЛ, ф. 354, № 208; «Иудифь»— БАН, 31.6.2; «Темир-Аксаково действо» — ГБЛ, ф. 92, № 67 (Муз. 5946); «Малая прохладная комедия об Иосифе» и «Жалобная комедия об Адаме и Еве»— сборник Ad. 10 из собрания гимназии шведского города Вестерос; «Комидия притчи о блуднем сыне» и «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных»— ГИМ, Синодальное собрание, № 287.

вальный народ персов и медов, возрадуйтес» (л. 3). Подданные Артаксеркса перечисляют страны, на которые распространяется благополучие под властью этого персидского владыки:

О можнейший монарх, его же скифетр достизает
даже до Аравии и муринов обладает!
Твои бо силы, вем, индиане трепещут,
и аще они злато, яко же прах, там мещут...
...ты правиши сто тридесять странами (л. 3).

В «Иудифи» уже сам Навуходоносор перечисляет богатства подчиненных ему стран, упоминая тех же «индиан»: «Како великодушие мое сие объяти может! Быстрая река Тигр киванием руки моей точию установитися должна... и самая Адосон река, богатством исполненная, в ней же черныя индиане купаются, принуждена ми дань от своего золотого песку подавати» (л. 3 об.). Навуходоносор в пьесе Симеона Полоцкого начинает свою вступительную речь в том же духе: «Видите крепость десницы моея: вся побежденни суть страны от нея» (л. 618) и т. д.

Благополучное царство в «Артаксерксовом действе» напоминает цветущий сад, «вертоград». Артаксеркс развивает этот образ:

Весте сами все. Стоит в моем вертограде,
мало не посреди, доброзрачные масличные древа...
Ныне же стоит то изрядное древо в достоинстве сугубом,
издает не токмо изобилно себя масло, но и во красе
своей пребывает,
зеленяется кругом и беспрестанно,
и стоит не едино, и украшает все оное место (л. 20).

И подданные царя сразу поясняют: «Да сей красной образ — царская будет трава!», «Ей, велие масличное древо — ты еси...» (л. 20—20 об.).

Благополучие, перенесенное на природу, встречаем и в «Жалобной комедии об Адаме и Еве», где Змей описывает рай: «Имянно ж видите и слышите лепотных струев шумы, видите и слышите красных птиц пение, имеете такьже прохлаждение ваше и радость в зверях и рыбь в водах; возможно вам утешитеся в прекрасных злаках, и древесах, и в различных цветах. Аз днесь по утрии, — продолжает Змей, — зело рано пред солнечным въсходом стояще, не возмогл до воли утешитеся изь умилного пения птиц во вертограде, очеса мои удоволны бяху в прекрасных овощах на древесех. По сем, егда пресветло сияющее солнце мало росу о трав осуши, пошел есмь ни что прогулятися и обретох различные красовитые овощи» (стр. 1362).

Этот редкостный пейзаж, с движущимся солнцем и высыхающей росой рисует не только благоденствие в раю, но благоденствие всего мира. В этом убеждает пример из другой пьесы. Блудный сын в «Комидии притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого вернулся домой к отцу после перенесенных побоев и голода. И весь мир для него приобретает утраченную благоустроенность и гармонию. Он восклицает:

Горе прекрасно светила сияют,
землю пространну плоды украшают;
Рибами море зело исполнися,
воздух птицами красно удобрися! (л. 615).

Тема благоденствия, нарушения и восстановления мировой гармонии является важнейшей темой первых пьес русского театра.

Авторы пьес 1670-х годов, проповедуя всеобщее, мировое, вселенское благоденствие, не скрывают социального смысла таких идей и представлений. Это благоденствие и гармония как бы символизируют придворный мир царя Алексея Михайловича. Авторы первых пьес, внимательно учитывавшие реакцию царя и его двора на театральные постановки, разделяли, конечно, и господствующее представление этой высшей феодальной среды.

В пьесах в основе гармонии мирового порядка мыслится забота царя о подданных. Не только подданные верно служат царю, но и царь заботится о подданных. Это новое представление, которое не выражалось так ярко в русской литературе, как оно выразилось в драматургии и поэзии 1670-х годов.

Артаксеркс говорит: «...и нам, царем, достоит сотворяти, всех подданных своих в щедротах призирать» (л. 3 об.). Примечательно, что правитель говорит здесь от имени всех царей,—«нам, царем». В другой раз он признается, имея в виду своих подданных: «Мя же мое великое стадо во дни же и в нощи сокрушает...» (л. 49 об.). И действительно, заботы о подданных «сокрушают» Артаксеркса даже по ночам. Страдая бессонницей, он просматривает «царственные книги», проверяя, чтобы все подданные получили награды за благодеяния, оказанные царю. «Хощу, аще сна не имам,— поясняет Артаксеркс,— время туне не испустити, зане сплю и бодрствую в корысть моих подданных» (л. 58). Есфирь, ставшая царицей, высказывается еще решительней. Один из придворных передает ее слова: «...и в своем шествии сказати велела, яко и самой свой живот за тя и всех не хощет щадити» [57].

---

[57] Рукопись Лионской публичной библиотеки, № 1346, л. 104 об.— Цит. по изд.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 234.

Если бы подобное изображение царя встречалось только в «Артаксерксовом действе», то его можно было бы рассматривать как единичное явление. Однако и в «Темир-Аксаковом действе» кесарь Темир-Аксак рисуется сходными чертами, хотя и менее прямолинейно. Узнав о поражении своего союзника кесаря Палеолога, Темир-Аксак прежде всего беспокоится о подданных: «Я не токмо печален о своем брате и союзнике Палеологе, но и паче простых невинных душ, которые побиты от того варварского Байцета» (л. 4 об.).

В пьесе «Иудифь» один из подданных Навуходоносора произносит перед царем монолог о том, что цари должны заботиться о подданных. «Всемилостивейший царь-государь! — начинает он. — Изобретаются два столпа, ими же не точию каждо царство, но и вся вселенная утверждена есть и содержится. То есть правда и милосердие ... похотящему же выпу праведным быти, царство скоро изпустошеет и подданных лишится ... убо милосердие содержит весь мир во изобилии...» (л. 18—18 об.).

У Симеона Полоцкого есть несколько стихотворений, посвященных рассматриваемой теме. Одно выразительно названо «Любовь к подданным». Подобно Есфири из «Артаксерксова действа», царь в стихотворении Полоцкого способен положить жизнь за своих подданных. «Оле любви царския! — восклицает придворный поэт Полоцкий. — Сам хощет умрети, аки отец и мати за лы́бая дети». В другом стихотворении, названном «Началник», Симеон Полоцкий предлагает правителям: «Тако началник должен есть творити, бремя подданных крепостно носити». Наконец, еще в одном стихотворении разбирается разница между царем и тираном:

Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати,
    Аристотеля книги потщися читати.
Он разнствие обою сие полагает:
    царь подданным прибытков ищет и желает,
Тиран паки прижитий всяко ищет себе,
    о гражданстей ни мало печален потребе [58].

Конечно, ссылка на Аристотеля в последнем стихотворении Полоцкого не означает, что пересказывается только мысль античного мудреца. В те же годы, к которым относятся стихотворения Полоцкого и первые драмы русского театра, большое рассуждение

---

[58] Симеон Полоцкий. Избр. соч. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. — «Литературные памятники». М. — Л., 1953, стр. 18, 11, 15—16.

о том, «како бог нечестивых царей и тиранов наказует и смиряет», было включено и в «Хрисомологион» Николая Спафария [59].

Иоганн-Готфрид Грегори и его помощники, сочинившие «Артаксерксово действо», очевидно, разделяли представления московского двора о том, каким должен быть царь, когда в пьесе вывели царя, постоянно заботящегося о подданных. Совпадают даже такие нюансы: Артаксеркс сравнивает себя с солнцем, равно освещающим всех подданных:

> ...и яко же звезд всех князь то солнце есть златое,
> всем луча дарует, всем дает равное,
> тако и нам, царем, достоит сотворяти... (л. 3 об.)

И точно такое же, равно освещающее всех солнце, переходит в пьесу Симеона Полоцкого «О Навходоносоре царе», правда, в качестве сравнения с царем Алексеем Михайловичем.

> Благовернейший, пресветлейший царю...
> всем православным яко солнце данный,
> Да нам светиши ясне добротами,
> яко же солнце светлыми лучами! (л. 617)

Такова картина социальной гармонии в первых русских пьесах, призванная идеализировать развивающийся самодержавный абсолютизм.

Придворная ориентация пьес выражается не только в идеях, высказываемых авторами и персонажами, но и в изобразительных элементах. Материальный фон, на котором развертываются основные события пьес, пышен и богат. Например, в «Артаксерксовом действе» постоянно упоминаются чистое серебро и золото и дорогие каменья, не соответствующие библейской легенде. Полководец Артаксеркса Аман обещает: «...Ручаюсь тма талантов чистого сребра отдати и вручити абие казенным и приказным» (л. 40). Артаксеркс вспоминает, какими подарками он одарил людей: послу —«двесте перских коней со збруими и толико же сабель со многими камением и з драгоценными вещими ... Ему же прибавлено драги лук со стрелами» (л. 58 об.), врачу—«свой перстень возложих цены зело безценной. Еще же азь даровах ему златую гривну со образом своим и чепь зело дивну» (л. 59) и т. п.

Материальным богатством своего антуража «Артаксерксово действо» не выделяется среди остальных пьес, в которых богатства и золото тоже постоянно на виду. Например, Навуходоносор чрезвычайно богат и в «Иудифи», и в пьесе «О Навходоносоре

---

[59] Рукопись ГПБ, Эрмитажное собрание, № 27, л. 195 и сл.

царе, о теле злате». Если в Библии сказано, что Навуходоносор велел сделать «тело злато», то в пьесе Симеона Полоцкого этот царь распоряжается сделать «тело» именно из чистого золота и в таком количестве, какое потребуется: «Слыши, козначей! Се велим мы тебе: даждь чиста злата, елико есть требе» (л. 618).

Страны, соседние с теми, что изображаются в пьесах, по словам персонажей, также богаты золотом и каменьями. В «Иудифи» обсуждают богатства Иерусалима, в «Темир-Аксаковом действе» — каменья Турецкого государства. Даже рай выступает в сопоставлении с палатой, украшенной драгоценными камнями. В «Жалобной комедии об Адаме и Еве» Адам сожалеет о таком потерянном рае: «Просветлые драгоценные камение, аспид и яхант сиянию полаты моея уступали, ныне же и то от мене отъиде» (стр. 1372).

Особенно показательно внимание авторов всех драм 1670-х годов к одежде персонажей. Хорошая, ценная одежда — важный признак гармоничного мироустройства. Как только Мардохей в «Артаксерксовом действе» раздирает свои «ризы», то царица Есфирь присылает ему новую одежду. Когда блудный сын в «Комидии притчи о блуднем сыне» с позором возвращается домой, то он стыдится плохой одежды. Симеон Полоцкий специально отмечает подобное чувство у персонажа: «...встыдится люте худыми ризами» (л. 613). Подобная деталь отсутствует в евангельской притче о блудном сыне.

Обычной нормой является богатая одежда. В богатых одеждах появляется Иудифь. Красивую ризу дарит отец Иосифу. И даже во сне царя окружают люди в золоте и в шелках. «А видел во сне я то,— рассказывает сон Темир-Аксак,— будто многие честные храбрые люди ... стали при моей правой руке; после сего пришли жь таковы дородные и честные люди и в таких платиах, что прежние в золоте были, так же последние в шолковом платье были...» (л. 2).

Внимание к одежде в пьесах 1670-х годов явно подсказано не столько библейскими сюжетами или стилем западноевропейских «английских комедий», сколько русским придворным обиходом. Симеон Полоцкий, например, посвятил одно из своих стихотворений («Риза») значению «красных риз» при царском дворе. Рассказав о том, как скромно одетого человека приняли при дворе лишь после того, как он надел богатые одежды, поэт восклицает: «Оле суетства суетств! Доброта не зрится, красная риза паче человека чтится» [60].

---

[60] Симеон Полоцкий. Избр. соч., стр. 21.

С придворным укладом, по-видимому, связано и обилие «прохлаждающихся» персонажей в пьесах, частые картины пиров и трапез, уходы персонажей «почивати». В Библии все это не изображается столь подробно.

Полководец Артаксеркса Аман собирается к царю на пир:

...мя ныне царь к столу приити велел...
И тако у него в вине аз все забуду:
ярость, гнев и печаль,— дондеже там пребуду... (л. 44 об.)

Сходное желание выражает и Блудный сын: «Желаю погуляти, тем быти блаженный» (л. 606). «Еще на печаль, кто врачество знает?»— спрашивает Блудный сын. И ему отвечает слуга: «Утехою печаль обычно лечити, сладкоигрателем вели приходити» (л. 608—608 об.). Навуходоносор в пьесе Симеона Полоцкого тем же способом хочет отвлечься от печалей, приказывая слугам: «Вы днесь печалей нам не поминайте, о мусикии сладцей промышляйте» (л. 618 об.). Так три персонажа из разных пьес по-одинаковому лечат «печаль».

В пьесах нередки музыка, пение и «плясание». Артаксеркс провозглашает: «Ныне же трубы и тимпаны возглашают ... Радуйтеся, убо с пением и плясанием весь нынешний день со всяким веселием!» [61] Полководца Олоферна в «Иудифи» встречают музыкой и пением, «со вербами, со венцы и со свещами, воспевающе и веселящеся в тимпанах и в свирелех» (л. 30 об.) [62].

Упоминания о «прохлаждении» героев переходят из пьесы в пьесу, обрастая различными, но не очень разнообразными подробностями. Если в «Артаксерксовом действе» «...се убо царь сидит в златом престоле при ветре прохлажденном» (л. 48 об.), то в «Иудифи» поясняется, что́ такое царская «прохлада»: «...да останешися в дому, да яси, да пиеши, опочиваеши и свой царский прохлад употребляеши» (л. 9). Так же проводит время Пентефрия, вельможа фараона, в «Малой прохладной комедии об Иосифе»: «Ни о чемь печален есм,— констатирует он,— точию да богомь моим служю, и ям и пию хлеб и вино мое, а остальное возлагаю на попечение Иосифово» (стр. 1451). Тем же занят Блуд-

---

[61] Рукопись Лионской публичной библиотеки, № 1346, л. 173 об.— Цит. по изд.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 290.

[62] Примечательно, что как раз во время создания «Иудифи», начиная с 1668 г., в России стали особенно пышно украшать «нарядную вербу» во время празднеств. При дворе вербу обшивали даже «бархатом кизылбашским». В украшении вербы помогала Немецкая слобода.— И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. Изд. 3. М., 1895, стр. 409—411, 719.

ный сын в «Комидии притчи о блуднем сыне», приглашающий: «Общая днес нам радость, вином прохладимся» (л. 60 об.). И, подобно же, Адам «прохлаждается» в раю, предлагая Еве: «Ныне со мною, да любовию время во вертограде упразним» (стр. 159). Нескончаемая вереница «прохладств», пиров и веселий тянется через все пьесы.

Таковы идеализированные представления московского двора о гармонично устроенном мире, отразившиеся в первых пьесах придворного театра царя Алексея Михайловича.

«Прохладство», богатство одежд, щедрая заботливость царя входили в «светлую» сторону придворного идеала, отразившегося в пьесах. Но в придворных представлениях о мире была и «темная» сторона. Гармонично устроенный мир в изображении тех же пьес оказывается окруженным грозной и страшной стихией.

В «Артаксерксовом действе» довольны жизнью Артаксеркс и его придворные, а над целым народом нависла опасность уничтожения. Полководец Артаксеркса Аман, имеющий тайные планы, угрожает: «Тогда бо моя слава наипаче разширится ...мщу единаго ради жида гордости, за него же падут толикие тысящи!» (л. 44 об.) Сходная контрастная картина в «Иудифи». Навуходоносор перечисляет всех, кто, как он говорит, «себе быти вменяет счастием в поданстве у мене пребывати» (л. 3 об.), но уже подвергаются уничтожению многие народы. Во дворце «прохладство», а вне царского дворца «отрочата и младенцы возопиют день и нощь от жажды», и служанка Иудифи видит, «яко матер едина младенца своего в третем году от рождения положив в кладяз единой, да токмо прилепающие капли ото дна полижет и утруждущий иссохлы язычек свой тем хотя мало овлаждит» (л. 79 об.). Эти трогательные детали отсутствуют в Библии.

Авторы пьес 1670-х годов, правда, не резко выделяют подобные контрасты и не вкладывают в них социального смысла. Они лишь исходят из представления о том, что с благополучием и миром соседствуют несчастия и войны. Многие монологи в пьесах, почти ни в чем не восходящие к Библии, посвящены указанной теме.

Даже за райской жизнью проглядывает грандиозная борьба ангелов с богом. В начале «Жалобной комедии об Адаме и Еве» ко «счастливому» Адаму, гуляющему в райском «вертограде», спускается ангел Уриил, сообщая о разыгравшихся событиях: «Адаме, радуйся!.. Вечно же все с тобою да радуемся и возвеселимся. Но слыши же, брате мой Адаме ...ибо Велиал и Луципер со иными многими ангели гордости их ради из неба низ свержены: тем же стрежися яко Велиал тя к падению не приведет ...» И Адам

поражается: «Ох! Ужели сие на сем свете содеяся?» (стр. 1357—1358). Цари также не могут быть спокойны, хотя бы потому, что их окружают измена и покушения. В «Темир-Аксаковом действе» ловят одного такого убийцу, в «Артаксерксовом действе» — двух убийц. И Мардохей, тесть Артаксеркса, горестно размышляет:

О государи, государи!
Како удобно, ох, како удобно изменою проданы есте!
Како же паки вы сице явственно пребываете
днем в печали и в страху, нощию же множае в опастве.
Егда царствия вашего утомленые овцы,
мир ложится к безопасному почиванию,
тогда вам не верити ни в коем бо спании,
зане тогда наступает вящши измена, яд и убойство,
бодрствует паки страх, печаль округ златаго одра вашего,
злохитрость же и самая смерть (л. 26).

О том же говорит и сам Артаксеркс после разоблачения убийц:

Что ми спомогает? Ниже слава, ниже честь,
ниже венец, ниже скифетр и никаково же богатство...
Пастырь при своем стаде
неотходно пребывает,
во дни же и в нощи безпечален ся являет.
Мя же мое великое стадо
во дни же и в нощи сокрушает,
и самая смерть мя унывает.
О семь же, что есть мое житие,
точию бесконечное печалие...
не лутче есть бедного подданна (л. 49 об.)

Переход от счастья к несчастью в «Артаксерксовом действе» и в других пьесах очень резок. Достаточно случайного нарушения, чтобы гармония сразу превратилась в дисгармонию. Из-за неправильно понятых слов рушатся устои придворного благополучия, которые представляются даже крушением общего миропорядка. Например, в «Артаксерксовом действе» царь скучает по царице Астинь, которую не видел семь дней, и посылает за ней: «...зане ми сердце тужит ...да идет же ко мне, в венце своем убравшись и в прочих утварех, сама ся украсивши, да вси вельможи, лепоту ея взирая, яко краснейшу всех, всех жен избраннейшая» (л. 3 об.—4). Но Астинь, когда ей передают слова Артаксеркса, истолковывает их по-иному, как унизительное предложение. В Библии гнев Астинь объяснен; но в пьесе, если исходить из ее текста, ничего унижающего Астинь в речи

царя нет: он просто соскучился по царице[63]. «Чего же царь от мя желает сотворити,— спрашивает Астинь,— и хощет мя весма народом посрамити? Да яз откроюся беседам оных пияных князей толиких стран? О, хотение безумных!» Подданные убеждают Астинь, что царь хочет другого: «Желает убо царь, да придеши прекрасна, да купно весь народ себе в си увещают, подобную тебе нигде же обретают». Но Астинь настаивает на своем понимании слов царя: «Слышу аз, добре слышу, како есть ваше хотение, еже народом всем представить ми в посмеяние». «Какая сия мысль!»— пугаются придворные и снова разъясняют царице мысли царя: «Но мысли его советуют, да вси князи, вси купно тя почитают. Того ради глаголю же еще, да придеши в венце и в лутчших утварех». Однако Астинь остается при своем мнении: «Се оттого явленно, како есть превращенно царево сердце есть, пиянством исполненно, и хочет мя и ся видети в поношении» (л. 5 об.—6). Так в пьесе начинается конфликт, приведший к низвержению Астинь.

С неверно понятых слов начинается конфликт и в «Комидии притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого. Это нечто новое сравнительно с евангельской притчей. Отец наставляет обоих своих сыновей, как надо жить: «Мир, смирение, кротость сохраняйте», «мудрость стяжите», «с честными людми дружество держите», «бежите всех злых» и т. п. (л. 602 об.)

Младший сын вслед за старшим отвечает отцу: «Мудрость словес ти любезно прияхом, в скрижалех сердец наших написахом». Но в «скрижали сердца» младшего сына отразилось несколько не то, что сказал отец. «Поучаеши нас благо пожити,— передает смысл речи отца младший сын,— и славу рода нашего множити ...» (л. 603 об.) О славе рода отец ничего не говорил. Однако, «славу рода», якобы упомянутую отцом, младший сын использует в качестве предлога, чтобы отправиться в «чуждые страны»: «От мене дому разширится слава, и радость примет отчая ти глава» (л. 603 об.). Результат путешествия Блудного сына известен. Неточно понятая речь послужила толчком к несчастьям.

Непонимание или намеренно неверное истолкование чужих слов в пьесах обычно для отрицательных персонажей. На этом

---

[63] Эту черту Артаксеркса в пьесе отмечал А. А. Мазон. По его словам, Грегори у Артаксеркса «смягчает тени, которые библия бросает на его облик. Так, например, Артаксеркс, представленный пастором Грегори, не похож на библейского пьяницу, который на седьмой день пира цинично приглашает королеву Васти открыть свою красоту перед всеми гостями; этот деспот неожиданно сентиментален и нежно влюблен».— А. А. Мазон. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори.— ТОДРЛ, т. XIV .М.—Л., 1958, стр. 358.

построена, например, «Жалобная комедия об Адаме и Еве», где Змей перетолковывает Еве запрет бога («И то, мню я, яко не истинна вразумела еси»— стр. 1367) и искушает ее попробовать запретный плод.

Представление о неустойчивости счастья, о быстрой переменчивости жизни, о значении небольшого толчка, чтобы перевернуть все в судьбе отдельных людей и народов,— вот «минорная» сторона взглядов московского двора 1670-х годов, которая отразилась во всех дошедших до нас пьесах того времени. В «Артаксерксовом действе» и автор и его герои одинаково рассуждают о «непостоянном счастии». Первый после Артаксеркса вельможа Аман так говорит, стоя теперь под виселицей:

О дерзость, дерзость моя
со проклятым счастием,
как упадаю твоим лицемерием!...
Яз того ради высоко возшел,
дабы паче паки низвержен был...
Счастие убо токмо есть жития сокращение:
его же возвысит, того приведет в бедное низспадение...
Непостоянное счастие уже лежит... (л. 71 об.— 73).

Об «изменном счастье» размышляют и другие персонажи. Артаксеркс даже особо велит придворным думать об изменчивости «счастья» на примере судьбы царицы Астинь. «Вспять подумайте,— советует царь,— что заповедь мою так же разрушила, притом свое сщастие» (л. 11). Сам Грегори в предисловии к пьесе тоже обращает внимание царя на эту основную мысль «Артаксерксова действа»: «Сице пременяется счастие не без божия смотрения: бог ...счастье вспять возвращает ...Но зри, коль чюдно и пречюдно превращает великий бог советы человеком» (л. 2 об.). (Примечательно, что слово «счастье», а также производные от него «бессчастие», «несчастие» употребляются в пьесе преимущественно в смысле «повышение по службе», «приближение к царю», или наоборот —«опала», «изгнание» и т. п. Ср. речи Амана: «И счастие мое есть высоко ...»— л. 44; «О сщастие!.. царь мя хощет чтити»— л. 60 об.)

В «Иудифи» та же идея выражается теми же способами. Царя предупреждают в предисловии: «Зри, великий царю, зде ти, ей, изъяснится в комедии сие, объявляя, како бог наш чюдесно ...пременяет печаль зелную в счастие» (л. 1 об.). Опальный вельможа в пьесе также проклинает «предателное счастие»: «Ныне же аз зде вишу, непостоянства изображение и прелестнаго колебимаго

счастия свидетельство. О проклятое и предателное счастие!..» (л. 57).

Но в «Иудифи» тема «пременного счастия» получает дальнейшее развитие. Во-первых, о счастье говорят не только после событий, но и до них. Героям уже предсказывают перемены в счастье. Например, о судьбе полководца Навуходоносора уже знают заранее: «Мучител Олоферн! Пременное счастие и ти вскоре лютое явит падение» (л. 65 об.). Во-вторых, хорошее и плохое сплетаются в один клубок, счастье и пагуба составляют разные стороны одной медали. Так утверждает, например, вельможа Гофониил: «Ибо тройственные лукавцы обыкоша злой хитрости своя между лучшие вещи сокрывати, имянно же тайно — убийца сокрывает смертоносный яд свой в пресладчайшем вине, прелестной друг сокрывает прелестное сердце свое в глубоцем смирении, предател же сокрывает лукавые советы и намерения свои в верности во истинне» (л. 67). В сущности о том же думает и Иудифь: «Ничтоже человеку несть обычнейшаго, яко болезнь. Жизнь наша ничем иным есть, токмо опасением, смерть такожде всегдашним страхом нам является. Обаче ничтоже нам благополучнейшаго быти может, яко точию добрая кончина смерти» (л. 78).

В «Жалобной комедии об Адаме и Еве» мысль о сочетании счастья и несчастья в жизни развивается в продисловии к пьесе. «Человеческое житие...—пишет автор,— во оном такожде все прохлаждение и радость взыскуем, но обретаем скорбь и беду. Ей, взыскуем в нем меру, но что же обретаем? Несмирение и бран. Взыскуем посмешение, но обретаем плачь и рыдание. Взыскуем в нем здравие, но обретаем болезнь и недуг» (стр. 1353).

То, что идея о «счастье — несчастье» занимала придворные круги, свидетельствует, например, стихотворение Симеона Полоцкого «Щастию не верити». Здесь выступает иной исторический персонаж, чем в пьесах,— мудрец Солон, который внушает лидийскому царю Крезу:

Да во щастии си не уповает,
непостоянство того помышляет,
яко обыче оно не стояти,
люди прелщати.

В конце стихотворения Симеон Полоцкий обращается непосредственно к читателю:

И ты, кто-либо еси та читаяй,
не буди в щасти твоем уповаяй... [64]

---

[64] Симеон Полоцкий. Избр. соч., стр. 25—26.

Творчество Симеона Полоцкого является своего рода энциклопедией придворных вкусов и представлений Москвы того времени. Первые пьесы русского придворного театра также отражают существенные стороны идеологии и духовной культуры верхов русского феодального общества 1670-х годов.

Конечно, многое становится нам теперь известным еще в далеко не полном и упрощенном виде. Мы можем лишь догадываться о том, как представления царского двора о «счастье — несчастье» были связаны с определенными бурными социальными событиями XVII в., постоянно угрожавшими благополучию феодального мира. Кроме того, мы условно говорим о придворных кругах как о некоем целом. В действительности по своему составу придворная среда была, несомненно, пестрой. Придворные идеи и представления кажутся нам готовым, оформленным комплексом, хотя несомненно, они формировались длительное время и, очевидно, таили в себе немало внутренних противоречий. Западное влияние на эти представления также еще недостаточно выявлено. Но решение этих сложных вопросов принадлежит будущему и выходит за пределы нашей темы.

Главной задачей, которую мы поставили перед собой в данном случае, было изучение идеологической общности первых пьес русского театра, которая объясняется тем, что все эти пьесы отражали вкусы и представления русской придворной среды 1670-х годов. Именно эта черта объединяет первые пьесы в определенную группу. Но в других отношениях пьесы первого театра не могли быть едины, поскольку они сочинялись разными авторами, собранными при дворе из разных стран. Их пьесы представляли собой конгломерат различных влияний, не выясненных еще до конца: в пьесах замечается воздействие западных школьных драм и «английских комедий», влияние кратких украинских школьных драм и духовных мистерий, наблюдаются некоторые связи с моралите и гуманистическими влияниями [65].

Две первые пьесы русского театра

Первые из дошедших до нас пьес первого русского театра, «Артаксерксово действо» и «Иудифь», наиболее близки друг к другу и в известном отношении составляют отдельную группу.

---

[65] См.: О. А. Державина. К вопросу сравнительно-исторического изучения европейской и русской драматургии XVII в. (Традиции Средневековья и новые элементы в пьесах XVII в. об Иосифе).— В сб.: «Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 141—165.

В связи с этим приведем общую характеристику такого сходства. Как показывают Лионский и Веймарский списки «Артаксерксова действа», пьеса первоначально была написана правильными и звучными немецкими стихами, которые перелагались на русский язык местами силлабическими и силлабо-тоническими стихами, местами прозой [66]. Пьеса «Иудифь», вероятно, также сочинялась на немецком языке, хотя затем игралась на русском. Отсюда наличие германизмов как в лексике, так и в синтаксисе драм.

Естественно, что основным источником, использованным авторами в обеих пьесах, послужила Библия (на немецком языке), а также сочинение Иосифа Флавия «Иудейские древности», куда библейские «Книга Есфирь» и «Книга Иудифь» вошли целиком.

Сюжеты эти пользовались популярностью в России XVII в. Например, «Книгу Есфирь» нередко переписывали и иллюстрировали; живописцы XVII в. изображали историю Есфири и на потолке новых царских палат и на крышках сундуков, предназначенных для частного употребления [67]. Но на выбор этих сюжетов при создании пьес, надо полагать, в особенности повлияло протестантское вероисповедание авторов — немцев. Протестанты относились с большим вниманием к ветхозаветным сюжетам; кроме того, для них была в высшей степени авторитетна прямая рекомендация Мартина Лютера использовать для народных зрелищ три книги «Ветхого Завета» — «Есфирь», «Иудифь», «Товий» [68].

Нельзя забывать также о том, что указанные сюжеты в XVI—XVII вв. неоднократно обрабатывались западными драматургами. В частности, сюжет «Есфири» был инсценирован Гансом Саксом в 1536 и 1559 гг., а сюжет «Иудифи»— в 1533 и 1553 гг. Кроме Ганса Сакса, к сюжету Есфири обращались Вальтен Войт (1537), Томас Наогеоргус (1543), Андреас Пфейльшмидт (1555), Жозеф Мурер (1567), Маркус Пфефер (1626) и многие другие [69].

---

[66] О соотношении русского и немецкого текстов и стиха в «Артаксерксовом действе» подробнее см.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 66—71. О языке «Иудифи» см. комментарий в настоящем издании.

[67] Е. С. Овчинникова. Сюжет книги Эсфири в произведениях русской живописи XVII в.— В сб.: «Русское государство в XVII в.» М., 1961, стр. 371—391. Подробнее о популярности этого сюжета см. в комментариях настоящего издания.

[68] П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 155. Интересно отметить, что в театре царя Алексея Михайловича первые пьесы инсценировали именно эти книги «Ветхого Завета». Не сказалось ли в этом, кроме определенной идеологической направленности, и протестантское образование Грегори? (Предположение высказано Е. К. Ромодановской.)

[69] Перечень и краткая характеристика этих пьес даны А. Мазоном в кн: «La comédie d'Artaxerxés...», стр. 37—42.

В Германии в начале XVII в. бродячие комедианты также играли «комедию о царице Есфири и надменном Амане». Известна также трагедия «Эсфирь» в трех действиях, написанная великим французским драматургом Ж. Расином.

История Иудифи в латинской комико-трагедии Сикста Бирка (1500—1554) послужила поводом для выражения определенного отношения к современной войне против турок [70]. В 1618 г. на ту же тему пишет трагикомедию Мартин Беме. Пьесы о Иудифи на немецком и латинском языках разыгрывались на школьной сцене, а впоследствии вошли в репертуар странствующих актеров.

В 1646 г. Опиц написал полуоперу на сюжет Иудифи с ариями и хорами (музыка Чернингена). В числе «Гамбургских действ» XVII в. известна пьеса Христиана Розе об Олоферне и Иудифи [71]. В течение XVII и начала XVIII в. «Иудифь» была также одной из самых популярных кукольных комедий в Англии [72].

Таким образом, обращение авторов первых пьес русского театра к историям Есфири и Иудифи в известной мере можно объяснить западноевропейскими литературными традициями. Не удивительно поэтому, что обе пьесы —«Иудифь» в большей мере, а «Артаксерксово действо» в меньшей — содержат некоторые черты так называемых «английских комедий», чередуя, подобно им, трагические сцены с комическими. Например, когда Иудифь приходит в лагерь к Олоферну и действие достигает высшего напряжения, зрителям предлагается сцена шуточной казни воина Сусакима лисьим хвостом. Это по сути дела комическая параллель к грядущей гибели Олоферна от руки Иудифи, обезглавившей военачальника его же собственным мечом. Кульминационный момент пьесы — сцена убийства Олоферна, когда Иудифь после молитвы и монолога, типичного для трагической героини, поднимает перед зрителями окровавленную голову своего врага,—завершается шутовской репликой Абры, снимающей излишнее напряжение: «Ох! Таковому храброму воину главу отсекла!.. Что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Иудифь з его главой ушла?» (л. 120 об.).

---

[70] Xystus Betulius. Judith, drama comico-tragicum. Exemplum reipublicae recte institutae, unde discitur, quomodo arma contra Turcam sind capiende. Augsburg, 1540.

[71] «Holofern, aus Heil Schrift Anweisung allen des Teutsch—Landes Friedenstörern und Blutgierigen Kriegern in einem lustigen Schauspiel vorgestellt». 1648.

[72] П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 155—156.

Что касается «Артаксерксова действа», то с репертуаром «английских комодиантов» пьесу роднит,— но лишь отчасти,— пышность постановки (пир на сцене, музыка; действующие лица, царь и вельможи, одетые в роскошные костюмы). Поскольку спектакль продолжался 10 часов, для развлечения и отдыха зрителей в пьесу были введены интермедии. К сожалению, текст их до нас не дошел. В Лионском списке «Артаксерксова действа» указано, что они игрались между I—II, III—IV, V—VI действиями и после 3-й «сени» (явления) VII действия. В составе действующих лиц пьесы в Вологодском списке указаны: Мопс — спекулятор (палач) и шут, и его жена Геленка. Мопс принимает участие в самом действии пьесы: с шутками ведет на казнь вельможу Амана. Геленка в пьесе не участвует. Эти персонажи, без сомнения, выступали в интермедиях.

Авторы пьес по возможности точно следовали за событиями, изложенными в Библии. В то же время, прекрасно зная специфику драматического произведения, они местами умело сокращали, местами, наоборот, распространяли библейское повествование, как этого требовало его сценическое воплощение.

Авторы обеих пьес шли навстречу возникшему в русском обществе XVII в. интересу к человеческому характеру. Они стремились убедительно показать переживания героев, и поэтому пьесы не лишены лиризма. Это особенно ощущается в «Артаксерксовом действе», в сцене, где Мардохей прощается с Есфирью, которую уводят во дворец, в молитвах Мардохея и Есфири и в сетовании отверженной царицы Астинь. Лиричен и плач Есфири с девами (IV «действо», 4 «сень»), построенный на мотивах псалмов. В пьесе «Иудифь» особенно лиричен плач четырех пленных царей в «междосении».

Образы в той и другой пьесе противопоставлены друг другу. Так, в «Артаксерксовом действе» контрастируют друг с другом образы главных героев — гордая, честолюбивая и мстительная жена царя Астинь и смиренная Есфирь, жестокий и надменный Аман и мудрый Мардохей. В «Иудифи» заносчивости и самоуверенности Олоферна противопоставлена осторожность и благоразумие Ахиора, патриотизму и набожности Иудифи — легкомыслие Абры.

Противопоставляя друг другу главных действующих лиц, авторы пытались возможно убедительнее раскрыть характеры и прочих персонажей: самого Артаксеркса — то грозного царя, то нежного супруга; его вельмож (из которых выделяется Мемухан, наделенный чувством справедливости и терпимости), евнуха Гегая — умного и настойчивого царедворца, наконец, двух заговор-

щиков — Багатана и Тереса. Первый из них, наглый и лживый, представляется законченным злодеем, готовым спасти свою жизнь ценой любого предательства; второй труслив, идет на преступление лишь под постоянным давлением Багатана.

Если главные герои в пьесах четко делятся на положительных и отрицательных, то этого нельзя сказать о второстепенных персонажах. В пьесе «Иудифь» по замыслу авторов, сочувствие зрителей должны вызывать граждане осажденной Вефулии, но среди них далеко не все герои: некоторые ропщут, малодушествуют, требуют у старейшин сдачи города. Среди вавилонян, наоборот, есть и положительные лица. Таков военачальник Ахиор, предупреждающий Олоферна об опасности.

В пьесе «Иудифь», как и в «Артаксерксовом действе», характеры действующих лиц не развиваются по ходу пьесы,— они статичны, и в каждом из них подчеркнута какая-то одна, ведущая черта.

На обе пьесы, как мы уже отмечали, влияли идеи и представления русского двора. В этом отношении показателен пример из «Артаксерксова действа». В конце пьесы события развертываются во дворце персидского царя. Аналогично так называемым «английским комедиям», пьеса заканчивается музыкой, пением и танцами. Подданные восхваляют Артаксеркса, и повелитель персов распоряжается: «Ныне же трубы и тимпаны возглашают: «Радуйтеся убо со пением и плясанием весь нынешней день со всяким веселием!» И вдруг в пьесе далее говорится: «Вси глаголют: Ей, ей, ей, ей! Великая Москва, с нами ся весели!» [73]. Древние персы непосредственно обращаются к Москве, хотя после этой реплики действие продолжается в Персии.

В первых двух пьесах русского театра содержатся более явственные намеки на политическую действительность в России, чем в пьесах последующих. Так, в предисловие к «Артаксерксову действу» подчеркивается идея древности происхождения династии Романовых, настойчиво проводимая в это время московским правительством: «...повелитель и государь Алексий Михайловичь, монарха един достойный корене престолу и власти от отца, деда и древних предков восприяти и с оным наследствовати» (л. 2). Эта идея высказывалась в произведениях различных жанров,— не только в «Артаксерксовом действе», но и в «Титулярнике» 1672 г., в «Родословной великих князей и государей царей российских» Лаврентия Хурелича, в «Хрисмологионе» Николая Спа-

---

[73] Рукопись Лионской публичной библиотеки, № 1346, л. 173 об.— Цит. по изд.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 290.

фария и др. [74] Предисловие же к «Иудифи» содержит отклик на войну России с Турцией. Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, авторы заявляют: «род весь христианский скифетр твой почитает, божиею бо милостию он всех защищает от врага крестова, лютаго бусурмана, да христиан ему одолети несть дано. То, царю, ты твориш над тем же недругом имети всегда счастье, победу такожде, к сему же и воздаяние. Бог же превышний соблюдет твое царство, зане оградою есть всему христианству...» (л. 1).

Не все намеки в указанных пьесах поддаются бесспорному толкованию. Но, например, вполне вероятно предположение о том, что основные персонажи «Артаксерксова действа» мыслились авторами в каком-то соотношении с некоторыми членами царской семьи и придворными. В судьбе красавицы Есфири, ставшей царицей, авторы, возможно, видели сходство с судьбой красавицы Наталии Кирилловны Нарышкиной, второй жены царя Алексея Михайловича. В этой же связи у воспитателя Есфири Мардохея, который становится первым вельможей Артаксеркса, возможно, находили сходство с А. С. Матвеевым, воспитателем Наталии Кирилловны и «ближним» боярином царя [75].

Близость «Артаксерксова действа» и «Иудифи» могла бы быть продемонстрирована на ряде других примеров. Она объясняется, возможно, тем, что обе пьесы создавались в одной и той же среде и основным их автором был И.-Г. Грегори. Вопросы об авторах пьес русского театра 1670-х годов, о литературной эволюции пьес нуждаются в дальнейших исследованиях.

Историческое место и значение первого русского театра

Когда возникает в какой-либо стране театр как новый для нее род искусства, современники этого события не могут не задаваться вопросами: что такое театр? для чего он? Современникам, естественно, удается в меру своих возможностей составить собственное представление о театре. Нет сомнений в том, что определенное представление о театре вообще и о первом московском театре в особенности сложилось и в русском феодальном обществе 70-х годов XVII в. Перед исследователями возникает задача раскрыть и объяснить это представление о театре. Им предстоит рассмотреть оставшиеся в науке наименее изученными социально-

---

[74] См.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 41—42, 56—58, 305, 312.

[75] И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, стр. 236—327: см. также: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 40.

исторические и идеологические условия возникновения первого нашего театра, охарактеризовать определяемый ими идейно-эстетический тип театра, попытаться наметить его место в процессе развития национального и общеевропейского театрального искусства. Поставим перед собой несколько специальных и общих вопросов, связанных с данной проблематикой.

Какие сведения о театре были в культурных слоях русского общества XVII в.?

Сведения эти неоднократно поступали к царям от их послов задолго до устройства театра в Москве. Например, князь А. М. Львов-Ярославский сообщал о том, что он (в 1635 г.) со своим посольством после обеда у польского короля Владислава присутствовал в театре и видел пьесу о том, «как приходил к Иерусалиму ассирийскаго царя воевода Алаферн и как Юдифь спасла Иерусалим» [76]. Это была постановка на популярный библейский сюжет «Иудифи», который был положен в основу второй пьесы русского театра. Дворянин В. Б. Лихачев, посланник во Флоренции (в 1659 г.), выделил целый раздел в своем отчетном «статейном списке» — «О комедиях». Когда «грандука» герцог тосканский Фердинанд, сообщал посланник, «приказал играть, — объявилися палаты, и быв палата — и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилося море, колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а вверху палаты небо, а на облаках сидят люди: и почали облака и с людьми на низ опущаться...» (350) [77]. Любопытнее всего в этих описаниях, что непривычные к театру зрители совершенно не замечали театральной условности и были всецело охвачены чувством иллюзии действительности. Несомненно, такое восприятие спектакля характерно и для первого русского театра. «Да спущался с неба ж, — продолжал посланник, — на облаке сед человек в корете, дапротиву его в другой корете прекрасная девица, а аргамачки (кони. — *А. Р.*) под коретами, как быть живы, ногами подрягивают...» (350). Батальная сцена совершенно покорила членов посольства: «А в иной перемене объявилося человек с 50 в латах, и почали

---

[76] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V (тома 9—10). М., 1961, стр. 183.

[77] «Статейный список посольства дворянина и боровского наместника Василия Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) годе».— «Древняя Российская Вивлиофика», ч. IV, изд. 2. М., 1788 (здесь и далее в тексте указываются страницы цитируемой книги). Есть также упоминание о том, что в Москве в 1664 г. в доме английского посольства помимо пиров и балов было «даже театральное представление» («Посольство в Россию графа Карлейля».— «Отечественные записки». СПб., 1855, кн. 11, отд. II, стр. 59).

саблями и шпагами рубитися, и из пищалей стреляти, и человек с три как будто и убили...» (351).

Подобного рода конкретные сведения о театре имели существенное значение для русского феодального общества. Но еще более важными были обобщенные представления о театре, которые черпались из авторитетных религиозно-учительных и историософско-провиденциальных источников. Одна из концепций такого типа не могла не произвести на русских читателей, особенно представителей феодальных кругов, яркого впечатления. Эта концепия восходила к давним временам. Когда византийские «отцы церкви» учились у знаменитых греческих риторов-язычников, чтобы бороться с ними, они отвергли античный театр. Но в поисках собственного провиденциального объяснения мира раннехристианские писатели развивали свое символическое представление о театре.

В 1641 г. в Москве на царском Печатном дворе был издан обширный сборник «слов» великого оратора христианской древности IV в. Иоанна Златоуста «Маргарит» (т. е. «Жемчуга»), в котором говорилось, вернее, вещалось, что сама «земная» человеческая жизнь по существу только пролог к жизни «вечной», и в таком свете даже острейший социальный вопрос всех времен (богатство одних и нищета других) оказывается всего лишь быстротечным театральным представлением: «Яко же бо на игрищи, — читали москвичи у Златоуста, — лицеподобия царей, и воевод, и врачев, и ветий, и мудрец, и воин, приемлюще нецыи (т. е. актеры. — *А. Р.*) входят, ничто же от них суще тии, сице убо и в настоящем житии и нищета и богатство лицеподобия точию суть...» [78] Если снять с богача «маску», то в душе его можно найти «бедность в добродетели». Истинное же значение людей обнаруживается лишь «там», после их смерти, когда театральное зрелище («игрище») жизни завершится. Для пояснения этих мыслей Златоуст обращался к характеристике театра. «Если, сидя в театре («на позорищи»), ты видишь кого-либо из играющих, имеющего внешность («лицеподобие») царскую, ты не восхваляешь его и не считаешь царем... Но, зная, что это некто с рынка («от торжищных»), может быть, веревочник («плетец»), или медник («меди кузнец»), ты оплюешь («оплеваеши») тех людей из-за их ничтожества («худости»)...»,

---

78 «Маргарит». М., 1641, л. 254—254 об.; перевод: «Подобно тому как на сцене появляются некие, принимающие на себя внешность царей, и военачальников, и врачей, и ораторов, и мудрецов, и воинов, на самом деле не будучи таковыми, так и в настоящей жизни и бедность и богатство являются только масками...» (далее церковнославянский текст «Маргарита» дается нами в переводе и с некоторыми сокращениями).

ведь «тот, который на сцене в царя или в полководца превращается, часто бывает рабом...» [79]. Это известнейшее поучение, хранившее следы раннехристианского демократизма, не щадило, как мы видим, ни социальной действительности своего времени, ни самого театра.

Такие представления о жизни, как о театре, не забывались. Они вновь стали актуальными в период перехода к новому времени. Так, французский поэт Ж.-Б. Руссо (1671—1741) в одной из эпиграмм писал:

Наш свет — театр, жизнь — драма; содержатель —
Судьба; у ней в руке всех лиц запас:
Министр, богач, монах, завоеватель
В условный срок выходят напоказ [80].

В XVII в. провиденциально-историографические концепции этого рода пытались представить всю историю человечества в виде единого огромного театра. Видный немецкий историк Вильгельм Стратеман выпустил в свет (в Иене в 1656 г.) свою книгу по всемирной истории — «Theatrum historicum exhibens Memoriae juvendae causa...», которая позже была переведена на русский язык и издана по указу Петра Великого под названием: «Феатрон или Позор исторический, изъявляющий повсюдную Историю...» [81] В предисловии, написанном для русского читателя, социально-нравоучительное значение подобного всемирного «театра» разъяснялось очень наглядно: «Книга же сия... правильно и истинно Позор (зрелище, представление.— *А. Р.*) нареченна. Сие бо есть Феатров (театров. — *А. Р.*)... намерение, да видящим подвизаются ко благому отвращаются же от злодеяний... увидит всяк в сем Феатре всея жизни своея состояние...» Все здесь было для русских читателей новым и привлекательным, а для западноевропейских — традиционным, но вот тезис — «увидит всяк» в этом «театре» нечто полезное для понимания своей собственной жизни — был применительно к России тезисом Петровской эпохи.

---

[79] Там же.

[80] Перевод П. П. Вяземского (1818); оригинал: «Ce mondeci n'est qûune oeuvie comique Où chacun fait ses rôles différents» (см.: «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв. На французском и русском языках». М., 1969, стр. 62—63).

[81] «Феатрон или Позор исторический, изъявляющий повсюдную Историю священнаго писания и гражданскую. Чрез десять исходов и веки всех царей, императоров, пап римских и мужей славных от начала мира даже до лета 1680 в кратце, ради удобнаго памятствования чрез Вильгельма Стратеммана собранный...». СПб., 1724, л. 2 об.

В те времена, когда зародился наш театр, придворный театр закрытого типа, и зрителем в нем мог быть отнюдь не «всякий», представления о всеобщем историческом «театре» — «позорище» слагались на основе более архаичного варианта той же концепции, который черпался читателями из трудов историка более раннего и более значительного. В «Предисловии православному читателю» перевода «Анналов» итальянского кардинала Цезаря Барония говорилось о «комедии мира» в масштабах грандиозных: «Хощеши ли видети, аки на позорищи, комедию мира сего: пременение и пагубу великих царств и цезарей, и непостоянное благополучие их...»[82] Историческая «комедия» была поучительна: она предостерегала царей от «пагубы великих царств». Как раз такое мироощущение торжества власти и тревоги за ее устойчивость, как мы видели, было характерным для зарождающегося русского абсолютизма и нашло прямое выражение в первом московском театре.

Если по убеждению современников театральное «игрище», представленное «рабами», должно было заставить самих «царей» и «воевод» задуматься над смыслом жизни, если провиденциальная «история» и «комедия» должны были приносить явственную пользу своим созерцателям, то возникал вопрос: кого же из таковых могла более всего обеспокоить проблема «переменения» судеб великих «царств» и «царей»? Применительно к русским условиям прямым адресатом этой философии века был, разумеется, тот созерцатель «позорища», который владел «царством» в действительности, т. е. «самодержец всея Великия и Малыя и Белыя России» Алексей Михайлович.

История и современность казались в те времена своеобразным «театром» царя «небесного». Как только царь «земной» устроил для себя настоящий театр, у побывавших в нем немногих современников, несомненно, возникала иллюзия такого же типа: на «комедии» библейская история и живая действительность оказались как бы совмещенными, они символически объединялись в духе историософско-поучительных представлений эпохи. Такая иллюзия возникала из самих условий зарождения первого театра, из его идейно-эстетической природы и сценической структуры.

---

[82] «Деяния церковная и гражданская от рождества господа нашего Иисуса Христа. Из летописаний Кесаря Барония собранная...» М., 1719, л. 2; это перевод с сокращенного польского издания данного сочинения, которое в первом римском издании называлось: «Annales ecclisiastici. Autore Caesare Baronio...» Romae ex Tupographia Vaticana, t. 1—12, 1588—1607. Переводы сочинений Ц. Барония распространялись в России в рукописях задолго до указанного издания и были хорошо известны читателям XVII в.

Какие идеологические и структурные формы приобретала во второй половине XVII в. та русская придворная культура, одним из проявлений которой оказался первый театр? Естественно, эта культура зависела в первую очередь от абсолютизма, который во многом тяготел еще к социально-политическим традициям средневековья, но уже начинал овладевать и многими идеологическими запросами нового времени. Самодержавный абсолютизм этого переходного периода должен был искать и действительно быстро нашел отвечавшие его требованиям феодальные сословно-корпоративные формы своего существования, выразившиеся яснее всего в церемониале царского двора.

Дворцовый церемониал, все более и более усложнявшийся, приобретавший невиданную ранее пышность и великолепие, уже сам по себе отличался театральностью: каждый день дворцовой жизни являлся настоящим представлением — и праздничным и принудительным одновременно. Сам царь, царица, бояре, дворяне, высшее духовенство, слуги и прочие становились пленниками своих собственных церемониальных ролей, заранее всем известных и отлично разученных. Величие «самодержца» потребовало того, чтобы условный ритуал овладел не только сферой официального представительства, но и глубоко проник в его повседневный быт. При дворе велись «дворцовые разряды» и «дневальные записки», в которых точнейшим образом отмечалось изо дня в день, какими делами занимался царь, как он развлекался, как был одет, как обедал, кто из придворных был при царе, какие обязанности они исполняли, кто стоял в дворцовом карауле и т. п. По случаю каждого праздника, даже семейного, придворные приглашались «в Верх» (в царский дворец) только по «зову» и в соответствии с заранее составленными и одобренными царем списками, с точно назначенными местами для каждого из них около трона, за обеденным столом, на посольских приемах, в царском дворцовом или уличном «выходе», в церкви, на охоте и во всех других обстоятельствах. Не только дела государственные, но и все царские «потехи» были подвергнуты новой точнейшей регламентации. В число таких «потех» оказался включенным и первый театр.

* * *

Едва ли мы сможем правильно представить себе природу и дух первого театра, если не обратим внимания на составленное в 1656 г. под наблюдением Алексея Михайловича и лично им отредактированное сочинение казалось бы совсем другого рода: «Книга,

глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути»[83].

Известно, что охота с обученными для нее соколами, была на Руси любимым развлечением феодалов с древнейших времен. Но только царь Алексей Михайлович, подобно императору Фридриху II [84], пришел к необходимости подчинить эту охоту специальному уставу.

Предисловие к «Уряднику» очень интересно, так как оно содержит размышления и предписания, относящиеся к сущности церемониала или, как тогда говорили, «чина» [85]. Отныне никакое начинание не допускалось без написанного для него «чина». «И по государеву указу,— говорилось в предисловии,— никакой вещи без благочиния и без устроения уряжнаго и удивительного не было; и чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был, по тому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна...» (86).

Эта глубокая убежденность в необходимости подчинения «всякой вещи» предопределенному для нее «чину» была одной из основ идеологии абсолютизма. Наиболее широкое отражение эти представления нашли в знаменитом крепостническом «Соборном уложении» Алексея Михайловича, изданном в 1649 г. «Чин» различных сторон церковной и светской жизни тщательно разрабатывался во многих книгах. Главнейшим образом в этом ряду церемониальных сочинений являлся «Чин поставления на царство» царя Алексея Михайловича [86].

Понятие «чина и образца» оказалось определяющим при формировании новой придворной эстетики. Этот вопрос излагался в «Уряднике» вполне отчетливо. «А честь и чин и образец всякой вещи большой и малой учинен по тому: честь укрепляет и утверж-

---

[83] См.: «Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути. Издал Петр Бартенев». М., 1856; далее в тексте указываются страницы цитируемой книги.

[84] Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250), император священной Римской империи и сицилийский король написал книгу об искусстве охоты с птицами («Religua librorum de arte venandi cum avibus»).

[85] «Чин»— порядок, устав, правило, подчинение, значение (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стлб. 1519—1522).

[86] «Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича».— «Памятники древней письменности», т. VII. СПб., 1882. В XVII в. вышли печатные книги: «Чин исповеданию православным царем» (1630), «Чин исповеданию святейшим патриархом» (1630), «Чин избрания епископа» (1630). «Чины церковные» (1630), «Чин пещнаго действа» (1630), «Чин мироварения и мироосвящения» (1624), «Чин освящения воды» (1655), «Чиновник архиерейского служения» (1668 и 1677), «Три чина присяг» (1654).

дает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление...» (90).

Вслед за этими принципиальными положениями в книге разрабатывалась в качестве их практического осуществления церемония посвящения одного из «рядовых сокольников» в «начальные сокольники», церемония не менее сложная, чем западноевропейские обряды рыцарских посвящений [87]. Обратим внимание на некоторые стороны этого торжественного акта. Особое место в нем занимала встреча сокольниками царя в великолепной соколиной «избе». Разыгрывалось целое «действо», проникнутое ритуальным пафосом. Наконец, «И урядя, и устроя все по чину, станет сам подсокольничий (начальник охоты, дворянин П. С. Хомяков.— *А. Р.*) перед нарядом (рассаженными на стульях соколами.— *А. Р.*), мало поотступя от стола направо. А стоит в ферезее (особой комнатной одежде.— *А. Р.*), надев шапку искривя, и дожидается государева пришествия...» (95). И вот эта немая сцена оживала: «Как государь (следует титул.— *А. Р*)... придет... и, пришед, изволит сесть на своем государеве месте, и старший подсокольничий с начальными сокольниками, и с рядовыми старыми сокольниками... челом ударит» (95). Как писал о подобных случаях польский аристократ, курляндец Яков Рейтенфельс, все приветствовали царя, «падая ниц и опуская голову до самой земли: это называется на их языке — бить челом» [88].

Начало посвящения в сокольники объявлялось самим царем. «И мало постояв, ⟨подсокольничий⟩ подступает бережно, и докладывает государю, и молвит: «Время ли, государь, образцу и чину быть?» И государь изволит молвить: «Время, объявляй образец и чин» (96).

«Урядник» превращался в своего рода сценарий, по которому заранее назначенные для акта посвящения дворяне разучивали свои роли (и действия и речи). Вот как, например, должен был происходить вызов «нововыборного сокольника» к царю: «И подсокольничий, постояв мало, пошлет по нововыборнаго рядового первого сокольника первыя статьи, Кирсанка Собакина, и молвит: «Кирсан, по государеву указу зови нововыборнаго Ивана Гаврилова, к государской милости: се время чести и части его быти: и час приближился его веселию; чтоб шел не мешкав».

[87] Эта церемония как бы в миниатюре повторяла некоторые моменты структуры и изложения «Чина поставления на царство» царя Алексея Михайловича.

[88] Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680. С латинского перевел Алексей Станкевич. М., 1905, стр. 86.

И Кирсан молвит: «Готов итти по государеву указу к нововыборному...» А пришед, Кирсан к нововыборному, молвит: «Иван Гаврилович Ярыжкин, по государеву указу, прислал меня старший подсокольничий Петр Семенович Хомяков, а велел тебя звать к государской милости, и сказать тебе дивную речь: «се де время чести и части твоей быть, и час приближился твоему веселию, и чтоб итти тебе не мешкав» (98).

Так происходила церемониальная театрализация придворного быта. Уместно спросить, чем же она стимулировалась? Приведем пример из того же «Урядника». В заключение «выборов» на новую «должность» И. Г. Ярыжкину, стоявшему перед царем, «соколиный подьячий» Василий Ботвиньев читал царский указ, предписывавший ему «служить» государю и «тешить» его «до кончины живота своего». За это, говорилось ему, «пожалован будешь», если же станешь «непослушлив» — «и тебе не токмо связану быти путы железными», но и «без всякой пощады быть сослану на Лену» (104). Не трудно заметить, что в таких условиях соколиная охота становилась веселой «потехой» только одного охотника — «самодержца».

Наконец, царь удалялся, и тогда главный «московский ловчий» думный дворянин А. И. Матюшкин устраивал торжественный «обед» для лучших царских соколов, которых старшие сокольники кормили из своих рук. При этом сокольникам полагалось «садиться за стол по чину и по росписи» (114).

В таком же духе устраивались официальные дворцовые обеды, которые представляли собой не менее театрализованный «образец» церемониала. Когда был дан обед в честь православного араба патриарха Макария Антиохийского (1655), как писал об этом его сын Павел Алеппский, «министров и приближенных царя посадили за длинным столом, и каждый из них, прежде чем сесть, подходил, кланялся до земли царю, шел и садился» (25) [89]. «Чин» обеда имел символическое значение. Дело в том, что обед фактически подавался одному человеку, Алексею Михайловичу, а он уже в знак своей «милости» рассылал его своим гостям. Павел записывал: «... стольники стали подносить царю большие продолговатые хлебы, которые он рассылал для раздачи всем присутствовавшим: сначала патриархам (Макарию и Никону.— *А. Р.*), которые при этом кланялись ему, потом всем своим вельможам... Таков у него обычай за столом. Смысл его

[89] «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским». Перевод с арабского Г. Муркоса, вып. 3. М., 1898; здесь и далее в тексте указываются страницы цитируемой книги.

такой: «Всякого, кто ест этот мой хлеб и изменит мне, оставит бог» (25). Раздача кушаний и вин превращалась в крайне растянутое представление. «Стольник, взяв блюдо... выкрикивал: «такой-то, сын такого-то! (г)осударь царь Алексей... жалует тебя этим от своей милости». При этом тот вставал, кланялся царю издали и, принимая, целовал хлеб и пищу» (26). Обедающие не могли себе позволить съесть эту пищу, они ее «отсылали домой, как великое благословение от трапезы царя...» (26). Наконец, продолжал Павел, «...нам стало невмоготу... мы... погибали от усталости, стояния и холода... Наши умы были поражены изумлением при виде таких порядков...» (29—30). Однако самочувствие гостей, для которых устраивался этот прием, во внимание не принималось: надо всем господствовал церемониал, призванный показать величие «самодержца».

* * *

Теперь мы получили возможность по-новому подойти к рассмотрению тех необычных и очень трудных социально-исторических условий, в которых происходило рождение русского театра.

Русские документальные сведения о придворном церемониале и о театре хорошо дополняются еще недостаточно изученными свидетельствами двух образованных иностранцев, один из которых был очевидцем, а другой — непосредственным участником устройства театра.

Уже упоминавшийся Яков Рейтенфельс гостил в Москве около двух лет у своего дяди датчанина Иоганна Розенбурга, главного царского врача. Он вращался в среде придворных медиков-иностранцев в 1670—1672 гг. и не мог не знать саксонца Лаврентия Рингубера, медика-студента Лейпцигского университета, который в это время был ассистентом другого царского врача, Лаврентия Блюментроста, последний же был отчимом пастора И.-Г. Грегори[90].

В своей большой книге «О Московии»[91] Я. Рейтенфельс писал, что царь Алексей Михайлович разрешил «иностранцам, проживающим в Москве, дать ему театральное представление, состоя-

---

[90] Вопрос о личном знакомстве Я. Рейтенфельса и Л. Рингубера представляет определенный интерес; встречи обоих авторов могли происходить не только в Москве, но в дальнейшем и во Флоренции, где Я. Рейтенфельс писал книгу «О Московии» для герцога Козьмы, к которому в 1678 г. приезжал Л. Рингубер. Герцог Козьма был сыном герцога Фердинанда, театр которого посетил и описал упомянутый выше посланник В. Б. Лихачев.

[91] Yacobus R e u t e n f e l s. De rebus Moscoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patav, 1680; Yacob R e u t e n f e l s.

щее из пляски и «Историй» о Агасвере и Есфири, драматически обработанной. Дело в том, что, наслышавшись от многих послов, что перед европейскими государями часто даются театральные представления с хорами и иные развлечения... он как-то неожиданно приказал представить ему образчик сего в виде какой-нибудь французской пляски (in tripudio aliquo Gallico).

Поэтому вследствие недостатка времени, в одну неделю со всевозможной поспешностью было приготовлено все нужное для хора. Во всяком другом месте, кроме Москвы, необходимо было бы просить перед началом у зрителей снисхождения к плохому устройству, но русским и это казалось чем-то необыкновенно художественным, так как все — и новые, невиданные одежды, незнакомый вид сцены, самое, наконец, слово «иноземное» и стройные переливы музыки, — без труда возбуждало удивление. Сперва, правда, царь не хотел разрешить музыку, как нечто совершенно новое и некоторым образом языческое, но когда ему поставили на вид, что без музыки нельзя устроить хора, как танцовщикам нельзя плясать без ног, то он, несколько неохотно, предоставил все на усмотрение самих актеров. На самое представление царь смотрел, сидя перед сценой на кресле (sella), царица с детьми — сквозь решетку или, вернее, сквозь щели особого досками отгороженного помещения, а вельможи (из остальных никто более не был допущен) стояли на самой сцене»[92]. По словам автора, «хвалебные стихи» были пропеты «царю Орфеем прежде, чем он начал плясать между двумя движущимися пирамидами...» [93].

Таковы были по преимуществу внешние формы осуществления театрального представления. «Записки о поездке в Россию» Л. Рингубера, как одного из устроителей театра, позволяют в большей мере судить о причинах этого начинания. «Великий царь Московский, — говорится в «Записках», — пожелал забавляться комедией. Искали человека, способного поставить на сцену драму. Поручили это дело пастору Грегори, считавшемуся способным написать драматическое сочинение...» Грегори «написал

Das grosse und mächtige Reich Moscovien... Nürnberg, 1687. Благодаря этим изданиям, сведения о первом театре в России стали известны современникам в разных странах Западной Европы.

[92] Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 88—89.

[93] Там же, стр. 89. По-видимому, балет «Орфей» был поставлен в феврале 1673 г. и представлял собой переработку виттенбергского балета «Орфей и Эвридика» (1638), сочиненного профессором элоквенции Августом Бухнером (см. П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII ст. СПб., 1889, стр. 148, 189—190). Я. Рейтенфельс настолько хорошо был знаком с этой постановкой, что даже привел в оригинале (на немецком языке) текст тех панегирических куплетов, которые пропел «Орфей» русскому царю.

совместно со мною[94] трагико-комедию Агасфер и Эстер. В течение трех месяцев я готовил мальчиков к участию в этом представлении на немецком и на славянском языке («Germanice et Slavonice»). Самое представление происходило 17-го октября 1672 года. Царю до того понравилась игра, что он смотрел ее в продолжение целых десяти часов, не вставая с места. Этот случай, без сомнения, будет началом дальнейших успехов»[95].

Оба автора, Я. Рейтенфельс и Л. Рингубер, говорили о первой пьесе театра, «Артаксерксово действо», имея в виду ее первоначальный (немецкий) вариант: героев они называли «Агасфер» и «Эстер», в соответствии с немецким текстом, а не «Артаксеркс» и «Есфирь», как это было принято при переводе пьесы на русский язык [96]. Оба автора отметили личную инициативу Алексея Михайловича в устройстве театра и его центральное положение в качестве зрителя. Это был тот «случай»,— обратим внимание на эту типично придворную ситуацию,— который сулил дальнейшие успехи.

Однако на первых порах по свидетельству Л. Рингубера, дело обстояло далеко не так благополучно. И.-Г. Грегори занялся сочинением пьесы крайне неохотно, «волей-неволей» («En nolentem volentem eo adigit...») [97]. Мы можем представить себе те сомнения, которые охватили пастора, магистра богословия И.-Г. Грегори, когда ему было предложено стать драматургом и руководителем труппы. Не говоря уже о собственной, новой для него и не совсем благочестивой роли в таком деле и о связанном с ним риске, он, очевидно, не мог не призадуматься над тем, что теперь ему предстояло превратить своих юных учеников, духовным наставником которых он был, в «комедиантов», призванных «тешить» царя-иноверца.

---

[94] Л. Рингубер указывает на свое соавторство («...scripsit ergo me socium») и далее — на сотрудничество в подготовке спектакля.

[95] «Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux qui se conservent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha», Berlin, 1883, S. 29; цитата дается в переводе с латинского; см. в кн.: А. Брикнер. Лаврентий Рингубер. Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber... Berlin, 1883.— Журнал Министерства народного просвещения, 1884, февр., стр. 396.

[96] См. у Л. Рингубера в латинском тексте: «...Tragico-Comediam Ahasveri et Esthrae» («Relation», p. 29); у Я. Рейтенфельса в латинском тексте: «...Ahasveri et Estherae» («De rebus Moscoviticis», p. 104), у него же в немецком тексте: «... von Ahasvero und der Esther spielen» («Das grosse und mächtige Reich Moscovien», S. 108). Эта транскрипция имен была почерпнута для немецкого текста пьесы из лютеранской Библии, для русского текста те же имена были взяты из церковнославянской Библии, изданной в Москве в 1663 г. (см.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 52, 300—301).

[97] L. Rinhuber. Relation, p. 29.

Л. Рингубер отметил, что царь пожелал «забавляться комедией». Сокольникам, как мы видели, официальным указом предписывалось «тешить» государя. Было ясно, что в придворных кругах назначение театра понималось только таким образом. Еще в 1637 г. русские послы сообщали царю о том, что они побывали в польском придворном театре, а была там «комедия, по-русски потеха» [98]. Сами актеры первого театра отмечали в документах (в 1675 г.), что они собраны для «комедийной потехи»[99]. В придворном дневнике указывалось, что в 1674 г. была в селе Преображенском «комедия и тешили его, великаго государя, иноземцы», «и тешили великаго государя немцы ж да люди боярина Артамона Сергеевича Матвеева....» [100].

Придворная «потеха», как мы уже показали, приобретала обычно принудительно-церемониальные формы. Возникал вопрос, каким образом обеспечить еще невиданную на Руси театральную «потеху»?

Главный организатор театра А. С. Матвеев действовал решительно и сразу дал понять всем исполнителям-иностранцам, что ради устройства «комедийного действа» он не будет считаться не только с их желаниями, но и с их собственностью. Когда, например, выяснилось, что для театра нужен орган, А. С. Матвеев сам отправился к иностранному музыканту — «игрецу» Тимофею Газенкурху и «сторговал» его орган за 1200 рублей, что представляло собой очень значительную сумму. Орган был немедленно отвезен в театр села Преображенского, но А. С. Матвеев не заплатил за это приобретение [101]. Музыканты хорошо понимали, что их правовое положение немногим отличается от положения крепостных. Когда, например, капитан Я. Руберт сообщил (в 1675 г.), что проживавшие в его доме музыканты Якобус и Годфрид бежали, то в пограничные города были разосланы царские «погонные грамоты», предписывавшие «тех беглых музыкантов, поймав, сковав, привезти к Москве...» [102]. Никакого правонарушения в подобных действиях властей не было, так как все служившие в России в те

[98] С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 183.

[99] С. И. Богоявленский. Указ. соч., стр. 59.

[100] «Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные», т. III. СПб., 1852, стр. 1131—1132.

[101] Четыре года спустя (в 1676 г.) Т. Газенкурх продолжал еще хлопотать об уплате полагавшихся ему денег, но в ответ на это царь «указал те органы отдать иноземцу» (С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 75—76), от чего он отказался, так как к этому времени из-за частых перевозок (из села Преображенского в Москву и обратно) его инструмент пришел в негодность.

[102] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 47.

времена иностранцы подчинялись общим государственным законам, «придворному суду», как писал Я. Рейтенфельс [103]. Они подвергались «битью батогами» и ссылке на тех же основаниях, как любой подданный [104].

Никого из современников не мог удивить тот факт, что обучение школьников «комедийному делу» было принудительным и даже сопровождалось для них временным лишением свободы. Так, набранные для спектакля «Давид и Голиаф» юные актеры жаловались царю: «... мы холопы твои, учимся в Новомещанской слободе денно и нощно за караулом...» [105]. Они писали о своей крайней нужде: «...жалованья поденнаго корму нам, холопам твоим, не дают и помираем голодною смертью» [106]. В другом случае эта обстановка подневольного труда обрисовывалась еще более ярко: «По твоему великаго государя указу взяты мы, сироты твои, в комедию, и ноне нас... в школе держат и домой не отпущают, а твоего... жалованья нам... корму ничего не указано, помираем голодною смертию» [107]. Правительство не скупилось на огромные расходы для постройки театра и создания роскошного реквизита, но оно менее всего склонно было заботиться о людях: в ответ на слезные челобитные подростков - «комедиантов» А. С. Матвеев приказал выдать им только «по 2 деньги на день».

Подготовка театральной труппы при помощи существовавшей для детей иностранцев школы оказалась самой удобной для правительства формой театральной организации. Это не только уменьшало расходы, которых потребовало бы приглашение профессиональных актеров из других стран, но также позволяло обеспечить создание и постановку только таких пьес, какие целиком отвечали требованиям царского двора. Школа в этом случае сделалась одним из ответвлений государственно-придворных «служб». Однако опора на школу влекла за собой некоторые особенности формирования труппы.

---

[103] Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 93.

[104] Вот одно из обычных документальных свидетельств, относящееся ко времени организации театра и связанное с судьбой иностранного офицера: «Капитан Григорий Гамербек на службе великого государя не был, и за то учинено ему наказание, вместо кнута бит батоги и июня в 14 день (1671 г.) велено его написать на службу в Тамбов...» (С. К. Богоявленский. Московская немецкая слобода.— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 3, стр. 226).

[105] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 69. В Новомещанской слободе жили выходцы из Польско-Литовского государства, главным образом из Белоруссии.

[106] Там же.

[107] Там же, стр. 36.

Учитель школы Л. Рингубер готовил «иноземцовых детей» к постановкам пьес и в 1672 г. и в 1675 г. В 1675 г., обращаясь к царю с просьбой о жалованьи, «полковничьи дети» писали: «... учимся мы, холопы твои, Артаксерксовой комеди» [108]. Несомненно, что за время существования театра (1672—1675) состав труппы менялся для постановки даже одной и той же пьесы вместе с переменой ученического состава школы. Благодаря этому «Артаксерксово действо», неизменно оставаясь в репертуаре театра, могло частично обновляться за счет смены труппы (за исключением, может быть, исполнения основных ролей).

В спектаклях были заняты только юные актеры, и они всегда напоминали об этом зрителю, называясь «неискусными и несмысленными отрочатами», они говорили о первой постановке — «детское сие комедиа», а в «прохладной» комедии об Иосифе просили у царя снисхождения при «посмотрении детскаго действия»[109].

В школе И.-Г. Грегори учились мальчики и девочки, что не отвечало русским обычаям. Л. Рингубер сообщил, что он готовил для спектаклей «мальчиков». Роль Есфири с успехом исполнял Иван Бернар. Хотя в это время на западноевропейских сценах (во Франции и в Италии с середины XVI в.) уже играли актрисы, московский театр последовал за старой традицией исключительно мужского состава труппы. Впечатление от мужского исполнения женских ролей сглаживалось юным возрастом артистов.

Непосредственным и удачным примером для привлечения школьных «отроков» к артистической деятельности могли служить «декламации» Симеона Полоцкого, которые он устраивал перед царем Алексеем Михайловичем силами своих «отроков», учеников «братской» школы в Полоцке (в 1656 г.), а затем в Москве (в 1660 г.) [110].

В целом осуществление спектаклей силами школьных учеников оказалось благоприятной особенностью первого театра, которая должна была в глазах придворного мира послужить своего рода смягчающим обстоятельством и для оценки качества постановки и в еще большей степени для восприятия этой новой, невиданной ранее «потехи» вообще. Возникшая в Москве необычная взаимосвязанность дворца и школы в театральном деле на первом этапе истории русского театра не открывала возможностей для развития его профессиональной самостоятельности, но вместе с тем это

---

[108] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 60.

[109] Дм. Цветаев. Указ. соч., стр. 740; И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 128; П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 171.

[110] См.: И. П. Еремин. «Декламация» Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ, т. VIII. М.— Л., 1951, стр. 354—361.

начинание оказывалось своеобразным продолжением в новых условиях давних традиций западноевропейской школьной драмы с ее библейскими сюжетами и юными актерами.

Если школа была постоянным местом воспитания актеров, то единой сцены для их «действований» не было. Театр не имел постоянного помещения, никакого сезонного или иного режима театральной работы не было. Вся труппа вместе с оборудованием внезапно перевозилась из одного помещения в другое. Сохранились странные, казалось бы взаимоисключающие приказы А. С. Матвеева о таких передвижениях театра, которые, например, последовали 22—23 января 1673 г. В эти дни сначала (22 января) было предписано срочно «з двора боярина Ильи Даниловича Милославского ис полат ковры, и сукна, и всякое ношеное платье, что взято из села Преображенского, перевесть в село Преображенское... чтоб комидийному действу генваря к 23 числу (т. е. на следующий день!— *А. Р.*) все было готово...»[111]. Едва успели вернуть из Москвы в Преображенское все «потешное» оборудование, как в тот же день последовал приказ перевезти его опять в Москву, в Аптекарские палаты. На следующий день, 23 января, это и было сделано, хотя из-за несоответствия размеров помещений ценные декорации («рамы перспективного письма») «во двери не прошли» и сломались[112].

К этому следует добавить, что вся организация театра осуществлялась в напряженной обстановке постоянной спешки: с первых же дней работы над пьесой, ее переписки, подготовки спектаклей, устройства помещений и т. д.[113]

Конечно А. С. Матвеев не мог не видеть отрицательных последствий таких способов организации театрального дела, тем более, что он вынужден был щедро оплачивать и устройство трех театральных помещений, и перевозки труппы, и восстановление испорченного при перевозках реквизита. Чем же объяснялась такая постоянная спешка и сумятица? Причины ее становятся очевидными из того описания условий подготовки балетного спектакля, которые отметил Я. Рейтенфельс: царь «неожиданно» приказал представить ему спектакль. Главнейшая задача А. С. Матвеева и всех остальных состояла в том, чтобы немедленно удовлетворять желания Алексея Михайловича и всегда быть готовыми встретить царя спектаклем, опережая его переезды из города в село и обратно.

---

[111] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 31.
[112] Там же, стр. 30.
[113] См.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 21, 68, 88.

На общем фоне этих труднейших условий создания и существования первого театра особенно примечателен тот случай, когда театр, как особый род искусства, отстоял свою самостоятельность и сумел воспротивиться царской «воле». Как мы видели, Я. Рейтенфельс сделал весьма характерное замечание: потребовав устроить балет, «царь не хотел разрешить музыку», как нечто «новое» и даже «языческое». Это условие было для современников совершенно понятным, так как Алексей Михайлович, начиная с 1648 г., силой государственной власти и церкви, под страхом жесточайших наказаний искоренял русские развлечения, и народные и придворные, как пережитки язычества: скоморохи изгонялись, запрещалось собираться на «позорища», танцевать, петь, играть на гуслях, домрах и т. п. На собственной свадьбе царь повелел «вместо труб и органов... пети певчим дьяком... стихи из праздников (церковных.— *А. Р.*) и из триодей»[114]. Павел Алеппский писал, что во время уже упоминавшегося торжественного обеда дьякон читал «Житие Алексея человека божия» (патрона царя Алексея Михайловича); не скрывая восхищения этим, Павел восклицал: «О, благополучный царь!.. Монах ты или подвижник?.. Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея (господаря молдавского и господаря валашского.— *А. Р.*), кои не стоют быть твоими слугами,— трапезой с барабанами, флейтами, бубнами...» (27). Именно театру удалось преодолеть эту многолетнюю царскую антипатию к музыке и постепенно утвердить ее в придворном обиходе, а затем и за его пределами.

Становится очевидным, что по способам своей организации и условиям деятельности театр оказался одной из новых форм царской «службы», требованиям которой в значительной мере была подчинена творческая активность его создателей. Этот вывод подтверждается словами пролога («Предисловия») первой пьесы, где от лица драматургов и актеров говорилось прямо: «... людие вси власти твоей покорно || По должности и к службе готови себе являют» (128)[115].

Служебная «должность» создателей театра заключалась прежде всего в точном исполнении высочайшей «воли». Вопроса о выборе сюжета для пьесы перед ними даже не возникало, так как сюжет предписывался официальным царским указом (от 4 июня 1672 г.): «...иноземцу магистру Ягану Годфриду (Грего-

---

[114] И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2, стр. 298.

[115] Первая пьеса цит. по изданию: И. М. Кудрявцев. Указ. соч.; здесь и далее в скобках указаны страницы цит. книги.

ри.— *А. Р.*) учинити комедию, а на комедии действовати из Библии «Книгу Есфирь...»[116].

Избранный сюжет, как мы видели, был очень популярен в литературе и искусстве древней Руси, а в разных странах Западной Европы давно уже был накоплен немалый опыт его театрального воплощения. И.-Г. Грегори, не порывавший связей с родной ему Саксонией [117], по-видимому, был достаточно знаком с традициями саксонского театра, где ставилась драма «О королеве Эстер и высокомерном Амане», изданная в сборнике «английских комедий и трагедий» еще в 1620 г. [118] Для И.-Г. Грегори и его немецких помощников было бы проще всего взять готовую немецкую пьесу на заданный сюжет, может быть, слегка ее обработать и при помощи «толмачей» Посольского приказа перевести на русский язык. Вполне вероятно, что такая пьеса в литературном и театральном отношениях была бы более совершенной, чем сочиненное И.-Г. Грегори «Артаксерксово действо», однако она оказалась бы на московской придворной сцене явлением инородным, основанным преимущественно на западноевропейских традициях и слишком удаленным от требований российского абсолютизма.

Главная идея царского указа состояла в том, чтобы создать пьесу на общеизвестный сюжет об Есфири не по какому-либо иному образцу, а именно «из Библии». Будучи пастором, драматург, естественно, очень хорошо знал библейскую «Книгу Есфирь», и теперь, в соответствии с заданием, ему предстояло по мере возможности, вновь приблизить драматургическое воплощение сюжета к его первоисточнику, т. е. архаизировать его, усилить его благочестиво-нравоучительный смысл, и на этой основе соединить данный сюжет с актуальными идейными и даже биографическими (история второго брака царя) запросами московского двора. Видимо, ни драматург, ни его повелитель даже не подозревали о том, что неукоснительное выполнение этого требования открывало возможности для создания первой русской пьесы как оригинального произведения. Задача была трудной и во многом рискованной, но И.-Г. Грегори оставалось только одно — немедленно «действо-

---

[116] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 8.

[117] И.- Г. Грегори ездил из Москвы в Саксонию для получения образования. По возвращении он устроил при своей Офицерской кирке школу для детей Немецкой слободы; эта школа существовала на пожертвования саксонского герцога Эрнста Благочестивого.

[118] «Von der Königin Esther und noffartigem Haman».— Engelische Comedien und Tragedien, das ist: sehr schöne, herriche und ausserlesene geist—und weltliche Comedi und Tragedi Spiel sampt dem Pickelhering... gedruckt im Jahr M. DOXX (Deutsche Dichter des XVI Jahrhunderts, B. 13. Leipzig, 1880).

вати». Таковыми были суровые социально-исторические условия работы драматурга и актеров, как и всего режима театральной деятельности. Посмотрим теперь на ту обстановку, которая возникала на сцене и в зрительном зале во время спектаклей.

* * *

Из сообщения Я. Рейтенфельса мы не без удивления узнали, что кроме царя, царской семьи и вельмож в театр никто «не был допущен», а во время представления эти вельможи почему-то «стояли на самой сцене». Что могла означать подобная ситуация?

Присутствие зрителей на сцене европейских театров само по себе не было новинкой. В испанских театрах «простые» зрители стояли в партере, а представители аристократии сидели на самой сцене по обоим ее бокам, причем эта их привилегия передавалась по наследству [119]. Во Франции со времени знаменитой постановки «Сида» (1636) Пьера Корнеля существовало такое же устройство театра. Обиход этого театра превосходно охарактеризовал один из писателей-современников: герой повествования, аристократ, поучает разбогатевшего крестьянина следующим образом: «Да, друг мой,— сказал он,— только провинциал или буржуа станет внимательно следить за спектаклем; хороший тон обязывает слушать актеров лишь мельком. И заметьте: я не случайно назвал только провинциалов и буржуа; ибо канцелярский чиновник или служащий имеет право и даже обязан, находясь в партере, копировать манеры знатных, сидящих на сцене. Такова мода...» [120] Против этой «моды» бурно протестовали сначала Мольер, а затем и Вольтер. Эраст, один из персонажей комедии Мольера «Докучные» (1661), насмешливо говорил в своем монологе:

На сцене захотел послушать пьесу я,
Которую давно хвалили мне друзья.
Актеры начали. Я весь был слух и зренье.
Вдруг, пышно расфранчен, порывистый в движеньи,
Какой-то кавалер, весь в кружевах, вбежал
И крикнул: «Кресло мне!» — на весь широкий зал.
Все обернулись вслед шумящему повесе,
И лучшее он нам испортил место в пьесе [121].

---

[119] См.: «История западноевропейского театра. Под редакцией С. С. Мокульского», т. I. М., 1956, стр. 369.

[120] М а р и в о. Удачливый крестьянин или мемуары г-на ***. Издание подготовили А. Д. Михайлов, А. А. Поляк и Н. А. Поляк.— «Литературные памятники». М., 1970, стр. 201.

[121] «Хрестоматия по истории западноевропейского театра. Составление и редакция С. Мокульского», т. I. М., 1953, стр. 672. Реформа французского

В Москве, конечно, никто против подобного присутствия части публики на сцене не посмел бы протестовать, и вот почему. Я. Рейтенфельс обратил внимание на это, казалось, привычное для западных «театров» обстоятельство, очевидно, потому, что в московских условиях оно стало по смыслу своему противоположным европейской «моде». Если на Западе аристократы сидели в креслах на сцене, чтобы отделить себя от «черни», стоявшей в партере, то в России царь сидел в кресле в партере, отделив себя от стоящих на сцене бояр. Как могла сложиться такая обстановка в театре?

«Чин поставления на царство» предусматривал, чтобы во время церемонии за сидящим на «своем месте» царем «стояли бояре и прочии вельможи, по своему чину...» [122]. В «Уряднике» говорилось, что в соколиной «избе» царь сидел на «своем месте», а перед ним стояли сокольники. Во время обеда, дававшегося патриарху Макарию, царь и гости занимали свои места за столами, а у стола, «на котором было размещено множество кубков, стояли бояре» (28). Во время торжественных пиров, по наблюдениям Я. Рейтенфельса, «длинные ряды более важных придворных лиц стоят, тесно сплоченные, неподвижно по всему дворцу, в широких шелковых, изукрашенных дорогими камнями, одеждах, а другие, наподобие легко вооруженных воинов, одетые полегче, задыхаясь (anheli), бегают взад и вперед» [123]. Такова была придворная боярская «служба», которая продолжалась и в театре.

Наше недоумение вызывает продолжительность спектакля: по сообщению Л. Рингубера, царь смотрел его, не вставая с места, в течение «целых десяти часов», а следовательно, и бояре должны были столько же времени, не сходя с места, простоять на сцене. Нет ли здесь преувеличения? Обратимся для сравнения к другим церемониям. Павел Алеппский сообщил, что торжественный обед продолжался с полудня до полуночи, да еще после обеда царь,

---

театра, устранившая аристократов со сцены, была произведена гораздо позже (в 1759 г.), и тогда один из современников отметил: «Театральная иллюзия теперь близка к совершенству: мы больше не видим, как Цезарь едва не осыпает пудру с какого-либо фата, сидящего в первом ряду, а Митридат больше не умирает, окруженный со всех сторон нашими добрыми знакомыми...» (Из «дневника» Колле от 1759 г.; «Хрестоматия по истории западноевропейского театра», т. 2. М., 1955, стр. 411; см. там же мнение Вольтера, стр. 409—410; «История западноевропейского театра», т. 2. М., 1957, стр. 253). Благодарю А. Д. Михайлова за эти библиографические указания.

[122] «Чин поставления на царство... Алексея Михайловича».— Указ. изд., стр. 11.

[123] Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 87.

стоя, в течение четырех часов раздавал всем «круговую чашу», а затем отправился вместе с патриархом Никоном в собор, где до зари они отстояли «вечерню и утреню» (29). «Какая твердость и какая выносливость!— писал Павел.— Наши умы были поражены изумлением...» (30) [124].

Не меньшее внимание обращали иностранцы на распорядок русской церковной службы. Тот же Павел писал по поводу торжественной службы в неделю мясопустую: «Что скажешь об этих порядках, от которых поседели бы младенцы, о царе, патриархе, вельможах, царевнах и знатных господах, кои стоят на ногах в этот день мясопуста с утра до вечера? Кто поверит этому?» (44). Еще больше, конечно, удивлялись этому европейцы, католики и протестанты, привыкшие сидеть в церквах [125].

Итак, кажущиеся нам необычными и порядок расположения лиц, присутствовавших на спектаклях, и продолжительность спектаклей на самом деле были обычными, так как они вполне соответствовали иерархической структуре придворных церемоний и медленным темпам их совершения.

Однако театр имел собственные структурные основы и свои условности. Подчиняясь церемониалу, театр в то же время сопротивлялся ему, что и порождало неожиданные для его устроителей ситуации.

«Стояние» вельмож на сцене само по себе не могло бы их обеспокоить, если бы они там были одни. Но беда в том, что на сцене находились еще и актеры.

Свирепое «местничество» существовало. Хотя и полагалось в Боярской думе, на посольских приемах, официальных обедах и в других случаях занимать места по «породе», по «чинам», по «росписи», бояре и дворяне, по-разному толкуя собственную «породу», соперничали и даже просто дрались из-за более почетных мест. Тот же ранговый принцип, несомненно, соблюдался и на сцене. Но острота ситуации заключалась даже не в этом. Теперь царю пришлось заставить своих вельмож, богатейших и чванливых феодалов, занять места рядом с «комедиантами»,

---

[124] Этот распорядок был обычным. В «Реляции» о британском посольстве в России, изданной в Лондоне в 1669 г., о дворцовом обеде говорилось: «Весь наш пир, на котором было по меньшей мере 500 блюд, продолжался около девяти часов, и мы вернулись домой уже в одиннадцать часов ночи» («Посольство в России графа Карлейля».— Указ. изд., стр. 65). В русских документах одно перечисление кушаний и вин, подававшихся на этом обеде, занимает более 7 печатных страниц («Дворцовые разряды», т. III, стр. 571—579).

[125] См.: А. А. Кизеветтер. День царя Алексея Михайловича (Сцены из жизни Москвы XVII-го века). Изд. 3. М., 1913, стр. 7.

людьми безродными, да к тому же еще иностранцами-иноверцами (по убеждению многих москвичей «еретиками»).

На живой памяти тех же самых бояр и дворян, стоявших на сцене, патриарх Никон, «в высшей степени ненавидевший еретиков», как писал Павел Алеппский, выселил из Москвы «франкских купцов из немцев, шведов и англичан», «поселив их вне города» (78)[126]. Павел писал, что русские с проживавшими в Москве иностранцами «отнюдь не имеют сообщения, потому что считают чуждого по вере в высшей степени нечистым: никто из народа не смеет войти в жилище кого-либо из франкских купцов, чтобы купить у него что-нибудь, но должен итти к нему в лавку на рынке; а то его сейчас же хватают со словами: Ты вошел, чтобы сделаться франком» (78). С другой стороны, в самой Немецкой слободе наряду с квалифицированными и честными людьми жило немало авантюристов и преступников. Лучшие представители слободы, к которым принадлежали создатели театра, сами были очень обеспокоены царившими там нравами. Л. Рингубер с горечью писал: «Боже милостивый! Сколько убийств, прелюбодеяний с замужними и незамужними женщинами доходит до суда и рассматривается в канцеляриях и судах русских, и тем отвращается от иностранцев расположение вельмож!..Магистр Грегори указывал на эти безобразия»[127].

Теперь вдруг оказывалось, что все эти «нечистые» иностранцы целой толпой (а «комедиантов» было более 60 человек) являлись во дворец и располагались на той же сцене, где, неся свою «службу», стояли бояре. Ведь еще Иоанн Златоуст писал в своем поучении, что актеров, представлявших царей и вельмож, можно попросту «оплевать» ради их «худости».

В XVI—XVII вв. и в странах Западной Европы, имевших большую театральную традицию, положение актеров было очень неустойчивым. Бюргеры открыто считали «лицедейство» позорной профессией, но актеров поддерживали меценатствующие феодалы.

---

[126] Как известно, в Москве в 1643 г. по решению правительства были сломаны все немецкие церкви, а в 1652 г. иностранные купцы, офицеры, священники, врачи, учителя, мастера были выселены на берег реки Яузы в новую, Немецкую слободу (см.: С. К. Богоявленский. Московская немецкая слобода.— Указ. изд., стр. 228; см. также: Е. Звегинцев. Слободы иностранцев в Москве XVII века.— «Исторический журнал», 1944, № 2—3, стр. 81—86; В. Снегирев. Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV—XVIII вв. М., 1956).

[127] «Deum immortalem! quot caedes, scortationes, adulteria simplicia et composita exterorum Cancellariis et Syendrio Ruthenorum submittuntur dijudicanda, qvae Procerum animos ad exteris abalie nant...» (L. Rinhuber. Relation, p. 47).

Английские короли имели собственные труппы, актеры же числились в составе их челяди в качестве слуг [128]. Без постоянного заступничества Людовика XIV, этого «короля-солнца», театр Мольера вообще не мог бы существовать [129]. Типологически сходная обстановка зарождалась и в первом русском театре.

Затруднительность положения русских вельмож усугублялась еще тем обстоятельством, что по условиям церемониала они стояли во время спектакля и не могли сесть, в то время как актеры, находившиеся рядом с ними, свободно садились, когда это требовалось по пьесе, что подтверждается первой же ее ремаркой: «И сядет царь Артаксеркс с теми своими князьми, и начинают говорити» (128).

Возникшее в театре странное неравенство положений подчеркивалось тем, что на сцене изображался придворный мир и театральные роли придворных имели те же именования, какими были наделены русские вельможи. Царя Артаксеркса окружали «князья», «думные» (члены Боярской думы, начальствующие чиновники приказов), высокое положение среди них занимал «канцлер» (Мемухан), а именно так называли иностранцы главных русских администраторов (например, дьяка Посольского приказа Алмаза Иванова). Артаксерксу, как и Алексею Михайловичу, прислуживали его «ближние» дворяне — «спальники». Артаксеркс устраивал свои заседания наподобие московских, он предлагал «канцлеру» в сложных обстоятельствах размолвки с царицей Астинь послушать «советов предложение сих всех моих боляр» (140), он вопрошал их: «Что мнится вам, боляром...? (141). Он устраивал званый обед «в болярской бо палате» (215). Из документов известно, что по царскому приказу на спектакле «Иудифь», например, обязаны были присутствовать «бояре окольничие, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближние люди все» [130]. Чины придворные и «чины» театральные, как мы видим, совпадали.

В первом театре были и другие характерные особенности. В нем не пользовались обычным занавесом, предназначенным для того, чтобы закрыть сцену, хотя внутренние перегородки и занавесы на самой сцене в нем существовали. Значение занавеса было хорошо известно, о нем сообщал, например, посланник В. Б. Лихачев: «...и многие предивные молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют...» (351). Но если бы занавес расчленил зрительный зал и сцену, это нарушило бы единство совершавшегося церемониала. В таком случае, вероятно, вообще

[128] См.: «История западноевропейского театра», т. I, стр. 497, 557.
[129] См.: М. А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера. М., 1962.
[130] «Дворцовые разряды», т. III, стр. 1131.

не нашлось бы подходящего места для вельмож, потому что присутствие их на сцене, закрытой занавесом, приравняло бы их к актерам, а присутствие их перед занавесом (в зрительном зале) превратило бы их в полноценных зрителей, уравняв их тем самым с «помазанником божьим».

Устройство театра порождало еще одну ситуацию, довольно щекотливую для высших его организаторов. Возникал вопрос о месте женщины в театре. Современники привыкли к тому, что для царицы и царевен устраивались отдельные торжественные обеды с приглашением знатнейших боярынь. Царица и царевны бывали по большим праздникам и на общих богослужениях, но в представительствах иного рода (например, при приемах иностранных послов) не участвовали. «Никто не может похвастаться,— писал Я. Рейтенфельс,— что видел царицу где-либо с открытым лицом» [131]. Когда царица Наталья «при первом своем выезде немного приоткрыла окно кареты, то не могли достаточно надивиться столь необычному делу. Ей это поставили на вид, и она, с сожалением, но благоразумно, уступила...» [132]. Однако эта царица (мать Петра, будущего императора) в отличие от своих предшественниц стремилась «к более свободному образу жизни, будучи сильного характера и живого нрава...» [133]. В придворных кругах было известно, конечно, что в Западной Европе повсюду устраиваются балы, один из которых В. Б. Лихачев описал так: «...и после присылал князь посланников к себе в палаты звати; а у него собрано больших думных людей с женами с 400 человек, и всю ночь танцовали; сам князь и сын и братья и княгиня» (350). В итальянских театрах (с XVI в.) знатные дамы посещали спектакли, но не смешивались с господами: дамам предоставлялись кресла первого ряда амфитеатра, а за ними следовали ряды для мужчин — дворян первого ранга [134].

Я. Рейтенфельс, как мы видели, справедливо отметил, что Алексей Михайлович возымел особый интерес к театру, «наслышавшись (о театре) от многих послов...». При этом были случаи, когда, заботясь о «чести» государевой, послы стремились сообщить царю не столько об увиденной ими пьесе, сколько о сопровождавшем ее церемониале. Когда, например, польский король Владислав IV (в 1637 г.) пригласил русских послов «смотреть комедии» и послы узнали о предполагавшемся присутствии в театре «папского легата», то сначала они отказались от «потехи»,

---

[131] Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 83.
[132] Там же.
[133] Там же.
[134] См.: «История западноевропейского театра», т. I, стр. 198.

а потом спорили о «местах» в зрительном зале: «...только папину легату с нами сидеть вместе по правую руку, то мы комедии смотреть не пойдем» (193) [135]. Наконец, Владислав указал: «...по правую руку от королевы будет сидеть брат королевский Карл, бискуп (епископ) Варшавский, а по левую — сестра королевская Екатерина, а вам, послам, велено устроить место от королевны Екатерины по правую сторону» (193). Послов это удовлетворило, и они донесли царю о том, что сидели в театре «на правой стороне, от королевны и королевичева места с полсажени, вровень с королевичевыми креслами» (193). Свидетельство это интересно в разных отношениях: во-первых, со всей серьезностью и вплоть до деталей (описание положения посольских мест —«с полсажени, вровень...») оно указывает на церемониальное значение размещения зрителей в театральном зале вообще, во-вторых,— оно выделяет места королевы и королевны, как очень почетные, и создает представление о расположении мест высшего духовенства и дипломатического корпуса. Нет сомнений в том, что значение подобного театрально-зрелищного церемониала хорошо осознавалось царем Алексеем Михайловичем, но реальное его воплощение по западноевропейскому образцу, в частности по польскому, было для него совершенно неприемлемым.

В России до петровских ассамблей с участием знатных женщин было еще довольно далеко, но времена менялись, и Алексею Михайловичу пришлось прийти к решению, при помощи которого ему удалось сблизить западную традицию с восточной. Подобно тому как в татарских дворцах ханские жены, оставаясь невидимыми, получали возможность наблюдать придворные приемы через деревянные решетки из помещений, напоминавших ложи или балконы, русская царица «с детьми» (царевичами и царевнами от первого брака царя) была допущена видеть спектакли «сквозь решетку».

Таким образом, и царица с детьми и придворные по существу находились за пределами зрительного зала как такового. По своему положению и правам они были скорее свидетелями царской «потехи», чем театральными зрителями. Допустив известную вольность, можно вообразить, как должен был чувствовать себя, например, хорошо знакомый с европейскими обычаями, женатый на знатной шотландке Гамильтон, начальник Посольского приказа (как мы бы сказали — министр иностранных дел) боярин А. С. Матвеев, когда ему в числе вельмож часами приходилось

---

[135] С. М. Соловьев. Указ. соч.; здесь и далее в тексте указываются страницы цитируемой книги.

стоять на сцене, под взглядами царя, почти рядом с тем актером, который играл роль Мардохея. Ведь всем придворным было известно, что по библейскому сюжету пьесы незнатный, благочестивый Мардохей, ставший впоследствии первым вельможей Артаксеркса, был воспитателем своей племянницы — будущей царицы Есфири, второй жены персидского царя. И всем точно так же было известно, что сам А. С. Матвеев был воспитателем второй жены русского царя Натальи Нарышкиной, взволнованно смотревшей на эту «комедию» сквозь «щели» своего помещения.

Только Алексей Михайлович, сидя в кресле перед сценой, чувствовал себя совершенно свободно: он занимал то положение в зрительном зале, которое было нормальным, если оценивать его в свете театральных представлений нового времени. Но в условиях своего времени царь был не только единственным зрителем театра, он был его полновластным владельцем. Он учредил театр, санкционировал расходы на его устройство, предписал театру сюжет пьесы, устанавливал место и время спектаклей, мог награждать или наказывать исполнителей. Этот зритель получил желанную возможность, ни в чем не поступаясь своим достоинством, уже почти «божественным», взирать критическим оком на простиравшуюся перед ним сцену, на которой с равным рвением исполняли свои обязанности и бояре реальные и «бояре» театральные.

* * *

Охарактеризовав социально-историческую обстановку появления первого театра, мы получили возможность поставить вопрос о том, каким образом эта обстановка повлияла на первую пьесу, как пьеса отвечала идеологическим требованиям ее «заказчика». Для этого нам придется обратить внимание на те важнейшие моменты содержания и стиля пьесы, которые оказались прямым и точным отражением господствовавших идей абсолютизма и церемониальных форм их воплощения.

В этой связи особенное, можно сказать, программное значение приобретали в пьесах первого театра прологи и эпилоги. И не случайно, по-видимому, по сообщению Л. Рингубера, Алексей Михайлович после спектакля выразил свою «милость» не только И.-Г. Грегори, но и семнадцатилетнему М. Блюментросту (сыну врача Л. Блюментроста), лучше всех других исполнявшему свою первую роль [136]. Молодой Блюментрост как раз читал пролог

[136] См.: L. Rinhuber. Relation..., s. 29—30.

к «Артаксерксову действу»[137]. Обращенный непосредственно к царю и называвший его по имени пролог связывал придворную действительность и ту «придворную» жизнь, которая изображалась далее в пьесе. Текст намеренно подчеркивал эти связи.

В прологе актеры просили царя о снисхождении к «недостаткам» спектакля, облекая эту просьбу в шутливо-иносказательную форму, как бы объединявшую эту постановку и ее «иноземный» сюжет («Персию» библейского царя Артаксеркса) с московской современностью и своим положением «иноземцев» при царском дворе. Они надеялись Алексею Михайловичу «добре угодити»: «...тогда не на Персию лучь своего милосердиа послеши, но во время оно да будут Артаксерксовы люди точию немцы»,[138] т. е. актеры говорили здесь о самих себе. В конце пьесы эта перекличка с действительностью повторялась. Когда «действо» пришло к счастливой развязке, сам Артаксеркс воскликнул: «Радуйтеся убо сопением и плясанием...», и вся труппа провозгласила («Уси глаголют»): «Ей, ей, ей, ей! Великая Москва с нами ся весели!» (290).

Пролог декларировал основные мысли, воплощавшиеся в пьесе. В самом начале пролога необходимо было возвысить царское «имя» и «славу». Воспроизводя в стихах официальный царский титул, коллектив театра заявлял об исключительных достоинствах Алексея Михайловича: «...монарха един достойный корене престолу и власти...» «его же великое имя ни в кои времена не помрачиться», власть его распространится на все страны «и над всеми сия аще и вся вселенная прейдет, и тогда слава твоя бессмертна имать пребывати» (126). Подобные панегирики были характерными. Симеон Полоцкий, например, писал о царе Алексее Михайловиче:

По всей вселенной, во все мира страны,
где свет солнечный бывает виданы,
где солнце восходит и где западает,
всякая страна царску славу знает[139].

---

[137] В «Артаксерксовом действе» эпилога нет, видимо, он утрачен, но в других пьесах эпилоги имеются: они в основном повторяют содержание прологов и, обращаясь также к царю, обрамляют спектакль, как бы вновь возвращая его идеи и темы от театральной условности к действительности.

[138] В немецком тексте пьесы, который в литературном отношении был более совершенным, чем его перевод, сделанный тогда же, видимо, в Посольском приказе (см.: И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 75—84), этот фрагмент звучал так: «Schikt aber Gott es so, daß unser schwaches Zallen ‖ kann deiner Mayestät höchst—gnädigst wohlgefallen, ‖ so wirff auf Persien nicht deinen Gnaden—Schein, ‖ laß Ahasvers Volk alsdann nur Teutsche sein» («La Comédie d'Artaxerxés... par André Mazon... et Frédéric Cocron», p. 63).

[139] Симеон Полоцкий. «Рифмологион» [1678 г.]. ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 322 об.

В своих стихах поэт любил подчеркивать (как это было в прологе пьесы) исключительность русского царя: «Тако во царстве един имать быти Царь, вся же ему достоит правити» [140]. «Только един царь стоит в правой вере...» [141].

Такие характеристики и такие стилистические формы не возникали в литературе и драматургии самостоятельно. Они воспринимались писателями из придворного обихода и только приспосабливались ими к соответственным требованиям поэтического творчества. Об этом можно судить по официальным документам, где подобные панегирики занимали значительное место, как это видно, например, из описаний дипломатического церемониала. Так, тосканский герцог Фердинанд, судя по «статейному списку» В. Б. Лихачева, говорил: «А он, великий государь... и имя его преславно и страшно во всех государствах, от Ветхаго Рима и до Нового, и до Иерусалима...». (345).

В прологе говорилось о власти Алексея Михайловича так: «От силы бо твоего скифетра все страны Севера, Востока и Запада трепещут и смиренно твоему державству повинуют» (126). Такая же символика развивалась в спектакле. Один из придворных говорил Артаксерксу: «О, можнейший монарх, его же скифетр достизает даже до Аравии...!» (129), «Егда бо скифетр твой потрясешь... тогда воздвигнешь вои или победу...» (150). Артаксеркс объявляет: «Се мой скифетр — знак милости моей» (237), «Сего жь скифетра мочь, иже Вавилон попрал есть...» (137).

Символика скипетра переносилась и в сферу изображения личных отношений. Есфирь считала, что она «скифетра не достойна» (152). Астинь, рыдая, восклицала: «Ах, скифетр твой и любовь твоя, ах, погубляют вся надежды моя!» (146).

Симеон Полоцкий нередко опирался на ту же символику. В 1664 г. он писал:

Ныне ликую, весело играю,
егда на скипетр пресвяты смотряю [142].

В речи, обращенной к царю, Симеон утверждал: «Благословенно есть Великороссийское царство, сподобящеся богом имети тя

---

[140] Там же, л. 332 об.

[141] Симеон Полоцкий. Вирши на праздники и другие темы. ГИМ, Синод. собр., № 731, л. 12 об.

[142] Симеон Полоцкий. Стихи к (г)осударю цару Алексею Михайловичу». — М. І. Прашковіч. Дадаток да дысертацыі «Паэзія Сімеона Полацкага. Ранні перыяд (1648—1664)». Мінск, 1964 (ГБЛ, без пагинации).

(Алексея Михайловича.— *А. Р.*), скипетры державы правяща...»[143].

Значение «скипетра» в придворных церемониалах постоянно отмечалось иностранными послами. Австрийский посол А. Мейерберг писал: «Пока мы подходили, он (Алексей Михайлович.— *А. Р.*) перенес свой скипетр из правой руки в левую руку и протянул нам (руку) для целования...»[144] Рейтенфельс отметил, что царь по своей «воле» имел возможность своему наследнику «передать из рук в руки царский скипетр»[145].

В пьесе один из придворных говорил Артаксерксу: «О, царь вселенныя, ты бог еси земный!» (130). Симеон Полоцкий писал в таком же духе, обращаясь к царю Федору Алексеевичу:

Паче же имя бога оным воздается,
а всяк царь во книгах бог земен зовется[146].

Подобного же рода реальное впечатлоние вынесли от аудиенции с Алексеем Михайловичем опытные дипломаты графа Карлейля, которых нелегко было чем-либо удивить. Когда англичане увидели царя, «подобно блестящему солнцу» сидящему на троне в окружении роскошно одетых бояр, членам посольства «в объявшем их удивлении, а некоторых даже и страхе, что казалось они посреди собрания не людей, а богов»[147]. «Русские цари, — писал Я. Рейтенфельс,— появляются всенародно крайне редко... они, при своем затворничестве, почитаются подданными чуть не божествами, невидимыми и недоступными»[148].

В прологе пьесы и в пьесе уделялось немалое внимание царскому взору, «очам». «И ока твоего блистание,— говорилось в прологе,— может их (многие народы.— *А. Р.*) сокрушити» (127). «Комедия» же эта была недостойна «зрения очес» царских (128). В пьесе Есфирь говорила, что она не «достойна есть высоких очес» Артаксеркса (168) и повторяла: «очес твоих блистание ко всякой службе да мя правит» (171). Один из придворных подчеркивал, что Астинь будет «отверженна, никако же она очи твои (Артаксеркса.— *А. Р.*) взирает» (141).

---

143 Симеон Полоцкий. Книги приветствы. ГИМ, Синод. собр., № 229, л. 464 об.

144 «Путешествие в Московию барона Августина Майерберга». М., 1874, стр. 66.

145 Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 101.

146 Симеон Полоцкий. «Рифмологион», л. 595.

147 «Посольство в Россию графа Карлейля».— Указ. изд., стр. 60.

148 Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 85—86.

Симеон Полоцкий в стихах обращался к царю с просьбой: «Моля, да светлым оком всегда нам зриши»[149]. В «Урcar ряднике», как мы видели, подсокольничий мог приступить к действиям только в тот момент, как он «увидит государевы пресветлыя очи» (95). Отправляясь во Флоренцию, «...государевы очи посланники видели, и челом ударили, и... у руки были»[150].

Первые спектакли очень понравились царю: они оказались достойны царских «взоров», и их представление повторило те же церемониальные формы общения с монархом. В награду за спектакль впервые в России (7 апреля 1673 г.), как сказано в документе «экомедианты Артаксерксова действа», во главе с И.-Г. Грегори, были во дворце у царской «руки и видели его, великаго государя, пресветлые очи»[151].

Отдавая должное царской особе, драматургу и актерам приходилось как можно полнее и нагляднее определить к ней свое отношение. Вся работа по устройству театра, как мы уже говорили, стала исполнением государственной «службы». А. С. Матвеев требовал от труппы, чтобы всегда «все было готово». Поэтому в прологе Алексей Михайлович получал твердое заверение коллектива театра, что все они «к службе готови» (128). Затем в пьесе один из придворных говорил Артаксерксу: «На твой царский указ всегда есмы готовы!» (188). Симеон Полоцкий писал о себе:

Иже готов есмь всегда ти служити,
за твою славу главу положити[152].

Заявление о «готовности» к несению «службы» было церемониальной формулой. Так, нововыборный сокольник И. Г. Ярыжкин (по «Уряднику»), вызванный к царю, должен был сначала проделать следующее: «И нововыборный поклонится до земли, и молвит: «Готов итти к государской милости..., и иду за тобою тотчас» (98). Так же поступали русские дипломаты. Когда, например, Василий Лихачев и Иван Фомин готовились к аудиенции у герцога, они говорили «приставу»: «По указу великого государя...Алексея Михайловича (следует титул.—*А. Р.*) на посольство ко князю итти готовы»[153].

---

149 Симеон Полоцкий. «Рифмологион», л. 202.

150 ПДС, стр. 510.

151 С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 24; в знак «милости» актерам дозволялось поцеловать царскую руку.

152 Симеон Полоцкий. «Рифмологион», л. 340.

153 Пространная редакция «статейного списка» В. Б. Лихачева цит. по изд.: «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. X. СПб., 1871, стр. 555 (далее сокращенно: ПДС).

Церемониал требовал заявлений о том, что всякое действие направляется царской «волей». В прологе читаем: «... о царю, воля твоя, яже нас дерзновенно (вариант: дерзновенных.— *А. Р.*) творит» (128). Здесь же подчеркивалось: «... о царю, по изволу твоему... перста бо твоего... поминовение творит народом послушати» (127). Та же тема развивалась в пьесе. Гегай заявлял Есфири: «Царская воля есть — и та да сотворится» (154), «яз тебе, прекрасная, приношу цареву волю» (164), а Есфирь говорила Артаксерксу: «В твоей есть воле, о царю милосердый» (251). Зафар отвечал так же: «В твоей есть воле, о царю милосердый» (255). Сам Артаксеркс определял течение событий так же: «Указ мой и воля, еже и твоя, действует» (285). В «песне» пелось: «Ныне дерзайте Цареву волю ко исполнению» (291).

Исполнение «воли» должно было вознаграждаться царской «милостью», как обычной для этой эпохи формой платы за отличную «службу».

Подобно тому как сокольник И. Г. Ярыжкин обязан был «тешить» государя в надежде на его «милость» и в опасении «быть сослану», И.-Г. Грегори взялся за сочинение «Артаксерксова действа», как отметил Л. Рингубер, «будучи принужден выбирать между царской милостью и опалой» [154].

Тема «милости», определявшая реальное положение драматурга и всего театрального коллектива, была декларирована в прологе. Вся труппа неустанно просила Алексея Михайловича, «...аще что и несовершенно, но милостью совершенно вмениши» (128).

Та же тема получила сценическое развитие в качестве внутренней темы пьесы. Первый сановник государства (впоследствии попавший в опалу и казненный) Аман говорил царю: «Сподоби мя получити токмо твоей милости» (182), «...кую милость от высочайших глав ныне получаю» (246), «О! Милости молю, милосердия!» (270). То же самое говорили и другие придворные. Дальфон (сын Амана): «...и милость царская и слава превелика будет нам всегда в наследие бесконечне» (246). «Думные» князья Мемухан, Мегуман, Сафар: «О, царю наш милосердый» (130), «Царь наш милосердый» (134), «Царю мой милостивый» (191). Гегай: «... расцветится твоей милости свет» (168). Мардохей, сменивший временщика Амана, был «царской милости извещен» (195).

Интереснее всего, что сама любовь, как новая тема придворного искусства (применимая, разумеется, только к изображению цар-

---

[154] Ср. оригинал: «En nolentem volentem eo adigit, vel Czarea clementia, vel ex contrario periculum. Scripsit ergo me socium sibi...» (L. R i n h u b e r. Relation, s. 29).

ствующих особ), облекалась в формы царской «милости» и зависела от ее приобретения или утраты. Царица Астинь, которую царь отверг и разлюбил, говорила: «Могу ль у царя милость обретати и ярость его слезами утоляти» (143). Царица Есфирь, сменившая Астинь, воспринимала свои взаимоотношения с Артаксерксом в свете его «милости». Она постоянно говорила ему об этом: «О, милосердые очи, то едино мое счастье! Даждь, царю, милость свою...» (268), «Яви ми ныне неотменную свою милость» (242), «...милость свою крайнюю ко мне явиши» (242), в «милости воля моя есть и надежда» (168). Она «милостью царскою паче довольна есмы» (284), она хотела бы увидеть «токмо единожды царской милости зрак» (164), не считает себя «достойною быти таковой высокой милости» (164). Она отвергала все сокровища: «Аще и вся сокровища — сих же аз не хощу,— милость же твоя вящще» (238). Она страстно восклицала: «О, царю мой, царю милосердый!» (241), «царь милостив да будет!» (239), один из придворных говорил Есфири, что царь желает «милостиво твои белые уста лобызати» (159).

Сам Артаксеркс любил поговорить о своей «милости». Аман, по словам царя, не уклонялся «от моея милости» (181). Как и Есфирь, Артаксеркс переносил тему «милости» своей в сферу собственных любовных переживаний. Он говорил горячо любимой Есфири: «Смотри зде милость мою, отверзи чювства свои» (286).

В устах Артаксеркса понятие царской «милости» начинает отделяться от его личности и получает как бы самостоятельное значение. Он говорит Астинь: «Иди жь отриновенна от меня и милости моей» (142). Так же говорит он и Есфири: «Ты мною владеешь, милость же моя — тобою» (170).

Тема «милости» и формулы ее выражения принадлежали самой феодальной действительности. Мы видели, как дворцовые обеды или соколиная охота превращались в демонстрацию царской «милости». Еще нагляднее выступает эта тема в области дипломатии, где и деятельность и даже жизнь русских послов, действительно, зависела от царской «милости» к ним. Естественно, что дипломаты старались по возможности доносить царю о том, что он сам желал от них услышать. По «статейным спискам» нередко оказывалось, что не только русские послы, но и иностранные государи мечтали о царской «милости». Посланник В. Б. Лихачев излагал речь герцога Фердинанда следующим образом: «Обрадуясь де великаго государя вашего... Алексея Михайловича... премногой милости, что он... из таково далнева своего государства взыскал меня, работника своего, государскою премногою милостию,

и за такую ево... милость не знаю, что воздать и чем заплатить, только рад я ему... служить и работать на веки...»[155] Трудно сказать, как строил свою речь Фердинанд в действительности, но в подобном ее воспроизведении она более всего напоминала установленные церемониалом речи московских дворян. Так, сокольник И. Г. Ярыжкин (по тексту «Урядника») говорил «...и не по моей мере такая его государская милость ко мне убогому, холопу его государеву» (98).

В прологе актеры просили Алексея Михайловича простить их недостатки —«милостию совершенно вмениши» (128). Так же, оказывается, Фердинанд просил посланников «побить челом» за него царю, говоря: «... если в чем я ему... не заслужил, ... чтоб великий государь вам... простоту мою покрыл своей государской милостию...»[156].

Крайне смущенная предложением Артаксеркса Есфирь говорила в пьесе: «Мне, бедной отроковице, что мне за ответ дати?» (151). Ведь она была воспитана «в простоте» (152) и не заслуживала такой «милости». Герцог Фердинанд говорил: Алексей Михайлович от него «что небо от земли отстоит» и почти в стиле той же пьесы вопрошал: «И что мне, бедному, воздать за его... премногую милость?» (345).

Все подданные, как полагалось думать, могли надеяться на царскую «милость только в том случае, если их образцовая «служба» сопровождалась их беспредельной покорностью. Покорность же должна была выражаться предустановленными жестами и словесными заявлениями.

В прологе царь Алексей Михайлович приглашался посмотреть, как Артаксеркс слагает свой скипетр «к ногам вашего милосердия и како Есфирь смиренно предстоя, припадает...» (128). Эта формула сопровождалась соответственным действием всей труппы, которое обозначалось ремаркой: «Открывшимся театром колена преклоняют царю» («Aperto Theatro genua procumbut Tzari», 111). Затем, по ходу пьесы, Есфирь умоляла Артаксеркса позволить ей «припадати к твоим милостивым нозем» (168). Мардохей говорил о себе: «Милости раб просит и к нозем припадает!» (284).

Так же описывал свое церемониальное поведение по отношению к царю Симеон Полоцкий:

> Если к ногам вашим лицем припадаю,
> моля о милости, прося благодати[157].

---

[155] ПДС, стр. 550.
[156] Там же, стр. 610—611.
[157] Симеон П о л о ц к и й. «Рифмологион», л. 26 об.

Или: «Себе под нозе ваши подлагаю...», «раболепный поклон сотворяю» [158]. Указывая на эту церемонию, Я. Рейтенфельс писал, что москвитяне перед царем «распространяются ниц, всем телом, на земле» [159].

Помимо приведенных жестов и формул считалось совершенно необходимым говорить и писать о себе то, что по ходу пьесы Есфирь постоянно твердила Артаксерксу: «Яз раба есмь, ты же повелитель!» (160), «Яз царева раба» (170), «Аз раба царева» (238), «Имей мя токмо рабою» (241). Аман говорил: «Вельможны монарха, аз есмь холоп твой верный» (255), Мардохей был «раб» (284) и т. п.

Симеон Полоцкий характеризовал себя так:

Аз же раб присны имам работати
верно ти всегда, чая благодати [160].

Или: «Сих благ аз, раб ваш, верно вам желаю...» [161] Даже гораздо позже, в середине XVIII в., великий ученый и поэт Ломоносов, посвящая оды царям и царицам, должен был писать, что их «всенижайше приносит всеподданейший раб Михайло Ломоносов» [162].

Посетившие Москву голландцы, представители республиканских «Генеральных штатов Нидерландских», отмечали в полном соответствии с действительностью, что по отношению к царю даже «...величайшие вельможи государевы принуждены придавать себе уменьшительные названия и называть себя его рабами» [163]. Посланник Лихачев в своем официальном отчете представлял дело таким образом, что, принимая от него царскую грамоту, герцог Фердинанд «почал плакать, а сам говорил чрез толмача по италийски: «...А я... и сын мой Косма, его великого государя, рабы и холопы... уж то так бог изволил» (346).

Первая постановка театра стала образцовым церемониальным спектаклем. Недаром Симеон Полоцкий настойчиво ссылался на сюжет первой пьесы, когда он в 1676 г. представил свое приветственное сочинение «Гусль доброгласная» взошедшему на престол новому царю (своему бывшему ученику) Федору Алексеевичу. Он писал совершенно в духе рассмотренных нами церемониальных

---

158 Там же, л. 28 об., 66, 68.

159 Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 147.

160 Симеон Полоцкий. Стихи к (г)осудару цару Алексею Михайловичу. М. І. Прашковіч. Дадаток да дысертацыі «Паэзія Сімеона Полацкага. Ранні перыяд (1648—1664)».

161 Симеон Полоцкий. «Римфологион», л. 28 об.

162 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VIII. М.— Л., 1959, стр. 741, см. стр. 498.

163 «Посольство Кунрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу». СПб., 1900, стр. 486.

форм поведения и формул стиля: «...пад лицем на землю, главу мою под нозе ти преклоняю, чая не попранной ей быти... и ожидая не отриновения яростного, но златаго ти скипетра на ню во знамение милости возложения, яко же великий царь Артаксеркс обычай име творити» [164]. В этой же «книжице» поэт развивал свою тему стихами:

Преславный царь Артаксеркс жезл держа рукою,
им же обыкл являти людем милость свою;
. . . .
Милость, во еже к нему волно приступити,
яко же Есфире ту восхоте явити [165].

Обращаясь уже к самому Федору Алексеевичу, поэт продолжал:

Той, егда изволиши к верным протязати,
милость приступления к тебе проявляти,
Яко же Есфир конец жезла целоваше,
тако лобзати имать жезл твой сердце наше [166].

Суммируя изложенное, мы должны признать, что все создатели театра, особенно драматург и актеры, хорошо овладели основными представлениями придворной церемониальной эстетики и смогли воплотить ее в сценических формах. Конечно, никакой теоретически осознанной и специально изложенной эстетической программы они не имели. Они были талантливыми и усердными практиками своего дела. Но можно предполагать с достаточной уверенностью, что И.-Г. Грегори со своими ближайшими помощниками задумывался над значением того понятия, которое выражалось в казалось бы универсальном требовании «чина». Это понятие отразилось в первой пьесе. В прологе, например, указывалось: «...дело бо его величества, власть, слава и чин есть» (127). В пьесе Мардохей заявлял: «Очи страшаться царского чина» (152). Артаксеркс спрашивал придворных: «Чиновно ли вы вси в царице приступали?» (137). Гегай говорил Есфири: «Владей ныне сим чином» (172). Наконец, представление о «чине» приобретало оценочно-эстетический характер. Один из придворных, восхваляя Есфирь, подчеркивал, что она достойна «в красоте чину равнятися» (152). В спектакле все происходило так, как этого требовали нормы, выраженные в предисловии к «Уряднику сокольничья пути» и основанные

[164] Симеон Полоцкий. Избр. соч. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина.— «Литературные памятники». М.— Л., 1953, стр. 110.
[165] Симеон Полоцкий. Избр. соч., стр. 138.
[166] Там же, стр. 140.

на том, что «чин и образец» должны были сообщать всякому действию «красоту и удивление».

Структура всякого государственного церемониала времен абсолютизма представляла собой разработанное до мельчайших деталей, развивающееся в виде определенного сюжета, торжественное искусственно замедленное действие («действо»). Это действие состояло из многоступенчатого повторения того «волевого» импульса, который исходил от царя, затем в строгой иерархической последовательности передавался от исполнителя к исполнителю, и снова в такой же последовательности, уже в реализованной форме, возвращался к царю. Церемониал становился организующей формой развития придворной культуры. Он требовал своих устойчивых идей, ритуальных жестов и принятых формул словесного выражения.

Как мы выяснили, этим требованиям вполне отвечала организация спектакля, его содержание, сценическое воплощение и определяющие формы стиля. Все роли этой, расчетливо подготовленной «потехи», роли театрально-условные и реально-придворные, ориентировались однотипно в направлениях политических, бытовых и эстетических. Это театральное начинание, прочно связавшее сцену со зрительным залом, образовало как бы замкнутый круг дворцового «действа»: царь указал сочинить желаемую пьесу. В прологе коллектив исполнителей докладывал ему об осуществлении его «воли» и просил за это «милости». В костюмах библейской древности изображалась придворная жизнь, казавшаяся и условной и реальной, так как церемониал сцены сближался с церемониалом зрительного зала. Переодевшись в придворные костюмы, создатели театра получали, наконец, искомую «милость» на царском приеме в условиях и формах того же церемониала. В этой церемониальной законченности всего «комедийного действа» чувствовалась опытная рука его главного организатора. «Главным церемонимейстером,— писал Я. Рейтенфельс,— называется из числа сенаторов тот, кто управляет Посольским приказом» [167], а им и был боярин А. С. Матвеев.

Создатели театра преодолели все трудности этого нового дела, превозмогли жесткие требования чуждой им придворной среды и добились полного успеха. Как отметил Л. Рингубер, царю до того понравилась игра, что он смотрел весь долгий спектакль, «не вставая с места». Посыпались царские «милости»: И.-Г. Грегори получил «сорок соболей во сто рублев да пару в 8 рублев», ему и актерам были выданы из дворца «корм и питье» [168]. Успех этот и положил начало русскому театру.

---

[167] Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 100.
[168] С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 23—24.

* * *

Чем же был интересен этот театр? Как это ни странно, он был прекрасен для тех, кто его видел. И прекрасен именно потому, что сливался с торжественным праздником придворной жизни при всех ее нелегких, а нередко и унизительных обычаях.

Этот громоздкий театр обладал живым источником занимательности в силу одного проницательно схваченного его устроителями свойства — своей «зеркальности». Царь, царица и бояре, проявляя завидную выдержку, непонятную «театралам» нашего века, долгими часами с неослабевающим интересом следили за раскрывавшейся перед ними театральной жизнью «царей», «цариц» и «бояр». Сквозь призму непривычной театральной условности они видели на сцене все то, что было привычным и привлекательным: идеи двора и интриги двора вновь оживали перед ними, освященные традицией библейских сюжетов, заранее им известных. Но дело было не только в занимательности спектаклей. Театр смог сконцентрировать и преподнести «в лицах» животрепещущие идеи своего века.

Создатели пьесы сумели воспроизвести на сцене не только церемониальные формы придворной обстановки. В меру своих сил, исторически весьма ограниченных, они коснулись тех конфликтов, которыми был чреват абсолютизм и сценическое выражение которых должно было вызвать сильную психологическую реакцию царя и придворных. Абсолютизм требовал от общества именно того, о чем так выразительно говорилось в пьесе,— «послушание со смирением» (164). Принято было думать, что это и есть то отношение к жизни, которое утверждалось христианской формулой: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» («Притчи Соломона», 3,34 и др.). Действительно, вся пьеса строилась на действии, показывавшем во всех подробностях, как «гордость сокрушается и смирение венец приемлет» (127), как «гордые» Астинь и Аман сменяются у трона «смиренными» Есфирью и Мардохеем. Естественно, что вершителем «воли» провидения в этих событиях выступал Артаксеркс: «Тогда бо всё ты есть,— говорила ему Есфирь,— поношение и честь, и возвышение благодатей» (160).

Как и следовало по замыслу, персонажи пьесы получали то, чего они заслуживали («мщение» или «милость»). Но уже в реальной действительности проблема абсолютизации царской «воли» начинала, очевидно, тревожить современников. По-видимому, не случайно в пьесе так отчетливо было показано, что «возвышение» царем одних героев неизбежно происходило за счет «падения» других. Как бы предчувствуя свое «падение», но находясь еще на вер-

шине «славы», Аман задал Артаксерксу волновавший его вопрос: «Почто же мне так высоко, о царю, еси подъял ..?» (182). Подобное психологическое состояние лучше всего выразил в своих стихах Симеон Полоцкий:

Близь царя еси — честь ти сотворися,
но точию вины всякия блюдися:
ибо тяжко оттуду падати,
и неудобно есть паки востати[169].

Попавший в опалу Аман рассуждал так же:

Яко поздно научаюсь ныне,
что господьственная любовь и милость токмо
есть зелной удар и падение.
Яз того ради высоко взошел,
дабы паче паки низвержен был (274).

Аману вторила низверженная Астинь:

О, поношение
приносит ми горкое падение!
Что жь ми впредь будет чаяти
кроме того? Имам падати (146).

Тема «возвышения» и «падения» связывалась в пьесе и с другой темой, столь же характерной для идеологии абсолютизма. При построении пьесы драматург, очевидно, понял, что одного только традиционного религиозно-нравственного тезиса относительно торжества «смирения» над «гордостью» недостаточно для создания конфликта и развития действия. Появилась лишь упомянутая в библейском сюжете тема заговора, покушения на жизнь Артаксеркса, счастливо предотвращенного Мардохеем. Интересно проследить, как в этом случае идеологические и психологические условия абсолютизма начинали воздействовать на самого персидского царя.

Артаксеркс покорил всех внешних врагов, но его начинает терзать мысль об «измене». Он говорит: «Но не могу же на своем ложе быть безопасен, а мои неприятели, которые входят в мою полату... и те впредь моей смерти ищут, так что и тело мое возтрепещет» (204).

Такие понятия и обозначения, как «измена», «изменничество», «убийство и злодейство», «яд и убойство», «кинжал» и т. п., ярко

[169] И. Татарский. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886, стр. 337.

контрастируют в пьесе с понятиями «слава», «величество», «счастье», «радость», «благоденствие», «благополучие» и т. п. Конфликты социальные мыслятся еще только в виде конфликтов дворцовых. Чтобы избежать назревающих «опасностей», услужливый придворный Марсена предлагает Артаксерксу прежде всего усилить дворцовую охрану:

К сему же мню и то, чтоб ваше величество
указ учинил с великой жесточью,
нихто б не дерзал в царской двор входити непризванным,
аще же дерзнет без указу внити, тот осужден да будет,
сторо́жа ево да разсечет абие в части.
Аще же бы прилучилось советнику цареву
о делах внити, и тому свободну да будет,
егда получит конец скифетра на знак царские милости (205).

Насколько была актуальна эта тематика, с каким живым интересом она должна была восприниматься всеми присутствовавшими в театре, можно судить по наблюдениям Я. Рейтенфельса, которые и в этом случае могут служить комментарием к пьесе. Этот современник писал, что к царю «никто иначе, как по зову, не смеет явиться за исключением весьма немногих вельмож (senatores) и служащих при дворце, которые имеют свободный доступ во внутренние покои дворца. Все же остальные как русские, так и чужестранцы... даже близко к Кремлю не допускаются», вокруг дворца «расположено несколько сотен солдат (centuriae) с оружием наготове, которые никому не позволяют пройти по внутреннему двору» [170].

Тема «измены» являлась той оборотной стороной абсолютизма, которую драматург и актеры смело обрисовали перед царем. Если «государство изменниками наполнено» (как утверждал «гордый» Аман), то тогда лучше всего, как советовал Артаксерксу придворный Фарсис, «всех казнити» (207). Но ведь могло оказаться, рассуждал Мерес, что всего этого не было, и тогда люди «неповинно бы терпели, егда их без розыску казнити... Невинна убо кровь часто многие земли домы проводит в нужду, печаль и разорение» (208). Создавалось впечатление, что государство терпит ущерб в обеих крайних ситуациях: и когда в нем умножается «измена», и когда казнят «неповинных».

Создатели пьесы были еще далеки от составления какой-либо рациональной гражданской программы. Но в жестокий крепостнический век они поднимали проблему «совести», и в их представлении не царь Артаксеркс, а скромный Мардохей стал носителем

---

[170] Я. Рейтенфельс. Указ. соч., стр. 90.

этого морального качества, «человеком чистые совести» (186), и ему в его действиях сама «совесть совещала» (285). Тема «совести», как источника «радости» и залога справедливого правления при всей ее наивности и асоциальности, была прогрессивным идейным явлением в обстановке феодально-крепостнического гнета. Она находила свое подтверждение в стихах Симеона Полоцкого, обращенных к царю (1676):

Благая совесть душу украшает
лучше камней предрагих блистает.
Богатства гибнут, и слава преходит,
а совесть блага вечну радость родит [171].

В придворной среде возникала та проблема переменчивости «судьбы», по поводу которой Симеон Полоцкий писал молодому царю Федору Алексеевичу:

Во славе твоей помни разсуждати,
яко мир не весть постоянствовати:
но вся измена суть подлежащая,
яко же скорый ветр преходящая.
И яко облак скоро претекает,
тако щастие мирское гонзает [172].

И хотя никто не отрицал тогда, что «счастье» зависит от царской «милости», принципиально новой в этих стихах поэта, как и в пьесах театра, была мысль, что переменчивость «счастья» становилась уделом самих царей. Эта тема, оставляя, казалось бы, политические судьбы «царей и царств», начинала проникать в сферу внутренней жизни монарха.

Становилось очевидным, что монарх не только радовался своему «величеству», боялся «измены» и даровал свою «любовь» в качестве «милости». Он начинал страдать от своих собственных интимных переживаний, и более того, он даже позволял себе обнаруживать перед «рабами»-придворными свою слабость. Впервые перед московскими вельможами возникал образ грустного, сентиментального царя (Артаксеркса), испытывавшего «сердечную болезнь» (148). Эта неслыханная ранее «болезнь» оказывалась «любовью» к женщине, причем такой сильной, что она как будто бы совершила перелом в душе «земного бога», превращая его в человека. Когда один из придворных, следуя церемониалу, подобострастно воскликнул:

---

[171] Симеон Полоцкий. «Рифмологион», л. 531.
[172] Там же, л. 532 об.

«О, царь вселенныя, ты бог еси земный!» (130), Артаксеркс, как это ни странно было для современников, отнесся к такому общепринятому утверждению весьма скептически:

Бог земный? Како же в веселии печаль аз обретаю,
во многих бо скорбех себе быти признаваю? (130).

С куртуазной галантностью этот скорбевший от «любви» монарх начинал рвать узы церемониала, сковавшие спектакль. Он говорил Есфири слова, прозвучавшие для московских придворных как ошеломляющая новость:

Возстани, богиня, и руку сию лобьзати,
пред нею же иное все вострепещет,
тебе же уже довольно (162).

Не сдерживая своих чувств, позабыв на время о «величестве», Артаксеркс расточал свои признания Есфири. Перед браком они были еще довольно сдержанны:

Слушай. Люби меня, зане сердце мое тя избрало.
Советники мои, возложите на нее драгой мой венец (171).

Но потом эмоциональная сила переживаний Артаксеркса настолько возросла, что она даже столкнулась с ощущением пределов возможного «счастья»:

О живота моего утешение
и сердца моего услождение!
Скорбь бо в грудех моих пребывает,
зане сила ми оскудевает,
яко, же сердце мое желает изьявити,
како тя души моего сердца имам любити! (240).

Контрастируя с формулами «величия», «милости», «воли» и т. п., речи Артаксеркса начинают заполнять любовные восторги: «О, любезная моя!» (238), «О, утеха моя и краснейшая всех жен!» (243), «О, Есфирь прекрасна» (237), «Светило мое незахожденно» (242), «Сердца моего услаждение» (241) и т. п. Создается впечатление, что любовные переживания превосходят все наслаждения жизни. Артаксеркс говорит:

Услаждает мя сладчайшее вино,
наипаче же очес твоих блистание,
иже звезды превосходят! (239).

Так возникала в спектакле совершенно новая тема «любви», как чувства самопроизвольного, а не внушенного «дьяволом» (как это было в древнерусской литературе), чувства прекрасного, а не «греховного». Это новое чувство оказывалось способным внезапно охватить всю душу человека, и что должно было представляться особенно важным,— душу неприступного в своем «величии» царя.

По-видимому, драматург и актеры, как и присутствовавшие в театре придворные, сами не могли еще полностью осознать то обстоятельство, что «любовь», овладевшая монархом, нарушает привычные и воплощаемые этим же спектаклем требования церемониала и даже колеблет необходимые абсолютизму представления о царе, как о «земном боге», подтачивает броню его «святости», старается покорить его «волю». Но можно не сомневаться в том, что все присутствовавшие на спектакле с глубоким интересом, хотя и не без опасений, следили за развитием столь непривычной для них линии «действа».

Тема любви создавала перспективы так сказать «воспитания чувств» московского феодального общества в духе европейских требований нового времени. Эту тему сразу открыл театр, и никакой другой род искусства не сделал и не мог сделать ничего подобного с такой силой и с таким эффектом непосредственного воздействия.

По условиям времени все эти новации театра должны были укрепляться традиционным авторитетом провидения. Драматург и актеры показали царю и придворным, что «счастье» государства и «счастье» самого монарха зависят не только от его личной «воли». В прологе к «Артаксерксову действу» отмечалось: «...Сице пременяется счастие не без божия смотрения» (127). В прологе к «Иудифи» — еще решительнее: «...зри, великий царю, зде ти, ей, изъясниться в комедии сие, объявляя, как бог наш чюдесно... пременяет печаль земную в счастие» (1 об.). Драматурги отлично понимали те требования, о которых писал Л. Рингубер: «... никто не смеет казаться ученее царя, его считают мудрейшим, всезнающим и всемогущим» [173]. В пьесе по адресу Артаксеркса говорилось: «Столп мудрости!» (290). В обращенной к Алексею Михайловичу речи (на соборе 1666 г.) Симеон Полоцкий посчитал необходимым описать особые его качества: «... ты же богом венчанный... самодержче, вождь сый верх и корифей» [174]. Но несмотря на эту неизбежную черту эпохи, создатели театра осмелились в образной форме и под прочным прикрытием церемониальной эстетики преподать русскому царю нравственные и даже политические уроки. По-видимому,

---

[173] См.: L. Rinhuber. Relation, p. 42.
[174] Симеон Полоцкий. Книги приветствы, л. 465.

эти уроки в дальнейшей перспективе намечали развитие того идеологического явления, которое получило наименование «просвещенного абсолютизма» и, спустя столетие, определило новые общественные позиции писателя, лучше всего выраженные Г. Р. Державиным, объяснявшим в стихотворении «Памятник» (1796) свою славу тем,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Таким образом, то театральное «зерцало», в которое с таким любопытством смотрелись присутствовавшие на спектакле царь и вельможи, обладало своей тайной, едва ли им доступной. Повседневная придворная действительность, переодевшись для сцены в «священные» ветхозаветные одежды, неожиданно обрела особую идеологическую силу: возвращаясь к тем, от кого она исходила, она сделалась теперь светской проповедью в «лицах». Театральная условность позволила новому в России роду искусства возвысить свой голос в защиту гуманных идеалов, «совести» и «неповинности».

Принцип государственного авторитета, выражавшийся в неограниченной власти «самодержца», и принцип идеологической авторитарности, исходивший всегда от церкви, начинали в эту эпоху сближаться, как бы совмещаться и даже «обмирщаться». Первый театр наряду с первой профессиональной придворной поэзией Симеона Полоцкого создали новые для России социально-идеологические и эстетические формы выражения этого важного явления, которое оказалось зачатком «просвещенного абсолютизма». Крепнущий абсолютизм получил в свои руки новое оружие. Но гуманистическая роль первого театра проявилась в том, что он воочию показал самому царю и другим современникам, как этот вожделенный принцип новой феодальной, а затем и феодально-буржуазной государственности может быть убедительно выражен не воздействием на жизнь грубой силой монаршей власти, а силой «комедийного» искусства. В этом смысле жесткие условия придворно-театрального церемониала оказывались одной из неизбежных и сравнительно легких «искупительных» жертв на исторических путях реализации этого принципа.

Но первый театр понес и другие жертвы, к сожалению, вполне реальные. Затронутые драматургом проблемы перемены «счастья», «возвышения» и «падения» были столь актуальны, что они, казалось, сошли со сцены и вскоре определили судьбу самого театра. После смерти Алексея Михайловича придворная обстановка суще-

ственно изменилась, и на некоторое время возобладали консервативные политические и культурные тенденции. Театральный церемониал быстро распался, так как исчезла питавшая его былая сила принуждения и поощрения. Театр встретил отрицательное отношение той самой придворной среды, которая ранее его одобряла. Молодой и слабовольный царь Федор Алексеевич запретил театр, потому что уничтожить его было гораздо легче, чем поддерживать.

Проблемы искусства в эту, во многом еще средневековую эпоху были особенно тесно связаны с реальными судьбами отдельных людей, весьма немногих талантливых деятелей отечественной культуры. Сам устроитель театра, А. С. Матвеев, обвиненный в «чернокнижии» (колдовстве), был сослан. Он встретился в Пустозерске с великим писателем древней Руси протопопом Аввакумом, к осуждению и ссылке которого в свое время этот «ближний боярин» имел ближайшее отношение. Вскоре Аввакум по царскому указу был сожжен заживо (в 1682 г.), а А. С. Матвеев возвращен в Москву. Но через три дня он был растерзан толпой восставших стрельцов. Так вершилась тогда история литературы и искусства. «Ужасный век, ужасные сердца!» следовало бы воскликнуть вместе с поэтом [175]. Но таким был этот переходный век повсюду. Ведь в Англии, например, несколько ранее (1535) за неповиновение королевской воле был казнен видный государственный деятель и гуманист Томас Мор, автор прославленной «Утопии», а в Риме (1600) публично сожгли за еретичество знаменитого философа-пантеиста священника Джордано Бруно, который, кстати, был и драматургом (автором комедии «Подсвечник»).

Заключение

«Ни одно из искусств,— писал А. Н. Толстой,— не отражает с такой полнотой существо эпохи, ее замыслы, ее исторические размеры, как театр. Это понятно: театр всегда живое взаимодействие между идеями (воплощенными на сцене) и непосредственным отношением к ним массы зрительного зала» [176]. Эти верные слова вполне применимы и к первому русскому театру, но только с одним ограничением — в его зрительном зале не было и не могло быть «массы».

---

[175] А. С. Пушкин. Скупой рыцарь.— Полн. собр. соч., т. 7. М., 1948, стр. 120.

[176] А. Н. Толстой. Драматургическая олимпиада 1933 г.— Полн. собр. соч., т. 13. М., 1949, стр. 315.

Двадцатый век породил «театр одного актера», например, памятный нам московский театр «Современник» В. Н. Яхонтова [177]. Век семнадцатый породил московский «театр одного зрителя». Призванный «тешить» Алексея Михайловича, этот театр тем не менее создал такой сильный идеологический и эстетический импульс, значение которого для развития русской национальной культуры вышло далеко за пределы царской «комедийной хоромины». Такова была противоречивая сущность и трудная судьба первого русского театра.

Как выглядел наш театр на фоне общего драматургического ландшафта Европы?

Театральные пьесы времен Алексея Михайловича в этом отношении, разумеется, не были новинкой. Своеобразная церемониальная структура этих пьес и особенности их сценического воплощения удивляли образованных иностранцев, казались архаичными, но в целом театральное начинание вызывало полное одобрение.

Национальная самобытность русского придворного театра не исключала, а предполагала его обусловленность общими закономерностями развития европейского театрального искусства.

Оглянемся на прошлое. Когда на городских площадях средневековой Западной Европы разыгрывались пышные мистерии на евангельские сюжеты (а в Италии они игрались до середины XVI в.), актеры и зрители не были еще разобщены сценой и залом, не знали занавеса и кулис, потому что они совершали единый религиозно-церемониальный акт всеобщего значения. Такой спектакль входил в общественный быт города, как его неотъемлемая часть. В ходе мистерии все присутствовавшие исполняли свои активные или пассивные обязанности и каждый верующий христианин благоговейно созерцал происходящее и, наслаждаясь эстетически, был еще очень далек по своему мироощущению от «театрала» позднейших времен. Филиация театрального назидания, проникавшая в душу зрителя, не разрывалась еще свободой выбора, превратившейся впоследствии в товар нового времени, т. е. в театральный билет.

Европейский театр Возрождения, театр придворный, а отчасти и публичный (в Италии, Испании, Англии и других странах) постепенно профессионализировался как род самостоятельного «свободного» искусства, но он далеко не сразу смог отказаться от внетеатральных и церемониальных признаков, которые затем, в эпоху классицизма, даже вновь заметно усилились. Театр оставался «ранговым», строго предусматривавшим неравноправное

[177] Владимир Я х о н т о в. Театр одного актера. М., 1958.

положение зрителей в зале, которое всегда определялось их положением в феодальном обществе. Непосредственные религиозно-этические связи средневекового театра со зрителем стали энергично преобразовываться в иные связи, опосредствованные спецификой самого театрального искусства, но идейно-нравоучительные и даже проповеднические тенденции продолжали еще преобладать. Эти наиболее общие признаки развития европейского театра типологически соответствовали особенностям театра московского, хотя в нем они оказались обостренными своеобразными условиями формирования российского абсолютизма, а также тем историческим обстоятельством, что наш театр не имел возможности опереться на какой-либо национальный опыт предшествующего театрального развития.

Ранняя русская драматургия и первые театральные спектакли представляли собой новую поросль длительного и постепенно разраставшегося движения искусства. Это было ответвление той старой общеевропейской театральной традиции, которая достигла, наконец, восточного предела своего распространения. Что же сохранялось от этой традиции в XVII в. в театрах самой Западной Европы?

Средневековая авторитарность библейских и евангельских сюжетов к XVII в. была уже сильно поколеблена в европейском театре, однако сами эти сюжеты не потеряли еще своей привлекательности. Более того, по мере исчезновения новой ренессансной веры в «человека» и возвращения на путях европейской контрреформации к привычной вере в бога, в сфере искусства вообще, и в пределах самого театра значение сюжетов из «священного писания» даже усилилось. Типичным представителем театральной тенденции этого рода был, например, голландец Йост ван ден Вондел (1587—1679), который выступал как патриот и против испанского засилия и против укреплявшихся на его родине норм буржуазной морали с позиций католицизма и классицизма. В таких сложных условиях этому драматургу, во многом образцовому и значительному, тоже понадобились испытанные временем библейские сюжеты, на основе которых были построены его трагедии «Люцифер» (1654) и «Адам в изгнании» (1664). Несомненно, сюжетные реминисценции подобного типа имели связи с той могучей и давней традицией церковного, городского и ближе всего — школьного европейского театра, которая не только продолжала опосредствованно воздействовать на новую драматургию, но и получила значительное подкрепление в школьно-иезуитском театре.

Мы знаем, хотя еще и не слишком хорошо, что театр иезуитов развивался в сложных условиях долгой борьбы контрреформации с реформацией, эстетики барокко с эстетикой ренессанса и, нако-

нец,— особенно ожесточенной борьбы западноевропейского католицизма с восточноевропейским православием. Осваивая противоречивые тенденции переходного века, театр иезуитов смог избежать эстетической эклектики только потому, что новые веяния времени не могли поколебать его твердой основы — средневековой схоластики. Деятельность этого театра особенно оживилась именно там, где она была более всего нужна, т. е. на границах христианско-католического и христианско-православного миров, в географических пределах польско-украинско-белорусско-русских политических, военных, торговых, культурных и даже, как оказалось,— театральных контактов. Как раз в этих пределах и в этой смешанной социально-культурной, религиозной и национальной среде получил свое воспитание уже не раз упоминавшийся нами белорус Симеон Полоцкий, крупнейший русский драматург эпохи, окончивший в юные годы и православную Киево-Могилянскую коллегию и, по-видимому, католическо-иезуитскую Виленскую академию. В драматургии католических, а затем униатских и православных школ произошло характерное для переходного исторического периода сближение старых традиций схоластической риторики с некоторыми, тоже уже немолодыми традициями гуманистической поэтики, что нагляднее всего выражалось в объединении христианских образов и символов с античными, персонификации средневеково-религиозных добродетелей и представлений греческо-римской языческой мифологии. В такой обстановке немаловажное значение приобрело влияние «Поэтики» (1594) Якоба Понтана, представителя иезуитской сохластики, писателя в достаточной мере консервативного, подводящего теоретические итоги отошедшей театральной эпохи, но в известной мере уже пролагающего пути классицизму. В представлениях деятелей искусства такого рода намечались пути реставрации библейских сюжетов в формах придворного обихода современности. С точки зрения Я. Понтана «бедствия и несчастия ничтожных людей низкого состояния не способны ни помниться, ни возбуждать душевных движений» [178].

Драматургия этого схоластического направления была сначала ориентирована на выражение интересов польско-католической феодальной экспансии и украинско-православной борьбы с нею, а затем она перешла на верную службу к укреплявшейся на востоке Европы твердыне российского абсолютизма. На этом европейском фоне театрального движения рельефно вырисовывается историческое место появившейся русской драматургии.

---

[178] «История западноевропейского театра», т. I, стр. 684.

Нам следовало бы поставить теперь перед собой самый трудный вопрос: каково же было место первого русского театра в истории мирового театрального искусства? Законен ли такой вопрос вообще? Ведь нет сомнений в том, что эта первая русская драматургия, как и театр в целом, едва только зародившиеся, оказались качественно далекими от более совершенных западноевропейских образцов, опиравшихся на давнюю театральную традицию.

Век семнадцатый был временем высокого взлета европейского театра. Этот необычайный расцвет театра наступил на рубежах средневековья и нового времени (формаций феодальной и буржуазной) на почве ренессансной культуры и был по-своему преобразован восходящим классицизмом. Драматургия и театр служили точнейшим и тончайшим барометром больших социальных коллизий, которыми так богат этот переходный период во всей Европе, в том числе и в России. Однако ко времени зарождения русского театра апогей европейского театрального развития был уже пройден. Для современников этой эпохи драма Ренессанса, английский «елизаветинский театр», увенчанный гением В. Шекспира (умер в 1616 г.), давно уже отошли в прошлое, а вечное признание для них еще не наступило. Испанский театр пытался еще некоторое время следовать за Лопе де Вегой (умер в 1635 г.), но и здесь, в условиях контрреформации, театральный расцвет начинал утрачивать свою яркость. В сложном и противоречивом творчестве Кальдерона де ла Барка (умер в 1681 г.) зазвучало разочарование в идеалах гуманистов, и снова возникли поиски примирения с суровой действительностью при помощи традиционных, хотя и эмоционально одухотворенных упований на бога. В такой атмосфере даже прославленному Кальдерону понадобились библейские и евангельские темы и сюжеты.

Но так обстояло дело не только с театром Ренессанса и его «барочными» и иными противниками. Даже в развитии самого «модного» направления искусства, классицизма, казавшегося тогда даже всеобъемлющим и единственно возможным, вершина драматургического творчества была уже достигнута. Завоевав свое почетное место в мировой истории театра, французская драматургия ограничила себя собственными канонами и теперь подходила к началу своего неизбежного оскудения.

Хронология обстоятельств, связанных с историей европейского театра, достаточно показательна. Русский театр появился в 1672 г., а в 1673 г. в Париже умер Ж.-Б. Мольер. Постаревший П. Корнель (умер в 1684 г.) с трудом поддерживал свой литературный престиж, а находившийся в зените своей славы Ж. Расин (умер в 1699 г.) к 70-м годам XVII в. уже почти исчерпал те богатейшие возмож-

ности, которые давала ему эстетика классицизма. Наступала эпоха, когда вся Западная Европа начала свой постепенный и неизбежный спуск с однажды достигнутых ею театральных вершин: гениев театра, подобных Шекспиру и Мольеру, больше не появлялось никогда, каковыми бы ни были значительные и даже прославленные успехи грядущего театра Просвещения в XVIII в. и дальнейшего театрального движения.

Русский театр XVII в. при самом своем возникновении, еще не осознав и не освоив всего происходящего на мировой сцене театрального искусства, уже застал процесс начинающегося измельчания театра европейского. Ни в эту эпоху, ни в эпоху последующую (XVIII в.) ему не суждено было приблизиться к вершинам мировых театральных гениев, так как в окружающей действительности их уже не существовало. В повседневной и злободневной борьбе различных социальных и эстетических сил переходного периода труднее всего осознавалось вечное значение этапов уже пройденных. Так было повсеместно, было так и в России в те времена, когда, наконец, Шекспир заслужил у нас весьма снисходительное признание А. П. Сумарокова, сотворившего своего собственного «Гамлета» и написавшего в одном из стихотворений (1748): «...Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный» [179]. Достаточно известно, что не со времен театра Алексея Михайловича, а только со времени А. П. Сумарокова началось в России необходимое для нас освоение высоких традиций европейской театральной «старины» (сочинений Корнеля и Расина), а позже и заманчивой «новизны» (пьес Вольтера), хотя как раз эти новинки «вольтерьянства», при всей их злободневности и безусловном историческом значении, в перспективе мирового развития театра уже не получили ни всеобщего, ни независимого от смены времен признания.

Если теперь мы вновь и в последний раз вернемся к оценке первых опытов русской драматургии, то, по-видимому, сможем заметить в самом их существе одно любопытное явление. Несомненная и неизбежная слабость первых русских драм, а вместе с тем, как это ни парадоксально, и несомненная их сила состояли в том, что в их основе не лежало никакой занесенной из Западной Европы готовой эстетической программы и уже отработанной трафаретной стилистики.

В России 70-х годов XVII в. ни придворное общество, ни драматурги и актеры не были подготовлены (идеологически и про-

---

[179] А. П. Сумароков. Две Епистолы. СПб., 1748, стр. 9; см.: М. П. Алексеев. К истории написания имени «Шекспира» в России.— «Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова». М., 1965, стр. 307.

фессионально) к освоению той или иной западноевропейской театральной традиции целиком, в особенности — блестящей программы классицизма. Первые драматурги, несомненно, учитывали опыт распространенных в Западной Европе английских комедий и школьных драм, принимали этот опыт в качестве подходящего для них обобщенного «чина и образца», но не подражали какому-либо из этих типов драматургии по преимуществу. Они ослабили свойственную школьной традиции всепоглощающую морализацию сюжета, обошлись без олицетворения отвлеченных понятий и аллегорий. В отличие от «английских комедий» в русских пьесах было усилено действие, обнаруживалось стремление авторов обусловить его развитие внутренней логикой чередующихся сцен, чему способствовала церемониальная структура спектаклей. Авторы старались представить зрителю последовательное, медленно, но неуклонно развивающееся драматизованное повествование «в лицах», приближенное, с одной стороны, к сюжету по Библии, с другой — к придворной реальности.

Эти условия и возможности деятельности создателей театра определили его ярко выраженное своеобразие как театра синтетического типа. Театр создавался усилиями немецкого пастора, учителей и школьников, но предназначался для русского царя. Он врастал в современный придворный быт, но развивал библейские сюжеты. Театр пытался в пределах спектакля охватить все стороны сценического искусства, чередуя трагедию с фарсом, драму с балетом, декламацию с пением. Театр старался примирить свойственную идеологии абсолютизма противоречивость мироощущения, гармонию и дисгармонию бытия.

Такие противоречивые особенности первого театра порождали своеобразный характер свойственной ему, как и всякому театру, драматической коллизии. В ранних русских пьесах еще господствовал средневековый христианский оптимизм: все творилось по «воле божьей», и счастливая развязка соединялась с целенаправленным нравоучением. Но уже появлялось тревожное ожидание деяний «воли царской», предчувствие еще не совсем понятных коллизий, распространявшихся на сферу отношений человека и государства (первоначально — царя и царства). Такое мироощущение начинало даже проникать во внутренний мир человека (самого царя, цариц, вельмож), в сферу его интимного чувства. Контрастное совмещение торжества и тревоги, «радости» и «печали» составляло основу драматической ситуации первых пьес. Трагический конфликт еще не возникал, но складывалась такая драматическая ситуация, которая в исторической перспективе оказалась предвестием русской классицистической трагедии XVIII в. со свойственным ей, как и

всему европейскому классицизму, конфликтом «чувства» и «долга». Однако для самих современников первого театра такое ощущение драматической ситуации не являлось результатом привычной театральной условности. Оно было навеяно социальной действительностью: те же самые придворные, которые 17 октября 1672 г. смотрели «Артаксерксово действо», незадолго до этого (6 июня 1671 г.) смотрели на казнь Степана Разина, вождя крестьянской войны, поколебавшей их благополучие.

Первоначальная русская драматургия, как и весь театр, органически входила в состав иных видов литературы, искусства и культуры, формировавшихся в высших слоях столичного феодального общества. Драматургов и актеров окружали такие видные деятели искусства и даже его теоретики, как царские иконописцы Симон Ушаков и Иосиф Владимиров, ближе всего к ним стоял первый русский профессиональный поэт Симеон Полоцкий, за которым следовали его ученики Сильвестр Медведев и Карион Истомин. К тому же культурному кругу принадлежали видные писатели и переводчики Епифаний Славинецкий и его ученик Евфимий. В этой среде никто не мог бы удивиться тому, что пастор И.-Г. Грегори оказался придворным драматургом. Драматургом был и иеромонах Симеон Полоцкий, который вместе с другим иеромонахом, Епифанием Славинецким, был еще и стихотворцем, и переводчиком, и школьным учителем, и придворным оратором, и церковным проповедником.

Ранняя драматургия по своему идейно-художественному типу была одним из главных явлений культурной жизни данной среды, в котором воплощалась эстетика церемониала, свойственная всем видам русского феодального искусства переходного времени.

Новая эстетика широко использовала поэтические традиции польского, украинского и белорусского схоластического просвещения, («школьного барокко»), а также некоторые традиции общеевропейского значения, особенно в области драматургии и живописи. Применительно к драматургии и панегирическому стихосложению европейское наследие в плане поэтическом и стилистическо-языковом архаизировалось. Но в отношении своей государственной значимости и политической направленности это наследие приобретало новую и весьма внушительную масштабность, отвечавшую природе и возможностям российского абсолютизма.

Эстетика церемониала по идейной ориентации начинала тяготеть к новому времени, хотя по структурным признакам она продолжала зависеть от традиций средневековья. На основе этой эстетики создавались новые нормы художественного творчества, однако решающим фактором их формирования оставалось непосредствен-

ное воздействие на искусство тех сословно-корпоративных нормативов поведения человека, которые уже сложились в придворной действительности.

Театр еще слишком сильно зависел от внешних, так сказать, внетеатральных факторов своего образования и функционирования, чтобы он смог стать в собственном смысле слова «храмом искусства». В этом отношении первый театр по своему типу продолжал линию развития всей древнерусской литературы, которая длительное время не могла стать литературой собственно художественной и избавиться от функций внелитературных (например, религиозных, юридических, дипломатических и др.) [180].

Драматурги и поэты еще только начинали подходить к осознанию той эстетики церемониала, которой они следовали в своей творческой практике. Они старались воспроизводить в конкретных литературных образах и стилистических формах предписанные им действительностью нормативы церемониала. Но они не были в состоянии литературно интерпретировать подобные нормативы с такой творческой углубленностью, чтобы эти требования времени и среды могли бы выступать в качестве норм, будто бы свойственных природе самого искусства, как это было, например, в эстетической программе и в практике классицизма. Тем не менее историческое значение ранней драматургии и поэзии, основанной на эстетике церемониала, состояло в том, что они положили начало тому новому процессу целеустремленной нормативной унификации художественного творчества, который подготовил национальную литературную почву для зарождения классицизма в России.

Итак, первый русский театр твердо опирался на эстетику церемониала, соединял свойственные своей культурной среде тенденции литературной архаичности и политической злободневности. Эти самобытные основы театра позволили ему на первом этапе развития счастливо избежать подчиненности каким-либо инородным театральным штампам.

Первые опыты русской драматургии не стали самостоятельным родом литературы. Они не предназначались еще в качестве «беллетристики» для «партикулярного» читателя, а оставались только своего рода сценарием для «комедийного действа». Само «действо» не стало еще литературным театром нового времени. Но историческая перспективность первых драматургических опытов, во многом для нашего восприятия наивных, в том и состояла, что, не связывая

---

[180] См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2. Л., 1971, стр. 76.

еще актеров какой-либо целиком заимствованной драматургической схемой, они уже обладали той твердой идейной основой и богатой идеологической оснащенностью, которая узаконила их право на появление и существование в русской культурной жизни. И что особенно важно, возросшие на почве абсолютизма, эти драмы несли в себе тенденции ограничения абсолютизма. Свойственные им идеи гуманности и справедливости были еще весьма абстрактны, но важно то, что они появились.

Нам представляется, что все отмеченные выше своеобразные социально-исторические и идейно-эстетические черты первых русских пьес и первых спектаклей в известном отношении предопределяли и подготавливали для русской драматургии XVIII в. возможности национально-своеобразного освоения и развития театральной эстетики общеевропейского классицизма.

Это и было то первое и совсем малое, но плодоносное зерно зародившегося в России придворного театра конца XVII в., из которого впоследствии, несмотря на социальные и эстетические бури XVIII в., а вернее всего — благодаря им, выросло древо новой русской драматургии, предложившей уже сравнительно скоро, в первой половине XIX в., начиная с «Бориса Годунова» А. С. Пушкина и «Ревизора» Н. В. Гоголя, свои зрелые национальные плоды мировому реалистическому театрально-драматическому искусству.

О. А. Державина, А. С. Дёмин, А. Н. Робинсон

Тексты

Артаксерксово действо

РОСПИСЬ, КОТОРЫМ ОТРОКОМ В КОИХ ЧИНЕХ БЫТЬ В КОМЕДИИ *л. 1*

Артаксеркс — царь перский

Астинь — изверженна царица

Есфирь — царица

Мамурза — оратор царев, которому предисловие и скончание говорить

7 думных царевых, их же имена:

Мемухан — канцлер
Харсена
Мерес
Адмефа
Сефар
Фарсис
Марсена

7 человек спалников царевых:

Мегуман
Биазет
Харбона
Бигта
Абагта
Зефар
Хархас

Мардохей — евреин, дядя Есфирин

Аман — воевода царев и князь

Гегай, Гатах — 2 евнуха и спальники Есфирины

Багатан, Терез — 2 изменники и спальники царевы

Сереа — Амонова жена

Далфон — Амонов сын

Наеми — советница Астины

7 дев Есфириных, их же имена:

Суза
Дина
Июдиф
Села
Рахиль
Фирза
Табиа

Азариа, Садок — 2 верных жидовина и друзи Мардохеовы

Ибрахим, Айдар, Джайран — 3 волхва Амановы

Багао — старший жилец, а с ним еще 5 жилцов

Камзбиз — сотник, при нем 8 салдат, 7 человек стражей

Мопс — он же спекулатар и шут

Геленка — жена ево

 л. 2

О великий царю, пред ним же християнство припадает,
великий же и княже, иже выю гордаго варвара попирает!
От силы бо твоего скифетра все страны севера, востока и запада
трепещут и смиренно твоему державству себе повинуют.
Ты самодержец, государь и обладатель всех россов,
еликих солнце весть, великих, малых и белых,
повелитель и государь АЛЕКСИЙ МИХАИЛОВИЧЬ,
монарха един[1] достойный кóрене[1] престолу и власти
от отца, деда и древних предков восприяти и оным наследъствоватие,
его же великое имя ни в кои времена не помрачится.
Аще и натура скифетр оный имать положити
и над всеми сия аще и вся вселенная прейдет,
и тогда слава твоя безсмертна имать пребывати.
Сей есть потентат пред вами жь, о царю, себя хотя явити,
иже вящше лет двутысящ во гробе заключен есть,
обаче слава имяни его вселенную всю наполняет.
Се предстоит Артаксеркс, пришед от Медии и Персии
монарха велможный, обаче ныне во трепете бывает,
егда, о царю, власть твою взирая, царство оглядает,
ему же повсюду во християньстве подобна не обретает.
Сего же Артаксеркса власть, аще бысть велика, обаче ныне несть подобна,
яко же бе прежде весь его сигклит ныне суть дети,
дело бо его величества, власть, слава и чин
есть, о царю, по изволу твоему сему заимоданно,
перста бо твоего, о монарха, поминовение творит народом послушати
и ока твоего блистание может их сокрушити
и всех супостат противных смиряти. Что же есть дивно,
яко Артаксеркс, аще и мертв, повелению твоему последует?
Твое убо державное слово того нам жива представляет
во образе отрока, хотяй вам сказати,
како во свое время, мудростию, силою и советом
царство свое утвержая, державы своя распространил есть,
яко и арапы, индиане, дары принося, честь ему даяху,
и самое счастие, яко раба, могл смиряти,

[1–1] достойны короне *Л.*

Пастор магистр Иоганн-Готфрид Грегори (портрет-гравюра, 1667 г.)

и коликие подданнии от него себе благо восприимаху,
и предивнаго счастия пременность много усмотряху,
како гордость сокрушается и смирение венец приемлет, ||
Астинь бо отвергается, Есфирь же приемлет коруну, *л. 2 об.*
и како Аман гордым есть в научение,
его же честь, богатство и славу смиренный приемлет Мардохей.
Сице пременяется счастие не без божия смотрения:
бог есть, иже устремление, счастие вспять возвращает.
Людем бо израилевым суд смерти бысть предложен,
от которые беды избавив их, бог в радость облекает.
Мечи убо быша обнаженнии, и убийцы суть готовии,
сь яростию злодеи устремишась и людей божиих отделиша,
иже к заколению готовии. Но зри, коль чюдно и пречюдно
превращает великий бог советы человеком.
О таких божиих делех и судеб неизреченных
хощет ныне пространно Артаксеркс, о царю, вам сказати.
О премилосердый царю и неуподобленный монарха!
Возри, како сей царь, ныне предстоя,
скифетр свой полагает к ногам вашего милосердиа
и како Есфирь, смиренно предстоя, припадает,
их же людие вси власти твоей покорно
по должности и к службе готови себе являют.
И аще детское сие комедиа недостойно зрение очес ваших,
обаче милосердием своим недостатки наши презри.
И зане есть, о царю, воля твоя, яже нас дерзновенно творит,
и вемы, аще что и несовершенно, но милостию совершенно вмениши.
Аще же бог благоволит, яко немощнейшее наше тщание
может, о царю, величеству вашему добре угодити,
тогда не на Персию лучь своего милосердиа послеши,
но во время оно да будут Артаксерксовы люди точию немцы. ||

ПОТОМ НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВАГО ДЕЙСТВА 1-я СЕНЬ *л. 3*

Выдут

царь Артаксеркс, Мемухан, Мерес, Харсена,
Сефар, Мегуман.

И сядет царь Артаксеркс с теми своими князьми,
и начинают говорити.

Вси *вопиют*

Счастие, счастие царю нашему желаем!
Благоденьствие же и мир купно припеваем!

При радостех таких, вину б неотменно,
да будеши всегда, всегда непременно!

Артаксеркс

Возвеселитесь, мои князи, се ныне возвеселитесь
Прехвалный народ персов и медов, возрадуйтесь.
Сы ныне аз бо сам в радостех пребываю
и о вашем веселии никако сумневаю.
Се ныне исповесте, яко ми верны есте.

Мемухан

О можнейший монарх, его же скифетр достизает
даже до Аравии и муринов обладает!
Твои бо силы, вем, индияне трепещут,
и аще они злато, яко же прах, там мещут.
Обаче ныне зрю и верно усмотряю,
в радости бо твоей несовершенство соглядаю.
Но паче ми во уме явственно ми являет
величество твое, в ужас ми удивляет,
како ты правиши сто тридесять странами,
иже никто же не слыхал вси, иже зде суть с нами.
Но оный ужас в страну отложу
и буду тщитися, да всех в радость приведу.
Кто ж от зде стоящих, иже сердцем бы [2] не явил [2]
и милость твою крайнюю устнами не славил. ‖

л. 3 об.

Мерес

О правителю великий! Се аз предложих,
о великий царю, для радостей твоих
зело аз веселюся и паче быть вменяю,
великих убо царств ону признаваю.
Се же тебе знак верности моей.

Артаксеркс

И аз не сумневаюсь о правдивости твоей,
и яко же звезд всех княз то солнце есть златое,
всем луча дарует, всем дает равное,
тако и нам царем достоит сотворяти,
всех подданных своих в щедротах призирати.

[2–2] се явил *Л.*

Харсена

Ей, истинно есть так! Да будут твоя щедроты,
и милость твоя нам, и благости — всем равны,
бози бо всем равно делят, яко же ты, прещедрый.
О царь вселенныя, ты бог еси земный!

Артаксеркс

Бог земный? Како же в веселии печаль аз обретаю,
во многих бо скорбех себе быти признаваю?
Предивный мой образ, прекрасная царица,
о ней же веселюсь, предивная голубица,
Астинь мою красну [3] седмь дней ю не видах,
не бысть же у меня, и очима не взирах.

Сефар

О царю наш милосердый, о сем ты не печался,
вижу твою любовь, как к ней всегда склонялся,
мню, яко же она тя видети желает,
пошли жь вскоре к ней, да ти[I, a] себя являет,
тогда ж она пришед, лобзати тя приступит.

Артаксеркс

Добре ты рекл еси, зане ми сердце тужит.
Востаньте, востаньте вы! Шед скоро, поспешите
вы, спалники мои, царицу приведите:
аз ей желаю, ей, взирая, лобызати,
зане кроме ее не могу пребывати, ||
радости бо мои без нее исчезают
и вси мои веселья туне погибают.
Да идет же ко мне, в венце своем убравшись
и в прочих утварех, сама ся украсивши,
да вси велможи, лепоту ея взирая,
яко краснейшу всех, всех жен избраннейшая.
Иди и сотвори, яко же рекл ти аз.

[I,a] *Испр.*; *в ркп.* тя.

---

[3] прекрасную *Л.*

Мегуман

Монарха велможный, слышах о сем твой глас,
се аз готов бо есмь веленное исполнити
и вся повеленная верно совершити.

Артаксеркс

Немедленно иди.

Мегуман

Аз пошел.

ПЕРВАГО ДЕЙСТВА ВТОРАЯ СЕНЬ

Выходит царица Астинь, Наеми, Дина.

Потом приидут от царя Мегуман с прочими ее звати.

Астинь

Что ж аз о сем мышлю, хощу же предлагати,
мню, истинно аз мню натуре[б] изменяти.
Что жь имам для того признати в том повинна?
Обыклость ли мира, наричю аз, причинна, ‖
л. 4 об. яко же мужей род нас вышше хощет быти,
идеже мы жены краснейше украшенны.
Сие же есть неправда.

Наеми

...... [в]Неправда есть явленна!
Да призовет же ся натура обращенна,
и всячески о сем в сердцах да разсуждают.
И что есть паче нас, иже вси суть восхваляют,
[4]мужей ли убо род?[4]

Астинь

...... [в]Сия ли прекраснейши
и сердец обавание?

[б] *На внешнем поле тем же почерком написано пояснение к этому слову* естеству. [в] *Так в ркп.*

[4–4] *С этой строки начинаются реплики Астини Л.*

Наеми

...... Ни ниже суть умнейши.
Далеко отстоит, могу же прочитати
о славе дерзких жен, достойно восхваляти,
яко же сами бози, любовию распаленны,
прекраснейших жен любити подвижны,
кроме бо Венусы, сия же возлюбила некоего мужа.

Астинь

...... Разум же их похвален.

Наеми

Сие ж ми есть пречюдно. Всяк бо муж есть в том болен?[г]
Не мы ли паче тех? Откуду се явленно?
Мы скоро ведаем мужей лесть совершенно,
и коликих мы жены от дерзъких погубили.

Астинь

Премудрость убо жен, аще бы помыслили,
обрели бы нас, жен, себя превосходнейша
и лутчих суть мужей пред нами, ей, худейша.
Кто сие сотворил, яко же царица Семирама
града Вавилонска? О, всех жен слава!
Она бо дерзновенно Египет воевала
и Ефиопию погама попирала, ||
индейцов всех она прелютость укротила, л. 5
и кая есть страна, яже от ней не трепетала.
И до чего ея муж леностный Нин не прикасался
и всякой брани чин бежал и отвращалъся.
Она же, яко воин, выну дерзновенна,
не в мяхких ризах ся имела облеченна,
[д]но выну в панцере, оружие носила
и при бедрах своих мечь острый имела [д].
О великая военна! Ты сердце в мя смущаеш
и своею храбростию в конец мя удивляеш.
Чесо же ради аз тя вслед не могу ступити?!
О чем аз сия руки не имам омочити
во вражеской крови?! И аз бы оказала,
яко в моих грудях смелость сохранила.

[г] *Испр. другими чернилами из* волен. [д-д] *Рифмуются* «носила»— «имѣла».

Дина

Зри, царица, зри! Се к тебе приходят
от самого царя. Се спалники к нам ближат.

Мегуман

Царица стол имеет.

Суза

Пришли бо зде ныне спалники царевы,
и аз признаваю, яко с ними есть глаголы.

Астинь

Глаголы или ни, аз их презираю.

Мегуман

О великая госпожа, светило всей вселенней,
ею же царство наше имеет себе украшенней,
из очей бо твоих величество сияет
и такожде из уст мед[е] реки истекают,
едина точию царю нашему беседа,
богиня женских лик и всех красот победа,
ею же весь народ возносит превысоку
и, кроме всех красот, в мудрости глубоку!

Астинь

Рцыте ж мне, да свем, что есть ваше прихождение.||

л. 5 об. Магуман

Царь наш милосердый, в тя имея благоволение...

Астинь

Рцыте ж что еще.

Магуман

Вси мы молим, вси, да слушай терпеливно,
сие же к тебе есть моление нас покорно.

[е] *Испр. другими чернилами из* меду.

Могий бо весь мир покоити богатно
нас к тебе послал и купно ж свое сердце,
веселу его мысль тебе б есми явили,
любовь его палящу при том бы изьяснили,
радуются бо с ним народи многих стран,
их же бо вси сия мечем военным взял.
Обаче ныне он в печали унывает,
зане он при себе тебя не оглядает [ж],
ею же он имеет паче своих богатств
и вся, елико же имеет всех своих пространств.
Мню, яко же и ты явиш себе послушна
и приидеши к нему, радуяся охотна.
И сего ради ты да идеши с нами.

Астинь

Зри — чюдо, слушай, зри! Да иду аз с вами?
Чего же царь от мя желает сотворити
и хощет мя весмя народом посрамити?
Да яз открыюся беседам оных пияных
князей толиких стран? О, хотение безумных!

Харбон

Но буди же послушна, царица преизрядна.
Желает убо царь, да приидеши прекрасна,
да купно весь народ себе вси увещают,
подобную тебе нигде же обретают.

Астинь

Слышу аз, добре слышу, како есть ваше хотение,
еже народом всем представить ми в посмеяние.

Харбон

О великого царя супруга и любезна!
Какая сия мысль, зане ты обнаженна [5] ||
о царской к ти [3] любви. Но мысли его советуют, *л. 6*
да вси князи, вси купно тя почитают.
Того ради глаголю же еще, да приидеши в венце
и в лутчих утварех.

[ж] *Испр. другими чернилами из* огладает. [3] *Испр.*; *в ркп.* тя.

---

[5] обнадеженна *Л.*

Астинь

Се от того явленно, како есть превращенно
царево сердце есть, пиянством исполненно,
и хощет мя и ся видети в поношении.
Иди. Аз не прийду.

Битсва

...... [и]Се тем наводишь в разрушении
царя нашего радость, желание же его не хощешь
исполнити.
Он твой бо муж и царь.

Астинь

...... [и]Не хощу же обратитися.
Аще ли он есть царь, аз же есмь царица.
Иди. Не слушаю.

Мегуман

Что же мы за ответ царю имамы приносити?
Вину бо нас подаст, еже безделно возвратити.
Тогда на нас все будет.

Астинь

...... [и]Что вящши же хотите.
Не иду, рцыте же там и сей ответ принесите.

Мегуман

О сем же аз богов свидетелми призываю,
яко же все изрек, ничто же сокрываю
царевых ми словес.

Астинь

[и]Не можеши молчати.

Мегуман

Царица велелепна, се имам отходити.

[и] *Так в ркп.*

Астинь

Наеми, зриши ль ты нравы превращенны?
Что ж будет из сего? Мысли жь мои печалны. ‖
Обаче, аще так з женами будет жити, л. 6 об.
тогда нас мужей род учнут ногами попирати.
Царь бо начинает мя ныне утесняти,
тогда бо весь род женск главу имут подклонити.
Кто весть, кто лутче есть, царь ли или аз.
Мне ль ему повинитись и слушати его глас?
Лутче ми вящши есть смерть горку получити.
Сие ж ему царю, кто хощет, доносити!

ПЕРВАГО ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я

Артаксеркс, Мегуман с прочими спалниками.

Артаксеркс

Сего ж скифетра мочь, иже Вавилон попрал есть,
сей гордой сей жене се ныне же воздаст месть!
Се како мя срамить[к], о Астинь, ты узриши.
Советники мои! Совет мне сотворите.
Приидите ж вы ко мне и вся ми возвестите,
рцыте же дерзновенно, что бысть ея глагол.

Мегуман

Сице она рекла: «Не есть бо мой извол.
Идите же вы от меня и царю возвестите».

Артаксеркс

Тако ль она рекла? Истинну мне скажите.
Чиновно ль вы вси к царице приступали?

Мегуман

И зде свидетель шесть, иже вся бывша послушали
и для ее словес вси купно там молчали.

Вси *глаголют*

Ей, царю! Ей, ей, ей! Тако все было все!

[к] *Испр.*; *в ркп.* срамит.

Артаксеркс

О мщение мое! Что ж имамы воздати,
и гордость женскую ногами попирати?!
Советники ж мои! Рцыте, рцыте ж смело,
что аз сотворю в настоящее дело.

Харсена

О можнейший монарха, повели же рабу своему
речь свою предложити.

Артаксеркс

Глаголи, Харсена.

Харсена

Совет же мой се есть к лицу же твоему.
В печали же, о царь, себя не сокрушай
и гордость оную со смехом низлагай.
И аще б кто хвалил Астини дерзновение
и видел тя царя в печалех сокрушение,
зело б ся удивлял, яко жена едина
творится ти царю упорна и противна,
от твоего ж меча вселенная трепещет.
Аз признаваю, аз, яко беда ей срящет.
Презрети же сего есть зело непристойно,
она же истинно наказанию достойно.

Сефар

В сих убо, в сих времян, в сих днях зело веселых
собрашася князи вси, народ от стран далеких.
Что же за понос они царю имут приписати,
зане царя не чтит? Достойна наказати,
тогда ж бесчестие ей, царю же честь пребудет.

Адмех

Ей, истинно есть так! Наказание да будет,
такие бо слова никто же не слыхал
и гордость подобну нигде же не видал.
Царица бо она, мы будем ю судити.
Аще жь ю царь любил, дерзала ж презирати.

Егда же ей спустить [л], в мысли своя возмет
и своею гордостию царево слово попрет
и учнет сия впредь несрамно бо дерзати.
И мой есть приговор, — по делу ю смиряти. ||

Фарсис л. 7 об.

Рцы ж, како тебе впредь к себе ю приглашать?
И се, по сей уже час не хощет царя слушать,
егда ж сие спустить, явленно, яко горше
возвысится она и будет выну злейше,
и будем мы повинны, яко не могли ю осудити.
Астинь во образ всем поволи ж наказати.

Мерес

Ей, ей, зло сотворила есть! Токмо да разсуждаем:
она венчанна есть, сие мы да внимаем,
какую убо месть ей ныне сотворим,
сию ли прекраснейшу смерти ли предадим?
Се есть мучительство. Не можем сотворяти,
зане законы наши не хощу так предати.
Не можете вы вси мне повесть предложить,
еже бы царицу смертию казнить.

Мерсена

Сие же убо есть причина преслушания,
яко же тя, о царю, преслушась, в поругание.
Венчанных бо тех глав честь, благость украшает
и тех лишением смерть горку избирает.
Егда глава такая сама ся извергает,
во злобу всякую ся явно предавает,
тогда бо свою честь сама от ся лишила
и дело бо само — суд, казнь написала.
Что ж долго мы хотим о смерти разсуждати?

Артаксеркс

Думайте ж вы вси, о советницы мои,
и о деле нынешнем дадите разум свой.
И аще б не взирал на честь своего лика,

[л] *Испр.*; *в ркп.* спустит.

во гневе бы своем низвергл вы вся, елика
мне противляются. И аще жь мне супруга,
обаче низложу смирение врага.
Ты ж канцлер моих царств, к тебе мое хотение,
сверши своим умом советов предложение
сих всех моих боляр, откры ж ми своя мысли. ||

л. 8 Мемухан

Можнейший монарх! Вся, яже изьявляли,
и всех их приговор достойно похваляти.
Но се жь тебе реку, дерзнула сотворити,
еже по достоинству ей никто же присуждал
и по ее вине такую б казнь издал.
Царица бо Астинь не токмо похвалялась,
но тя царю самому безстыдно посмеялась,
любовь свою и долг преслушно преступила
и царства твои вси своевольно посрамила,
зане же по тебе вси цари будут знати,
к чему она сие хотела намеряти.
Егда же сия весть повсюду пространится,
тогда бо род мужей от жен уничижится.
Вси жены, вси рекут: «Егда Астинь так творила
и самого царя честь тем уничижила,
и аз бо такова, яков бо муж мой есть».
Беды бо настоят, их же всяк может весть.
Который может князь тогда в миру пожити,
когда их гордость мы не будем сокрушити?
Ныне же, о царю, закон дать повелиши,
по персов бо и мидов правам поступиши:
за гордость бо ся Астинь, за ослушания ж ея
да будет от тебя в век отверженна,
никако же она очи твои взирает,
и вместо бо ея царь ину избирает.
Егда же сей закон повсюду всяк услышит,
тогда бо женеск род мужей своих возвысит,
всякая же жена начнет мужа чтити
и словесем его не учнет противна быти [м].

Артаксеркс

Ваал весть, совет есть благ! Что мнится вам боляром,
не лутше ль, яко аз, по таким злым делам

[м] *Испр. по Л; в ркп.* бывати.

смерти ю предадим, обаче сие извержение
паче смертей злых, болезням бесконечие. ||

Мерсена

Не можем мы зде вси иной суд похвалити.

Артаксеркс

Благ же сей совет время в дело изводити.
Мемухан, тебе реку, суд сей да напишешь.
Вы ж, спалники мои, Астину извергните ж
и рцыте же вы ей все, что зде приговорихом.
Того бо ради мы ее вси отвергохом,
она бо моей воли учинилася преслушна,
любовь мою презря, явилася упорна,
и впредь аз не хощу очей ея видети.
Иди ж поруганна, венец еси лишила,
зане на главе своей недостойно есть носила!
Иди ж отриновенна от меня и милости моей,
о гордая Астинь, к погибели своей!

Вси *глаголют*

Тебе же, царю наш, дни блази вси желаем!

1-го ДЕЙСТВА 4-я СЕНЬ

Отвержение Астинь царицы.

Астинь

..Сице ли я, Астинь, пребуду отверженна?

Мегуман

Изверженна еси ты и всеми посмеянна.

Астинь

..Что жь есть вина моя, что зло есмь сотворила?

Битъсфа

Ох Астинь, Астинь, молчи! Многажды ты слыхала.

Сефар

Царь, иже прежде тя сытно не мог любити,
дерзала ты в славе лице его срамити,
во всех ево честях и радостех болших.

Абахва

Како же делом тем царь был обещещен
и отречением ея мог быти обруган.

Астинь

Не тако я мыслила. ||

л. 9 Харар

Наипаче ж извол его бысть к твоей славе,
зане хотел явити [6] на [н] подобность [6] твоей красоте.

Астинь

Ах, аще бых пошла!

Мегуман

О Астинь, Астинь! Что гордость сотворило.
Царь добру мысль имел, зане тя имел мило.

Астинь

О Мегумане, мой прелюбезнейший друже!
Аще бы царь не в смех ти принуждал, по нуже!
Ах! Чесо ради аз обаче преслушала!
Рцы ж ми кратко слово, дабы ся утешила,
могу ль у царя милость обретати
и ярость [о] его люту слезами утоляти [7].

Мегуман

Что ж суетно желаешь? Не хощу аз ти лстити:
от ярости его не можем его зрети
и имя твое мы не смеем имянути.

[н] *Испр. теми же чернилами из* не. [о] *Испр. по Л*; *в ркп.* радость.

[6-6] неподобность *Л.* [7] умоляти *Л.*

Астинь

..Чего ж вы ради мя не хощете убити?[п]

Харбона

Вси убо мы тебе согласно обьявляли,
яко твой суд таков боляря издавали.
И персов есть обычай, ничто жь возвращати,
зане к тому писму приложены суть [8] печати.

Астинь

Кто ж мя да утешит? О горкая вдова,
была есмь госпожа, ныне жь я раба!

Харбона

Лутчая есть утеха: приемли терпеливость,
зане же ты тогда явила зелну смелость.
Что же поможет се тебе, се поздно умышляеш.

Астинь

Кто ж имать впредь венец мой на главе своей носити? ||

Харбон *л. 9 об.*

Бози бо сия ведают, достойну имут избирати.

Вихсафа

Для того твой венец не будет сокрушен,
но имать тем óна [9] явственно возвышена,
иже царя нашего наипаче будет чтити,
не яко ты, Астинь, гордостно презирати.

Астинь

Идите же вы вси, ину царицу взыщите.

Абафа

Несть ты наша царица. Где есть твой венец?

[п] *Испр.*; *в ркп.* убиты.

---

[8] *Нет Л.* [9] ина *Л.*

А с т и н ь

Кто весть, какия бози имут образец.

Б и е з а ф

Они бо суть воздали тебе по твоим делам.

А с т и н ь

Кленусь! Есть бо в моей мысли нечто соблюдомо,
еже получю никим же неведомо,
и сия срамоты немщенно оставляю.

Б и г е з а ф

О грозбы твои, грозбы нещетны признаваю!

М е г у м а н

[10] Ничто ж тебе поможет, вскую ты грозиши [10].
Иди, иди, прости!

В с и *рекут*

Прости, прости, прости.

(Плачь отверженной Астины)

1-е

А с т и н ь

Сице есмь изверженна,
короны жь и милости оставленна.
О счастие сердца моего возношение
даеши души моей сокрушение! ||
л. 10 О понос, о срамота!
Чесо ради аз венец на главе носила?
О честь великая, ты моя прелстила!
О Артаксеркс!
Любовь твоя и велия честь
мне ныне подают месть!

2-е

Ах, аще бы правления пути
в гордость мя не привели!

[10–10] *Этой строкой заканчивается реплика Бигезафа Л.*

Ах, аще бы скифетр златый
и самую себя в конец забыла!

О, поношение

приносит ми горкое падение!
Что ж ми впредь будет чаяти
кроме того? Имам падати.

О Артаксеркс!

Ах, скифетр твой и любовь твоя,
ах, погубляют вся надежды моя!

3-е

[11] Приими венец моих бесчастей,
мучитель[р] моих частей [11].
Злато твое мя погубило
и главу мою в срам облачило.

О горкая лесть,

яже медом услащенна есть!
Сия же в снедь тебе пребудет,
О Астинь како забудет. ||

О Артаксеркс! *л. 10 об.*

Ах, умираю, не живу же к тому!
Ах, в печалех вижусь погруженну!

Наеми

Астинь царица да идет и пития вкушает.

Астинь

Не есмь уже царица, сие ми бо прельщает.

Наеми

Иди ж и твоим слезам да даси утешение [с].

[р] *Испр. по Л*: *в ркп.* мучителница. [с] *Испр. теми же чернилами из* утешенно.

[11–11] Приими венец мой без честей мучитель моих честей *Л.*

Астинь

Иду же аз, иду, но месть аз призываю.
О Артаксерксе царь! Тя выну проклинаю! ||

л. 11

2-е ДЕЙСТВО, СЕНЬ 1-я

Артаксеркс

Ныне же гордая Астинь да будет извержена и в конец забвенна.
Гнев, иже сердце мое поныне был обнял, аз разрушал [12].
Томко еще ведати не могу, ниже измышляти, кой умысл кои власти
ту лестную [13] могли наклонити жену [13] к такой гордости,
к таковой высокости, к похвале и жестоте. Вспять подумайте,
что заповедь мою так же разрушила, притом свое щастие.
Мню, яко и [14] по смерти о сем [14] ей каятися.

Мегуман [15]

Что, велие величество,
каятись. О, сердце во мне [16] ся устрашает [16],
тако и чювство мое, и сила ми исчезает,
егда воспоминаю на ея горкия слезы,
на ее[т] старость [17], тоску и сердечную болезнь,
когда, оной токмо соболезнуя, начах воспоминати
царскую заповедь и судей [18] сказати,
яко во веки веков [19] ныне отвержена быти имать
от царской любви и его лица зренья,
как очи тамо, абие водою, заплылись,
яко к тому отдыхати не могла,
како к земли упала, яко рыдая стояла
и так жалобно жалела, дабы сие николи ж учинилос,
и так [20] единого токма царского на ню возрения усердствовала [21].

[т] *Испр.*; ею *MB*.

---

[12] разрешал *B*. [13–13] жену не могли наклонити *B*. [14–14] по смерть сим *B*. [15] Мегуман отвещает *B*. [16–16] стращает *B*. [17] страсть *B*. [18] суд его *B*. [19] веком *B*. [20] тако *B*. [21] усердствовало *B*.

Не возмогл аз на сие вящше смотрети,
ниж ныне ми повесть о том творити возможно.

Артаксеркс

Сим образом
безумие всегда поздо[22] обращается.
Так поздо. К тому[23] ж всуе. ‖

Битсфа[24] *л. 11 об.*

Бози допущают[25]
такие жалости на всех, иже сотворяют
царю неверность и нерадение.

Артаксеркс

Правда. И мне то скорбит[26],
что так суетно погубила венец и честь,
что так презлую мзду воздала за мою верность.
Паче же всего скорбит мя сие вящшии[27],
что яз ныне в едине на вдовем одре лежу.
Печално же обращатись[28] чрез всю долгую нощ,
не обретаю же покоя[29], услаждения ниже любви.
К тому же оная гордыня, к тому мя привела.
О, лучше аще бы никогда не видал!
Она несть достойна, что познал ю при себе.
Неблагодарной скот!

Харбона

Невозможно ли ти быть,
да пременится[30] твоя скорбь в лучшее примиренье,
о царю, царю мой!

Артаксеркс

[31] Что ми сотворити? [31]

Харбона

Велеможный монарх! не слушает ли тя мир?
И кто же не страшит твоих словес и действ,

[22] поздно *В*. [23] и к тому *В*. [24] Бицта *В*. [25] на допущают *В*. [26] скорбно *В*. [27] вашщи *В*. [28] обрацаяс *В*. [29] покой *В*. [30] пренится *В*. [31-31] что ж мы сотворим *В*.

и кто противляется [32] тому, что ты любиш [33].
Ты понуждаеш все [34] животное воздвигнуть [35].
Единым токмо словом народов к брани приводить.
На твое паки слово долженствуют оружие низложить.
Егда бо скифетр твой потрясеш некогда [36],
тогда [37] воздвигнеш вои или победу.
Слово твое может грады сокрушати.
Твое же слово разрушает горы, и силные стены
можеш низлагати.
[38] Имел ли бы ты подобен [38] единой ради жены тогда
толь долго оскорблен и так зело печален быти?
Не суть ли исполнены во царствах твоих красных ||
л. 12 и в лепоту самым богиням равнообразных?
Кто может твою власть, умалив, поругати,
аще сие велиш, дабы во царстве твоем
прекрасных дев, сыскав, имели к тебе прибирати?
Привесть же их семо в твою царскую полату,
юже ты возлюбишь благолепну и чином,
да будет ти вместо Астины возлюбленная супруга.

С п а л н и к и[39] *согласуют*

1. М е г у м а н [40]

Добре.

2. Б и ц т а

Добре.

3. Х а р б о н а

Добре.

4. Б и г т а

Зело добре.

5. А б а г т а [41]

Добре тако есть.

6. С е ф а р [42]

Тогда скоро пременится, царская печаль
в радость преложится.

А р т а к с е р к с

Добро! Посылайте же во все государства мои
вскоре, дабы сие дело [43] к утрею не продлилось [43],
и всех красных привести ко мне повелите [44].
Мню убо, яко повсюду Астины равной не обрящут.

---

[32] противляет *В*. [33] полюбишь *В*. [34] и все *В*. [35] можеш воздвигнути *В*. [36] никогда *В*. [37] тогда бо *В*. [38–38] имети подобает *В*. [39] комнатники *В*. [40] Мегум *В*. [41] Бигта *В*. [42] Зерта *В*. [43–43] ко утрии не продлило *В*. [44] да повелите *В*.

Сефар

Еще и лучшее ![45]

Артаксеркс

Творите же мое повеление,
отдадите же Гегагию ко украшению со девы.
Правда, егда[46] государь такие[46] зелной силы,
имею ль о женах скорбети,
идеже вселенныя пределы моей милости желают
и ко мне припадают.
Поиди, поидите, слузи мои! Отныне[47] же всегда имеет
сердце мое в покое пребывати[48],
егда красную узрю жену Астины венец носящую[49],
когда же верность[50] и благодеяния при мне возляжет. ||

2-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2 *л. 12 об.*

[51] Выходят Есфирь и Мардохей, Гегай[51].

Гегай

Е, Мордоха[52], глаголю тебе паки:
благополучен еси ты и возлюбленным нарицатись,
зане же небо тя толико возлюбляет
и дарова тебе сей лепой образ девы.
Всем[53] сердце бо мое обещает ми ся,
яко ты, прекрасная, получиши Астины венец.
О, впредь будущая великая царица!
Егда Артаксеркс тя лобызати подщится,
воспоминай же, ах[у], воспоминай и нас!
Дарствуй мне тогда твою милость выну[54] во мзду[54].

Есфирь

Мне бедной отроковице, что мне за ответ дати?
На твои словеса что имам приношати?
Яко же[55] мне снитися о таком благосщастии,
понеже[56] многия краснейших девиц обретаются[56],

[у] *Испр.*; аг *MB*.

---

[45] лутшие *B*. [46–46] аз государь такия *B*. [47] ныне *B*. [48] пребыти *B*. [49] носящу *B*. [50] верности *B*. [51–51] Гегай, Есфирь, Мардохей *B*. [52] Ей, Мардохей *B*. [53] вем *B*. [54–54] *Нет B*. [55] яже *B*. [56–56] многие краснейшии обрящутся *B*.

кои достойнейшее [57] к таковой [58] великой чести.
Аз же [59] во страху [59] воспитана,
и какое благо во мне могло быти,
то нищета себе восхощение [60] прияла.
Ничим же, токмо я убогою ся называю.

Гегай

Тако глаголеши ко мне вежеством своим крайним [61].
Но тот слеп есть и видеть не может,
[62] иже не узнает, коликое далеко [62]
твоею красотою ты превосходиш много
четырех сот обретающихся [63] зде
изо всех земель дев прекраснейших, при мне
зде в сего градцких полатах совокупленных.
Но аще ли межь теми от инаго государства
едина токмо, [64] яже будет [64] при тебе,
в красоте чину равнятися возможет,
тогда умрети мне зде, в чести моей
не вем что! ‖

л. 13 Мардохей

Молю тя, честный мой господине!
Да от той чести мы свободны [65] будем ныне,
зане же в ню опаство выну ся мешает.
Мы же такие высокости не обыкли [66] восприяти.
Воспитал [67] есмь сего отрочате
в простоте, в тишине, и делех [68] самых добрых,
яже у простых обретаются людех.
Что же творити Есфиры [69] моей у царского двора?
Ся малая глава лучше да носит венец цветовой,
ниже такую тяжесть, златый венец новой.
Очи страшатся царского чина и блистания,
смиренное бо ее сердце вящши [70] боится и [71] поругания,
на великую честь уповает и оной не желает [72],
персто [73] бо ея обыкли к ручному ея делу,
и сих ради убо вин скифетра недостойна [74].
Кратко бо рещи, како ей князми управляти,
сему гражданскому дитяти?

---

[57] достойне(и)ше *B*. [58] такой *B*. [59–59] в праху *B*. [60] в хищение *B*. [61] крайным *B*. [62–62] иже не знает колико за далеко *B*. [63] в числе обретающих *B*. [64–64] будет, яже *B*. [65] свободныи *B*. [66] обыкло *B*. [67] воспитан *B*. [68] делах своих *B*. [69] Есфири *B*. [70] *Нет B*. [71] *Нет B*. [72] жадает *B*. [73] перста *B*. [74] недостойно *B*.

Гегай

Чюдесно убо мне!
Когда она венец на главе имать носити
и скифетр в руцех своих [75] царственно держати [75],
кий князь и государь обрящается тогда
и [76], взирая лепоту ея во царской порфире украшенну,
ею же убо царь возлюбляет и чтит, яко предивну,
уничижати бы дерзал, высоку бы не взвышал? [77]

Мардохей

Она же, она же кто? Естли то учинится,
но будет ли достойна царя едино [78] зрети,
зане ю недостойну аз [79] признаваю.
Уных [80] убо красавиц служебницею [81] имеет быть.
Весть бог, что мое сердце ныне суть ми вещает,
яко ей было бы великое ругание.
Тогда ми имать быти смертное боление.

Гегай

Что, что? Кленусе аз, при [82] Артаксеркса силе, ||
естли сей красоты блистание всех красот *л. 13 об.*
царя нашего зело возлюбит,
тогда о сем во век совесть моя скорбна будет.

Есфирь

Бог весть, како аз славы не желаю
и со всяким удоволством в скудости пребываю.
И еже бо поныне от бога получила,
лучши [83] ми убо есть смирение и тишина.
Похвала моя от всех высоких далече отстоит.
Вседневные мои труды — молитись, прясть, прочитати.
Земли [84] убо аз правити не извыкла,
не могу же аз никако к высоким вещем склонитися.
Токмо [85] есть едино [85] мое усердствование —
множае во убожестве, а не в богатстве [86] жити,
и паче бо хощу нищету, а не богатство.

[75–75] будет царственно дерзати *В*. [76] *Нет В*. [77] возвышал *В*. [78] едина *В*. [79] аз бо *В*. [80] иных *В*. [81] служебничею *В*. [82] *Нет В*. [83] лутче *В*. [84] Власть земли *В*. [85–85] едина есть *В*. [86] а в небогатстве *В*.

Гегай

Рцыте же, что хотите, однако же ни во что.
Како же [87] имам аз ею получити
красоту, яже сама царю открытися хощет.
Царская [88] воля есть [88] — и та да сотворится —
прекраснейших всех взыскати.
Егда же краснейшую обретох,
очи свои тогда имам проклинати.

Мардохей

Молю бо аз тобя [89], любимый мой господине,
[90] повели ж мне, с нею растався, лобызати [90];
повели [91] же мне с нею токмо две ступени
отступити от тя, понеже мне [92]
с нею, своею дщерью, слово хощу говорити,
яко со отцем своим прощатися желает.
Молю, сие ты нам возбранно не твориши.

(*Мардохей*, [93] *рыдая, глаголет* [93]:)

О дщерь моя! Любезная моя дщерь!
[94] Остаюсь убо я [94] без всякого утешения:
бог весть, что тебе имать содевати. ‖

л. 14 Гегай

Старые, те всегда к слезам убо слабы.
Прощайтеся: нам время к царю отходити.

Есфирь

О, отче мой! Любимой отче! [95] Сердце [96] во мне [96] сокрушается,
язык ми усыхает, изрещи к тому не может,
быть ли мне толь чюдесно от тя отлученне [97],
иже [98] мя от юности нарицал еси дщерью
и [99] паче отца мя отечески воспитал,
иже мя вящши своея старости пестовал,
его же аз паче отца сама есмь любила.

---

[87] *Нет В.* [88-88] воля — воля есть *В.* [89] тебе *В.* [90-90] *Нет В.* [91] повол(ь) *В.* [92] мне с нею *В.* [93-93] слезит *В.* [94-94] Остаю убо *В.* [95] ох, отче *В.* [96-96] мое *В.* [97] отлучену *В.* [98] от тя, иже *В.* [99] иже *В.*

О боже! О, отче [100] мой! Ох, как мя еси [II,1] печалует,
ничто же быx радела о своем поведении,
еже ми бог подаст, токмо мое исполнилось бы желание,
желание давное, дабы токмо сия глава,
сия седая глава последи услуги моей не лишилась [2].
Однако же как ни есть приведет мя бог к чести,
дабы послушание мое от вас не уклонилось [3].
[4] Естли же возле [4] обрящусь, тогда убо прошу,
сердечной мой любимый отче, не отими от мене
верность свою,

([5] *Есфирь рыдает* [5])

не остави мене! Ах, мой отче, ах!

Мордохей *рыдает* [6]

Ах, любезнейшая дщерь моя! Увы,
[7] разлучаясь ныне от мене, увижу ль яз [7] тя паки?
Однако же молитва твоя о мне да будет како пребываю
в горких слезах, тебе обращаюся [8], глаголю.

Гегай

Чаю, яко вам и в год розстатися не будет.
Что болши плакати, однако же по [9] тому же быти,
что самое небо вам дает и царь произволяет.
Мордохай [10], прости.

Мардохей

О господине мой! Постой же еще мало!
Мой честный господине! Постой, да еще словце [11]
малое прореку [12],
токмо едино словце! [12а] ‖

Есфирь л. 14 об.

Ах, пусти мене бедную,
да не насилствием восхищена тако буду!

---

[100] отче, отче *В*.

[II,1] сие *В*. [2] лишалас(ь) *В*. [3] уклонилас(ь) *В*. [4–4] Есть ж(е) во зле *В*. [5–5] слезит *В*. [6] *Нет В*. [7–7] разлучается ныне от меня, увижу аз *В*. [8] обещася *В*. [9] *Нет В*. [10] Мардохей *В*. [11] словцо *В*. [12] пререку *В*. [12а] словцо *В*.

Гегай

Не медлите же вы тогда.

Мардохей

Токмо едино словце,
словце токмо, во ухо.

Гегай

Глаголи же, что ты хощеш.

Мардохей

Дщерь моя, аще ли нечто благо тобою поведется
по божию изволению, тогда николи ж яви,
яко еси рожденна от нашего рода [13],
от Исраилевы колены.

Есфирь

Сие аз умолчю
и во всем ином всегда послушна вам буду.

Мардохей

Тихо, тихо! Божия милость во всем да будет
с тобою.

Есфирь

Бог да благословит вас, отче мой любезный.

Гегай

Единое ли сие токмо словцо? [14]
Мордохай, доброй тебе путь.

Мардохей

Доброй тебе путь, друзе [Ф] мой!

[Ф] *Испр. по В; в ркп.* друзей.

---

[13] напода *В.* [14] словце *В.*

Гегай

Яз иду.

Есфирь

[15] Сердечно любимой [15] отче, доброй тебе путь.

Мардохей

Путь тебе доброй, дщерь моя. Прости!

Есфирь

Прости, мой Мардохай, отче мой, прости!||

2-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я *л. 15*

Асария [16], Мардохей, Задок.

Асарий [17]

Что глаголеши [18], Мардохей? И Есфирь ли взята
есть ко двору царя нашего?

Мардохей

Увы мне! Взята есть! Мне увы!

Асарий [17]

Во избрании ли иных девиц прочиих? [19]

Мардохей

Ох! Так принуждена суще есть.

Задок

Кто весть, аще ли тем велико счастие претстоит всему Израилю. Почто же сумневаешься?

[15–15] сердечной любезной *B*. [16] Азарий *B*. [17] Азариа *B*. [18] глаголиши *B*. [19] протчих *B*.

Мардохей

Молю вы, да сие утешение отставите.
Может бо ся над нею и скоро случитися злополучие,
яко над нами доброе.

Задок

Что коего ради злосчастия убо царю оная улюбится,
ибо прекрасна есть и царицею имат быть?
Тогда счасливые люди еврейский род пред[20] иным,
аще ли же ни, тогда пущена будет свободно,
богатеством[21] добре и щедростью ударенна.

Мардохей

Како же, егда она тако[22] оставленна будет
[23] в чертозе, идеже ей[23] иным служити,
закона же своего держать и богомолие творить не
возможет
и впадет душею, иже[24] телом, в погибелную неволю?
Увы, увы, увы мне тогда, увы!

Асарий[25]

Что же ты, седый старче,
как ныне еси малодушен? Отчаешь ли ты в бозе
ныне?[26] Был ли нашим богом, кой Сарру[27] сохранил,
яже никогда впаде[28] в бесчестие и в поругание[28],
аще и фараон Авимилех ю взял; ||
л. 15 об. хотя в доброй мысли, однако же бог получи,
что Авраамля жена непорочна[29] есть пришла,
яко же и всегда бысть к тому, и муж ее[30] ударе́н.
Что веси, что тебе будет от бога.

Мардохей

И яз ничто же сумневаюся[31]
в моем уповании. Бог да получит по своем благоволении,
за что яз ему воздам должное благодарение
и восхвалю благодать его. Однако же не имеют
нози мои помышление и сердце мое отступити от
сих врат,

---

[20] перед *В*. [21] богачеством *В*. [22] тамо *В*. [23-23] в чертозех, идеже *В*. [24] и *В*.
[25] Азариа *В*. [26] не *В*. [27] Сару *В*. [28-28] в бестье и поруганье *В*. [29] непрочна *В*.
[30] ей *В*. [31] сомневаюся *В*.

доколе уведаю, како моей Есфирии имать содевати.
Аз так же в день и в нощ господу помолюся;
вем, что не менши дщерь к богу ся [32] таже молит [32].
Бог услышит сего старца и непорочные мои слезы
и подаст вся нам полезная и благая.

Асарий [33]

Бог токмо [34] по своему благоволению да наклонит.

Мардохей

Живите, друзи [35], благо.

Задок

И ты будь благодушен.

2-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 4-я

Гегай, Есфирь, Дина, Суза, Тирза, Села, Рахиль,
[36] Товиа, Иудифь [36].

Гегай

Сиди зде, посиди в престоле позлащенном, образе
преюности,
богиня сего мира, зерцало всякой [37] доброй чинности [37],
чюдо сего царства, всех премудрости училище,
звездо умилная! Сиди зде на златом престоле.
Тебе служити имут прекраснейшая [38] всех жен.
Но ты же своюю лепоту приучиши ко [39] царю,
к ъвладетелству его, иже тебе любит. ||
По тебя бо предостойней Астины драгоценной венец, *л. 16*
множае же царское сердце, иже аще днесь хощет
ведать,
желая милостиво твои белые уста лобызати.
Уста, иже иногда повелевают, идеже токмо народ
живет,
но ныне воздыхает, в любви же твоей живет.
Имя же твое уже царское обладало силу,
и слава ему твоя в сердце уже вселила.

[32–32] молит таже *В.* [33] Азария *В.* [34] токмо вся *В.* [35] и друзи *В.* [36–36] Товия и Юдиф *В.* [37–37] доброчинности *В.* [38] прекраснейшее *В.* [39] к *В.*

Любит тя, не видя [40], и что же тогда будет,
егда тя сам вящше, еже мы хвалим, узрит.

Есфирь

О боже! Боже мой и господи! Ты веси,
яко мне бедной есть на моей мысли ныне.
Мню, что мя тако ся похвалят [41] и почитают,
есть опаством и раскаянием покрыто.
Однако же, боже мой, яз зде обретаюсь
множае украшенна во твоей си воле,
неже [42] вне обыклой [42] лепоте.
Сотвори, боже, еже хощеш исполнити!
Яз раба есмь, ты же повелитель.
[43] Тогда бо все ты есть:
[x] поношение, и честь, и возвышение благодатей [x,43].

Дина

Гордость единожды [44] упала,
смирение ныне наследит место.

Суза

И то будет междо иными
ся благодателей [45] сокровище,
яже токмо достойна едина есть,
дабы украшенна была.
И то златом и камением драгим
скоро на главу ее си стало.

Багоа [46]

Гегай! К царю! Царь тя к себе призывает.

Гегай

Се ныне приходит, на еже уповах.||

[x–x] *Испр.*; *в ркп.* и возвышение благодатей поношение и честь и возвышение благодатей.

---

[40] без невидя *B*. [41] хвалят *B*. [42–42] в необыклой *B*. [43–43] поношение и честь и возвышение и благодатей тогда бо все ты есть, что ты ми подаваеш *B*. [44] единажды *B*. [45] благодетелей *B*. [46] Багаай *B*.

Багоа л. 16 об.

Спеши, спеши! Не косни, понеже отхожду.

Гегай

Девицы, чтите сию благую образную [47]
и служите ей [48] пока ея [48] со тщанием,
дондеже еще вящее нечто прилучится.

1[49]

Наеми

Воспряни же ныне твоя юность,
всех юнных прекраснейших венец.
Востани, да украси [50] днесь некоего [50] царя престол,
еже прекраснее изиди [51] твоим благочинма [52].
Ты, добродетель, венца достойна,
достойна, зане же ю царь почитает.

2[53]

Дина

Истинно, княгиня, ты еси родилась
не злаго чина тесных стоп,
ни самое убо, убо [54] естество
к вящим [55] путем тя избирало [56].
Истинно, [57] тебе что [57] естество воздало,
знаменует, яко [58] еси венца достойна.

3[59]

Юдифь

Что достойного [60] и величествия действо,
высокоумие и хитрый разум
в тебе уже имеют престол и седалище,
из очес твоих чтомо есть.
О како будеш тем почтенна,
царевна, венца [61] достойна!

---

[47] и образную *В*. [48–48] *Нет В*. [49] Ариа *В*. [50–50] *Нет В*. [51] *Нет В*. [52] благочин *В*. [53] *Нет В*. [54] *Нет В*. [55] вышним *В*. [56] избрало *В*. [57–57] что тебе *В*. [58] *Нет В*. [59] *Нет В*. [60] достоинство *В*. [61] ея же венца *В*.

4[62]

Тирза[63]

Желаем [64] радостно тебе [64] такую честь,
при сем же свидетелствуем [65],
что счастье само [66] б изменно [66] было
и небо таже неправедно,
естли не была почтенна
ты венцем, его же еси достойна.

5[62]

Села

Как благосчастно назовется царство, ||
л. 17 егда токмо скифетр [67] учнеш держати [67],
обаче же кротостью вящше властвовати [68]
и все царство матерью тя нарекут,
когда все тя [69] возлюбят и честь воздадут [69]
и скажут [70], что венца еси достойна.

6[62]

Суза

Тогда твоего милости дождя
и на нас нищих спустити изволь,
иже ныне серцем и чювством [71]
приветствуем [72] счастия славу и блаженства [72],
яко еси венца достойна.

7[62]

Табеа

Поволи нам пред тобою поклонимся
и даждь нам облобызати руку свою [73],
даждь же и слово ко заставе,

---

[62] *Нет В.* [63] Фирза *В.* [64–64] тебе радостно *В.* [65] засвидетельствуем *В.* [66–66] изменно б *В.* [67–67] держиш *В.* [68] влатети *В.* [69–69] почитает *В.* [70] скажет *В.* [71] чювствием *В.* [72–72] же буди почтенно *В.* [73] *Нет В.*

что к нам [74] изволиш милостива быти [74].
Да будем тебе служити годны,
когда тя царь твой [75] лобызает и [75] почитает.

Есфирь

Камо сие намеренно,
что мя имеете высоко вознощенно,
возлюбленные мои подруги?
Того яз недостойна.
Уже мя хотите возвышати,
никто же может о том ведати,
что божия воля даст.
Ко мне то еще не пристанет.
Бутте обнадежены: той чести,
юже ми аще желаете,
хотела бы лишатися
и вящше вам желати.
Вы есте именитые в царстве
красотою, благодеянием,
яз есмь простого роду,‖ л. 17 об.
никогда же сего взыскала.
Яз зде сижу, аки восхищенна,
ожидаясь благодати божия,
и естли мое счастье будет,
тогда и вам не бес ползы.

Рахиль

Небо да благословит ся!

Суза

Благословением изобилным!
Да скоро на тя царь возрит
з [76] счастием!

Вси *глаголют* [77]

Счастием!

---

[74]–[74] будеш милостива *B*. [75]–[75] *Нет B*. [76] *Нет B*. [77] рекут *B*.

Гегай

Яз тебе, прекрасная, приношу цареву волю:
тоскует, ожидает тебя [78] днесь узрети.
Воспряни, украсися, готовися со мною прийти.
Небо днесь мое хотение исполнит.

Есфирь

Гегай, друзе мой! Яз иду на борьбу и брань люту,
послушание со смирением моим идет,
мое царю обовязуется, но моя несмелость
не почитается достойною [79] быти таковой высокой милости.

Гегай

Что достойно, что не дерзость, что сомнение итти,
когда небеса и царь тя хотят возвышати?

Есфирь

Яз последствую твоему совету и степеням
и приветствую в сей час никоего иного счастия,
токмо единожды царской милости зрак.
Сей да будет первый и последний,
множае несмь достойна.||

л. 18 2-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 5-я

Асарий, Мардохей, Садок [80].

Задок

Радуйся ныне, еврейской [81] роде!
Низложи вретище, да облечися светло:
возсияет ныне чрез долгомрачной облак
новосолнечной свет, нечаемая [82] радость.
Аще Есфирь ныне обрана царскому [83] венцу,
тогда купно погибло,
о Исраиль, все твое уничижение, поношение и ругание.
Мой Мардохей, что тебе ныне в сердце?

---

[78] тебе *В*. [79] достойную *В*. [80] Задок *В*. [81] ты еврейской *В*. [82] не чай моя *В*. [83] к царскому *В*.

Мардохей

Движется в моей слабой крови
боязнь, упование, сомнение, приветствование и болезнь.
Но не вем [ц,84], к чему мне принятися.

Задок

Принятися к тому, что нам бог сам подобает [85],
иже последи милует, его же доволно казнил есть.
Се Иосиф изходит из союз
в царское достоинство!
И сие ныне есть
Есфири тоже намеренно.
Гегай вчера сам ми тое обьявил..

Мардохей

Но в том мя тяжкой сон устрашил.

Задок [86]

Какой сон?

Мардохей

Хощеш ты Иосифом быть? ‖

Асарий [87] *л. 18 об.*

Ни, таких даров не мню себе имети,
чтоб мне сони [88] вытолковати,
однако же [89] повеждь [ч].

Мардохей

Слушай же терпеливно.
Видех сю [90] нощь во сне борящих
двух великих змий, с великим [91] воплем вопиющих.

[ц] *Испр.*; *в ркп.* всем. [ч] *Испр. по В*; *в ркп.* повежды.

---

[84] свем *В*. [85] подает *В*. [86] Азариа *В*. [87] Азариа *В*. [88] сония *В*. [89] однакождь *В*. [90] сию *В*. [91] велиим *В*.

Был и гром [92] ударение, и молния к тому же,
и тако [93] во вселенней шум,
яко земля и небо от того двизалось [94].
К сему же учал приступать черной облак.
Исполнен бед, страстей, тоск [95],
святой народ божий
люто нача покрывати [96],
яко и все животное
в такую скорбь и опаство
во всем поддалося.
И в том возопили[ш] все крепко кь единому истинному богу.

Тогда излиялась абие из малого источника
великая река, нечаема [97] и зело быстра.
Тма прейде [98], беда также погибла,
солнце взыде ясне [99], и просия все светло.
Бедный божий люд нача победу творити,
и един змий другаго одолевати.
Но гордые все низложитись принуждены были,
такожде и вторый [100] змий. Ныне рцы ми, молю,
что может знаменоватися сей сон.

Асарий [III,1]

Воистинно мало, что не угадаю.
Сон сей открывает, что держиши в своей мысли
твое упование и паки сомнение,
твое приветствование и устрашение.
То суть две змии, яже в тебе самом брань творят.
Но когда Артаксеркс из своего щедрот [2] источника ||
л. 19 любви реку токмо на Есфирь излияет [3],
тогда на наш Израиль
в своей скорби вертепе
взыдет новоясно солнце,
и от Есфири на нас милость и благословение потечет.
Тогда упование твое обилно победствовати учнет,
боязнь же весмя подлежати будет.
Кто же весть, что еще и [4] днесь приидет.

[ш] *Испр. по В*; *в ркп.* позопили.

---

[92] грома *В*. [93] такой *В*. [94] двицалась *В*. [95] и тоск *В*. [96] прикрывати *В*. [97] нечаемо *В*. [98] проиде *В*. [99] ясно *В*. [100] вторий *В*.

[III,1] Азария *В*. [2] щедроты *В*. [3] излиет *В*. [4] *Нет В*.

Мардохей

Правда, что добро вытолковал еси.
Ах, но долгое время тако не учинилось,
но естли б имела еще старая глава моя узрети,
что Есфирь [5] мою царицею обирати будут [5],
тогда исраилева скорбь подлинно погибнет,
яз [6] же паки прережусь [7] и помладею.

Асарий [8]

Даждь боже, приятель! Яз [9] уже иду [9]: час молитвы.

Мардохей

И яз в том же деле к богу моему приступлю.
Иди с миром.

Асарий [8]

И ты будь благосерден.

Мардохей

Даждь боже нам услышати нечто благо.

2-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 6-я

Гегай, Есфирь, Артаксеркс.

Гегай

Велеможнейший монарх, великий Артаксеркс,
любовно намерение всего человеческого роду [10], ‖
без него же вселенная и без солнца бы было! [11] *л. 19 об.*
Так долго царство твое пребывает весма печално,
печалуяся до утомления и паче обыкновения
твоея ради восхищенныя [12] любви.
Сияет ти солнце, но лишен еси луны.
Луна великая восхоте тя превзыти [13],
погибла тем светлость и весма изгасла.
Иному же светилу тебе подклонитись,
тогда расцветится [14] твоей милости свет.
Правда, зде образ есть, смирением покровен.

[5–5] моя царицею обрана буду *В.* [6] я *В.* [7] прерожус *В.* [8] Азария *В.* [9] иду уж *В.* [10] рода *В.* [11] была *В.* [12] восхищенная *В.* [13] провзыти *В.* [14] разсветится *В.*

Отгони от ней облак и даждь ей твою лучю,
тогда твоею ясностию возгорится она,
и оной добродетели свет светлее вспять[15] абие
на тя паки возсияет.

Артаксеркс

Как двизает уже сердце мое ся красная издали.
Истинною[16] луною есть, иные токмо звездами.
[17] Изьясни ми ся, богиня[17],
твое умиление!
Доселе днем и нощию помыслих
о твоей добродетели, о ней же прославлено.
Поволи Артаксерксу посмотрети,
еже тебе возлюбил весь мир.

Есфирь

Велеможный монарха[18], пред ним же и мое трепещет сердце,
вь его же обаче милости воля моя есть и надежда!
О государь, его же повеления слушает
далния[19] страны и ближния[20],
во очертании[21] своем земля держит!
Аще мое смирение ничим[22] же достойна есть высоких очес лучи,
их же ныне на мне испустил ты еси,
множае доволствуюсь[23] толь великого счастья,
токмо сие мне бы územно поволено еще,
дабы мне припадати к твоим милостивым нозем.||

л. 20 Артаксеркс

Возстани, богиня, и руку сию лобьзати[24],
пред нею же иное все вострепещет[25],
[26] тебе же уже доволно[26].

Есфирь

Мне, нищей рабе, что рещи?!

---

[15] воспять *В*. [16] истинно ж(е) *В*. [17–17] *Перед этой строкой вторично* Артаксерка *В*. [18] монарх *В*. [19] далные *В*. [20] ближние *В*. [21] очертание *В*. [22] ничем *В*. [23] удоволствуюс(ь) *В*. [24] лобызати *В*. [25] вострепрещает *В*. [26–26] тебе уж волно *В*.

Артаксеркс

Подпоры царствия моего, престола [27] же моего [27] стопы,
иже сами мне советуете в новой супружной [28] брак вступити,
послушайте, имею бо вам нечто предложити.

Мегуман [29]

Царь да изволит глаголати, мы слушаем.

Артаксеркс

Весте сами все. Стоит в моем вертограде,
мало не посреди, [30] добразрачные масличные древа [30],
но едино округ его великое праздно [31] есть место.
Я воистинно [32] ево сице нарочно до сих времян пустил,
дабы лутче возможно было на нее [33] возрети.
Часто же помыслих, аще толь стройно воедине,
велми [34] стройне же [34] при иных таких было бы.
Бывшу же мне в той думе, дала небесная благодать,
что плохая трава окрест его ся положилась,
эфреем нарицаема, около ся обвивала,
яже от корени, даже по верх зеленетися начала.
Ныне же стоит то изрядное древо в достоинстве сугубом,
издает не токмо изобилно себя [35] масло, но и во красе[щ, 36] своей пребывает,
зеленеется кругом и беспрестанно,
и стоит не едино, и украшает все оное место.
Зрите ли, [37] какая та [37] трава очесам моим утешение дати может?

Мемухан

Вашему величеству такожде да зеленетися и жити!

Харсена

Внимаем то слово и желаем при сем сие,
да сей красной образ — царская будет трава!||

[щ] *Испр.*; *в ркп.* во красей.

[27–27] моего же *В*. [28] супрожной *В*. [29] Мемуган *В*. [30–30] доброзрачное масличное древо *В*. [31] праздное *В*. [32] во истине *В*. [33] не *В*. [34–34] стройней еже *В*. [35] с себя *В*. [36] в окрасе *В*. [37–37] какоя то *В*.

л. 20 об.

Сефар

Ей, велие масличное древо — ты[II,a] еси елей и блаженство.
Един же еще стоиш, доколе окрест тя[38] положится
непорочная слава[39], мышца прекрасной девы сей.
Тогда усугубится красотою[40] великого царства[40].

Артаксеркс

Но да будет же тако. Астинь изверженна.
Самая гордость ей честь и счастье скротила.
Осяди престол ее ты, прекраснейшая!
Владею великим царством, ты же силою моею.
Ты мною владееш, милость же моя — тобою.

Есфирь, *рыдая*

[41] Ах, Ах![41] О боже! О царю! Мне нищей?!

Артаксеркс

Почто рыдаеши?

Есфирь

Несмь достойна такой милости.

Артаксеркс

Слушай. Люби мене, зане сердце мое тя избрало[42].
Советники мои, возложите на нее драгой мой венец.

Мемухан

Живете[43] же тогда! Живи, прекрасная красных!

Харсена

Небо благодати[44] венчает тя![45]

[II,a] *Испр.*; *в ркп.* тые.

---

[38] тебя *В.* [39] слаба *В.* [40-40] великое царство *В.* [41-41] Ах, ах, ах! *В.* [42] избирало *В.* [43] живи *В.* [44] благодатию да *В.* [45] *Далее следуют слова Артаксеркса*:

Восприимет тогда смирение во мзду.
Дадите ей скифетр в десную ей руку!
Слушай, Есфирь! Ныне сердце мое тебе заложилос,
Получи велие сокровище, сердце мое и свойства.
Тем же достоит тебе вящую верность и смирение ко мне творити,
Нежели Астиня сотворила есть. *В.*

Есфирь

Яз царева раба,
ничто же сотворю, разве что ему гоже.
Очес твоих блистание ко всякой службе [46] да мя [46] правит,
в смирени [47] такожде высокой той [48] чин превожу
и послушлива буду множае з должности,
нежели для днесь от тя [49] восприятой чести. ‖

Артаксеркс *л. 21*

Лобызайте [50] ея нози [50], советники, и нарицайте ю царицу.

Мемухан

Приветствует тебе, царицо, счастье, сердце и устна наши! [51]

Харсена

Госпожа царицо [52], живи и яви к нам [53] милость твою! [53]

Сефар

Небо тя да благословит, яже [54] тя венчало!

Адмефа

Госпожа царица, буди всегда весела!

Фарсис [55]

Приветствую царицу! Да самое счастье тебе служит!

Мерес

Госпожа царицо [56], прими меня [57] в раба себе!

Марсена

О, будь милостива нам, великая царица!

[46–46] мя да *В*. [47] смирении *В*. [48] тот *В*. [49] тебя *В*. [50–50] нози ея *В*. [51] наша *В*. [52] царица *В*. [53–53] твою милость *В*. [54] еже *В*. [55] Тарсис *В*. [56] царице *В*. [57] и меня *В*.

Гегай

Владей, царица, владей ныне сим чином,
которой тебе сердце мое прежде прорекло есть.
Подаждь ми так же твою милость тако,
яко тебе сердце мое честь и венец сей усердствовало!

Артаксеркс

Приидите[58], советники, пойдите со[59] мною в царский чертог,
радуйтеся [б] у брачного моего пирования.
Ты же, Есфирь прекрасная, еси [60] моя,
в сю [61] же нощ такожде яз буду твой [в]. ‖

л. 22 ДЕЙСТВО 3, СЕНЬ 1

Багатан и Терес совещаются убийством на царя Артаксеркса, Мардохей же подслушивает.

Багатан

Тако ли Астины отверженной быти?

Терес

И паки царицею не слыти?

Багатан

Обаче ю не отомстити.

Терес

Астины, царства сего лучи!

Багатан

Астины, юже вся вселенная похваляет!

Терес

Яже нас поныне возвышает.

[б] *Испр.*; *в ркп.* райдутеся. [в] *Далее чистый л. 21об.*

---

[58] придите *B*. [59] са *B*. [60] ныне еси *B*. [61] сию *B*.

Багатан

Имать ли для поблажения от царя ми слово
быть досадительно и безчестно изречено. ||

Терес

л. 22 об.

О, дабы Астинь честь свою паки получила
яже аки мать нас кормила, введши в честь.

Багатан

Ничто же лутче, токмо да избыстся
вера наша и да совершится,
како есмы ся согласили
и о том совет учинили,
яко царю в сию нощ умершвлену быти,
главу же его саблею усекнути.

(Мардохей, *стоя в прикровении*)

Ох, царю! О, царю, беда!

Багатан

Егда же царь убиен будет,
кому же достойнее скифетр носити,
кроме Астины обыкновенной руки?
Убо возможно оной такую пространную землю,
яко же некогда прежде Семираме, владети.
Дева же, яже венец ея дерзает носити,
имеет поноше́нная и в безчестии пребыти.

Мардохей

О Есфир, Есфир! Что ми совесть моя
о тебе прежде пророчествовала?
О Есфир, Есфир! Ох, уже еси погибла! ||

Багатан

л. 23

О, как в то время счастливы явимся!
Как же ты, брате, ныне молчиши?

Терес

Не вем, что ми тако стращает,
мочно ли мне возложити руку
на того, иже здравье свое ми поверяет,
зане же он есть царь.

Багатан

Так ли скоро ся переменило
сердце твое, страшливо и лестливо.
Но сие письмо, токмо рцы ми, знаеш?
Убо того дела началом сам еси,
и мне сам к тому еси приводил,
что аз тот союз с тобою учинил.
Сей руки твоей несть лету отрещися,
тем же болшая твоя вина изьявится.

Мардохей

О злохитрость, убийство и злодейство!

Терес

Постой, брате. Несть развратно мое слово,
убо токмо вопрошаю, как бы лутче зделати,
зане в сем великом деле достойно опасатися.

Багатан

Чесо же опасатися, ‖
л. 23 об. понеже уже извещалося,
яко в чертог внити к пияному
и в сердцы угонзнути кинжал спящему.

Терес

Чертог же всегда отверст не бывает.

Багатан

Но ключь ся у нас еще обретает.

Терес

Кто весть, аще с ним мощно отомкнути.

Багатан[г]

Не отомкнути? Что глаголеши во сне?
Несть ли зделан он таков
царского ключа образом?
Не дал ли есмь в воске его изображение?

Мардохей

Помози, боже! Ох, ох!
Едва бы мне сие ко уверению было,
дабы человеку то сотворити мочно.

Терес

Яко же нам в то время стражу пройти,
понеже нас не похощет пустити?

Багатан

Безумниче, когда же образумишся?
С тем токмо объявимыся,
что по указу царскому истому
о полунощи приходити к нему: ‖
«Приносим убо лекарства драги,
их же нощию царю принимати».

Мардохей

Ох, какие то изменничьи промыслы!

Багатан

«И дабы без мешкоты внити могли,
сам нам ключа своего не возбрани,
его же сами у нас зде видите».
Кто же нам тогда помешати учнет,
когда сице творено от нас будет?

Мардохей

Боже, подаждь ты сему препону!

Багатан

Како мниши ныне?

[г] *Доб. из Л.; в ркп. нет.*

Терес

Слушай, токмо слушай!
Мню сие учинити лутчее быти.
Царю в лекарство место подносити
сей смертоносный яд, его же изготових.
У себя имам всегда про него.

Багатан

О буйесловие! [д]
Како имать во сне крепком нощию
царю быти яд поднесен лестию?
Разве ему уста силно отпирати, ‖
л. 24 об. ими же учнет вспять на тя изплевати
и возопити убойство, призывая помощи.
Ни, лутче ружьем, от него же ему ничто прорещи.

Терес

Каковому же тогда быти ружью,
зане же нас не впустят с саблею?

Багатан

Увы, безумне [е],
с вопросами и многоречием.
Где же подел кинжал, кой есмь тебе дарил?

Терес

Ей, зри, едва ево есмь не забыл.
Зде убо, под моим кафтаном.

Багатан

Мой также зде.

Марходей

Смотрите ж, что бес измышляет!

Багатан

Лутчи же будет, когда стража
нам ружье наше низложить,

[д] *Испр.*; *в ркп.* буйе словие. [е] *Испр. по Л.*; *в ркп.* безумне.

тогда убо дела наша
покровенны. Кто ж о тайне мнит?
И когда царь убит будет,
мы кинжали от себе отвержем
в реку, яже близ стен градцких течет ||
под сим градом. Тем же нас ничто же печалует: л. 25
кто убо нас обвинит в таковом действии,
ибо без ружья в чертог есмя вошли,
никто же таже нас изымал есть.
Вем, правда, яко стражем повешеным быти,
но нам в том что?

Мардохей

О Боже! Где твой суд и месть!

Багатан

Тем же Астинь скифетр паки восприимет,
яко сущая царица, ея же и достоит.
Тогда убойства не постыждуся,
ни, но мно́жае тем похвалюся,
яко царицы вернеиший воин есмь.
О, кая ми будет за то мзда и честь!
О Տересе, что мниши, что се есть?

Мардохей

Боже! Тем изменником дело сие никогда же попусти?

Терес

Се же да бысть тако. Зри же еще сю руку,
сю руку и писмо, еже у тебе в заставе
положено. Ныне сон во очех моих не постанет,
дондеже наше предложение ея [62] совершает.
Безверный царю! Жди уже, аз тебе долго
служил, аки неволник, так же слуга верный!
Кая ми польза есть, токмо невольник быти?
Но Астины великой венец паки возложити, ||
вем убо тогда аз, что вящшу честь восприиму: л. 25 об.
будучи господином, получают бо мзду
лутчею, иже служат ей токмо в верности.

[62] ся *Л.*

Багатан

Тако, Тересе, сице лутче измыслил еси.
Без сомнения, от Астины скоро возвышен будеши,
изми токмо саблю, купно же и кинжал,
да паки сотворим новой союз и веру.

Терес

Кинжал стави к сердцу.

Багатан

Саблю же к горлу.

Мардохей

Зри же, что бес творит! Бог вас за то да судит!

Багатан

Клянусь аз тебе, Тересе, солнцем, луною и звездами:
бози сами меня да отступятся во веки,
аще союз сей и слово ныне не содержу,
что в сию нощ нам царя умертвити!
Клянися и ты тако.

Мардохей

О Боже! Где гром твой и огнь?!

Терес

Еще в сию нощ, клянуся, имеет
царь в крови своей истой плавати будет!
Бози того да казнят, иже инако помышляет сотворити!
На мя же кинжал твой, аще похощу союз разрушити!

Багатан

На мне же твой кинжал, аще инако реку||
л. 26 или днесь противно сему что сотворю!
Воспряни, довольно.

Терес

Довольно.
Ныне нам ничто же являет, добро получене токмо.

Б а г а т а н

Уже то сотворится
к Артаксерксовому воздаянию,
Есфиры же ево к поношению.

Т е р е с

О великая Астины! Радуйся
твоего ради безчестнаго венца!

Б а г а т а н

Прииди, прииди уже сие учинится.

М а р д о х е й

О государи, государи!
Како удобно, ох, како удобно изменою проданы есте!
Како же паки вы сице явственно пребываете
днем в печали и в страху, нощию же множае
в опастве.
Егда царствия вашего утомленые овцы,
мир ложится к безопасному почиванию,
тогда вам не верити ни в коем бо спании,
зане тогда наступает вящши измена, яд и убойство,
[ж] бодрствует паки страх, печаль округ златаго одра
вашего,
злохитрость же и самая смерть [ж].
О Ортаксерксе! О Артаксерксе!
Аще небо самое тя не бы остерегло, ||
ты, государей государь, л. 26 об.
тогда б скоро тя убили и предали.
Как же аз ныне сотворити имам,
зане же убойства промысл аз слышал сам?
Утаити, — совесть ми творит тяжку
и причастником быти того же греха.
Ничто же лутче вем бо сотворити,
токмо скоро Есфири се обьявити.
Егда бы мог [з] скоро Гатаха узрети!

[ж–ж] *Испр.*; *в ркп.* бодрствует паки страх, печаль округ златаго одра злохитрость же и самая смерть одра вашего. [з] *Испр.*; могла *МЛ*.

Артаксеркс

Тако, верныи советники, яз добродетель воздам,
понеже здравья никогда же жалел своего Аман,
иже храбростью своею бысть победитель врагом
и часто оных дерзостно побил своим подвигом,
иже такожде не дался странными дары и чести
уклонити никогда же от моея милости,
но паче верность, юже он исполнити обещал
постоянно и недвижно, з добрым советом отдал,
понеже от крови и войны спасл есть мои пределы.
Тогда за ту верную службу почтен будет без меры,
и в моем царстве быть ему старейшим над иными.

Мемухан

Благо, царю, яже велиш, и мы ради поволим.

Артаксеркс

Седалище его да у престола стоит ||
л. 27 моего[и], и сам же всех князей превозходит.
Аще ли кто дерзнет ему ся противляти,
сей саму царску честь, ей, учнет себе умаляти.

Аман

Велможнейший государь, владетель всех монархов,
[иже вселенну обдержат, из них же потентантов
все тебе поклоняются и служити готовы
со всем, что токмо движется, знижая своя главы!
Аз такожде кланяюся и засвидетелствуюсь
небом, солнцем и со светом, что твой истой являюсь.
Мои службы, которые некогда же сотворил,
не суть достойны сей чести, иже аз есмь получил.
Сабля сия, которою[к] ты, о царю, сам владеешь,
твоим же повелением брань творити и почнет.
Что же таковой мне раба к сицевой привесть чести,
да в царстве твоем аз буду большим князем во власти.
Ни, царю. Паче низвержу саблю ту к ногам твоим,

[и] *Приписано перед строкой тем же почерком.* [к] *Испр. теми же чернилами из* который.

купно и шлем, и сам себя являю сердцем моим.
Аще когда сия рука моя что сотворила,
о том бы сама никогда да ся не похвалила,
убо твой царской сей указ сицево сотворил есть,
тебе же ныне узники со всеми воздают честь
к тому, иже стращаются тебе из неприятель.
Почто же мне так высоко, о царю, еси подьял,
иже ничто сотворил есмь со службы моими?
Сподоби мя получити токмо твоей милости.

Артаксеркс

Благо милости без вреда.‖
О ни, Аман, сия глава вящщей чести достоит, *л. 27 об.*
в ней же мудрость со смирением купно же обыкли жить.
Рука, яже по се время ружье смело держала,
ныне паки воспринять лаврову ветвь заслужила.
Востани, верный мой слуга!

Аман

Что ружье, что рука, что мзда, что ветвь лаврова?
Ох, царю, молю, дабы ся честь от мя отошла.
Аще сия сабля несть удовольна крови
разных неприятелей, тогда ся готови,
убо остра и дерзка по царскому слову,
паки кровию возмущати всегда быть готову.
Рука та же не здрожит пред своим недругом,
еще и силнейшим есть, противится оном
сице вящше из любви, неже с какой лести,
ниже воздаяния и для коей чести.

Артаксеркс

То мене бо множае еще подвизает,
и твоего сердца к подвигом возбуждает.

Мерес

И еже царь творит,
не имело бы и тебе то, великой Аман, возлюбить.
Все убо добре вемы, яко храбр ты еси,
чесо ради чтимы мы здешные все князи.

К тому и то ведаем, яко ты от крови,
от крови же царевой, ей, родился еси.||

л. 28 Аман

Ей, недостойно есть сие,
что мя сродство мое самому похваляти,
но весть о сем и свет, такожде и вы, князи,
кто Агаг прежде бысть. Великим царством
древле правитель бе, купно же амалекитом
прирожден, иже та же исраилитан
к лютой смерти приведе, аки бусурман,
и часто кратно же на них изостри свой мечь.
Последи мучитель даже, яко же прииде
царь июдейский Саул, беса имея в себе,
ево неправедно без всякие чести
скоро, нечаятельно, исполнь злобной лести,
поят, аки пленника, без правды, своевольна,
паче же воровски, нежели побежденна.
Последи же без правды, веру разрушив свою,
уби его же бедно страшною рукою.
Аще убо по сему время получится,
тогда ми то убойство надо б отомстится.

Артаксеркс

Почто се глаголеши?
Взложи сей лавровой венец и буди царю друг
и всего царства отец, недругом же недруг.
Прииди, сядися подле мя к заслуженой чести.
Вы же, князи, впредь слушайте, его же повести:
иже не воздаст ему честь по достоянию,
сей мя возгордит и безчестит, не дав ему поклону.||

л. 28 об. [63] Харсен *сам друг* [63]

Как же, великий царю, как нам не чтити,
его же сам ты чтиши, иже верность явит
поныне в службе твоей. Хвалим желания
твои! Тебе же, Аман, приклоним колена.

[63–63] Марсена *Л*.

Сефар[64]

Величаем тя, княз великий,
иже нас так же проводиши
путем к подобному получению и милости.

Адмефа

Лавр твой долговечен да зелен пребудет,
и самое небо егда[65] да освежит!
Соблажи же царя нашего венец.

Артаксеркс

Приидите, да внидем к трапезы,
зане же Аман ныне лавровой венец носит.
Того же ради сей день в радости
пребывати имать, яко же достоит.

ДЕЙСТВО 3-е, СЕНЬ 3-я

Гатах, Мардохей.

Гатах

Но дерзнуть ли ми сие учинити
и то велико дело царицы обьявити?

Мардохей

Молю тя для Артаксерксова жития, ||
Гатах[л], спеши, да извещи ей сия, л. 29
аще убо до самой дождеш нощи,
тогда царь утре будет истинно без души.

Гатах

Чрез Тереса и Багатана?

Мардохей

Ей, чрез Богатана и Тереса, они бо убойцы.

[л] *Испр.*; Гегай *МЛ.*

---

[64] *Нет Л.* [65] его *Л.*

Гатах

Но егда же тебе и мене нечем будет уличити?

Мардохей

Увы! Ох, спеши, молю зело ти!
Ядом, писмом и кинжалом уличити.
Горе же тебе, егда то учнеш покрывати!

Гатах

Сам ли сие все видал своими очима?

Мардохей

Ей, очима сам видел и ушима слышел,
как Багатан Тереса научал
и како заклялись прежде спать не пойти,
дондеже царю в крови своей не лежати.

Гатах

О бози! Спасите царство ныне и царя от беды!
Но сам опасаюсь, Мардохей, какой неправды,
егда то дело не тако обрящется.

Мардохей

Опаство, аще сие не донесеш. ||
л. 29 об. Аз убо от сего свобождаюсь,
зане же ти изьявил то есмь,
самому же ми к царице приити несть леть.

Гатах

Се буди же тако. Твоем бо слово [66] извещу.

Мардохей

Ей, молю тя!
Аз есмь бо человек чистые совести,
иже ничто же глаголю, разве истинны,

[66] словом *Л.*

Есфир! Ох, Есфир! Ты сие довольствуеши[м] и проче,
инако бо умертвити двух убойцов злохитрость
сего, иже прежде непобедим бысть.

ДЕЙСТВО 3, СЕНЬ 4-я

Артаксеркс

Любимая супруга, кто ти сие открыл есть?

Есфирь

Смиренной, доброй муж,
его же давно знаю уже.
Лесть не имущ, но правду сей.
Имя ему есть Мардохей,
тем же ми он есть верущей.

Артаксеркс

Он же как сие изведал есть?

Есфирь

Потому, что он вседневно и нощно у врат градцких пребывает. ‖
И егда те предатели совокупились были, *л. 30*
и того в помышлении своем не имели,
что Мардохей близ оных я[67] обретати имеет,
учели между собою о убойстве говорить.
В то же время случилося, что Мардохей же тот,
что творили, все услышал, будучи у ворот,
советы их. Та же купное писмо, яд с кинжалы
сам же видел, тем же скоро Гатахом извести.

Артаксеркс

Аще жив буду, Мардохей, за ту верность достойное возприимеши.

[м] *Испр.*; *в ркп.* долствуеши.

---

[67] ся *Л.*

Багатан

Не мощно ли, Гатах, нам сие ведати,
что нам ныне скоро у царя делати?

Терес

Почто же нас так скоро призывают?

Гатах

Ничто же дела есмь вашего слышал,
токмо да аз спешно указ бы исполнял.

Камбиз

Низложите ружья ваша [н].

Терес

Добро.

Сефар

Государь царь, Багатан и Тереа приходят семо.

Гатах

Великий государь, зде ставляю сих людей.

Терес

На твой царской указ всегда есмы готовы! ||

л. 30 об.

Артаксеркс

О верные вы слуги, слушайте мою речь,
юже вам предложу, и дайте ми ответ.

Терес

Зело добро, царь да изволит глаголати.

Артаксеркс

Бысть се в недавном времяни. Изыде землянин
на ниво свое, идеже обрете две змеи
зело красных, яже, однако, от мразу едва живы.

[н] *Испр.*; *в ркп.* ваща.

Но муж сей, ужалившися для их имущей красы,
взем, положи их в тепло свое самое недро.
Они же разгреявшися — О зло, за вземше добро! —
учалися уже двизати. Муж же о том радостен,
пестуя их, играл с ними, суще о сем доволен.
И в том онаго зло бедно за тое уязвили
в перси ево и злом ядом вскоре умертвили.
Рцыте ми, тогда что они за тое заслужили?
Како же ныне молчите в зелном сомнении?

Багатан

Змии те?

Артаксеркс

Тако, змии.

Багатан

Обе?

Артаксеркс

Обе.

Багатан

Без вины умре человек.

Артаксеркс

Что же им за то терпети?

Багатан

Лутче им на мразу бы умрети было. ||

Артаксеркс л. 3г.

О ты, проклятой яд паче змииной язвы!
Не такожде ли тя от скорби да из беды
низьял есмь некогда и, аки на сим лоне,
пестовал и кормил к тому же в моем доме.
Ныне тя возвышил. Почто же моей смерти
ищеш, иже тебе дал со счастьем и честл?

Багатан

Кто, мы?

Терес

Кто, аз?

Артаксеркс

Тако вы! Вы обои изменники
и еще хотите запиратися сицева злолютства?!
Гатах, иди семо, изьясни ты их действо.

Гатах

Отдатите суда° ружъе.

Багатан

Низложено есть за сторожею.

Гатах

И у вас тогда несть никакое ружье?

Багатан

Ни единое сапожное шило.

Гатах

Что же под сим кафтаном висит на ремю?

Артаксеркс

Кинжал.

Гатах

Ей, голой кинжал! ||

л. 31 об.

Артаксеркс

На мя кинжал изостреги?

° *Испр. теми же чернилами из* сюда.

Б о г а т а н

Тереса же ныне возхоте свой кинжал за дверы отверсти.

Б о г а т а н[oo]

Кинжалы мы носим на недругов наших.
Бози! Вам вестно, яко на царя зло не мыслих!

А р т а к с е р к с

Чесо же ради Тереса своего отринул?

Б а г а т а н

Страха ради.

Г а т а х

Инако то изьявится.
Слушай, Тересе, даждь яд из пиры своея семо.

Т е р е с

Что, яд?

Г а т а х

Яд даждь семо.

А р т а к с е р к с

Пратазанщики, за ружье!
Сторо́жа, ищите!

Т е р е с

Ох, постойте ж! Стой!

Г а т а х

Зри семо,
что то за бумага?
Что зде написано?

А р т а к с е р к с

Чти. ||

[oo] *Так в ркп.*

л. 32

Гатах

Царю смертоносный яд.—
Тако наверху подписано.

Артаксеркс

Абие ты, пес, абие сам яд выпей!

Терес

О рад! Ох, усердно рад!

Мемухан

Ни, царю мой милостивый,
сей указ им есть малой.
За сие люто убойство,
еже инде нигде не слышно,
ради бы они воистинно были,
дабы их тем сладким питьем казнили.
Ни. Дольствует лютейшим чим быть казнено
вас, царских убойцов, яко же есть достойно.

Артаксеркс

Ей, истинно! Жесточайшую казнь на такое злодейство.

Багатан

Но како же аз прихожду в то злочастие?
Что ми за то страждать, еже Тереса сотворил есть?
Кое ми дело до его яду!

Гатах

Ты же о сем ничто же ведал еси?

Багатан

Ни! Жупел, пеѣкл да олей да горит в сердцы
моем, елика еще вем о сем!

Терес

О, Богатан! ||

Гатах

Добро. Поволи же ми тогда
руку мою к грудям твоим приложити.

Багатан

Зело добро. Что же сие движение
и осязание. Коего беса ищеши тамо?

Гатах

Царь да живет! Дело уже се явно.

Есфир

О Мардохей, смиренной и доброй муж!

Багатан

Отдаждь ми писмо! Что тебе к нему?

Торес

Ох! Ох! Преданы есмя!

Гатах

Зде изьявляется дело. Зри, великий царь, нест ли
тот ключь, иже он един токмо чертог твой отверзает?

Артаксеркс

О злохитрость! О чюдо! Аки бы тот сам был,
токмо еще поновее.

Гатах

Како изрядно и подобен тамошнему зделан есть.
Прежде на воске изображен.

Артаксеркс

От моего ключа есть образ нят. Где ево достали есте,
изменники, лестью исполнены? Како ныне главы
ваши низпущаете?

Гатах

Стращает их сие писмо, в нем же вся злоба содержится,
юже с собою советовали.||

л. 33

А р т а к с е р к с

Мемухан, возми писмо и вели его прочести.

С е ф а р *чтет*

Аз Богатан и Тереса скрепляемся добровольно
записьми кровью нашея, подав имения и добро
з душею, телом и житьем един другому в заставу,
что Артаксерксу нашему до трех ден быть убиту.
Аще кто с нас двух изменит, того же бог да убиет,
так же другой ево без пощады гонити учнет.
Аз Багатан кровью своею. Аз Тереса кровию же моею.

А р т а к с е р к с

О небо!

Б а г а т а н и Т е р е с

Милосердие! Ох, милосердие!

А р т а к с е р к с

Отомщение!

Б а г а т а н и Т е р е с

Ох, милосердие!

А р т а к с е р к с

Вы изменники милосердия.

Б а г а т а н и Т е р е с

Милосердие, милосердие, великий царь, милосердие!

А р т а к с е р к с

Абие, абие из очес моих!
Старо́жа, велите их посадить,
где всему милосердию конец есть,
идеже ни солнцу, ниже луне светити.

С т о р о́ ж а

Пойдите, пойдите вы, прелестные псы!

Сторо́жа ||

Ого, хотя ныне и молчитеся[68] или плачите, прочь, прочь вы, изменники! л. 33 об.

Артаксеркс[69]

О бози! Приношу к вам великое благодарение,
иже мя спасли есте от сего опасенья!
Тебе же, Мардохей, чем воздать твою верность?
Аще бы не он был, збылась бы сь злочинность.

Есфирь

Он есть смиренной муж, иже малым доволен,
аще бы токмо был царской милости извещен.

Артаксеркс

Что милость? Истинно бысть мне благодаренну,
инако бы не царь был бых в моем чину.
Мемухан, запиши в царственные книги,
дабы в забвение то не было во веки,
яко изменника два на смерть царскую
устремитись хотели, но Мардохей то извещал.

Мемухан

Царское повеление абие исполнится.

Артаксеркс

Советники! Вы тогда, честные и верные,
советуйте некосно, как смерть зла абие
сотворена да будет над теми убойцы,
чтобы всякому было страх той[п] измены.
Аз же на мало время иду почивати,
да печаль з главы избуду и ей ся лишати.

Харсена

Царь да благо живет! ||

[п] *Испр.*; *в ркп.* твой.

---

[68] молитеся *Л.* [69] Гатах *Л.*

л. 34

Артаксеркс

Прииди, моя спасителница,
ею же ныне сугубо живот мой должен есмь,
сие царство тебе да благодарит за воприятой венец.

Есфирь

Царь да благо живет
к лутчему своего царства!

Думные

Недругом же ево ко отомщению, к страху,
к поруганию и поношению!

ДЕЙСТВО 3, СЕНЬ 5-я

Аман, Харбона, Мардохей, Азария, Задок, Камбизес, комнатная сторожа, Богатан и Терес.

Аман

Что за измена обьявилася от Богатана и Тереса?

Харбона

Великий господине, извещаю самую правду,
царь по тя посылал.

Аман

Уже изменник во юзах?

Харбона

Связаны суть, бедно пытаны и повинились
речью и писмом и абие осуждены к смерти. ||
л. 34 об. Повешены будут на весельнице высокой.

Мардохей

Братия, смотрите! Се приходит великой господин,
ему же молитися, аки богу. Прошу вас, не чините того.

Азариа

А как то не учиним?

З а д о к

И то нас приведет в нужду и печаль.

К а м б и з

Воини! Вспять кланяйтеся Аману.

М а р д о х е й

Аз того никако не учиню.

К а м б и з [р] *с воинскими людьми* [р]

О великой Омане! Живи счастливо в славе и чести
и буди нам милостив во своей си чести! [70]

А м а н

А что желаеш?

К а м б и з

Буду тя покорно просити,
дабы милость изволил учинити
и за мои верные службы
сотворил меня в чести возвышенна.

А м а н

Я о тебе воспомяну и тебя не забуду.
Истинно убо, храбрость, которая ищет чести,
а не корысти, возвышения достойна.
И ты вскоре в большем чину будеш. ‖

К а м б и з

Великий княже и господине, буди высоко почтен!
Главу имею к твоей службе готову:
на враги наступати, тогда скоро бы зримо было,
яко главу не щажу свою.

А м а н

Кий есть муж, сей старой старик?

р–р *Испр.; в ркп. написано как реплика Камбиза.*

---

[70] власти *Л.*

Харбона

Слушай! Хто еси ты и откуль? Что ты чиниш
во дворе сем? Не можешь ли поклонитися, невежа?

Мардохей

Господине мой, се не зазриши: яз есмь жидовин.

Камбиз

Жид сей есть.

Мардохей

Никого же аз зде изобидех.

Харбона

Скажи, жидовин ли он есть.

Камбиз

Жидовин есть — зри на ево одежды,—
многажды семо и овамо врата преходит,
аз же часто ему рекох под запрещением крепким,
дабы сотворил царскую волю — впредь ти поклонялся.

Харбона

Он же не хощет, что пес, тую честь
ему же воздавать, ею же царь ево жалует.

Аман

Узриши, узриши ты, жидовине!

Мардохей||

л. 35 об. Молю о послушании.
Не скрываю, яко есмь евреянин и пленник к тому.
Как же мне превратил, еже царь указал,
и великого князя не чтити, которого весь свет
в чести имеет? И буде ему угодна
кровь моя и все мое, ему[c] воздам к служению.

---

[c] *Испр. теми же чернилами из* емо.

Но на сие не соизволяю, что ему кланятись,
тая бо честь достоит единому богу,
его же почитати. И как мне то презирати?

К а м б и з

Аще ли же царь то хощет?

М а р д о х е й

Господь же лутче хощет.

А м а н

Кто же аз есмь, жиде? Рцы.

М а р д о х е й

Великий бог еще тя вяще.

А м а н

Какий бог?

М а р д о х е й

Иже мя все время живота моего пропитал,
его же и отцы мои единого хвалили.

А м а н

О холопе! О жиде! О пес! Вся Персида, и Мидия [т],
и иные государства не смеют ми противитись,
преслушатися, и коликие многие вельможи
ми кланяются, но тебе яз единому ни во что,
яко ты царской уничижатель. Хощешь ли с своим богом
призирати наших богов? Что мне чинит?
Амонова храбрость и ся сабля не хощет осквернитися
жидовскою кровию! ||

[т] *Испр.*; Индея *МЛ*.

л. 36

Харбона

Правда, великий княже.

Аман

Постой токмо, скоро узриш, что тебе [у] и всем,
которые жидами нарицаются, учинится.
Яз род ваш знаю. Постойте вы, разбойники
и изменники! Что вы древле учинили
моему храброму отцу? Знаеш ли ты Саула,
пса твоей же породы, как он у нас разбоем
коруну и государство отнял, у нас, агагитов?
Мог бы я ныне носити агагитцкой венец,
его же вы, пси, убили. Почто же ты, жиде,
в царской двор ходиш? Не думаеш ли и сию
царскую коруну изменити? Но Аман жив не будет,
дондеже тебе и всему роду твоему не мщу!
Воистинно мне срамно, что я толико
с ним говорил.

Терес

О великий господине, буди милостив мне!

Багатан

В темнице седящим, о великой князь, буди милостив на нас!

Аман

Что то за вопль и крик?

Багатан

О княже, даждь нам свою милость!

Терес

Ты, боже, нам един наше здравье можеш дати.

[у] *Испр.*; *в ркп.* тебя.

Харбона

Зде суть посаждены изменники оны. ‖

Аман л. 36 об.

Какие? Тереса ли и Богатан?

Харбона

Так, господине.

Аман

Огонь, смола и сера будет вам воздаяние.

Багатан

ф Ох, Амане, услыши наше рыдание! ф

Терес

О господине!

Багатан

О княже!

Терес

Призри на нас милостию своею!

Багатан

Избави нас!

Аман

Уже вам зде не долго сидети.
Жидом тако же учинитись, яко вам измеником.
Не возвращу назад от руки царевы,
дондеже над ним не отомщуся, которой мою честь
уничижает!
И не будет сна в моих очах, дондеже тот розбойнической
род изгибнет!

Азариа

О Мардохею! Что ты твориш!

ф-ф *Вписано между строк другими чернилами.*

Мардохей

Увы, людие изрядные, как ваше [x] сердце отвратилося, и вместо бога человеку языческому поклоняитесь.

Азариа

Яз то учинил страха ради. ||

л. 37 Задок

Аз же поклонился лицемерно.

Мардохей

Вы же, честные люди, часте, что вы в том не согрешили? Ей, согрешили. Страх достоит единому богу, а не языческому человеку. Я хощу терпети, нежели кланяться, приклоняясь окроме же единого бога, иже мя от юности содержал есть и доныне. Аз же вам совещаю, да молитеся богу о оставлении грехов.

Азариа

О боже! Милостив нам буди!

Задок

О великий боже! Воздвигни над нами нищими твою любовь и милосердие!

Азариа

Не даждь нам во гресех казни и отомщение взыскати!

---

[x] *Испр.*; *в ркп.* ваще.

Артаксеркс

Велите суд вершити без всякого милосердия,
аще милостив есмь.

Аман

Истинно, такую[ц] измену и неслышеную лесть ‖
достойно бы было большую казнь сотворити[ч], *л. 37 об.*
что есть висилица.

Мемухан

Что же мучение се, в котором они
пытаны, сечены, резаны суть,
так что и сам не вем, живы ли или мертвы,
еже больши стократной смерти нарицатися может.

Аман

Лютая смерть не так для изменников есть,
яко признаваю ныне, уже ничто же не чюют
страха ради, дабы вящие разбойники не востали
к подобному злому злодейству, измены и лести.

Артаксеркс

О послушай, верный Омане, и скажи, какую смерть
им бы для страху больши той учинити,
кроме еже на высокой виселице на многое время
повесить, и которые мимо будут прохождати,
[чч]ни Богатан, ни Тереса[чч] смотрети, не учнут
безчинства вперед творити.

Аман

Воистинно, коль велико и целомудренно
царя нашего ум есть!

Артаксеркс

Велите же тот указ абие исполнити.

[ц] *Испр. теми же чернилами из* такою. [ч] *Испр. теми же чернилами из* учинити. [чч–чч] *Так в ркп.*

Мемухан

Буди же по царскому слову и хотению.

Артаксеркс

Абагата, возми сотника и стражу ||
л. 38 и суд мой со отмщением исполни.

Камбис

Аз иду.

Аман

Сотник тот изрядной есть воин
и служил 10 лет верно. Достоин
возвышения и милости.

Артаксеркс

Учини ему, как ты хощеш.

Аман

Добро.

Артаксеркс

Но как же впредь измену утолити?

Аман

Истинно, то достоит разсудити.

Артаксеркс

Вам ведомо, что ныне у меня никакова несть врага
и опочивает моя храбрая сабля.
Так же и я, о бози, удоволен моею супругою.
Но не могу же на своем ложе быть безопасен,
а мои неприятели[71], которые входят в мою полату
тако же и чертоги, им же аз верно несумненно
здравие свое повериваю, и те впредь
моей смерти ищут, так что и тело мое
возтрепещет. ||

[71] приятели *Л.*

Мемухан л. 38 об.

Вельможнейший монарха, на то есть еще промысл.
Взяти достоит праведных стражей
и дать им верную главу, которому с ними быти
для берегания царского здравья,
никому же поволит входити в царские чертоги,
кроме ево ведомости.

Аман

И то истинно учинитися может.
Лутче же то чрез Камбиза учинити,
его же аз ведал и никогда ево неверным не обрел.

Артаксеркс

Се есть добро.

Марсена [72]

К сему же мню и то, чтоб ваше величество
указ учинил с великою жесточью,
нихто б не дерзал в царской двор входити непризваным,
аще же дерзнет без указу внити, тот осужден да будет,
аще бы и был великий человек,
сторóжа ево да разсечет абие в части.
Аще же бы прилучилось советнику цареву
о делах внити, и тому свободну да будет,
егда получит конец скифетра на знак царские милости.

Артаксеркс

Воистинно быти тому тако.
Мемухан [ш], прикажи тотчас, чтоб тот указ исполнити.
И буде никому мужскому и женскому полу
вольно ко мне входити. Тогда мне лутче без- ||
опасно будет. л. 39

Аман

Тот совет зело добр есть.

[ш] *Испр.*; *в ркп. написано как имя говорящего.*

---

[72] *Испр. на* Афмета *Л.*

Мемухан

Я тот царской указ абие впишу.

Аман

О великий царь! Сметь ли мне говорить?
Принуждает о том совесть,
понеже день и нощ за тебя
сердце мое в печали пребывает.

Артаксеркс

Говори, Аман.

Аман

Велможнейший царь, потребно то разсуждати,
что тем указом не смирится изменничество
во всем государстве, потому что тот указ
намеряет точию на един город,
истинно же достоит устращатися того,
что в государстве твоем изменничество обрящется.

Артаксеркс

Как же нам тех проведати?

Аман

Вельможный царь, не могу замолчати: ‖
л. 39 об. живет и пребывает чюжой род в Меди,
твоими людьми который полонен был,
а ныне дедичный стал, изменничество мыслить
и лести приобычен [щ], и никакова зла-
действа не стращается, и закона суда
и набоженства никакова не знает нивесть.
И для того горше, что он везде разпространился,
и опасно от них быть, понеже они во всем государстве
прохождают, и твоему государству и миру
противни суть, й в чину же и вере
нам не равни. Подобни они же презрители
твоего государственнаго указу,
и превратной их закон никому же не подобен.

[щ] *Испр. теми же чернилами из* прел обычен.

Дело же их токмо есть лихва, обман творити
и прочее. Помниши, како те люди
тебе не будут никако прибыточны.

Сефар

И то нам подобно разсудити, яко той народ
своим промыслом к злу приводят.

Аман

А хотя же то велико, но вяще же их имения
почитаны быти имеют, егда же то все
взято будет в царскую казну...||

Фарсис л. 40

Тогда их всех казнити.

Аман

Ей, истинно, лутче их, нежели все государство
погубити. Аще же сие, царь, сотворити, тогда
ручаюсь тма талантов чистого сребра
отдати и вручити абие казенным
и приказным. Когда же мы толико великим
числом было, но ныне же вдруг наполнится казна
корыстию, и купно свободится государство
от их измены великой. Советники,
что вам мнится?

Мерес

Дабы в добром поведении было царство,
подобает, чтоб от страху и опаства свободилось.
Скоро государство разоритися может
от тайные лести и измены в государстве. Истинно.
Приятельская сила нас толко не повредит,
как приятельская лесть, когда зло мнити начнет.
Аще сие государство изменниками наполнено,
тогда твой совет добр
и в том верность твоя знатна.
Но понеже на тот бедной народ по се [73] жалобы не
было,

[73] *Доб.* время *Л.*

такожде измена и лесть на них не обьявилась,||
л. 40 об. чаю, что тогда неповинно бы терпели,
егда их без розыску казнити.
Мой же совет сей есть, чтоб того народа разпросити,
сыскать их дело жития, корысти и богомолие,
проведав, есть ли на них жалобы какие или ни,
они нам убыток или корысть. И тако разсудити
приятным искуством.
Невинна убо кровь часто многие земли и домы проводит
в нужду, печаль и разорение.

Аман

Тогда уже мы продани. Егде же наш совет тому роду
прежде обьявится, нежели их выведем,
тогда они могут опасатися, и тако их лесть
силна будет с нами воевати и нашу кровь разлити
и получити время такое — сильной народ,
его же они давно знают, на нас навести,
подущая, чтоб они лестию и силою наступили
и нас воевали. А где в то время буде наш совет,
и где останется наше [III,a] счастие? Они изменники
породны и отечествия лестна. Зри, обрящеш 1000 их
лукавств.
Кленуся богом, аще царь сей народ больше буде
терпети,
тогда буде они нам скоро будут татьми и
разбойниками. ||
л. 41 Мое сердце верно. Горе тому
тогда будет, который не хощет мя слушати.

Артаксеркс

Аз зрю, мой верной приятель и моего государства
отец,
и любит мя сердце твое, и бодрствует. На твое слово
ни един изменник жив да не будет,
ты же сотвори, чтоб в моем государстве лести не было.
Твоя воля — моя воля, слово твое — мое [б] слово,
и совет твой — мое удовольствование.

III, а *Испр.*; *в ркп.* наще. б *Испр.*; *в ркп.* кое.

Аман

Советываю тогда, чтоб твой указ выслан был,
чтоб тому злому народу в своей крови мертвой
лежали от твоей царской рати и то в един нарочной
день.
Уже аз в том устроение сотворю.
Денги же в твою казну також де готовы.

Артаксеркс

Возьми печатной перстень для знаку твои дел,—
сам царь делает. А денги пред тобою.
Моя казна и тако есть богати.

Сефар

Небо да благословит тебе, великой царь, в твоем совете
и на пути твоем!

Фарсис

Небо казни того, иже изменою и лестию ||
тебе, государь, и твоему государству лестлив и *л. 41 об.*
противник есть!

Марсена

Бози дадут сие.

Абагафа

Уже то совершилося.

Сефар

Великой царь! Твой указ исполнился:
Терес и Багатан повешены образ изменником
и всему свету на поругание.

Мемухан

Тако достоит всем изменником и всем злочинцам,
яко и сим двум.

1. [74,75] Возцвети Артаксерксово государство! [75]
2. [76] Без злохитрости!
3. [77] Без пронырства!
4. [78] В радости!
5. [79] И благополучии!
6. [80] В мире!
7. [81] И тишине!

Вси *рекут*

Счастие царю, счастие! ||

л. 42

4-го ДЕЙСТВА 1-я СЕНЬ

Задок

Увы, увы, увы,
любезный Мардохей!
Слышал ли еси ты,
как Аман ищет и умышляет,
царь же ему во всем позволяет,
дабы жидов побити всех даже до единаго.

Мардохей

..[в] Что есть тому причина?

Задок

..Зане ты оному не хощеш поклонитись.

Мардохей

..За то ж он хощет всем людем нашим мстити?

Задок

..Истинно тебе глаголю, всем людем хощет он смерть горкую навесть, всему нашему роду.

Мардохей[г]

Бог ж нас да соблюдет како ему позволити.

[в] *Так в ркп.* [г] *Доб. из Л; в ркп. нет.*

---

[74] *Нет Л.* [75–75] *Реплику произносит Аман Л.* [76] 1 *Л.* [77] 2 *Л.* [78] 3 *Л.* [79] 4 *Л.* [80] 5 *Л.* [81] 6 *Л.*

Задок

.... Что он получити не возмогает,
все ему дают, еже он пожелает [д].
Все ему попускают, все, еже хощет.
Сего возношает, инаго же низводит,
сего хвалит, сего ж умершвляет,
и все творится токмо по ево словесем.
Увы, чесо ради главу не поклонял
и как иные творят и колена приклоняли?
Божия же честь тем есть неумаленна.

Мардохей

Что за колено ему ся приклоняет,
тому ль Аману? Тому не удостояет,
зане, аще бы аз тако дерзнух сотворити, ‖
никогда бы аз достоин был божия милости. л. 42 об.
И ты, Садок, хощеш бога из памяти оставляти
и тем необрезанна поклоном почитати,
ты, сын еси Авраамль?

Задок

Тебя же ради реку. Авраамль чады
имут немилосердо, яко же злодеи лютыи,
яко ж тати, разбойники и преступники законов,
во един день и время убиенны быти.
Такой ради причины недобры велико,
яко такому вельможе не хощеш поклонитись.
Сия ль есть твоя правда?

Мардохей

Не может ли бог человеческие злокозни,
вскоре пременяя, незапно сокрушити?
Авраамово ль семя и израильтеские люди,
народ ли божий, возлюбленный сынове,
за мя единаго, невиннаго ради дела,
в нем же безвинен? Тако погибнути
никако не возможно.

[д] *Испр. другими чернилами из* жслает.

Садок

..Бог же да не попустит.
Сефар бо мне сказал и таити повелел [е].

Мардохей

..Аз же ти реку: и верити не могу,
дабы сие дело царь да попустил
и того бы Есфирь царица не могла задержати.
Она ж бо вящъше Амана, ему же госпожа. ‖
л. 43 Она бо есть от нас и нашего народа.

Садок

.Аще же вериш или ни, дело бо сие правда
и истинно притом, но тайно се имеют
и царице не являют.

Мардохей

..Услыши же ты и совета моего,
да сие слово не поведаеш никому,
пока Аманов замысл и царское хотение
и иными способы придут во откровение.

Садок

..Кто весть же убо сие, что имамы днесь вкусити.

Мардохей

Кто семо? Зри, грядет есть Аман.

Садок

Той есть наш злодей.

Мардохей

Аз же не хощу оного почитати,
аще буду ся в беды явно вметати.

Садок

Идем же, поспешим.

[е] *Испр.*; *в ркп.* Сефир бо мне сказала и таити повелела.

Аман

..Ныне же возвеселися, о свете древних предков!
Вмени же себе счастна, зане по толиких летех ||
жив есть Агафитр, есть Аман той великий, *л. 43 б.*
иже кровию врагов мир хощет исполнити.
Се жиды, иже прежде убиством и преступленьми
над мною тщахуся выну искоренеми.
И аз бо ныне вем, хощу ся полно мстити,
дондеже солнце светло зодий пробежит,
и аз их всех хощу свершенно искоренити,
и роды все их древны конечно погубити.
От сего же града даже до Муринских пределов
все грады, веси, села кровию их очермнятъся.
Ты, Сефар [ж], напиши царево повеление.
О, роде строптивый, выну зломышляя,
возрите, род жидовск, отца моего убийцы!

Сефар

...И аз же поспешу, да повеление твое исполню.

Аман

...Послушай же Сефар, послушай мя прилежно.—
Прибий же такой лист при дворе царском,
вторый на иных сего града стогнах,
да кождый сего дня прочитает.

Сефар

Сие аз сотворю.

Аман

Еще же аз тебе имам рещи нечто.—
И потом послеши царевы повеленья
наскоро и спешно во все его пределы,
во всю же Персию и Медцкую нашу землю,
да в четвертый надесять день месяца адара ||
никто же от жидов в живых обрящется. *л. 44*

[ж] *Испр.*; *в ркп.* Сефирь.

Сефар

...Сие же ми удивляет, не могу бо аз познати,
чесо же ради во адаре и в день четвертый надесять
сие есть постановленно к убийству всех жидов.
Чесо же ради не прежде?

Аман

Сие же отставлено даже до двунадесять месяцов,
зане ми мудрецы повелеша.
В такое бо время может царское повеленье
в такие бо страны далекие сего царства.
К тому же тое дело пречюдно издастся,
яко же и жидовской род во един день погубятся,
во крови бо своей вси умрут погубленны
и тако имут быть вконец искорененны.

Сефар

Замысл твой есть благ.

Аман

И счастие мое есть высоко,
зане же звездословцы мои от звезд усмотриша
и всякое добро ми скоро прорекоша.
И той же срок они во адаре признавают
и в том же месяце в третий надесять день.

Сефар

Се аз не сумневаю,
яко же в добрый час по воли твоей будет.
Где же мне ти, князь еликий, тя паки видети,
зане аз отхожду? ‖

л. 44 об.

Аман

Что спрашиваешь о том? В боярской бо [3] полате,
зане мя ныне царь к столу приити велел.
Ты убо сам веси, яко же без меня
не может убо царь в радости пребыти.

[3] *Испр. теми же чернилами из* ло.

И тако у него в вине аз все забуду:
ярость, гнев и печаль,— дондеже там пребуду,
пока бо в лето то грамоты придут
и род еврейск всех к сечению приведут.
Ныне же что содею, точию веселюся.

Сефар

И аз же отхожду по милости твоей,
о княже велеможнейший, слуга бо аз есмь твой.

Аман

Все по ряду да твориши.
Се царь мя сам чтит, но жид не хощет чтити,
той старый убо пес. Ты узриши,
о Мардохею жид! О пес, услышиши,
како пристойно есть князей почитати!
Во грех ли ты вменяеш колена поклоняти,
то аз не мню греха в том быти умышленна,
еже видети ми всех жидов, всех погубленна.
Тогда бо моя слава наипаче разширится,
зане же аз той есмь, его же мир страшится [и].
И еже кров отца своего мстити не оставлю,
даже до Сауловых наследников.
Мщу единаго ради жида гордости,
за него же падут толикие тысящи! ||

4 ДЕЙСТВО, 3 СЕНЬ *л. 45*

Плачь Мардахеина с жидами.
Мардахей, Задок, Азар, Гутах, Суза, Дина.

Мардохей

..Анна Иеговах, госхиах на!

Задок

Анна Иеговах, газлихах на!

Азариа

Анна Иеговах, госхиах на!

[и] *Испр.*; *в ркп.* стращится.

Мардохей

Увы! Увы! Мы вси погублении, погублени!

Задок

О, Исраиль! О, Исраиль! К смерти осужден еси,
осужден!

Азариа

О бедные мы! О горе, горе нам!
Чесо ради родихомся, родихомся?!

Мардохей

Элогим занах фаланезах
Иересхан аппеха безон маритеха
Зехор адафха капитфа кедем
Гаалиха схефитф махалафеха
Хар Зион зеф схаанфабо!

Азариа

О боже! Чесо ради нас отженул еси
и разгневалъся еси на нас людей твоих?!

Задок

Чесо ради возъярилъся еси на избранныя своя?!
[к] Воспомяни же на овцы пажити твоея! [к]

Мардохей

Воспомяни же ныне, воспомяни ж наследие свое!
Ты в нас живеши, но погубити нас попускаеши.

Задок

Элогим безонему схаману ||
л. 45 об. афатейну сипперу лану.
Поал поалта бимейгем
бимей кейдем.
Алта я деха гоим горасфа ватитаем.
Фаралеум мим ватфесь халлехен!

[к–к] *Испр. по Л; с этой строки начинается реплика Мардохея.*

Мардохей

Боже! Мы ушима нашима слышахом,
еже отцы наши возвестиша нам,
какие дела в прежние веки
нашему роду соделал еси!

Азариа

Десница твоя изгна супостаты наша
и вся языки искорени, нас же насади!

Задок

Народы от лица нашего произгнал еси,
нас же разшири и милостию соблюдал еси!
Кумах элогим рифах рефеха.
Зехор херпатеха минна нафал.
Алтишках колзере зеуха
щхеон камейха
олехтхамеа!

Задок

Востани, боже! Суди прю нашу
и виждь, какая хула тебе бывает!

Мардохей

Виждь вопль людей твоих
и противность врагов наших!||
И врагов твоих возношения л. 46
разширяется вящше в наше поношение!

Гатах

Что за вопль и стонание,
что за плачь в вас и зде обретаю,
при сих царских врат?

Мардохей

Увы, увы, Гатохе! Увы, увы реку.

Гатах

Како, Мардохею, чтити содевает:
во вретищи тя вижу и в ризах раздиралных,
во слезах и пепеле посыпанна?

Мардохей

О, аще бы мою беду
Есфирь царица уведала!
Ох! Ох! Ох! Горе мне, увы!

Гатах

Рцы же и мне повеждь,
что имам царице донести.

Мардохей

Тебе ли сие есть неизвестно,
како Аман сотвори невместно
и нам сотворися крайней враг
и хощет по всему царству
нас евреев и весь наш род убити?

Гатах

Какий род ты мниш?

Мардохей

Нас, жидов. ‖

л. 46 об.

Гатах

Аз о том сумневаю.

Мардохей

Увы, Гатах! Гатах, мочно ль мне тебе верити,
могу ль аз тебе за други признати
и тайное слово верно открывати?

Гатах

Истинно кленуся светлостию солнца,
аз тебе верен буду во всех твоих глаголех,
яко не имаши пещися, ниже очесом.

Мардохей

Еще ль тебе сие не явленно,
о чем град весь стонет ниже откровенно.
Ови о нас слезы точат, ови же рыдают,
како Аман с своими на нас нападают.

Гатах

Что же сотворил? Рцы.

Задок

Прошу же тя, повеждь ему.

Азариа

Рцы же ему, Мардохею.

Мардохей

Како Аман коварственно лукавством
от царя испроси своим злоумыслеством,
дабы повеление дал во все съвоя страны,
ежи издати на жидов смертные пагубы;
тех бо род всех сущих: юных, старых и младых
умертвити и искоренити от памяти живых.

Гатах

Како, всех умертвити?

Мардохей

Ей, ей, тако есть. Увы, увы, увы!

Гатах

Како же царь сему быти попусти?

Мардохей

Не вем бо аз сего, сия же хощу возвестити[л]. ‖
яко Аман царю совет свой подал, л. 86 об.
яж сокровища его зело суть умножатся,
многими тысячми немерно наполнятся
и абие принесут за бедну жидовску кровь.

[л] *Далее в ркп. вырваны листы. Доб. текст Л.*

Гатах

Откуды сие сребро?

Мардохей

Мню, от бедных жидовских животов,
егда умертвени будут.

Гатах

Не могу же аз сему верити.‖

л. 88

Задок

И ты сие узри Аманово писмо,
иже по стогнам всем и по улицам приби,
и самою печатью царевою закрепи,
и во все сия страны велением утверди.

Гатах

О таком замысле аз сам велми страшусь.

Мардохей

Не трепещет ли твое сердце и мысли страшатся?
О сем же, ти молю, донеси же до вестия царицы.

Гатах

Сие же сотворю.

Мардохей

Се зри царево повеление.
Разве царица нам даст споможение,
кроме того,— погибли есмы.

Гатах

И ты мало и зде потерпи, аз отхожу.

Азариа

Молим тя вси!

З а д о к

Молим вси тя купно!

М а р д о х е й

Урах ламма тхиснах лакезаих.
Ламма панеиха тхастир.
Тхиснах они ену велахазену?

А з а р и а

Востани, господи! Чесо ради спиши?
Востани, господи, да нам поможеши!

З а д о к

Чесо ради имееш лицо отвратно
и нас повергаеш отметно; ‖
или наше моление и скорбь *л. 88 об.*
от тя имать быти призренна?
Аданай яанену!

З а д о к

Аданай яанену!

А з а р и а

.Тхананену Аданай!
Услыши, господи!
Услыши нас, господи!

А з а р и а

Ах, господи! Услыши нас!

С у з а

Где есть Мардохей?

М а р д о х е й

Каково мне есть, господь весть;
весть, но ся не весть, живет, но умирает.
Аз есмь Мардохей, но есмь едва в живых.

Суза

Утешайся, не печалься!
Царица весть ваше оскорбление,
за вас имеет зелно поболение.
Она бо к тебе присылает сию одежду
и хощет, дабы еси сложил[м] вретище,
зане зело о том есть опасна,
да пребудеши при дворе и зде безбедно.

Мардохей

Чесо ради аз сие вретище низложу, ||
л. 90 зане к самой смерти, виждь, прихожду
Никако, никако! Разве господь пременит.
Сию ж одежду да отнесеши вспять.

Дина

Не хощеш прияти, яже царица прислана,
Мардохею? Тем бо тебе пожаловала.
Молю, молю, еже сего не твориши:
се стоиши при царских вратех,
страх бо есть.

Мардохей

Что за страх? Наш страх вящще не может быти,
яко же ныне есть, зане жидов хотят убити.
Желал бых, дабы един в той беде был аз.
О Исраиль! Исраиль! Исраиль! Увы,
се грядут на тя беды!

Суза

Прошу же тя,[н] да ныне[н] волю ея исполниши,
зане от всего сердца к тебе присылает,
никто бо воли ея противитися дерзает.

Мардохей

Сие аз вем. ||
л. 90 об. Обаче же свем,
— яко вретище мое никако ж отложю,
дондеже паки Исраиля в веселии узрю.

[м] *Испр.*; *в Л* служил. [н–н] *Испр.*; *в Л* доныне.

Иди же, царице рцы, дабы не посрамилась
и к богу воззывала, и в рубища облекалась,
и за своя люди постилась бы с молбами.
Потом ж к царю пришла бы с прозбами
и, како возможет,
царя упросити,
дабы оный совет излития крови нашей,
иже Аман сограды, не пришло к беде вящей,
яко же о том Гатах ей возвестил есть.

Суза

Не можем же мы вящще тебя принуждати,
намерены есмы ся паки возвращати.
Оставайтесь с миром.

Дина

Идите же счастием.

Мардохей

Шхахаг леафар нафх шхену, ||
дафеках лаарез битнену! л. 92
Кунах езрафах лану
уфдену лемаан хаздеха!

Задок

Души наша сокрушенны,
ныне в прахе смиренны.

Азариа

Како и нищетная плоть себе нудит
к земли, зане уничиженна.

Мардохей

Приди, помощниче, к нам в скорбех,
спомоги нам в сех великих печалех!

Гатах°

Се аз приношу царицы нашей слезы,
болезни же ея и горкия ж печали,

° *Испр.; против этого имени до конца 3-й сени в Л значится* Hegai — *имя, внесенное, по мнению издателей Л, рукою Рингубера.*

мысли бо ея всекрайно желают —
их же никако изъявити не могу. ||
л. 92 об. Она бо ныне днесь хотяще намерити,
еже во время подобно к цареве приступити.
Обаче ей реченно, яко же персов нравы,
яко же царю самому никто ж да приходит,
разве же аще кого имут призывати;
аще ж кто приступит, хотя бы кто ни был,
того ж вскоре ту смертию умертвят.
О сем ж нашая царица многожды не бывала,
болши тридесяти дней к царю непризванна.
О сем ж мы не смеем к тому ей приговорити.

Мардохей

Что есть за смертный страх? Едина ль мыслит жити,
егда же весь народ жидов хотят убити?
Тогда и она небезопасна будет.
Аще ли же так людей своих пренебрегает,
горесть ей наступит. И аще ныне умолчает
и чаят их себя в безопастве царской быти,
тогда бо аз надежен, яко ж бог нам имать дати
иную помощь. Вем, она ж будущаго гнева ||
л. 94 никако ж избежит, зане отчаи дом пренебрегала.
Бог убо ей пречюдну сотвори в венце возведенну
в корысть людей своих, она ж ль творит забвенна,
яко ж в нашу помощь не хощет что дерзати.
Зри убо, яко бы в руце божии не впадати!

Гатах

Аз убо твои речи ей имам донести!
Жди зде.

Мардохей

Принеси же, добрый друже, лутщий ответ.

Клевреты его

Сие ж мы не оставим, еже бога призывати,
о избавление ж его выну воззопити.
Ламах, иеовах, таамод берахок
талим леитотх баззарах?!

Задок

Беагаафатх захха идлакани
итта фезу бимзиммот зухашафу.

Азария

Кумах, иеовах, элнесах иадеха
алтишхках анаихм! ||

Мардохей л. 94 об.

О господи! Како ты от нас отступил
и скорбь сию прелюту лице свое отвратил?!

Задок

Зане грешницы приходят
и нас во ад низводят.

Мардохей

Востани, защитниче наш, и руце свои простри
и нас бедъственьных от сих бед избави!

Гатах°

Се лутщей ти ответ от нашей царицы:
она же хощет к вам, дабы вси собралися,
елико к Зусе[п] суть, тогда ж обещались
постити ж три дни, в их же ни пить, ни ясти,
но выну молитися. Она тако ж хощет сотворити
со всеми девами. Потом, ся пренебрегая
и персов заповедь хощет преступая,
в третий убо день намерило дерзновенно
к царю приступити со слезами и рыданми.
И аще ли о сем ей зло имать приключати,
она бо всем сердцем смерти хощет презирати
и самой свой живот
за люди своя хощет дать. ||

Задок л. 96

Бог же да услышит нашу и ее молитвы.

[п] *Доб. на поле Л* столица перская.

Гатах

Иди ж и тако сотвори!
Господь ж вам помоги.

Мардохей

Аминь! Да сице сотворится!
Ныне ж мое сердце нечто веселится.
Приидите ж братия, идем же мы вси купно,
соберем же мы и зде всю братию нашу
и смиренно к богу припадем
и по Есфирину совету и помощи его призовем.
С постом ж к нему и коленоприклоненми,
дондеж нашя молбы услышанны пребудут!
Кто весть, како чюдо нам бог имать послати.

Азариа

И аз не хощу о сем сумневати.

4-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 4-я

Плач Есфири з девами.

Есфирь

Ми иттен Миззио иешюатх Исраиль,
бешхув иовах сьшхефутх аммо? ||
л. 96 об. Ягал Иааков, низмах Исраель.
Дети, дети! Будем ныне молитись,
будем ж вси в беде сицевой
отцев наших бога призывати:
Аврамова, Исаковля и Яковля бога!
Согласно же вси со мною вопиите,
купно же и слезы реки источайте.
Возрыдаем ж вси и купно восплачем,
како сердце наше сокрушает.

Есфирь

1

Боже, всеми народы обладая
и вся дела сущиа управляя,

иже гордыя во ад низводиш
и смиренныя от бед возводиш!
Се ныне на нас послал еси беду —
в страху и поносе есмы всегда!

Вси *купно*

Прииди, прииди и нас избави!

2

Се лежим во вретище скорби,
но паче страждем выну всегда!
Прогневахом мы по вся убо дни,
грехами нашима тя прогневахом,
сих бо ради гнев твой наведохом!
Но, боже, ты умились над нами!

[р]Вси *купно*[р]

Прииди, боже, и нас избави![л]||

3 л. 47

Се нас томит неволя наша,
обаче ю по се забыхом;
се изходит зверь великий,
иже хощет людей твоих поясти;
се мечи на нас острят,
да како всех купно погубят.

Вси *купно*

Прииди же, боже, и нас избави!

4

И како сей един язычник
тя, боже, имати уничижати,
еже Фараон не мог дерзнути [с]
со всеми своими воины
и нас хоте в море Чермном
всех купно потопити.

[р—р] *Доб. по аналогии с другими куплетами*; *в Л нет.* [л—л] *Текст, пропущенный в М*, *доб. из Л. Далее следует текст М.* [с] *Испр.*; *в рkп.* дурзнути.

В с и *купно*

...[т] Приიди, господи, и нас избави!

5

Не мы ли есмы люди твои,
иже сам от всех избрал еси?
Воспомяни же на прежняя дела,
егда в Завете клялся еси,
аще егда нас накажеши,
обаче выну не оставиши.

В с и *купно*

.Прииди же, боже, и нас избави!

6

л. 47 об. Или мы в нашие[у] надежды ||
имамы быти отчаянны?
Тогда бы, боже, и чести твоя
в понос будет, яко б во Исраили
не был крепчайший в нас бог,
яко же языцев суть бози
слепи, неми, не имут и нози.

В с и *купно*

Прииди, боже, и нас избави!

7

Погуби злость того мужа,
иже людей твоих хощет убити.
Низвержи его во гневе твоем,
дабы тя никто жо поношал.
Сотвори же ныне явленно
крепость твоей десницы.

В с и *купно*

Боже, ты нас избавиш!
Вы же, мои девы красных лики,
восхвалите бога вся елики,

[т] *Так в ркп.* [у] *Испр.*; *в ркп.* нащие.

зане нас имать обьявити
и чюдо свое дивно открыти.
К сему ж вы приложите песнь,
зане же в печалех унываю
и в горести зелной ся сокрушаю
и гортань моя пети не может.

Л и к и д е в *поют песнь* ||

1 *л. 48*

О невинность, бежи к престолу,
к судию нелицемерну:
тот и венец, и защит
имать даровати.

2

ф Уповай же неотменно
и всенадежно,
потом же благо ожидай
и о спасении не сумневай ф.

3

Аще же никого еси оскорбила х,
тогда надейся,
иже бог в надежде предастся,
всему посмеется.

4

Что человецы могут сотворити,
их же страшишъся?
Той может миру посмеятись,
иже на бога уповает.

5

Великое око зрит.
Ты возглаголеш,
какая неправда ти бывает,—
и будет мстити.

ф–ф *Написано на внешнем поле другим почерком, видимо, тем, которым правлена ркп.* х *Испр.*; *в ркп.* скорбила.

6

И аще греси твои велики
пред богом преступили,
он может терпеливно
милостию презрети. ||

л. 48 об.

7

И аще зелно согрешихом,
яко же признаваем,
обаче от тя не отступихом,
к тебе же прибегаем!

8

Господи! Пощади овца твоя
и твоя стада!
Сокруши бичь нам уготовленный [ц]
и утеши наши [ч] слезы!

9

Подаждь же нам, да тя узрим
Исраиля в возношении,
[ш]врагов же в сокрушении!
Тя же за се имем благодарити [ш].

10

О невинность, приступи к престолу
высокия судьбы!
Тогда бо щит и корону
подаст твою оборону.

Гатах

[щ]Се убо царь сидит в златом престоле
при ветре прохлажденном, о велия царица,
в сей день бо ожидах, да время аз обрящу,
во славе же его узрю. Ти весть благу приношу, ||

[ц] *Испр.*; *в ркп.* уговленный. [ч] *Испр.*; *в ркп.* нащи. [ш–ш] *Испр.*; *в ркп.* *строчки переставлены.* [щ] *Так в ркп.*

[IV,а] сего ж ради аз к тебе се притекаю, *л. 104*
о царевом времяни смиренно ти докладаю.
Сидит ж он един — се есть зело пристойно —
и вся, еже сотворит, зело бо будет счастно.

Есфирь

Востань! Востанте ж вы, о мои девицы!
Украсите ж вы вси красотою царицу:
се ныне хощу к царю приступити,
и лутще ми есть ныне же умирати,
нежель в том убиенной бывати!
Гатах [б], иди же ты и Мардохею возвестиши,
яко ж аз ныне к царю отхожду,
дабы воздал за мя молитву.

Гатах

Се аз готов есмь и отхожду. ||

4 ДЕЙСТВА СЕНЬ 5-я *л. 104 об.*

Мардохей

И наша царица к царю ся подвигла?

Гатах

Есть так аз видех. Меня к тебе послала
и в своем шествии сказати велела,
яко и самой свой живот за тя и всех не хощет
щадити.

Мардохей

За мя? Что сие есть?
Желаю един от Амана пасти,
аще бы Исраиль тем мог спасти!
Ох, горе! Увы! Умилосердись над всеми над нами
и сотвори свою милость!

IV, а–а *Далее в ркп. вырван лист. Доб. текст Л.* [б] *Испр.*; *в Л* Гегай.

Гатах

Любезный мой друже Мардохей,
вскоре не ужасайся:
кто весть, что от нашия царицы
сего дня учинится?
Она бо есть премудра и смышленна,
дерзновенна ж и безстрашна,
яко к тому есте рожденна,
еже ей сердце царево укрочати. ||
л. 106 Кто весть, чесо ради бог ею избрал?

Мардохей

Бог ж да подаст ей ныне время,
нас же да избавит от оного бремя
и милость свою простреть с вышних предел
в нашиа сия зелныя беды!

Гатах

По бозе аз не сумневаю
и се ныне отхожду ко двору.

Мардохей

Молю же ти, друже,
аще что услышиши... ||[a]

л. 49

Гатах

Вскоре и абие вести возвещу.

Мардохей

Подаждь же бог тебе всякую благость,
да получиши всегда и выну радость!

Гатах

..Добру надежду всегда аз имею.

Мардохей

..Тогда надежда блага наричется,
тогда[82] наш род от беды избавится,
ныне же надежда наша сумненна,
зане тоску и болезнь нам наводит.

[a–a] *Текст, пропущенный в М, доб. из Л. Далее следует текст М.*

[82] *Испр. на* когда *Л.*

4 ДЕЙСТВО, СЕНЬ 6-я

Артаксеркс

Что ми спомогает? Ниже слава, ниже честь,
ниже венец, ниже скифетр и никаково же богатство.
Се все не может мя насыщати.
Аз есмь потентат,
хощу же счастием кола
тако же и изриновен быти: ||
пастырь бо стрежет овца своя *л. 49 об.*
и выну при них пребывает.
Аз есмь потентат, —
имам ли же счастие колу
совершенно подлегати?
Пастырь при своем стаде
неотходно пребывает,
во дни же и в нощи безпечален ся являет.
Мя же мое великое стадо
во дни же и в нощи сокрушает,
и самая смерть мя унывает.
О семь же, что есть мое житие,
точию бесконечное печалие:
в сени бо чести
и во счастиах лести
и аще вся моя желания
имам получити в свое радование,
не лутче есть бедного подданна.

Бегезаф

...Вельможнейший царю мой великий,
се приходит к тебе царица. ||

Есфирь *л. 50*

..О боже! Какая таска унывает мое сердце!

Артаксеркс

..Како, что се есть?
Лишает она тем свою честь.

Есфирь

...О боже, боже мой!

Есфирь перед царем Артаксерксом. Немецкая Библия, XVI в., гл. V

Суза

...Се устрашилась, падает!

Бегезаф

..Обмирает и тем упадает!

Артаксеркс

..Что, Есфирь?— Что она содевает?
— Какая печаль тя обступляет?

Есфирь

Ах, ах, увы!

Суза

.. Царица, слыши! Царь тя лобызает.

Артаксеркс

..Что в мыслех твоих пребывает,
о Есфирь прекрасна? О чем сице унываеш?
Не могу ли тя от онаго повеления свободити,
аз бо неповинен, ниже льсти хощу творити? ||
Аще мой есть и указ, но ты еси свободна, л. 50 об.
и как оные повеления ми суть не причастны,
тако по мне тебе будут безвредны.
О сем ли ты страшишъся? Ни, не твори.
Се мой скифетр — знак милости моей.
Приступи ко мне, веселие мое!

Есфирь

...О боже! Како мое сердце печалию обтягченно!
Аще аз трепещу, егда тя, о царю великий,
лице твое сияя взирала, тогда в себе аз помышляла,
яко нечто паче человеческа в лице твоем оглядала.
Мню, яко никая же слава твоему величеству есть
подобна,
твоего светлость лица ангелом есть подобна.

Артаксеркс

О чемь же, мое сердце, пришла еси ко мне?
Вижу тя ужасна и суще недерзновенна.
Хощеш убо от мя нечто испросити?
Рцы же, дерзновенно рцы, что есть твое прошение,
аще и до полцарствия моего хощу бо изьявление. ||

[г]Есфирь л. 75

Что за полцарствие! Аще и вся сокровища,
— сих же аз не хощу, — милость же твоя вяшще!
Мое же прошение есть, дабы еси изволил
и сего дня ко мне сам кушати позволил.
Тя же хощу угостити. Купно же прошу,
дабы еси приказал князю Аману притти,
желаю бо всем сердцем цару моему служити
при моем бедном столе.

г–г *Далее в ркп. пропуск текста. Доб. текст Л.*

Артаксеркс

О любезная моя!
Како аз вобраню сему твоему прошению?!
Рцыте же, мои спалники, оному Аману,
дабы он пришол и себя изготовил
к царицыну обеду. Аз же к тебе буду, ||
л. 75 об. тогда же мне явиши сердца своего любви.

Есфирь

Аз раба царева.

Артаксеркс

Наипаче царево украшение.

Есфирь

Се аз же отхожду. Царь милостив да будет!

Артаксеркс

Проводите же вы ее даже до ее жилища.

Есфирь

Прости, любезный мой царю!

Артаксеркс

Аз скоро за тобою имам приходити.

Есфирь

Богу же моему слава, сердце бо мое
от первые печали совершенно опразднилось, [г]||

л. 51 ДЕЙСТВО 5, СЕНЬ 1-я

Артаксеркс

Услаждает мя сладчайшее вино,
наипаче [д] же очес твоих блистание,
иже звезды превосходят!

[г] *Далее текст М.* [д] *Испр.*; *в ркп.* ноипаче.

И всякого ми услаждение
ничто же устнам твоим подобно,
рожаным цветом украшенно!

Есфирь

Се глаголы твои совершенно являют
и царя моего благость ми воспевают.
Аще же мя драгу имееши,
обаче печаль ми приносиши,
егда аз сего не могу сотворити,
еже како царя моего утешити.

Артаксеркс

О живота моего утешение
и сердца моего услаждение!
Скорбь бо в грудех моих пребывает,
зане сила ми оскудевает,
яко же сердце мое желает изьявити,
како тя души моего сердца имам любити! ||

Аман

Где есть во вселенней царство,
сице благочинно [е] украшенно,
златыми венцы возведенно?!
При сем же ми зело и чюдно,
чесо ради самое небо вас обоих
не возведет к жилищем своих.
Вселенная бо вас не удостояет,
на обоих вас красоту изменяет,
помрачает бо точию ваше видение.
Но желаем в ваше упокоение,
дабы в вышних небесных пределех
оный Фебус в зависть прочим приял,
тогда убо множество богов лики
познают, яко пред вами не суть велики
Кто весть, аще и самый Юпитер
тебе возглаголет: «Ты еси царь»—
и тя на престоле своем восхощет посадити,
Юнона [ж] же тя, о царица, на колеснице имать
возводити.

[е] *Испр.*; *в ркп.* благо чинно. [ж] *Испр.*; *в ркп.* Юна.

Артаксеркс

Что колесница, бози! Кую честь,
азще вящые не желаю,
яко же получает мое благоволение,
зане сердца моего услаждение, ||
л. 52 паче ми солнца купно луны со звездами
и всего моего царства и с вами.
Та есть прекраснейшая моя Есфирь,
о ней же веселюся, паче о победах своих Кир.

Е́сфирь

О велеможный мой царю любезный!
Желаю от всего сердца тебе быти
и ко услуге твоей готовой пребыти.
Но молю, имей мя токмо рабою.

Артаксеркс

Рцы же, моя, в чесом благоизволиши,
зане вскоре все, все получиши.
Рцы, царица, рцы же ми дерзновенно,
аз ти дам все, елико имам, ей, неотменно!
Рцы же все, еже воспросиши желая:
даже до полцарствия делениеми [83] предлагаю
со всем, яже в нем ся имать обретати,
от того лица своего не хощу отвращати.
Испусти един глагол.

Есфирь

О царю мой, царю милосердый!

Артаксеркс

Глаголи, да услышу. ||

л. 52 об. Есфирь

Не царство ми потребно зрится,
о чем ином имам тя молити,
егда вижу ся во обсядании
и сердца царя моего получении.

---

[83] Деление ти *Л*.

Артаксеркс

Аще сице, светило мое незахожденно,
мню, яко любов мою твориши отриновенно.
Чесо ради ничто же от мене желаеши?

Аман

Егда аз сей обед получих,
скоро нечто бы от царя испросих.

Артаксеркс[з]

Рцы же, Есфирь моя, рцы смело,
аз бо вижу тя, яко в зерцало,
яко нечто просити пришла еси.

Есфир

Благо, о царю! Аще же ми обещался
и вся испрошенная мною дати клялся,
то яви ми ныне неотменную свою милость
и послушай мое слово за свою благость,
да тем ми радость крайную подаси
и избавиши от еже в сердце моем сокровенно. ||
Се же мое прошение есть к тебе высоко. *л. 58*
О царю! Да не отриниши мя далеко
и во утренний день сие сотвориши,
и милость свою крайную ко мне явиши[и],
и Аману ко мне прийти да повелиши,
да купно, вечеряя со мною, у стола поседиши,
тамо же некое моление мое к тебе царю будет.

Артаксеркс

Благо, благо ты, моя любезная,
твориши бо ныне яко мудрая,
яко угостити мя усердствуеши.
И во утренний день вем, яко узриши,
како тя возведу во утрешний день,
о утеха моя и краснейшая всех жен!
Ты же, Амане, да во утрее готов будеши
и со мною за трапезу царицы сядеши.
Прости, светлость моего живота,
и во утрее проси, яже еси хотела.

[з] *Испр.*; *в ркп.* Есфир. [и] *Испр.*; *в ркп.* явити.

Есфирь

О царю мой, да опочиеши мирно. ||

л. 53 об. Артаксеркс

Ей, опочину, любви твоей исполненно,
ею же тя паки имам поздравляти.

Аман

Мя же остави, о царица превелика,
зане недостойна себе признаваю
и главу свою тя прикланяю
и лобзания[к] ног твоих ми да не возбраниши.

ДЕЙСТВО 5, СЕНЬ 2-я

Аман

[л] Как же в дом свой имам возвратити[л]
прежде, даже друзи мои увестятся
и о милости царицы ко мне вси увеселятся,
какую честь от царицы приемлю,
зане мя к столу своему призывает
и очми своими мя милостиво оглядает.
Коль кратно и много на мя взирала,
которым зрением милосердие свое являла. ||
л. 54 Кто же се идет? Чтоб тя обесили!
Есть жид, ему же нечто наговорили.
Узрю, аще еще в гордости пребывает?
Но вижу его, яко бы унывает.
Мню, яко заповедь царска ему есть сказанна
хощет ми лестно молити[м] и видеть избавленна[м].
Но вижу, яко хощет мя минути.
Аз же оного пса мышлю искусити,
аще ми не хощет достойну честь являти.
Призову же его к себе. Слыши, старче, слушай!
Что зде твориши, что, чесо и зде ты хощеш?[н]
Царю ли ты о чем молити, рцы, желаеш?
Рцы мне, и аз поиду и дела твоя исправлю.

[к] *Испр.*; *в ркп.* побзания. [л–л] *Доб. из Л.*; *в ркп. нет.*
[м–м] *Доб. из Л.*; *в ркп. нет.* [н] *Испр.*; *в ркп.* хощещ.

Мардохей

Ничто, ничто не хощу, о княже вельможный!

Аман

О прегрубое сердце окамененнаго нрава!
Не можеши ли ми колена приклонити?

Мардохей

Тое честь аз богу должен воздавати.

Аман

Коему богу? ||

Мардохей л. 59 об.

Богу, его же трепещет Исраиль.

Аман

Трепещет? А не страшисся цареву повелению?

Мардохей

Страшусь, но паче всех богу Исраилю.

Аман

Ох, аще не был бы ты пес, а яз ближайший царский князь,
и аз бы абие главу твою сломил!
И се узриши ты, что в сю нощ имать быти.

Мардохей

Егда же, о бедный человече, абие уснеши во гресех своих?!
Коликие убо смерти стоят округ полат твоих?!
Се есть великое око, яже нас взирает
и солнечным восходом нам радость обещает. ||

л. 55 ДЕЙСТВО 5, СЕНЬ 3-я

Сереа

При такой великой милости и неуподобленой чести
и самыя твои други пребывают выну в радости.

Аман

Тако, о любезная моя жена и старейша чадом моим,
их же с неба восприял; тако и родителем твоим,
зане по тебе и о мне веселятся.
Се же ти правдиво изьявлю и изглаголати изнемогаю,
кую милость от высочайших глав ныне получаю.
Правдиво рещи, есмь бо достоин,
зане же сей земли прилежно заслужих.
Что Персиа славится и Меды процветают,
и яко сему царству многия покорно припадают,
и яко ся страна во сщастии и радости пребывает,
и вси народи, вси Артаксерксес царь страшает,
— аз сему причина.

Сереа

Истинно речеши.

Аман

Добре, яко царь то признавает,
яко великий монарх вельможным мя нарицает ||
л. 55 об. и яко есмь по царе царем.
О сем, дабы вси людие, вси, егда б мя взирали,
смиренно вси, яко вельможе, главы прикланяли
и дабы все желание мое могло исполнити
и сердце бы царево выну неотвратно от мя имело быти,
доволно имею.

Далфон

Господине отче, тако есть! И такое милосердие
нам, чадом твоим, принесет выну безбедствие.
Се убо великаго Амана слово
приидет на нас от чад его на чада,
и милость царская и слава превелика
будет нам всегда в наследие бесконечна.

Аман

Так есть. Надеюсь я очми своими зрети,
яко ты, мое чадо, в чести имаши быти
образом думных или какова князя,
зане вижу тя разумом украшенна
и во нраве блазе и мудрости облаченна.
Тогда имаши быти в чести изящнейшей,
что ти оскудеет тогда ко отчей славе высочайшей. ||

Серея

Прошу тя, любезнейший мой господине, да глаголеши во время благо
о чаде своем милосердому нашему царю слово.

Аман

Не веси ль, яко утре царица мы призвала
и мне велела быть у своего стола,
и тамо попекуся о чести моего сына.

Серея

Како, паки к утру призывает?

Аман

Ей, истинно возвещаю тя,
яко царя и токмо единого звала мя.

Серея

Не малая та честь.

Аман

Никто же себе не может ю причесть.
Является, яко бы она сердце свое и волю
хощет царю и мне дать по долю.
Како мя вчера зело почитала
и милость свою ко мне презелну являла.

Далфон

О предивный отче! Небо тя подало избраннейша,
иже род наш тако возвышаеш[о] честнейша;
того ради мы сугубо блаженна себе признаем,
зане всякое благополучие от тебе получаем. ‖

л. 56 об. Сереа

Что же еще, господине мой любезный, можем пожелати?
Дом твой, яко град, мню ничим не оскудевати.

Аман

Едино токмо, едино то мое сердце отягчает,
идеже царь мя чтет и царица милосерда ся являет,
и вся Персида, вся колена ми приклоняет,
кроме единаго еврея.

Далфон

Не мнишь ли Мардохея?

Аман

Не могу того жида пса назвати,
иже мя никую же честь, ни поклон хощет воздавати,
но гордо выну мимо ходит
и на меня отнюд не смотрит.

Сереа

И самого царя ни слушает[п], ни чтит?

Аман

Никако же, никако, ей, реку!
Егда и ныне аз поидох от царские трапезы,
и вси мои счастия точию вменил во сны;
аз бо, егда ему начах глаголати приятно,
тогда той жид и пес явил себя отвратна. ‖
л. 120 [р]Егда ми слово рек, не токмо главу поклонити,
не точию велможа, но проста мя хощет признати.

[о] *Испр.*; *в ркп.* возвышаюш. [п] *Испр.*; *в ркп.* скушает. [р-р] *Далее в ркп. вырван лист. Доб. текст Л.*

Не могу во счасти своем, в покое быти всегда,‖
дондеже вижу я онаго пса очима, л. 120 об.
седящаго всегда пред царскими вратама.

Далфон[c]

Господине отче, тогда можеши желание оное получити,
егда Персия наша меч в кровь жидовскую будет омочати.

Серея

Ни! Прежде достоит совет сотворити.
Чесо ради, господине мой, утре сердце хощеши крушити?
И к нашей царице с печалию да не явися,
и до утренняго дня, глаголю, не дожидайся,
и злаго Мардохея гордость сокрушай,
и надменный его нрав ногами попирай!
И аще совет мой благ,— се да сотвориши:
сей нощи древо созиждут, на нем же его повесиши,
лакот пятидесят, дабы всем мочно зрети
чрез град и вся поля; и утре царь да дасть
позволение сего Мардохея на нем возвести
во ужас всем людем, всем царя преслушающим
и тебя, яко велможа, нечтушчим.

Аман

Истинно и право разсуждаеши ты.

Серея

И потом с радостию, безбедно и безскорбно
к столу да идеши. Рцы, токмо неоплошно.‖

Аман

л. 122

Блаженна ты жена и вныу восхваленна!
Бози тя сотворили в разуме возвышенна,
и се, о добродетелна жена,
в сие время нужное благи совет дала.
И се по глаголу твоему имам утре поспешити
и онаго Мардохея тело
извергну небесным птицам, их же тем хощу напитати,
и тако ярость и печаль купно и скорбь хощу лишати.

---

[c] *Испр.*; *в Л.* Агаг.

Сыне мой, слыши! Се да сотвориши
и сею нощию отнюдь нимало спиши,
да аз рано востав, и злодея того накажу.
И во всю сию нощь да делают оно древо
и на преддворие моем постави то зело высоко.

Д а л ф о н[т]

Добре, отче, тако сотворю.

А м а н

Царь ми не возбранит, аще аз хощу,
егда же слово глаголю и еже попрошу,
зане имам его сердце и любезна послушна [р]. ||

л. 57 Д а л ф о н

О, почивай отче, почивай, аз же отхожду.

С е р е а

Добра тебе нощ.

А м а н

Жду по доброй нощи и доброй день.

ДЕЙСТВО 5, СЕНЬ 4-я

М а р д о х е й

В сию печалну нощ что ми содевает,
егда ни человек, ни зверь, ни птица восклицает,
аз же, во скорбех непрестанно унывая,
жду с прискорбием, како приидет утренняя заря.
Ох, Есфирь царица!
Ох, аще бых ведал мысль твоего сердца!
Чесо ради мысль мне сокрывала?
Мню, яко и ты страх оный ожидала. ||
Се аз низпадаю
л. 57 об. и во образе смертном себе являю.
Тебе же, боже, ся предаю со всеми своими скорбьми;
даждь нам, аще мочно, радостную зорю!

[т] *Испр.*; *в Л* Агай. [р-р] *Текст, пропущенный в М, доб. из Л. Далее следует текст М.*

ДЕЙСТВО 5, СЕНЬ 5-я

А р т а к с е р к с

О Сефар, прииде семо, прииди!
Подаждь ми мои царственные книги:
не вем, что ми се дееть,
покой бо мой и сон конечно изчезает.

С е ф а р

Что имам прочитати,
и кую повесть хощет предлагати?
О твоем, о царю, власти началство?

А р т а к с е р к с

Ни, то есть бесконечно.
Зри, что сего лета
какие дела творились ||
и в каких страхованиах и сщастей *л. 58*
мое великое царство ныне обносилось.

З е ф а р

Се аз есм готов.

А р т а к с е р к с

Хощу аще сна не имам,
время туне не испустити,
зане сплю и бодрствую в корысть моих подданных
и како ся береч от нахожденье странных.
Что в книзе ты обрел?

З е ф а р

О воине преизяшном,
Сабух Хадес названном.
Сей поби Парфы совершенно
и тако низложи изменники обронно.

А р т а к с е р к с

Аз вем его дерзновение.
Что получил за воздаяние?

Зефар

Зде писано, яко ты изволил ему дати ||
л. 58 об. землю, юже взял, и впредь за ним быти.

Артаксеркс

Добре. Что еще? Глаголи.

Зефар

Амановы победы.

Артаксеркс

Те ему воздаваны,
зане того возвысих паче всех под мя.
Чти, что еще есть тамо.

Зефар

Великий бе посол индийский Мефаду,
сей предаде свою страну в твою преграду.

Артаксеркс

Какие дары ему возданы?

Зефар

Двесте перских коней
со збруими и толико же сабель
со многим камением и з драгоценными вещми.

Артаксеркс

Еще же что ему дано?

Зефар

Ему же прибавлено
драги лук со стрелами. ||

л. 59 Артаксеркс

Аще так и впредь будем жаловать,
то имамы и тем иных привлекать.
Чти дале, чти еще.

Зефар

Некогда тебе, о царю, ключилось
впасти в болезнь тяжку, прилучилось
обаче Ермия хитрость восхваленна
от смерти тя сотвори избавленна.

Артаксеркс

Рука, яже мя врачевала
и мя от смертнаго одра воздвигала,
сам тое, сам прекрасную украсих
и на ню свой перстень возложих[у]
цены — зело безценной.
Еще же азь даровах ему златую гривну
со образом своим и чепь зело дивну.

Зефар

Тако и в книзе есть приписанно.

Артаксеркс

Сице воздаю хитрость заслуженну.
Чти дале, прочитай
не скоро, но внимай.

Зефар

Два евнуха твои, Ферес и Багатан,||
клятвою укрепясь, тя хотеша убити, *л. 59 об.*
тя, самого царя, нощию умертвити.

Артаксеркс

Не забых о сих ворах,
обещение им воздах.
Чти паки.

Зефар

И некто Мардохей,
от рода жидовского, благаго суть совести
откры той замысл, царя хотяи тем спасти.

[у] *Между этой строкой и последующей расстояние большее (такое, как между репликами действующих лиц).*

Артаксеркс

Что же мы оному за живот свой воздахом?

Зефар

И зде ничто не есть приписанно.

Артаксеркс

Истинно ничто?

Зефар[ф]

Ей, ничто, ей!

Артаксеркс

Како ничто? Се есть превращенно,
ся великая верность тако оставленна.
Посол, врач и воин
получили великие дары, ||
л. 60 истинно, златые велико горы,
не довлеет ли жизни моей оберегателю?
Рцы, что ми в сем советуеши?

Зефар

В твоей есть воли, о царю милосердый.

Артаксеркс

За оное верное дело
никое же воздаяние ему есть учиненно!
Кто семо идет? Рцы.

Аман

Время ныне благо царя о том просити,
еже ми подаст Мардохея обесити,
зане же сего пса видети не могу,
сего же утре его мертва видети хощу.

Багоа

Князь Аман идет семо.

[ф] *Испр.*; *в ркп.* Зефрь.

Артаксеркс

Призови его ко мне.

Багоа

Князь Аман да приходит
и ко царю в чертоги внидет! ||

Аман л. 60 об.

О сщастие мое, царь сам мя призывает!

Артаксеркс

Друже мой, прииде и ко мне приближися.

Аман

Вельможны монарха, аз есм холоп твой верный,
смиренно прихожду, припад яко покорный!

Артаксеркс

Аз вем, яко во вся дни же суть и нощи
попечение имееш, како мя стрещи
и како мои земли будут в опасении.
Ныне ми пришло мысль моего спасении.
Есть некто человек, и тот ми сотворил
и своим радением живот мой возвратил.
Ты же, мой любиме, ты подаждь же ми совет,
в какой чести того мне впредь его иметь,
человека, его же аз люблю.

Аман

О сщастие! Благое се слово аз хвалю:
се мое желание сердца моего.
Царь мя хощет чтити паче сигклита своего.

Артаксеркс

Рцы, подаждь ми твой глагол. ||

л. 61 Аман[x]

О царю мой, царю! Зане же твой извол,
худейшей есть к тому мой ныне приговор.
Той бо человек да возмется на двор,
и се да сотвориши:
и в одежды своя облечеши,
и царской свой венец на него возложиши,
и на своем коне его да посадиши;
егда же в таких украшениях,
яко царь во всех пристроениях,
тогда величайшей князей твоих
поведет его по стогнам всем
и громским гласом сие да вскличет:
«Сице сотворят мужу, в нем же царь благоизволяет,
его же царь сам любит и зело почитает!».

Артаксеркс

Востани же вскоре ты и возьми мою одежду
и коня лутщаго, предивна устроенна,
венец и протчая, что к тому належит,
да добры Мардохей честь ону получит.

Аман

Что? Кого? Мардохей?!

Артаксеркс

Того аз признаваю. ||
л. 61 об. Слыши же, Амане, тебе повелеваю,
да ты воздаси ему оную честь,
зане он добре ю мне заслужил есть.

Аман

Онаго жида Мардохея,
моего прелютого злодея?!

Артаксеркс

Аман, тебе реку, в одклад не откладай
и все, еже аз ти рекл, не мешкав исполняй!
Что же стоиши
и на землю зриши?

---

[x] *Доб. из Л.; в ркп. нет.*

Аман

О бози мои, бози!

Артаксеркс

Притом же явно выкликай:
«Сице чтит царь тех, верно ему служай!»

Аман

Иду же аз, иду. О бози мои! Ох,
что я придумал, к чему ся приведох!
Принужден почитати,
его же хотех обвешати.

Артаксеркс

Се Аман себе прельщает, ‖
яко же ему се не збывает. л. 63
[xx]Зело нача сердцем скорбети,
яко же ему онаго Мардохея водити.[xx]
Сам бо к тому он совет свой подаде.
Се зри, зоря уже к нам прииде.
Приидите же ко мне, подайте же мою одежду,
да, како наш Аман Мардохея ведет, услышу.

(*Зде выходит Мардохей во славе,
на коне седяща и водим Аманом.*)

Аман

Слыши, о народ! Слыши! Се есть царское повеление,
сице творит царь тому, в нем же имать благоволение!

Мардохей

Ох, что творят! В правду ли или в вящее поругание?

Гегай

Ни, Мардохею, ни, есть царево повеление.

Аман

Сице сотворят мужу — слушайте, народи,—
его же любит царь и хощет почитати!

---

xx–xx *Рифмуются* скорбѣти—водити.

Мардохей

Сей чести аз не достоин ныне получити. ||

л. 62 об.

Гегай

Молчи, егда тако царь тя изволил устрояти!

Аман

Зрите, людие, зрите! Такая честь бо дастся
оному мужу, иже о царской чести радуется!

Мардохей

Аз никако заслужих.

Гегай

Бог твой сице тебе устрои.

Аман

Зрите! Такую честь царь наш тому дарует,
зане же его царь любезно почитает,
[ц] снями венец себя! [ц]

Гегай

То есть признак недобрый.
Венец твой со главы — признак бо есть опасный.
Мню, яко сщастия ветр хощет обратитися,
венец бо твой, явится хощет, тя лишитися
и на тиранской главе вьшу трепетался.
Се ныне се помысли, день чюдно пачинался.
О како, о Мардохей, Аман огорчися.
Бог весть, что к вечери еще и зде случится.
Како убо о сем царица имать радовати,
радуюсь и аз, обаче ей весть хощу приносщати.
Вем, яко мя ожидает зело спешно.
О гордость — посрамися, кротость буди же утешна! ||

ц–ц *Эта строка является, быть может, ремаркой, чего не понял писец (объяснение И. М. Кудрявцева).*

[ч]ДЕЙСТВО 5, СЕНЬ 6-я[ч]

А м а н

О срамота моя, о поношение!
О укоризна зла и уничижение!
Аз чаях, яко царь мне хощет сотворити,
аз же принужден врагу своему воздати
мною же самим приговоренно.
О беда моя, никогда не слыханно!

С е р е а

Како, господине мой, не усмотрел?

А м а н

Совет бо мой превращен преуспел.
Горе, горе, мне! Аще бых помыслих
и прошение свое прежде предложих,
еже онаго жида повесити,
тогда б срамоту ону мог избегнути.

С е р е а

Ни. Не место, ниже время ты б нашол,
еже просити Мардохея тамо ты пришол,
зане тогда царское бысть изволение,
еже Мардохей сотворити в честех учинении.
Достойно тебе было ино время изобрати.

А м а н

В мой срам, ево же честь востали на мя рати.
Вы же, премудрые звездословцы, мне скажите, ||
рцыте мне явно, что ис того еще зрите.

И б р а и м

Не с радостию тебе, господине, возвещаем,
на небе бо звезды две обретаем,
и едина противо другой себе постановили,
ис коих бо тебе великое зло призначили.

ч-ч *Доб.*; *в ркп. нет.*

Аман

Что есть? Рцы дерзновенно.

Ибраим

Не смеем,
доколе обнадежности не имеем.

Аман

Есть ли еще чести у царя мне
осталось? Не таите ми зде.

Ибраим

Глаголи, Айдар.

Айдар

Не смею.

Ибраим

Ты, Здайран.

Здайран

О Иврагим! Глаголи ты, старейши наш. ||

л. 64 Аман

Ах, скоро!
Не тако ваши мне словеса стращают,
како медление опечалует.

Ибраим

Слушай же, княже вельможный.
Аз вчера видех издали ночию
зело малую темную звезду,
яже обаче внезаапу свои лучи
светло повсюду низспускала,
тако, что бысть близ ея помраченна
изрядная иная звезда
и невидима была.

Аман

Что знаменуется сие?

Ибраим

Может учинитися сие,
что некто, роду малого,
смирит воина храброго.

Аман

О страсть! Сие аз днесь получих.
Айдар, что ты глаголиш?‖

Айдар л. 64 об.

Смущает ми злой сон сердце моего.

Аман

Каков?

Айдар

Яко великое древо некое
стояло изрядно и дало на месте зеленом
птицам почивание, покой же человеком.
В том ударила малая громная стрела
толикою силою, ею же имела
дерево то в малые мелкие части
в таковой нечаемой скорости,
что и места оного знати не было,
зане же, аки плевелы от ветра, сучцы его отнесло

Аман

Несть так тяжко громное ударение,
как жидовская честь и мое поношение.

Айдар

Доброй, когда сей сон тако ся толкует.

Аман

Или мниши, яко вящше нечто презнаменует?

Айдар

Не вем.‖

л. 65

Серея

Аз такожде не могу разумети,
ниже сей сон довольно разсудити.

Аман

Что разсудити? Мошно ли вящшее презрение
учинитися днешному к тому поношению?
Что, Дзайран, что же глаголеши,
или ми ничто же лутчее прорекати желаеши?

Дзайран

Аз пророку по моему помышлению,
небо же да исправит к лутчему намерению.

Аман

Что же?

Дзайран

Как вчера аз учал на зоре
утро при солнечном восходе
присмотритись птиц хитростей,
узрех горлицу седящей
на сухом смирном древе;
сокол летел тоже, стрегущи;
в том на горлицу спустился,
она же нача ухранятись; ||
л. 65 об. сокол, иже летание свое
воздержать не мог быстрое,
умертвился на камени,
разбив главу и до крови.

Аман

То чюдные птичьи потехи.

Дзайран

Горлица тогда без страха
изыде, быв уже свободна,
сяде выше[ш] того еще
на деревеси лаврове.

[ш] *Испр.*; *в ркп.* выще.

Аман

Что же еще
хощет сей горлицы дерзость увещати?

Дзайран

Блиско сице учнется избывати,
что прознамянование было оной.

Аман

Разве на беседе днесь царевой
царь паки отдаст ми прежнее мое,
сверх же достоинство, выше того.
Тогда Перскому царству пременитись.
на чем со крепкою верою обещаюсь. ||

Серея л. 66

Сердце мое и господине,
не вем, что мне за кручина
главу и сердце смущает,
ничто же доброе вещает.
Звезда, сон и то видение
весмя явят зло слученье.

Аман

О так ли мя утешаешь?

Серея

О, зло начало бо имееш,
понеже муж жидовского рода
днесь бысть господин, ты же слуга.
Жида, его же хотел еси казнити,
того тебе днесь велено чтити!
Он же в порфири, в венце и царской утвари,
а ты под ним ведеш коня сопреди!
Что же противо творити желаеш?
Советую ти, да сердце усмиряеш.
инако падение да не узнаеш. ||

Харбона

Поиди же, княже вельможны, ко трапезе!
Царь ждет уже тя в полате. ‖

л. 66 об.

Аман

К царице?

Харбона

Яже тя паче и иных желает.

Аман

Не полнаго обретаюсь здравия.

Серea

О, остави же вреднаго скорбления.

Харбона

Скоро же! Долго ли царю ждати,
бес тебя убо не похочет ясти.

Аман

Иду же тогда. Простите, мои возлюбленнии![V,a]

Серea

[б] Прости, сердечный господине! [б]

Ибраим

Отврати твое воскорбление
царское милосердие!

Харбона

Иди же! ‖

67

Аман

Иду. Простите!

Все *рекут*

Прости!

[V,a] *Испр.*; *в ркп.* возблю. [б–б] *Испр.*; *в ркп. этой строкой заканчивается реплика Амана.*

Гегай

Се, Мардохей, царица ти вещает
и к тому усердно ся утешает
про славу и восприятую честь,
юже Аман тебя сам сотворил есть.
Так последи бог воздает, аще что закосневает.

Мардохей

О боже! Помози нам еще!

Гегай

Еще же сомнишися?
Дерзай: царица о тебе радеет.

Мардохей

Почто же Аман с нею собеседует?

Гегай

Нечто хощет творити,
еже мне не смыслити,
но вскоре премудро действо ее обьявится.||

Мардохей л. 67 об.

Не хощет ли царя умолити
на кровь и зренное письмо,
еже от Амана усоветовано?

Гегай

Не может ся сие по перскому суду учинити.

Мардохей

Или намерает Амана уклонити
от совета злобнаго своего?

Гегай

Что ни есть она хощет сотворити,
то мне и тебе во веки не смыслити.

Мардохей

Да сотворит же она, яко бог наставит.
Молю, да он токмо уста ей исправит,
[в]яж труждаюся а уцелени люду ево[в].

Гегай

Потерпи же, аз к царице поиду,
да нечто у ней благое улышу.

Мардохей

О друже! Молю тя, да изволиш
ми скоро обьявити, что услышиш. ||

л. 68 6-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я

Артаксеркс

Глаголи же тогда,
коль еще хощет долго,
возлюбленная моя едина надежда,
твое ми не явити сердце?
Не может бо ни вино, ниже брашно
со твоими утешительными словесы
мне прежде удовольствовати,
даже твою волю свем.
И почто же воздыхаеш,
понеже тебе обещаюсь
полцарствие абие отдати?

Есфирь

Царю мой! Даждь ми токмо еже ми жити!

Артаксеркс

Что?!

Есфирь

О милосердые очи,
то едино мое счастие!
Даждь, царю, милость свою,
тогда люд мой, живот мой состоится! ||

[в-в] *Доб. из Л.; в ркп. нет.*

Артаксеркс л. 68 об.

Кое жития опаство?

Есфирь

Яз в опасении есьм:
сама и люд мой от земли имеет быти
убиты, закланы и погублены.

Артаксеркс

Кое чюдо сие есть?

Аман

Удивляюся и аз.

Есфирь

О, что!
Проданы есьми на смерть!
И дал бы сице бог,
дабы как невóльники
проданы быхом и аки рабы,
тогда примолчала бых,
понеже моему царю
толико бы не вредило,
вельми же паче было бы
от службы нашей укоризна.

Артаксеркс

Что же, в конец, сие будет?
Извещай без мешкоты,
како, где и кой человек
сие мыслит и дерзает
таково сотворити. ||

Есфирь л. 69

Лукавой враг мой, супостат —
сей Аман, зде иже, зде сидит! [г]

[г] *Испр.*; *в ркп.* сидить.

Артаксеркс

О, смутитель!
Аман, ты?!

Аман

Горе, о горе!

Артаксеркс

Проч! Да впредь не вижу
пса того в очах моих!

Есфирь

О царю милостивой,
не возьярися зело. Камо идеши?

Артаксеркс

Во вертоград.

Аман

Кое несчастье ныне на мне учнет ожидати?
Ныне же, ныне погибох!
О великая царица!
О, прости ми тое дело!
О! Милости молю, милосердия!

Есфирь

Дело то сам измыслил еси,
да приидет же и на тебе.

Аман

Яз сам уличаюсь,
яко согрешил есмь. ||

Есфирь

л. 69 об.

О, ныне воспять мыслиши? [д]

[д] *Испр.*; *в ркп.* мы слыши.

Аман

Имеет ли злодейство мое
паче твоего милосердия превосходити?
Ни. Ввящщая слава есть милость сотворити.

Есфирь

Тебя, иже прежде еси
презрел моей милости?

Аман

О царица! Тем же тая
вяшщая будут твоя слава,
егда величайшему злодею
сотвориш милостыню!

Есфирь

О изменниче!
Вопрошаю: егда бы твое убойство
тако к действу приходило,
мне пощадил бы еси?
Как, ныне не отвещаеш?
Невинность без опаства была бы,
чтоб твоя ярость ю не истребила,
праведно тогда на тя приходит,
ежи и иным уготовал еси.

Аман

Правда, праведно! Но прошу милосердия.‖
Аз хощу за то дело *л. 70*
неволником вечно запоручитися.

Артаксеркс

Что хощет еще тот злодей? Удавити
сам царицу мою зде в чертозе?!

Аман

О горе![е]
Недостойной пес, ему же,
ему же никогда поволено
возрети на царское лицо!

[е] *Далее в ркп. текст отделен так, как отделены реплики разных лиц. Возможно, что следующие слова говорит Артаксеркс, что не противоречит их смыслу; еще вероятнее, что они произносятся кем-то из присутствующих (объяснение И. М. Кудрявцева).*

Артаксеркс

О, тысящ отомщения!
Что мне с тем убойцом чинить,
иже не пощадил есть
сию главу, юже сам венчал есьм?!

Харбона

О велие величество!
Аще ми есть поволено
слово некое изрещи,
тогда обьявлю ти нечто.

Артаксеркс

Что же? Глаголи.‖

Харбона

л. 70 об. Како я днесь по твоему царскому указу
шел Амана семо к столу призывати,
видех древо 50 лактей возвышено
и вопросих, что сие знаменует.
Отвещали же ми дворовые люди,
яко Мардохею жидовину еще днесь
на нем повешену быти.

Артаксеркс

Что? Мардохею?!

Харбона

Того, иже своею верностию
царю извещал изменничье убойство,
еже на царя уготовано было.

Артаксеркс[ж]

Того хотел удавити Мардохея?!

Харбона

Того.

[ж] *Доб. из Л.; в ркп. нет.*

Есфирь

Величество твое разсудити может,
яко он люд мой и мене искал умертвити.

Артаксеркс

Того, его же сам моим повелением чтил
и во граде так изрядно обводил?!

Харбона

Того самого.‖

Артаксеркс

Кая злая мысль тя воздвигла?
Ты, пес?! Стража, воспряните
и предадите убойца руками спекулатору.

Аман

О милосердый царю! Несть ми пощады?!

Артаксеркс

Дабы ево абие повесили на то же древо.
еже дерзнул на Мардохея поставити.
Скоро, скоро к висялице!

Стражи

Поиди, милостивый господине, поиди.

Аман

О царица! Пощади! Пощади!

Артаксеркс

Проч! Проч!

Аман

О милосердый царю! Пощади! Умились!

Артаксеркс

Ни едино слово слыша не хощу!
Аще ли не виснет сего часа,
все ожидают того же указу! ||

л. 71 об.

6-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я

Аман

О дерзость, дерзость моя
со проклятым счастием,
как упадаю твоим лицемерием!
О властолюбие, удобосокрушенное имение!
О гордость, скоропогибельная сень!
Не могл есмь удовольствоватися
всемирною честию! Гордостью же и дерзостью
ныне же зависл есьм междо честию и бесчестием!

Спекулатар

Ни, милостивый господине, ныне уже тебя лутши повешу
между двемя вервми, их же тебе дарую.

Аман

О гордость и дерзость,
их же все ненавидят,
едва и сами себя любят!
Как поздо ныне разсуждаю,
кое было лавра моего знамя,
егда з главы моей низпаде.
Никой лавровой венец несть так обрасль, ||
л. 72 его же времянная и завистная сила не разрушит.

Спекулатар

Твой венец ныне вящще разпространитися может
к гнезду, в нем же враны [3] сами ся изводят.

---

[3] *Испр. по Л.*; *в ркп.* раны.

Аман

О царская милость
со проклятыми честьми,
яже удобнее, нежели ветр ся движет!
Яко поздо научаюсь ныне,
что господьственная любовь и милость токмо
есть зелной удар и падение.
Яз того ради высоко возшел,
дабы паче паки низвержен был.

Спекулатар

Молим, дабы еси милость нам учинил
и ныне сими степеньми к возвышению ся воздвигнул.

Аман

О безопаство
с помраченными чювствии,
иже не могли смыслити
бесчастия моего,
еже волствии видели! ‖
Звезда моя погибла,
горлица ныне из сокола насмевается,
житья моего древо весмя искореняется!

Спекулатор

Зде стоит твое древо со палежащим бревном,
еже абие украсится со изрядным повешенным соколом.

Аман

Простите,
жена моя и любимые мои детки!
Падение мое будет вам в помешку
ко счастию, еже есмь чаяли когда.
Но желаю в конец, да е отставите тогда,
счастие убо токмо есть жития сокращение:
его же возвыси, того приведет в бедное низспадение.

Спекулатор

Уже от нас будеш тако укреплен,
что скоро згниеш, неже быть свержен.

Аман

Друзи и недрузи
со всеми мудрецы!
Разсудите Аманово падение,
яко гордость поздо испокается.
Сю висяльницу яз сам поставих.‖
Блажен, иже на бога токмо уповает:
непостоянное счастие уже лежит,
гордость же на образ зде висит.

Спекулатор

Виси же, движеся, самая гордость,
удавися счастием своего же древа.
Мечися, здрогнися, образе глупости:
се живота и разума и с честию лишен еси.

7-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 1-я

Мардохей

Повешен ли Аман ныне?
Сам ли ты то видел?

Азариа

Сам яз ево изымал
и видел, как к смерти шел.

Мардохей

Яз едва сие верую!

Задок

Тако бог великий может‖
честь гордым отнимати
и в бесчестие сокрушати.

Мардохей

О, какую радость, Задок,
нам еси приносил!

З а д о к

Бог ныне нашу печаль
в радость пременил.

М а р д о х е й

Как же?

З а д о к

Низвержен есть,
иже помыслил нас погубити,
Аманово бо уже честь
и живот сокращен.

М а р д о х е й

Что глаголиши сие? Во сне?

З а д о к

Яз сам увидех оного
на том дереве висящого,
его же тебе был поставил.‖

[и]М а р д о х е й л. 156

Сам ли еси видел?

З а д о к

Ей, своими очесы!‖

М а р д о х е й л. 157 об.

Како то учинилось?

З а д о к

[к]Богом то ся случило;
молитвою поспешило
Есфиры царицы,
[л]яже в том радела,
дабы тебя избавила[л]
от смерти так лютой[к].

[и–и] *Далее в ркп. вырван лист. Доб. текст Л.* [к–к] *Испр.*; *в Л написано без соблюдения рифмованных строк.* [л–л] *Рифмуются* радѣла — избавила.

Мардохей

О Есфирь! За тое твое радение
буди бог тебе мздовоздаяние!

Азариа

Бог ю да возрадует, что нас
не забывает.

Мардохей

[м] Приидите, братия, да помолимся
силному богу и поклонимся
з благодарением за ево милость
иже победил вражю гордость! [м] ||

л. 158 (*Песнь*)

Стих 1.

[н] Израиль да радуется,
усердно же веселится,[н]
бог убо живет прежний,
иже тя спасет с печали.

2

[о] Бог, иже тя крепкою рукою
вывел из земли Египецкой,
сей Фараонову лесть
в Чермном море погрузил есть[о].

3

[п] Иже тя на крылах носил,
великих же царей побил
и дал ти во наследие землю [р],
изготованну тебе [п]. ||

м–м, н–н, о–о, п–п *Испр.*; *в Л написано без соблюдения рифмованных строк.*[р] *Испр.*; *в Л* земле.

4

[с] Иже тя хлебом напитал небесным
и мяса ти дал чюдесно,
паки напои
светлою водою ис камени [с,и]. || л. 158 об.

5

Иже тя отеческии
проводил есть чрез пустыни,
постави тя в землю крепкой,
идеже течет мед и млеко. л. 74

6

Иже принял молбы твои,
изо[т] всех бед тя избави;
врази твои окрест тебя
страшалися велми в себя.

7

Аще ради грехов твоих
подаст тя в узы безбожных,
но когда покаешися,
паки умилостиви тя.

8

Хотя ищут тя прилежно
весмя разорити бедно,
очи же его бодрствуют
и слезы твои считают. ||

9

Егда на тя враг люто зрит, л. 74 об.
бог его абие хощет казнити;
иже тя хотел погубити,
сам стал ныне птицам во снед.

[с–с] *Испр.*; *в Л написано без соблюдения рифмованных строк.* [и–и] *Текст, пропущенный в М, доб. из Л. Далее следует текст М.* [т] *Испр.*; *в ркп.* изсо.

10

Исраиль же на свободе
паки живет, аки внове;
славит бога и воздаст
честь, яко же подобает.

11

Люди мои, поминайте,
честь сему богу воздайте,
пред ним же безбожных бози
суть немы, глуси и слепы.

12

Исраиль да радуется,
усердно да веселится,
бог еще бо живет прежный,
иже тя спасет от скорби.‖

Мардохей

Боже, ты да приими
сю славящую песнь, хвалимый!

Садок

И паки да поживем
в тишине и мире!

Азариа

Боже, что мы пели,
из сердца приносили!

Мардохей

Кто тамо грядет семо?
Гегай? То друг наш есть.

Гегай

Как чюдно может бог смиренное возношати:
гордостный Аман на древе есть возвышен,
лутче же возвышен смиренной Мардохей.

Мардохей

Слушайте же, что глаголет.

Гегай

Так бог воздает верность.
О, как истинное ми сердце мое прорекло,
сердце, еже о щастии Есфиры радуется,
и о Мардохею возвеселитися имать.‖

Мардохей л. 75 об.

О боже! Что тамо?

Гегай

Сердце ми радуется.
Где сыщу мужа того?

Мардохей

Зде, зде, друг мой Гегай!
Слушай, мой честный друзе.

Гегай

Любимой Мардохей!
Не вем, аще грядет со щастием ко мне
или счастие грядет само ныне к тебе.

Мардохей

Друзе мой, не твори, да не туне надеюся.
Что сего царства честь тебе ныне воздастся,
царь уже советует с царицею часто,
яко тебе возвышит в Аманово место,
иже висит на древе.

Мардохей

Кто, яз в Аманову честь?
Что яз?— Евреянин есмь.‖

л. 76 Гегай

И сам скоро услышиш убо.
Коль скоро восприях сю радостную весть,
воздержатись не могл. Тое же истинно есть,
тебе же предложити.

Задок

А тамо кто приходит?

Азариа

Два советника.

Гегай

Зри, зри, ныне повеление приимеш.

Сефар

Радуйся и почтен еси, о Мардохей!
Его же сам царь чтит для верности твоей.
Ему же ты еси соблюдал здравие его,
ныне же честь во мзду даст ти ся от него.
Тем же высланы есмы, незакоснев, привести тя,
убо царь со царицею тя дожидаются.

Мардохей

Боже! Сон ли сей есть или твое сослание! ||

л. 76 об. Пармаста

Ей, смиренной Мардохей, бог дает ти се счастие.
Благодари ему, последствуй же и нам.
Желаем ти ту честь, иди же скоро сам.

Задок

Иди, бог с тобою. Издали тя проводим,
вскоре же тя назовем государем нашим.

Азариа

Вспомним же и нас, егда будет ти благо.

Мардохей

Молите, что бог хощет, со [у] мною будет тако.

Пармаста

Что долго медлите со прощеньем вашим?
Иди, друг, да в порфиру тя лепу украсим
против царевой воли.

Мардохей

Простите, возлюбленная братия!

Гегай

Сей муж ныне идет, и кому бы измыслить,
что о нем, о столпе царства, тяжесть стоит.
Во злом одеянии премудрость часто ходит,
однако же божия боязнь последи ся славит. ||

7-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я *л. 77*

Артаксеркс

Чесо же ради, радость сердца моего,
тако ли Мардохей имать быти служения своего?
Презрен вотще, иже ми радел есть,
лишен воздаяния сущей, иже твой отец.
Ни, истинно же ни! Кленуся царством моим!
Как Аман получил мзду во злодействе своем,
так и отец твой днесь за ево благость
приимет Аманово достоинство и честь.

Есфирь

[уу]Царь есть царства своего, вяще же мой правитель!
Еже благоволиш, да твориш, о мой благодетель! [уу]
Но свойство наше есть не взыскати чести,
милостью царскою паче довольны есмы.

Артаксеркс

Обаче аз хощу, да верность мзду восприимет.

[у] *Испр.*; *в ркп.* до. [уу-уу] *Рифмуются* правитель—благодѣтель.

Мемухан

Зде, великий царю, зде ныне к тебе идет
сей Мардохей, како царь жедал есть. ||

л. 77 об.

Артаксеркс

Перво мя зрение — получит свою честь.

Мардохей

Силнейший монарх, пред ним ся все кланяет,
милости раб просит и к нозем припадает!

Артаксеркс

Ты ли еси сей муж, иже соблюдал есть
здравия моего и открыл убийцев лесть?
Даждь ответ безопасно.

Мардохей

Еже ми самая совесть совещала,
то и должность достойно обьявити велели.

Мемухан

Царю милостивый, долженствует ми сие записати,
яко сей Мардохей верность сию дерзал сотворяти.

Артаксеркс

Что же Аман ти хотел воздаяти?

Мардохей

Ох! Род мой и меня самого искал погубляти.
Тем же и на самую царицу был намерил.

Артаксеркс

Но сам себя своим помыслом погубил.
Востань же, верной друже, наследи ево место
и буди ближней мой, царства же оборонца.
Аще ся прекрасная венца мого достойна[ф] ||

[ф] *Далее в ркп. вырван лист. Доб. текст Л.*

тогда ж сродника ея чинити есть потребна. л. 167
Восприими же и перстень, его же Аман есть носил.
Он недостоин был, тем ты ево получил.
Приими ж купно и честь, также власть с началством, ||
еже он суетно погубил есть своим безумством, л. 167 об.
Указ мой и воля, еже и твоя, действует.

Есфирь

Царское могутство днесь мне да поизволит
сему мужу также мою милость сотворити.

Артаксеркс

Сотвори и.

Есфирь

Тогда аз паки ти сие дарствую,
еже аз от царя получих милостью.
Се все имение, иже тя хотел погубити,
имаши бо вечное владенье и наследие получити.

Мардохей

Владей сама, аз же смиренно тя благодарю.

Есфирь

Но ох!

Артаксеркс

Что сие? Кая печаль паки?

Мемухан

Не вемы!

Есфирь

Царю! К твоим ногам припадаю,
моля со многим слезам,
да Аманово злодейство весма отставится! ||

Артаксеркс л. 169

Востани, любима! Востани, царица!
Смотри зде милость мою, отверзи чювства своя.
Что есть, о чем молишися?

Есфирь перед царем Артаксерксом. Польская Библия, 1561 г., гл. V

Есфирь

Царю же мой! Увы, увы!
Спаси люд мой и мя от поношенной смерти!
Слезы же мои да приидут к сердцу твоему!
Буди тебе любезно, по совету своему,
да силнейши писмы Аманово действо
низложитца над жиды умышленно убийство.
Как мне убо взирати на сию погибель?!
Как мне на то смотрети?!

Артаксеркс

Что се, ниже и во веки?!
Несть ли того ради Аман злосмертию казненны,
что он хотел весь род жидовской погубити?
Ты же, мой Мардохей, пиши своим изволом ф, ||

ф–ф *Текст, пропущенный в М., доб. из Л. Далее следует текст М.*

запечатлев писмо моим подлинным перснем. *л. 78*
Пиши же жестоко скоро в мое имя.

Харсена

Добре, великий царю! Но како думая
о новом сим указе, Аман бо розослал
повсюду прежние писма и совершал?
Персидцкой закон есть — никогда разрушати,
еже царь едино повеле написати.
Яко же паки ныне новое писмо имать,
прежнее разрушати, его же уже все слушает
и род весь жидовской везде искоренят.

Артаксеркс

Что, несть ли уже совет на Аманову лесть?
Что, канцлер, ты глаголи?

Мемухан

Ваше царское величество,
послушай токмо слово:
есть еще на сие помысл.

Артаксеркс

Како же?

Мемухан

Вестно же уже правда, есть мало не во всех землях
царской о том указ, его же несть лет в странах
сих уже пременити по нашему же закону. ||
Ныне да пребудет, естьли честь царска выну
пребыти же имать. Но и иные писма, *л. 78 об.*
яже и прежнему указу не вредныя,
высланы быти могут, да все бы исполнили,
но тако, дабы и жиды дерзко бранились.
Аще ли волно есть оных убивати,
волно же и им буди крепко за ся стояти,
брань творити, елико есть мошно, и мстити
во настоящей день, егда их учнут бити.
Тем же царское слово недвижимо пребудет,
и, егда сей указ в царстве ся разгласит,
жиды безо всякой злобы и вреда поживут,
зане все сами их страшитися учнут.

Артаксеркс

О, доброй совет. Что чаеш ты, любимая?
Что, Мардохей, ты мнижь, как аз укажу сия?

Есфирь

Ох, царю мой, так!

Артаксеркс

Не благо ли б то было?

Мардохей

Ей, благо! Бог да[х] благословит твое царство! [ц] ||

л. 171 об. Артаксеркс

Повелите ж тогда абие написати
таков указ[ч]. Тебе же, Сефар, поспешати.
Дабы написано, что на Аманову лесть
смиренному роду жидовскому волность дана есть
на недруги своя всем совокуплятися
и на урочной день от них боронитися;
кои же их учнут в чем ни есть уцепляти,
тех достойно в самой их крови потопляти.
А пиши же сие ко всем началником моим,
даб всею силою помогали оным.
Слышиши ли?

Сефар

Ей, царское могутство! Писмо абие послано будет
и в трех месяцах действо свое приимет.

Артаксеркс

При том ж объяви Амановую лесть
и яко для того смертию казнен есть,
верной же жидовин место ево владеет, ||
л. 173 в великой же чести и счастию пребывает.

Сефар

Абие сие учинится!

[х] *Испр.*; *в ркп.* до. [ц] *Далее в ркп. текст обрывается. Доб. текст Л.*
[ч] *В Л написано на поле.*

Артаксеркс

Любимая моя! Неже тя недруг оскорбит,
тогда ми лутче есть саблю к бедрам привязать,
вооружаяся, не страшатися борения,
паче ж с радостью в крови стояти в колено!
Болезнует ми то, что Аман тя опечалил,
тот пес!

Есфирь

Аз несмь достойна, что мне тако любиши,
царю ты мой и государь!

Артаксеркс

Ей, тебе и кровь твою!
Ты, Мардохей, узриш:
Аман не бе достоин лаврового венца,
ты же достойнейши корунного блистания.
Советники ж верные, вложите ль на нь сей венец.
Рцыте ж при сем: «И то смиреня мзда и верности». ||

Мемухан *л. 173 об.*

Тако царь венчает смирение и верность!

Харсена

Венчанное смиренье гордости презренье!

Сефар

Столп мудрости! Носи же ту тяжесть
царствия верностью во царской доблести!

Артаксеркс

Ныне же трубы и тимпаны возглашают,
зане же гордыя в своих узах погибают,
смирение венчанно, верность воздаянна,
венцы избавленны, невинность свободна!
Радуйтеся убо со пением и плясанием
весь нынешней день со всяким веселием!

Вси *глаголют*

Ей, ей, ей, ей!
Великая Москва с нами ся весели!

7-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я[ш]

Камбизес

Тако царево слово может дерзость укротити;
тако неверность з бойством в крови своея лежит;
тако Аман ярится еще в злобе своей,
но тако, что сам лежит смертен последи. ||
л. 175 Радуйся ты с ними, исраилские гражданине,
прииди, да попирай выю твоего врага,
иже сам на себя меч носил по се время.
Победа, слава, честь! Воины, вы веселитесь!

(*ПЕСНЬ*)

Се светлое оружье,
ныне дерзайте
цареву волю
ко исполнению,
дондеже сердца удоволятся!
Ваше блистанье
все низлагает.
Шумните везде,
сецыте крепце,
елицы же нам противляются!

Безумно мщенье,
срамися пренья! ||
л. 175 об. Дерзостна зависть!
Сама ты терпиш,
что невинность зготовал еси!
Хощеш кровь лити,
самому ж плыти:
имать из сердца
твоего болна.
Зри, гнев что себе за беду творит!

Вместо тех казней
иной бы лутчей
на одре лежал,
аще не дерзал
без вины скоро меча добывать.

[ш] *Испр.*; *в Л* Act. VII. Scena 3.

Лежите ж, убойцы,
учите прочих
вашим вреждением ||
опасаятись, *л. 177*
зане ярость никако счастья имать!
Пребудь в радости
и меж языки
смиренья чести
к долгой науки,—
бог может своих спасати чюдесно!
Силны лежит,
слабы стоит;
насилству умреть,
безвинну жити;
честь, и слава, и счастье радуется.

Иже сего дни
еще в печали
и в смертном страху,
ныне возможет ||
руку простерти к своей радости. *л. 177 об.*
Нощное время
даст почиванье;
враг же ниц лежит,
в крови плывет;
бойцов сердце стыло, ступела.

Веселитеся,
иже держите
печать в ружье,
паче же чтите
к вам пришлеца исраилева!
Пошлите в небо
ваше веселье.
Бог же всех богов,
спаситель бедных
живет, воинствует и воздает! [ц]

[ц–ц] *Текст, пропущенный в М, доб. из Л.*

«Артаксерксово действо»

Немецкий текст списка, хранящегося в библиотеке г. Лиона (Франция) — № 1346 (ранее № 1220, коллекция Delandine, III, 142)*

6 r° Prologus

Du großer Tzar, vor dem die Christenheit sich neiget,
du Großfürst, dem die Knie der stolze Barbar beuget,
vor deßen Zepters Macht ganz Norden, Ost und West
erbebt, und gerne doch sich von ihm zwingen leßt.
Du Selbsterhalter, Herr und Herscher aller Reußen,
so viel die Sonne kennt; der großen, Klein- und weißen,
Gebieter auch, Herr Alexei Michailowiz,
Monarche, wehrt allein, der Krohn und Trohn und Siz
von Vätern, Ahnen und Vorvätern sollen erben,
und deßen großer Nahm alsdann wird erstlich sterben,
wenn selbsten die Natur den Zepter niederlegt
und, über dieses All' ermüdet, nicht mehr pflegt
ihr altes Regiment. Nimb diß auch an zu Ehren,
daß iezt ein Potentat bey dir kommt einzukehren,
der schon zweytausend Jahr im Grabe liegt verhüllt
und deßen Nahme doch die Welt noch iezt erfüllt.
Es kommet Ahasver aus Persen und aus Meden,

* Текст точно воспроизводит издание списка, осуществленное проф. А. Мазоном и Ф. Кокроном («La comédie d'Artaxerxes», Paris, 1954). Обращение к царю (Prologus) дается полностью, как оно восстановлено проф. Мазоном, по автографу Грегори (указ. изд., стр. 56, примеч. 1). Поскольку действующие лица в списке не указываются, их реплики разделены между собой интервалами.

ein mächtiger Monarch, der iezt doch müß' erblöden,
wenn er dein Reich ansäh, dein welt-geprieß'nes R(eich),
dem in der Christenheit so wenig eins ist gleich,
als seinem gleich eins hieß. Der kommet iezt, doch minder
als wie er ehmals war; sein Hoffstat seind nur Kinder,
sein mayestätisch Werk, sein Ansehn, Pracht und Sta(tt)
ist, was dein' Mayestät ihm selbst geliehen hat.
Dein Finger-Wink, o Tzar, kann Land und Volk erregen,
es kann dein starker Blik der Augen niederlegen
der Feinde Troz und Schrek; was wunder denn hiebey,
daß auch der Ahasver dir tod gehorsam sey,
daß er auf dein Befehl iezt hir muß wieder leben,
als wie ein zarter Knab, und dir Beweiß muß geben,
wie er zu seiner Zeit durch Weißheit, Macht und R(ath)
sein Reich so fest gestüzt und auch erweitert hat.
Wie Mohr' und Indian ihm Gab' und Ehr must bringen,
wie er das Glükke selbst als Unterthan konnt zwinge(n),
wie mancher Unterthan hergegen auch gefühlt,
wie wechsel-wunderlich das falsche Glükke spielt,
wie Hochmuth wird gestürzt, was Dehmuth kriegt zu Lohne,
die Vasthi träget Schmach, die Esther eine Krohne, 6 v°
der freche Haman wird der Hoffart eine Lehr
und Mardochai wird der Erbe seiner Ehr.
So spielt das Glükke zwar, doch nicht ohn Gottes-Schikken,
Gott ist es, der dem Glük kann leicht das Ziel verrük(ken).
Ist dem Volk Ißrael der Tod schon zuerkannt,
in Jahresfrist hat Leid in Freude sich gewandt.
Mann zieht die Schwerdter aus auf die bestellte Würger,
der stolze Mörder fällt, es siegt der feyge Bürger
von Ißraels Geschlecht. Wie wunder-wunderlich
kann Gott der Menschen Rath doch treiben hinter sich!
Von solchen Gottes-Werk, von solchen Wunder-Dingen
soll Ahasverus nun lebend'gen Nachricht bringen.
O allergnädigster, o unverglichner Tzar!
Schau doch, wie Ahasver alhir nun offenbar
den Zepter niederlegt zu deinen Gnaden-Füßen,
wie Esther ist bemüht, in Demuth dich zu grüßen,
wie alles Königsvolk sich dir macht unterthan
im Dienst und Schuldigkeit; darbey auch zeugen an,
daß dieses Kinder-Spiel nicht wehrt sey deiner Augen,
doch laß in deiner Gnad' es darumb beßer taugen,
weil es ist dein Befehl; der machet uns den Muth,
dein Gnaden-Will kann auch das schlechte heißen gu(t).

Schikt aber Gott es so, daß unser schwaches Lallen
kann deiner Mayestät höchst-gnädigst wohlgefallen,
so wirff auf Persien nicht deinen Gnaden-Schein,
laß Ahasvers Volk alsdann nur Teutsche sein!

5 v° Act. I, sc. 1

Glük zu dem Könige, Glük zu!

Er leb' in Sorge, Freud u. Ruh!

So, meine Fürsten! So!
Ihr edles Volk aus Persien u. Meden!
Weil ich bin selbsten froh',
laßt eüre Freüd auch reden,
das ihr getreü
und Ahasverus mächtig sey!

Du mächtiger Monarch, der seinen Zepter strekket

bis hin an das verbandte schwarze Morenland
u. deßen Macht auch schrekket
das Volk, das dort den Goldes-Sandt
wie Staub betritt; mir deücht, ich kan es sehen,
das nicht nur dieses Schloß in deiner Freüd
sich wil als mehr erhöhen,
nein, traun, ich sehe gar zu weit
und deüchtet mir, das wol in 100 schönen Ländern
und fast noch dreißigen, die deine Macht bestrebt,
die Furcht sich mus verändern, u. heüt in deiner Freüde bebt!
U. wer dann solte nicht hir unter deinen Knechten
mit offnen Herzzen deine Gnade zeigen an
bey solchen Freüdenprächten, die kaum ein Him̄el geben kan!

Ja, traun, ô Majestät! In deiner Freüd ietzund zu sterben,
das were lieber mir als eine güldne Welt,
denn wünscht ich nicht zu erben das lustige Elyser Feld,
es wer' ein Zeichen meiner Treü!

Mir deüchtet wol dabey!

Denn wie der Sternenfürst, die göldne Sonne,

gönnt allen Winkkeln ihren schönen Schein

Ja wol! wie solte deinem Reich auch deine Gnade nicht gemeine werden! 8 r°

Ein Gott! wie hemmet sich denn meine Lust!
Ich leide großen Abbruch meiner Freuden,
das Wunderbild, das Leben meiner Brust
in der sich mein Vergnügen nur kan weiden

Und solt ein König so ein kleines Klagen,
Ist nicht die Königin sein halbes Hertzentheil?
Vielleicht mag sie ein gleiches wol verlangen!
Schikt, eüre Majestät, sie wird, ich weis, in Eyl
hir seyn u. Sie holdseliglich umbfangen.

Auf dann! Ihr Cämmerer, eilt fort,
eilt hin zu meiner Königinne
u. bringt ihr dis mein Gnadenwort:
ich sehne mich mit Hertz u. Sinne,
das sie bey mir mag kommen ein.
Ich kan ohn sie nicht lustig seyn,
last sie mit ihrer Krone gehn
geschmükt, wie sie mir meist gefäll't,
damit auch meine Fürsten sehn,
das sie die schönst ist in der Welt.
Thut das mit Demuth, Dienst u. Ehr!

Grosm. M. wir sind es schuldig mehr
von wegen unsrer Pflicht, Gehorsamkeit u. Treü,
als das es weiter zu bestehlen nöthig sey.

Geht dann, 8 v°

wolan!

Act. I, sc. 2

Was aber sol dañ nun ich endlich sagen?
So irret denn die weiseste Natur,
wie oder sol ich über Unrecht klagen!

U. das es sey der Welt Gewonheit nur,
das Männer allezeit den Vorzug müßen haben,
da wir doch sind von 1000 schönen Gaben,
fürwar, es ist nicht recht!

Was recht! O Königinne?
Mann ruffe die Natur doch selbst zur Zeügin an,
mann überweg' es nur mit ungefälschtem Sinne!
Was ist es, das vor uns sich doch wol rühmen kan
das männliche Geschlecht?
Ist es der Schönheit Wesen,
des Herzzens Zauberey?

Ach Königinne, nein!
Hir ist es weit gefehlt! Mann kan wol offtmahls lesen,
wie große Götter selbst verliebt gewesen sein
in schöne Weibesbild
die iemals sich verliebt in einen Mann.

Mann rühm't der Männer kluge Sinne.

Da mus ich lachen traun! Sind wir denn nicht geübt
in Klugheit u. Verstandt? Woher doch komt es dann,
das wir so bald verstehn der Männer List u. Schwenkke
10 r° u. von uns wird berük't so mancher kluger Mann!

Mann kenn't der Frauen List!
U. wenn ich schon gedenkke
auf alles, was ein Mensch nur Ruhmes haben kan,
so gehn wir Frauen vor! Mann rühmet Tapfferkeiten,
u. wer weis nicht, was eh' Sem(iramis) gethan,
die Babelkönigin? Sie durfte ja bestreiten
Ägypten, welches vor noch nie bestritten war.
Das freche Morenland warf sich zu ihren Füßen,
sie griff dem Indier auch selbsten in die Haar,
u. was vor Land hat doch vor ihr nicht zittern müßen?
Ja, was ihr fauler Mann, der Ninos, nie gerührt,
das zwang ihr tapffer Muth u. mehr als Mannes Hertzze.
Drum schämte sie sich auch der weiberlichen Zierd,
die unerschrokne Faust, die spielt als nur im Scherzze
mit schweren Waffen, u. wie Harnisch war ihr Kleid.
O große Heldin, wie wird mir mein Hertz gerühret,
das ich nicht folgen sol nach deiner Tapfferkeit!

Ach, das die Hand, die iezt mit Balsam ist geschmieret,
sich einmahl waschen solt in Feindes warmen Blut,
so wolt ich Vasthi auch, ich Vasthi wol beweisen,
das hier in dieser Brust so wol ein tapffer Muth,
ein Muth, als mann auch an dem besten Mann kan preisen,
sich reget u. bewegt.
Schaut, große Königinne,
es komen Edele dort zu ihr her!
Es sind des Königs Kämerer; das ist traun nicht umbsonst!
Die Königin helt Taffel drinne! 9v*

Umsonsten oder Dunst! 10 v*

Du große Frau, du Licht der Erden,
du Munster aller Königs-Zierd',
aus derer Augen und Geberden
nur strahlet Majästet u. Würd',
du deines Königs einzig gleiche,
du Göttin auch des Himmels werth,
du billig in so manchem Reiche
wird angebetet u. geehrt
als Ahasverus Zepter zwingen!

Was ist denn endlich eür' Anbringen?

Die große Majestät,
mit dem die Göttin Vasthi selbst zu Bette geth...
Was mehr?

Ich bitt', Sie geb' Gehör!

Der alle Welt auch schlaffend kan bewegen,
hat uns hieher gesandt, sein Herz * auch mit dabey,
sein itzo Hertz, das wir das solten legen
in Eürer Mayt Holdseligkeit u. Treü.
Es freüen sich mit ihm ietz über 100 Gräntzen,
die theils sein Zepter lenkt, die theils bezwang sein Schwerd,
nur achtet er dabey die Lust recht zu erganzzen;
Frau, eüre Gegenwart nicht 100 Länder werth.
Drum sehn't er hertzlich sich, entdeck't dir auch sein Wollen,

---

* *В рукописи слово* «сердце» *дано в виде символического рисунка.*

was Wollen? Da vieleicht dein Herz * ein gleiches wil,
wo seine Freüden ja nicht Abbruch leiden sollen
12 r° das Eüre Mayt sein Wüntschen ietz erfüll
mit dero Gegenwart.

Daß mus mich wunder nehmen,
das diß der König nur von mir begehren mag.
Solt ich, ich Königin, mich nicht ins Herzze schämen,
so triest zu kommen ein hir in das Saufgelag,
wo so viel frembdeı Fürsten seyn!

Drum aber eben
wünscht unser König, das sie möge seyn dabey,
auf das er allem Volk mög'zu erkennen geben,
das sie die schönste Frau in allen Welt'ten sey.

So hör ich wol, so bin ich gut genug zu nennen,
das allen Völkkern ich ein Schimpfspectacul werd.

Wie, große Majestät, hat sie das denkken können,
da sie doch weis, wie sie ihr König liebt u. ehrt,

12 v° der sie von Fürsten auch wil hochgeehret wißen,
drum sol sie komen ein in ihrer Königs Kron,
in ihrem besten Schmuk.

Fürwar, ich kan draus schließen,
der König bey dem Rausch macht mich u. sich zu Hohn,
geht hin, ich kom̄e nicht!

So wil sie denn so brechen
des Königs Freud u. Hertz, des Königs Wunsch u. Sin̄?
Er ist ihr König ja!

Was habt ihr mehr zu sprechen?
Ist er der König, so bin ich die Königin!
Geth fort!

Was sollen wir vor Antwort denn mittragen?
Er wird uns geben Schuld nicht wolverrichter Ding.
Dann geth es über uns!

---

* *В рукописи слово* «сердце» *дано в виде рисунка.*

Was hastu mehr zu sagen? 13 v°
Geh' fort, ich kom̄e nicht, geh', diß zur Antwort bring!
So nehm ich, Götter, denn euch selbsten ietz zu Zeügen, 14 r°
das ich in bester Treu hir angetragen hab
des Königes Befehl.

Und kanstu noch nicht schweigen?

Wol! große Königin, ich tret' demütig ab.

Naemi, siehstu die verkehrte Welt?
Was wil hir weiter doch draus werden?
Und sol es sein mit Weibern so bestelt,
so sind wir, traun, nur Schuwisch auf der Erden.
Der König fängt schon an, es wundert mich,
mich Königinn zu unterdrükken;
so werden andre Weiber müßen sich
mehr unter ihre Männer bükken.
Wer weis, wer beßer ist, er oder ich?
Und eh' ich wolte liegen ihm zu Füßen,
so wolt ich lieber sterben jam̄erlich!
Das mag der König heüte wißen!

Act. I, sc. 3

So sol dieses Zepters Macht, 14 v°
der doch Babels Maur kan biegen,
eines stoltzen Weibes Pracht
so verächtlich unterliegen?
Vasthi, halt, du solt bald sehn!
Setzzet eüch, ihr treüe Räthe!
Käm̄rer, ist es so gescheh'n?
Ach, wenn nicht mein' Ehre thäte?
Sage recht, waß war ihr Wort?

Hastu er recht eingenommen?
Hastu es recht bey gebracht?

König, hir sind noch 6 Zeügen,
die es nehmen wol in Acht.

Ja, Herr König, ja, ja, ja!

Baal, Rache, tausend Rache,
oder wo ich selbst ansah'
Räthe, sagt, was dien't zur Sache?

16 r° Grosmächtigster Monarch, darff nur dein Diener reden
ein wolgemein'tes Wort?

Wol!

So ist diß mein Rath:

der König wolle sich im Zorn nicht so entschnöden,
weil er mit Lachen kan bestraffen diese That.
Wenn iemand lobte diß, wenn iemand nur beliebte
der Vasthi Übermuth, so wer es wunder nicht,
das denn der König sich im Eyfer so betrübte;
so aber lebt kein Mann, der dieser That vorspricht;
was, solt ein einzges Weib dem Kön'ge wiedersprechen,
sein eigen Ehgemahl? Da doch vor auf sein Schwerdt
die Welt nicht mukken darf, aus Furcht, er werd' es rächen;
fürwar, das ist zuviel u. große Straffe werth!

Es sind in dieser Zeit, in diesen Freüden-Tagen
die Fürsten, Vögt u. Volk aus allen Ländern hier;
was würden sie vor Schmach dem Könige nachsagen,
das sogar wieder Ehr u. Majestätsgebühr
die Königin ihn trotzt! Wird aber es gestraffet,
so bleibt die Schmach dann ihr, dem' Könige sein' Ehr!

Am besten freylich durch Straffe abgeschaffet
diß ärgerliche Stük, so nicht erhör't ist mehr.

16 v° Denn, wil man̄ sagen schon: sie ist die Königinne,
die niemand richten kan, und die der König lieb't,
sie hat es eins versehn aus allzuschnellem Sinne,
so ist doch diß dabey, das mehr Gedankken gibt:
wird sie in ihrem Stoltz ietz sehen u. vernehmen,
das mann es nicht gros acht, das mann es läßt vorbey,
sie wird nur, wenn sie wil, den König truzzen frey.
Mein Rath ist: Straffe drauf!

Und sagt, auf was vor Arten
soll doch der König sie nun forderen aufs neu?

Er mus ja diese Stund an ihr noch das erwarten,
das sie noch ietz wie vor, so stoltz u. trozzig sey,
denn wär' es ärger noch, denn wär' die That noch größer
u. an uns große Schuld, das wir es nicht gericht!
Nein, vor des Königs Ehr, so ist es warrlich beßer,
Die Vasthi abgestrafft u. nichts geschonet nicht.

Sehr wol, die That ist da, nur diß ist zu erwegen:
es ist die Vasthi doch auch ein gekröntes Haupt,
was Straffe sol man̄ nun so einem Haupt anlegen?
Soll sie, welchs sie verdient, des Lebens sein beraubt?
Das wird als Tyraney das ganzze Land empören,
bevor weil dieses Reich gantz kein Gesetzze giebt
den Königen u. wir auch kein Exempel hören,
das ie sey solche Straf' an Königen geüb't!

Und dieses eben ists, worauf sie vieleicht siehet, *18 r°*
worauf sie vieleicht pocht. Ein Häupt, das Kronen trägt,
das ist in Kronen, Ehr u. Tugend nur bemühet
und wehlet eh' den Todt, eh' das es Laster hegt;
wenn aber so ein Haupt sich mit Gewalt selbst stürzzet
in ungeziemte Schand, in Unverantwortung,
so hat es seine Ehr ihm selbsten abgekürzzet,
so spricht die That ihr selbst Gesetz u. Urtheil gnug!
Was soll man lange denn nach ihrem Todt bedenkken?
Holt', Räthe, holt was ein u. handelt mit Verstand!

Wenn meine Ehre mir den Zorn nicht solte lenkken,
so were sie schon kalt, u. dürft kein andre Hand
vergreiffen sich an ihr, die mein Gemahl doch ware!
Du, Cantzler meines Reichs, Memuchan, sage du,
gib du den Schlus aus dem, was dieser Weisen Schare
herum gesinnet hat; was dünkket dich hirzu?

Grosmächtigster Monarch, was diese große Weisen
hir haben überlegt, ist alles wol zu preisen,
doch sag ich diß dabey, das Vasthi mehr gethan
als iemand dieses Raths annoch gewiesen an. *18 v°*

Die Vasthi Königin hat nicht nur mißgehandelt
an Eurer Mayestät u. liederlich verwandelt
ihr Eh'schuld, Lieb u. Treu in Ungehorsamkeit,
sie hat darzu diß Reich verwirret weit u. breit!

Ein ieder Fürste wird nach langen Jahren fühlen,
wohin der freche Stoltz der Vasthi wollen zielen,
denn wenn nun dieses wird bey Volkkern ausgebracht,
was Weib wird seyn, die denn nicht ihren Mann veracht!
Hoch, niedrig, jung, alt Weib wird alsdenn trozzig sagen:
durft doch die Königin; die Vasthi, das wol wagen
u. kam doch nicht, obschon der König es begehrt,
so bin ich meinem Mann auch wol der Ehre werth!
Was Zorn u. Spottes doch wird sich alsdenn erheben
und welcher Fürste wird in Frieden können leben
in seinem eignen Haus! Es wird schlecht sein bestellt.
Darum, im Fall' es nur dem Könige gefällt,
es laß Eür'Mayestät ein solch Gebot ausgehen,
das nach der Persier u. Meden Recht mus stehen
u. nie gebrochen seyn; das Vasthi umb Untreü
von ihrem Könige nun gantz verstoßen sey
und dürffe nimmermehr ihm vor die Augen kom̄en
und das ein andere sol werden aufgenommen
an ihre Königsstell, die beßer ist denn sie.
Wenn diß Gebot nun wird erschallen dort u. hie,
wenn alle Völkker diß Exempel werden hören,
so wird ein ieder Weib denn ihren Mann wol ehren!
Es wird dann Gros u. Klein von Weibern tragen scheü,
damit ihr gleiche Straf nicht möge kom̄en bey!

20 r° Bey Baal! Der Rath ist gut, was dünk't eüch, liebste Räthe?

Ist es nicht beßer, wenn mann solchermaßen thäte,
als tödten straks? Ich weis, das die Verstoßungspein
und Leben doch wird mehr als tausend Todte sein.

Wir können anderst nicht als dieses Urtheil loben.

Wolan, so sol es denn auch nicht seyn aufgeschoben!
Memuchan, schreibe du diß Urtheil landwerts aus!
Ihr Cämmerer, geht hin zur stoltzen Vasthi Haus
und meldet ihr, was hir mein Rath hat ausgesprochen:
weil meinen Willen sie so liederlich gebrochen.

So sol gebrochen seyn auch meine Lieb u. Treü,
das meiner Augen sie nun nimmer würdig sey!
Geht'hin, reißt ihr vom Haupt die theüre Krone,
die sie mir zur Verachtung trug,

u. stoßt sie denn mit Spott u. Hohne
aus meinem Schloß, wer weiß ... Doch so genug!
Far wol, du stoltze Vasthi, du!

Glük zu dem Könige, Glük zu!

Act. I, sc. 4

Und sol ich seyn also verstoßen?

Verstoßen, ja, so wie der König wil.

Was hat ihn denn so hoch verdroßen?

Ach, Vasthi, Vasthi, schweig doch still,
du hast es ja genug gehört.

Der König, der dich so hoch ehrt,
der dich nicht gnugsam konte lieben,
mit solcher Schande zu betrüben
in seiner höchsten Ehr u. Freüdt!

Wie hatte dadurch weit u. breit
der König können sei veracht?

Ich hab es so weit nicht bedacht.

Zu dem so war auch sein Begehren
gerichtet mehr zu deinen Ehren
als zur Vergnügung selbsten sein.

Ach, wer ich doch dekom̄en ein!

Ja, Vasthi, das macht Übermuth!
Hett'stu gefolgt, es were gut!

Mehuman, allerliebster Freünd,
der es recht treülich hat gemein't,
ach, hett'ich mögen hören dich!
Soll denn nun, bitt' ich, sag allein,
nicht Gnade, Weg noch Mittel seyn,
des Königs Zorn zu kehren?

Was sol ich geben falschen Trost?
Es ist der König so erboßt,

das niemand ihm mit einem Wort
die Vasthi mehr darff nennen fort.

Warum mus ich denn leben?

Zu dem kom̄t dieses, wie ihr wißt,

was schon der Rath versieglen heist
nach Persier u. Meder Recht
kan nim̄er wieder seyn geschwächt!

22 v° Wer soll mir Trost denn geben?

Der beste Trost ist nur Gedult,
weil du es selbsten so gewolt.
Der beste Rath wer: nie geschen!
Nun kan es anders nicht ergehn!

Wer soll denn meine Krone tragen?

Das mögen dir die Götter sagen.

Die Krone wird drum nicht im Winkkel liegen.
Es wird dieselbe bald ein andre kriegen,
die unsren König beßer ehren kan
als du, du Stoltze, hast gethan.

So frech zu einer Königin!

Was Königin! Wo ist die Kron?

Wer weis, was noch die Götter geben!

Sie geben dir ietz deinen Lohn!

24 r° Ich schwere das in meinem Sinn:
soll ich mein Hofnung noch erleben,
ich will die Schmähwort theüer rechnen noch!

Ja, poch noch, Stoltze, noch, ey, poch!
Es hilfft dir nichts, umbsonst bist du so Unmuths vol.

Fahr wol!

Fahr wol!!!

So sol ich nun verstoßen seyn
von Kron, von Gnad u. Glükke!
O, brich, du unverhoffte Pein
mein Hertz in 1000 Stükke!

O, Spott u. Hohn,
warumb hab' ich eine Kron
auf diesem Haupt iemahls getragen!
Ach, große Ehr bringt größere Plagen!

O, Ahasver, 24 v°
ach, dein Lieben u. Ehr,
ach, das schändet mich mehr!

Ach, hette doch der Herrschaft Spur
mein Hochmuth nie beseßen!
Ach, hett' ich doch des Scepters nur
u. meiner selbst vergeßen!

O große Schmach,
folgstu so dem Glükke nach?
Was wünschen stund mir vor nicht offen?
Ach, ietz sinkket mit mir auch mein Hoffen!

O Ahasver,
ach, dein Zepter u. Ehr,
ach, das fäll't mir zu schwer!

Nim̄ hin die unglük'haffte Cron
Tyranne meiner Ehren! 26 r°
Es mag dein göldner Schmach u. Hohn
ein ander Haupt beschweren!

O bittere List,
die so süß verzukkert ist,
du möchtest, wen du wilt, auffreßen!
Ach, Vasthi, solstu das vergeßen!

O Ahasver,
ach, nur leb ich noch mehr,
ach, ich räch'es, ich schwer!

Geth, Köngin, ein u. labet eüch!

Was Königin! Wo ist mein Reich?

Geth ein u. gebt den Thränen nach!

Ich geh' u. schwere Mord u. Rach!
Nun, Ahasver,
ich schwer! Ich schwer!

26 v° Die stoltze Vasthi sey denn nun vergeßen u. ich vergnügt;
der Zorn, so bisher hat mein Hertz beseßen, der liegt;
nur kan ich noch nicht wißen noch erdenkken, was Muth, was Macht

das falsche, freche Weib hat können lenkken zur Pracht,
zur Pracht, zu solchem Trotz u. Pochen! Denkt doch zurük,
das sie so mein Gebot u. auch gebrochen ihr Glük!
Mir deücht, es sol ihr lebenslang gereüen!

Was, große Majestät?
Gereüen? Ach, mein Hertz mus sich noch scheuen,
so das mir Sinn u. Krafft zergeth,
wenn ich gedenkke nur an ihre bittre Thränen,
an ihren Schrek u. Angst u. Hertzeleid,
als ich nur anfing, ihr Mitleid mit zu erwehnen,

das ewig, ewig sie nun solte seyn verstoßen
von ihres Königs Lieb' u. Angesicht,
wie da die Augen straks in Waßer ganz zerfloßen,
wie sie mehr Athem konte holen nicht,
wie sie zu Boden fiel, wie sie so kläglig stehn'te,
wie sie so jam̄erlich wünscht, das es nie geschen,
wie sie nach einem Blick des Königs sich nur sehnte;
ich kont es länger nicht mehr sehn
u. kan es ietz auch sagen nicht.

Dermaßen
mus mann die Thorheit allzuspät bereüen,
zu spät u. auch umbsonst!

Act. III, sc. 1

28 r° Und wenn der König denn ist todt,
wer wird denn würdiger den Zepter wieder führen
als Vasthi hoher Muth u. angewohnte Hand?

Sie kan so wol ein weites Land
als wie Semiramis regieren,
und die Magd, die ietz träget ihre Cron,
die soll alsdenn mit Spott u. Hohn...

Ach, Esther, Esther, was mein Sinn
mir hat geprophezeit vorhin!
Ach, Esther, Esther, ach, es ist umb dich gescheh'n!

Und wie glükselig werden wir denn stehen!
Wie aber, Bruder, schweigstu nun so still?

Ach, ich weis nicht, wovor mir so graut,
ich weis nicht, ob ich legen kan die Hand
an den, der mir sein Leben anvertraut.
Es ist der König doch!

        Und ist so leicht gewand
dein feiger Sinn u. falscher Will!
Oho! kennstu wol diese Schrifft, 28 v°
hastu es nicht erst selbsten angestifft?
Hastu mich selbsten nicht darzu gebracht,
das den Verbund ich habe mitgemacht?
Hir ist dein Hand und Nahm',
das solt du mir gestehen!

O List, o Mord, o Bubenstük!

Halt, Bruder! Tret' ich doch noch nicht zurük,
ich frage nur, wenn es am besten könt' geschehen,
wir haben ja bey solcher schweren That
uns billig recht wol vorzusehen!
        Worzu der neüe Rath?
Ist es nicht 1000 mahl gesagt:
zur Kam̄er ein, u. wenn er liegt besoffen,
ihm einen Dolch ins Hertz gejagt!

Die Cam̄er steht drum nicht straks offen.

        Worzu der Schlüßel dann?

Wer weis, ob er auch schließen kan?

30 r° Nicht schließen? Red'stu denn im Traum?
Ist es denn nicht gemachet eben
recht selbst des Königs Schlüßel nach?
Hab ich nicht diese Form in Wachs gegeben?

Hilff Gott, ach, ach! ich solt es glauben kaum,
das diß ein Mensch zuwegen könte bringen!

Wie wollen wir denn durch die Wache dringen?
Die Wache leßt uns so nicht ein.

Du Dudenkopff, wann wilstu klüger seyn?
Wenn wir nur sagen diß:
der König hab' uns selbst befohlen,
bey Mitternacht zu ihm zu kom̄en gar gewiß,
wir haben Arzeney ihm müßen holen,
die er das Nachts mus nehmen ein.

Was das vor Schelmen-Stükke seyn!

U. damit uns offen stünde straks die Thür,
30 v° hat er uns seinen Schlüßel selbst gegeben,
schaut seinen eignen Schlüßel hier!
Wer wil uns halten dann,
wer wil uns wiederstreben?

Gott, gib du Hinternüß!

Was meinstu nun?

Ey hör' doch, hör!
Mir deücht, das es ja denn am besten wehr,
wenn wir an statt der Arzeney
dis Gifft dem Kön'ge brächten bey,
das ich schon hier bereitet trag'!

O Narren-Sag!
Wie soll bey festem Schlaff u. Nacht
dem Könge Gifft doch werden beygebracht?
Wilt du ihm denn das Maul aufbrechen?
Wird ers nicht dir ins Gesichte speyn?
Wird er nicht bald Mord u. Rache schreyn?
Nein, Stahl ins Hertz, so kan er nicht viel sprechen!

Was soll das Mordgewehr denn seyn? 32 r°
Die Wache läßt uns ja mit keinem Säbel ein!

O Sebel, Blitz! O Narr,
mit Fragen, Sagen u. Geplarr!
Wo hast du denn den Dolch, den ich Dir heüt geschenkkt?

Ja, sieh! den hett' ich traun vergeßen schier!
Hir stekt er unter meinem Rokke hir!

Auch meiner!

Schau nur, was der Teuffel doch erdenkt!

U. desto beßer ist es, wenn die Wach
uns unsre Säbel nim̄et ab.
So bleibt verdekket unsre Sach.
Wer denk't, was ich hir im Verborgen hab?
Und wenn der König denn das Leben hat gebüßet,
so werffen wir den Dolch zum Fenster naus
ins Waßer, das an seiner Mauer fließet.
Was haben wir hernach vor Sorg' und Graus? 32 v°
Wer wil uns denn beschuldigen dieser That?
Wir sind ja ohn Gewehr zur Kam̄er eingegangen,
niemand uns auch ertappet hat.
Ich weis, die Wache wird wol werden aufgehangen,
was fragen wir darnach!

O Gott, wo ist doch dein Gericht u. Rach?

Indeß wird Vasthi denn den Scepter wieder nehmen
als alt u. erst u. rechte Königin,
dann wil ich mich des Mordes gar nicht schämen,
nein, rühmen mich vielmehr, das ich der
Königin getreüster Retter bin;
wie gros wird alsdann sein mein Lohn u. Ehr!
Ey, Theres, ey! Was meinestu?

Gott laß es eüch, ihr Schelmen, nim̄er zu!

Wohl an, so sey es denn!
Schau nochmahls hir die Hand,
die Hand u. diese Schrifft bey dir zum Unterpfand!
Es soll kein Schlaff nicht eh' mir in die Augen kom̄en,

bis ich mit dir volbracht, was wir ietz vorgenom̄en.
34 r° Treüloser König, wart, ich habe lang genug
dier treülich aufgedien't als Sclave, Knecht u. Jung!
Was hab' ich nun davon? Ich mus ein Sclave sterben!
Nein, große Vasthi, setz du wieder auf die Kron!
Ich weis, ich werde denn mehr Ehre bald erwerben
u. heißen einst ein Herr! Du giebst beßren Lohn
dem, der dir treülich dien't!

So, Theres, das klingt beßer!
Was Zweifel! Vasthi wird uns bald, bald machen größer,
zieh' nur den Sebel aus den Dolchen auch dabey,
kom, laß uns schweren nun auf neüen Bund u. Trey!

Den Dolchen an das Hertz!

Den Säbel an den Hals!

Sieh', was der Teüfel thut! Gott richt' eüch solches fals!

Ich schwere, Theres, dir bey Sonne, Mond u. Sternen:
die Götter sollen selbst mir ewig sich entfernen,
wo ich nicht diesen Bund wil halten u. mein Wort:
der König sol von uns seyn diese Nacht ermordt!
Schwer auch also!

34 v° Ach, Gott, wo ist dein Blitz u. Feür?

Es soll noch diese Nacht, das schwer ich hoch u. theüer,
der König schwim̄en selbst in seinem eignem Blut!
Die Götter richten den, der anders wil u. thut!
Dein Dolch sey wider mich, wenn ich den Bund wil brechen!
U. wieder mich dein Dolch, wo ich werd anderst sprechen,
auch anders heüte thun. Steh auf, genug!

Genug!
Nun fehl't uns nichts mehr als Gelegenheit u. Fug.

Das sol sich schikken schon

u. seiner Esther Magd zu Schmach u. Hon!

O große Vasthi, freye dich
36 r° auf dein ietz höchst geschimpffte Cron!

Komm, kom̄, es sol bald schikken sich!

O Potentaten, Potentaten!
Wie leicht, ach wie so leicht seyd ihr verrathen,
wie schwebt ihr doch so offenbar
des Tags in Sorg u. Furcht, des Nachts mehr in Gefahr!
Wenn eüres Reiches müde Schaffe,
der Pöbel sich hinstrekt zu sichrem Schlaffe,
so dürfft ihr trauen keiner Ruh!
Denn setzt Verrath u. Gifft u. Mord eüch ärger zu,
es weht umb eürem güldnen Bette
Furcht, Sorg u. List u. Tod selbst um die Wette!
O Ahasver!
Wenn nicht der Him̄el vor dir Wache wer,
du Potentat der Potentaten,
so werstu bald ermordet u. verrathen!
Wie soll ich aber es nun machen?
Den Mordanschlag hab ich ja selbst gehört!
Zu schweigen machet das Gewißen mir Beschwerd
u. auch theilhaftig gleicher Sünd'.
Ich weiß nicht beßer Rath noch Hülff den Sachen
als das ich eyligst sey bedacht,
wie es der Königin Esther werde beygebracht!
Gib Gott, das ich nur bald den Hatach find'!

Act. III, sc. 2

So, treüe Räthe, so wil Tugend ich belohnen,
weil dieser Haman nie sein Leben wollen schonen,
weil er so tapffer sich stets an den Feind gewagt,
den er offt aus dem Feld oft in den Todt gejagt,
weil er durch frembde Gnad', durch Glük, Ehr u. Geschenkke,
wer ihm auch das anbot, hat nie doch laßen lenkken
aus meiner Gnad u. Dienst sein einst geschworne Treü
und manchen guten Rath ertheilet auch dabey!
Weil er von Blut u. Krieg' befreyet meine Gränzzen,
er soll der größte Herr in meinem Reiche seyn!

Wol, was der König wil, das gehn wir willig ein!

Sein Stul sol meinem Tron alzeit sur Seiten stehn!
Er soll in seiner Ehr vor allen Fürsten gehen,

vor Fürsten groß u. klein, u. wer ihm wiederspricht,
der hat des Königs Ehr u. Mayestät vernich't.

Grosmächtigster Monarch, du Herscher aller Herren,
der Herren, die die Welt beherschen weit und ferren,
vor deßen Worte sich neigt u. zu Dienste steth,
was Phoebus sieth, wo er auf oder nieder geht!
Ich neige mich vor dir u. wil hir klärlich zeügen
bey Him̄el, Sonn u. Mond *, das ich bin dein eigen!
Die schlechte Dienste, die ich iemals dir gethan,
der Gnaden seyn unwerth, die du mir zeigest an.
Was sol der Säbel hir, dem du doch kanst gebieten
blank oder still zu stehn, zu schlaffen u. zu wüten?
Sol der mir Knechte, mir die Ehre bringen bey,
das ich der größte Fürst in deinem Reiche sey?
Nein, König, nein, ich werf den Sebel dir zu Füßen,
38 v° den Helm u. mich darzu u. zeig auf mein Gewißen,
wo iemals diese Faust was tapffers hat verricht,
so kan u. wil ich doch mich nim̄er rühmen nicht;
du, Herr, hast es gethan, in dem du nur geboten,
dir geben ietz die Ehr Gefangene u. Todten
u. was vor deiner Macht vom Feind erzittert noch;
warum, ey, König, denn erhebstu mich so hoch,
der ich doch nichts gethan! Las mich in deiner Gnade
noch bleiben wie zuvor!

Wol' Gnade sonder Schade!
Nein, Aman, dieses Haupt mus drum sein mehr belohnet,
weil beydes Klugheit u. auch Demuth drinne wohnet.
Die Hand, die vormals schwang ein tapfres Schwerdt,
die ist auch wol einmahl der Palmen werth!
Steh' auf, mein werther Freündt!

Was Schwerdt! Was Faust!..**

40 r° Und das reitzt mich noch mehre...**

Und was der König thut,
solt, großer Aman, dir das denn auch nicht belieben?
Wir wißen alle wol, was tapfers du betrieben,
wir ehren dich auch drum, wir Fürsten allesamt,

**В рукописи слово* «луна» *дано в виде рисунка.*
***В рукописи нет конца реплики.*

zu dem auch wißen wir, das du bist hergestam̅t
vom königlichem Blut.

Zwar es wil sich nicht ziemen,
das ich sol mein Geschlecht u. Ankunft selbsten rühmen, *40 v°*
doch weis es auch die Welt, ihr Fürsten eben gleich...*

Nim̅ diesen Lorberkrantz u. sey des Königs Freünd
u. Vater dieses Reichs u. meiner Feinde Feind...

Act. III, sc. 3

Nur darf ich auch so eine schwere Sach
der Königin so triest antragen? *42 v°*

Ich bitt umb Ahasverus Leben, ach
Hegai, lauf, ihr eylend das zu sagen,
und wartestu biß an die Nacht,
so ist der König warlich morgen umgebracht.

Durch Theres u. durch Bagathan?

Durch Bagatan u. Theres, ja! Das sind die Mörder!

Wenn du und ich es aber nicht beweisen kan?

Ach, eil doch, eil'u. meine Bitte förder!
Gifft, Briefe, Schlüßel, Dolch, die werden es schon zeügen.
Weh' dir, o weh', wenn du wirst schweigen! *43 v°*

Hastu das aber alles mit Augen selbst gesehen?

Mit Augen selbst gesehn, mit Ohren selbst gehöret,
wie Bagatan den Theres hat gelehret,
wie eins dem andern schwur, nicht eh' zu schlaffen gehn,
biß das der König leg' in seinem Blut.
O Götter,
seyd ihr doch des Reichs u. Königes Erretter!
Doch fürcht ich, Mardochai, mich selbst auch vor Gefahr,
wenn sich die Sach nicht so wird finden!

Gefahr! Wenn du es nicht machst offenbar,
ich wil mich aller Schuld hirmit entbinden;

**В рукописи нет продолжения реплики.*

ich hab es dir gesagt,
weil ich die Königin nicht selbsten kan antreten!

So sey es denn gewagt! Auf dein Wort sag ichs nach.

Ja, sey gebeten!
44 v° Ich bin ein Mañ vom redlichen Gewißen,
der nichts redt als was die Warheit ist.
Ach, Esther, Esther, du wirst hindern müßen,
sonst tödtet heünte zweyer Mörder List
den, der unüberwindlich sonsten war!

Act. III, sc. 4

Wer, liebstes Ehgemahl,
wer hat dirs doch entdekket?

Es ist ein redlich frommer Mann,
in dem kein falsches stekket.
den ich schon lange kenn u. ihm vertrauen kan.
Sein Nahm ist Mardochai.

Wie hat denn ers erfahren?

Er ist fast Tag u. Nacht hir bey des Schloßes Thor;
da die Verräther nun beysam̄en waren
und sich nicht hüteten davor,
das Mardochai war zugegen.
u. tichteten, wie recht der Mord wer anzulegen!
46 r° Da hat der fromme Mardochay
selbst angehört u. selbst gesehen
den Brieff, das Gifft, die Dolch (er wirds gestehen)
und mir durch Hatach straks gebracht den Anschlag bey.

Nun, leb ich, Mardochai, du solst der Threü genießen!

Und können, Hatach, wir nicht endlich wißen,
was dismahl doch mus seyn des Königs schneller Will?

Was mus es seyn, das wir so plötzlich sollen kom̄en?

Die Ursach hab ich nicht vernom̄en,
und weis sonst nichts, nur, das ich sein Gebot erfüll.

Legt das Gewehr ab!

Gut.

Hir kom̄et an,
Herr König, Theres u. auch Bagatan!
Hier große Mayestät, hier stell' ich die Personen! 46 v°

Herr König, dir zu Dienst mus sich kein Diener schonen!

Ihr treüen Knechte, gut, hört doch, was ich eüch sag
und gebet Antwort drauf!

Gar wol, der König frag'!

Es ist vor kurzzer Zeit auf seinen Akker gangen
ein Landmann, da fand er zwey schöne bundte Schlangen;
sie waren schön, doch auch fast tod vom Frost erstarrt,
doch jammerte den Man̄ die schöne Schlangen-Art.
Er nam u. stek'te sie in seinen warmen Bosen;
sie wurden warm u. reg. O Stank u. Dank der losen,
als sie das Leben kaum, kaum in sich selbst gefüh'lt,
daß sich der Mann erfreüt und drum̄ mit ihnen spielt,
da haben sie zu Lohn ihn in die Brust gebißen
und durch den starkken Gifft das Leben abgerißen.
Sagt doch, was war doch nun das Schlangenbar wol werth?
Wie schweigt ihr nun so still, wie steth ihr so verkehrt? 48 r°

Die Schlangen?

Schlangen, ja!

Die beyden?

Ja, die beyden!

Unschuldig starb der Mann!

Was sollen sie wol leiden?

Viel beßer weren sie in ihren Frost erstarr't!

Ja! Du verfluchter Gifft u. mehr als Schlangen-Art!

Hab' ich dich nicht gleich so aus Noth, Schmach u. Verderben
(:Ach, hett' ich laßen dich drin̄ stekken u. drin sterben:)
ehmals hervorgesucht, und dich in meinem Schos
gehegt, gepflegt, ernehrt u. auch gemachet groß!
Wie darfstu den so sehr mir nach dem Leben streben,
da ich dir Glük u. Ehr, ja Leben fast gegeben?

48 v° Wer? Wir?

Wer, ich?

Ja, ihr, ihr Schelmen allebeyd!
U. wolt ihr leügnen noch die Mördergrausamkeit,
tritt', Hatach, nun hervor, entdekke nun die Sache!

Gebt das Gewehr hervor!

Das liegt ja in der Wache.

So habt ihr kein Gewehr?

Nicht einen Schusterpfriem.

Was unter diesem Rock, was hengt and diesem Riem?

Ein Dolch.

Ein bloßer Dolch!

Auf mich den Dolch zu schärffen!

Und Theres wolt itzund den Dolch zur Thür naus werffen.

Die Dolche tragen wir auf unsre falsche Feind.
Ihr, Götter, wißt, das wir den König ie gemein't!

50 r° Warum hat Theres denn den seinen weggeschmißen?

Aus Blödigkeit.

Es wird sich anders weisen müßen.
Hör', Theres, gib den Gift aus deiner Taschen her!

Was, Gifft?

Den Gifft gib her!

Trabanten, ins Gewehr!
Ihr Bursche, suchet mit Gewalt!

Ach, halt doch, halt!

Schau hir,
was ist das vor Papier?
Wie lautet diese Schrift?

Liß!
Vor den König Gift —
so steth geschrieben oben drauff. 50 v°

Straks, Hund, den Gifft straks selbst aussauff!

Ach, gern, ach, hertzlich gern!

Nein, gnädigster Herr König!
Die Straff ist viel zu wenig
vor diesen Meüchelmord.
dergleichen nie noch ist erhort!
Wie gerne möchten sie das sehn,
das sie ein süßer Trunk nur tödten möcht!
Nein, traun, es mus was schärffer Recht,
ihr Königs-Mörder, über eüch ergehen!

Ja wol, die größte Straf auf solche Schelmenstükke!

Wie aber kom̄ denn ich zu solchem Ungelükke?
Wie sol entgelten ich, was Theres hat gethan,
was geth sein Gifft mich an?

Hastu denn nichts davon gewust?

Nein! Schwefel, Pech u. Öhl, das brenn in dieser Brust, 52 r°
weis ich etwas davon!

O Bagatan!

Wol! so vergönne dann,

das ich nur meine Hand an deine Brust mag legen!

Gar wol! Was aber sol das Rühren u. das Regen?
Was Teüfel suchstu dar?

Der König leb' die Sach ist klar!

O Mardochai, redlich frommer Mann!

Gib her den Brief, was geth der Brieff dich an?

Ach, ach, wir sind verraten!

Hir öfnen sich die Thaten!
Schau, großer König, od diß nicht der Schlüßel sey,
der einzig schließt dein Schlaffgemach?
52 v° O Schelmen-List, o Wunder!
Er ist fast eben der, nur was zu neü!

Wie artig haben sie ihn nachgemacht
u. erst die Form in dieses Wachs gebracht!

Von meinem Schlüßel ist die Forme doch genom̄en,
wie habt ihr den bekom̄en,
ihr Schelmen unerhörter List?
Wie last ihr nun die Köpffe so sehr henkken?

Es schrek't die Herren diese Schrifft.
hir stekkt das gantze Schelmenwesen,
was mit einander sie gestifft.

Memuchan, nim̄ den Brieff u. las ihn lesen!

Ich, Bagatan u. Theres ich
verbinden uns hir williglich,
verschreiben uns mit eignem Blut,
u. haben unser Hab u. Gut
sam̄t unser Seele, Leib u. Leben
zu Pfand ein ander hingegeben,
das unser König Ahasver
drey Tage nicht so leben mehr,
nein, sondern bey gelegner Nacht
soll er von uns sein umgebracht.

U. wer von beyden das wird brechen,
den sollen alle Götter rächen,
es sol der andre, wo er kan, 54 r°
als Feind ihn tödlich greiffen an!
Ich, Bagatan, mit eignem Blut,
ich, Theres, auch mit Blut u. Muth!

O Himmel!

Gnad, ach, Gnade!

Rach!

Ach, Gnade!

Ihr Verräther!

Ach, Gnade, großer König, Gnad!

Straks, straks aus meinen Augen weg!
Trabanten, schafft, das mann sie dahin stek,
wo alle Gnad ein Ende hat,
wo Sonn u. Mond nicht hin kan scheinen!

Fort, fort, ihr falschen Hunde, fort!

Bä, bä! Ihr mögt nun pißen oder weinen! 54 v°

Ihr Götter, habet Dank zu 1 0 0 0, 1 0 0 0 mahlen,
das ihr mir von dem Hals gewelzzet diesen Mord!
Wie sol ich, Mardochai, doch deine Treü bezahlen?
Denkt doch, wenn dieser Mann nicht wer geweßt!

Er ist ein from̄er Mann, der sich genügen läßt.
Der König laße ihm nur seine Gnade wißen.

Was Gnad? Ich wil, traun, dankbar seyn,
sonst würd ich ja kein König heißen müßen.
Memuchan, schreibe du diß straks ins Reichbuch ein,
damit es nim̄ermehr nicht möge sein vergeßen,
was 2 Verräther an dem König sich vermeßen,
und wie es Mardochai so wunderlich entdekt.

Des Königes Gebot sol werden straks volstrek't.

56 r° Drauf, Räthe, haltet Rath, ihr Edlen u. Getreüen,
was Recht u. grimmen Tod mann morgen straks anthu
den Meüchel-Mördern, so das ieder sich mus scheüen!
Ich mus begeben mich ein wenig zu der Ruh
das ich die Grillen aus verwirtem Sinn mög' schlagen,
ich mag mich länger nicht mit Zorn u. Eyfer plagen.

Kom, meine Retterin,
der ich gedoppelt nun mein Leben schuldig bin!
Das Reich mag dankken dir vor die erhalt'ne Krohne!

Der König lebe wol!

Zum besten seinem Reich
u. seinen Feinden auch zugleich
zur Rache, Schrekken, Spott u. Hohne!

Act. III, sc. 5

56 v° Was? Ist Verrätherey vorhanden
durch Theres u. durch Bagatan?
Ja, großer Herr! Ich zeig die Warheit an!
Drum leßt der König holen dich!

Seind die Verräther schon in Banden?

In Banden, ja! Schon jämmerlich
gepeinigt u. auch schuldig funden
aus eignem Mund u. eigner Schrifft,
drauf strak verurtheilt, das mann sie gebunden
am Galgen henk in freye Lüfft!

Ihr Bruder, seht, da kom̄t der große Mann,
den mann als einen Gott sol beten an;
ich bitt eüch, thut es nicht!

Und wenn es nicht geschieht?

So kom̄en wir in Jam̄er u. Unglük!

Ihr Bursche, trett zurük u. beügt die Knie!

Ich nim̄er nie!

O großer Aman, leb' in Glükke, Ruhm u. Ehren 58 r°
u. sieh' uns gnädig an!

Was ist denn dein Begehren?

Ach, laß doch diese Bitt bey dir erbittlich seyn,
befördre mich auch einst vor lange treüe Dienste,
ich bin ein Hauptmann zehen Jahr.

Ich wil gedenkken dein
u. traun die Tapfferkeit, die nicht so sehr Gewinste
als größre Ehre sucht, die ist beförderns werth.
Du solt bald größer seyn!

Sei 1 0 0 0 mahl geehrt, du großer Fürst u. Herr!
Ey, solt ich nur einst tragen
diß Haupt in deinem Dienst u. in den Feind mich wagen,
so solte man bald sehn!

U. wer dieser Mann, der alte da, der Sclav?

Hör du, wen gehstu an,
von wannen bistu, sag, was machstu hier zu Schloße,
kanstu dich bükken nicht, du Klotz? Seht wunder Poße!
Mein Herr erzürn sich nicht, ich bin ein Biedermann! 58 v°

Er ist ein Jud!

U. hab hir niemand leids gethan!

Was, sag, ist er ein Jud?

Ein Jud, schau seine Kleidung!
Er geth durch dieses Thor so offtmahls aus. u. ein,
ich hab ihm offt gesagt bey hoher Straffsvermeidung,
er solt gehorsam doch des Königs Willen seyn
u. sich so tief als wir vor unseren Fürsten neigen.
U. wil der Slav, der Hund nicht dem die Ehr erzeigen,
die ihm der König gibt!

Halt, halt!

Ich bitt Gehör!

Ich bitt, ich leügn' es nicht, ich bin zwar ein Hebrer
u. ein Gefangner hier; wie solt ich den verkehren
des Königs Wort u. nicht den großen Fürsten ehren,
den alle Welt doch ehrt; es soll, wenns ihm gefäll't,
60 v° mein Blut u. was ich bin, zu Dienst ihm sein bestellt.
Nur eines nehm' ich aus, die Knie nicht zu beügen,
das ist nur Gottes Ehr u. keines Menschen eigen;
wir haben ein Gesetz: es mus ein Gott allein
wie könt' ich brechen das) so angebeten seyn!

U. wenn der König wil?

U. Gott, der wil es beßer!

Wer, Jude, bin ich?

Gros! Gott aber ist noch größer!

Was Gott?

Der Gott, der mich mein Leben lang ernehrt,
den meine Väter auch alleine stets geehrt.

O Sclav, o Jud, o Hund! gantz Persien u. Meden
u. wie noch manches Reich darff so ein Wort nicht reden
vor mir! Vor mir! Schau die gebogne Knie
so manches Edlen; und du Slave nur alhie,
u. dir bin ich zu schlecht? Was, du, du Königs-Spötter
wilstu mit deinem Gott
verachten unsre Götter?
Was sol ich? Doch halt in! Traun, Hamans, Heldenmuth
und dieser Säbel ist zu gut vor Judenblut!

Traun, großer Fürste, ja!

Halt, halt, du solt bald sehen,
was dir u. allem, was nur Jud heist, sol geschehen!
Ich kenn eüch Völkgen wol, ihr Mörder u. Verräther,
was habt ihr eh' getahn an unsre tap(f)re Väter?
Kennst'u auch wol den Saul, den Bluthund deines Geschl (echts),
wie er uns hat beraubt der Kron u. König-Rechts?
Uns Agagiter, uns? Vieleicht möcht ich ietz tragen
des Agags göldne Kron! Ihr Hund habt ihn erschlagen!

Und warum kom̄stu Sclav zu diesem Schloß auch her?
Wilstu nicht eben so des Königs Cron u. Ehr
verrathen, und wer weiß? Doch Aman sol nicht leben,
wo er nicht deinem Volk u. dir den Lohn sol geben,
den ihr an ihm verdien't! Fürwar, es ist nur schad,
das ich so viel geredt!

Ach, großer Herr, ach, Gnad!
Ach, großer Fürste, gnädig sey! 62 r°

Was hier vor Lärm, was vor Geschrey?

Ach, Fürst, las doch dein Hertz gewinnen!

Du, Gott, kanst uns das Leben
alleine wieder geben!

Hier sizzen die Verräther drinnen.

Wer? Theres wer u. Bagatan?

So, Herr!

Was? Feüer, Pech u. Blitzzen
bezahl eüch!

Haman, ach, erhör doch unser Flehen!

Ach, Herr!

Ach, Fürst!

Sieh' uns doch gnädigst an!

Erlös uns!

Ja! ihr solt nicht lange sizzen!
Es sol den Juden gleich wie eüch Verräthern gehn!
Ich wil nicht wieder von des Königs Hand abkom̄en,
biß ich an diesem Schalk erst habe Rach genommen,
an diesem Ehrendieb! Adieu! Schlaf, süße Nacht,
biß das dis Mördervolk zu grunde wird gebracht!

Ach, werther Mardochai! Was fängestu nun an?

62 v° Und ihr, schönen Leüt, was habet ihr gethan,
wie hat sich eüer Hertz in Abfall so verkehret,
das ihr als eüren Gott solch einen Heyden ehret?

Ich that es nur aus Furcht.

U. ich aus Heücheley.

Und mein't ihr, das ihr drum seyd großer Sünden frey?
Die Furcht gehöret Gott viel mehr als einem Heyden
und eh' man heücheln sol, so soll man lieber leiden,
den Davids Psalm hält den, der Hütten Gottes werth,
wer reines Wandels ist u. nicht Gottlose ehrt.
Ich sterbe lieber dann eh' ich die Knie wil beügen
vor dem Gottlosen u. ihm solche Ehr erzeigen,
die ich von Jugend auf nur Gott hab angethan.
Ihr aber sehet zu, was ihr gefangen an!
Mein Rath ist: bittet Gott, das er es eüch vergebe!

Ach Gott, sey gnädig uns!

Ach, großer Gott, erhebe
doch über uns, uns Armen, dein Lieben u. Erbarmen!

Las uns in unsern Sünden
nicht Straff noch Rache finden!

Act. III, sc. 6

So laßt das Urtheil dann ohn alle Gnad ergehen,
wiewol es noch zu gnädig ist.

64 r° Ja, traun, vor die Verrätherey u. unerhörte List
möcht auch ein größerers Exempel wol geschehn!
Was ist der Galgen doch?

Was aber solche Pein,
in der sie sind bisher gebrandt, zerhakt, zerkorben,
so das die wißen selbst nicht, ob sie lebend seyn
noch, oder todt, ist mehr als hundert mahl gestorben!

Ein grimmer Todt ist nicht so sehr vor die Verräther
(: die wol, ich geb' es zu, ietzund nichts fühlen mehr:),
nein, mehr ein Schrekken, das nicht grösre Ubelthäter
aufstehn zu gleicher That, Verrath und List.

Ey, hör,
hör, treüster Haman, sage doch,
wie könte mann mehr Schrekkens doch erdenkken,
als wenn mann in die Lufft so hoch
zu langen Tagen sie wird laßen henkken!
Ein ieder, der sie denn wird sehen an,
wird traun mit großen Schrekken sagen:
hir hengt Theres u. Bagatan!
Wer wil es denn wol leichtlich wagen
auf gleiche That u. Straffe hin!

Bey Baal! Wie hoch und weis ist unsers Königs Sinn!

So laßt das Urtheil denn alsbald erfüllen! 64 v°

Es gehe nach des Königs Wort u. Willen!

Abagta, nim zu dir den Hauptman sam̄t der Wache
u. führe das Gericht u. übe meine Rach'.

Ich geh.

Der Hauptmann ist ein stattlicher Soldat,
der seine treüe Dienst zehn Jahr erwiesen hat,
wol werth, das mann ihn möcht begnaden und erhöhen!

Thu mit ihm, was du wilst!

Es sol geschehen!

Wie aber weiter nun Verrätherey zu dämpffen?

Das ist wol Überlegens werth.

Ich habe nun, ihr wißt, mit Feinden nicht zu kämpffen,
es ruhet aus mein tapfres Schwert,

so hab ich auch, o Götter, mein Vergnügen
an meinem liebsten Ehgemahl,
und kan im Bette doch nicht sicher liegen
vor Freünden, die in meinem Saal,
in meiner Kammer aus und ein stets gehen
und denen ich mein Leben auvertraut.

66 r° Die dürffen mir am ersten nach dem Leben stehen.
Fürwar, mir schaurt die Haut!
Grosmächtigster Monarch, hir ist noch ein zu rathen:
mann ordne eine Wacht von redlichen Soldaten,
ein treües Oberhaupt, das führe diese Wacht
und nehme Tag u. Nacht des Königs Leib in Acht,
so das ihm unbewust hier aus und ein zu gehen
nicht einem sey erlaubt.

Das kōnte traun geschehn am besten durch Cambys,
den ich so offt probirt
und im geringsten ihn doch untreü nie gespührt.

Nun wol!

Und hirbey deücht mir das auch nicht uneben,
das Eüre Majestät möcht ein Gebot ausgeben
u. laßen ruffen aus so als es möglich scharff,
das niemand sich so weit hinwagen darff,
bis in des Königs Hoff, er sey denn erst gefordert;
wer aber sich erkühnt u. kom̄et unbeordert,
der sey des Todes dann, er sey auch, wer er sey!

66 v° Die Wache sol ihn straks in Stükke hauen frey;
solt aber es geschen, das einer von den Räthen
in Reichsnotwendigkeit den König müßt antreten,
so sey derselbe frey von Furcht u. Todsgefahr,
wenn ihm der König reicht den göldnen Zepter dar
zum Zeichen seiner Gnad.

Fürwar, das soll geschehen!
Memuchan, laße straks denn diß Gebot ausgehen,
denn wenn kein Mann noch Weib zu mir darff kom̄en ein
ohn Urlaub, so kan ich am besten sicher sein.

Der Rath ist herrlich gut!

Ich wil den straks ausschreiben
des Königes Gebot.
O große Mayestät,
darf ich auch reden was, wozu mich ja mus treiben
mein Hertz, das Tag und Nacht vor dich in Sorgen steth.

Red', Aman!

König, ja! Mann wol auch dié erwegen,

das mann durch diß Gebot nicht gar wird niederlegen 68 r°
List u. Verrätherey in deinem gantzen Reich,
denn diß Gebot betrifft nicht alles Volk zugleich,
es rührt nur diese Statt, mann mus draun auch erschrekken,
wo sonst noch hin und her in deinen Ländern stekken
Verräther gleicher Art!

Und wie erforscht mann die?

Grosmächtiger Monarch, ich kan nicht schweigen hier!
Es wohnt ein fremdes Volk in deinem Reich zerstreüet,
welchs vor gefangen war, nun erblich sich gemacht,
verräthrisch, falscher Art, welchs keine Laster scheüet
und kein Gesetz noch Recht noch Gottesdienst nicht acht.
Drum schlimmer, weil in sich zertheilet allerwegen,
gefährlicher, weil es dein ganzzes Reich durchstreicht
und ist doch deinem Reich u. Völkkern gantz entgegen.
Nicht Sitt, nicht Sprach, noch Glaub, nichts, das dem unsern gleicht,
sie sind Verächter auch, Herr, deiner Landsgesezzen
u. ihr verkehrt Gesez 68 v°
kom̄t keinem Volkke bey.
Ihr Thun ist Wuchern nur, betriegen, schinden, schätzen.
Denk, ob dis Volk dir nütz, nütz, oder schadlich sey.
Denk, große Majestät!

Doch ist auch zu betrachten,
diß Volk durch sein Gewerb bringt große Zollen ein.

Und sind die Zollen groß, noch größer ist zu achten
ihr Gut, wenn alles das wird gantz verfallen seyn
in unsers Königs Schatz.

So müst' mann sie erwürgen!

Ja traun! Denn beßer sie, als Landsfreyheit verlohren!

Und thut der König so, so wil ich mich verbürgen
zehn tausend Centner Geld, deß besten Silbers Kohrn,
das wil ich in die Hand der Reichs- u. Lands-Amtleüte
darwegen straks; wenn hat der Zoll gelangt so weit?
So wird auf einmal voll die Cammer von der Beüte
und von Verrätherey zugleich das Land befreyt!
Was, Räthe, dünkket eüch?

70 r° Ein Reich, das wol sol stehen,
das mus ja zwar von Furcht und von Gefahr seyn frey;
u. kan nicht eher auch ein Reich zugrunde gehen
als durch einheimsche List u. Selbstverrätherey.
Traun, keine Feindes-Macht kan offenbar so schaden
als eines Freündes List, wenn er Verräther wird.
Ist dieses Reich denn mit Verräthern so beladen,
so ist der Rath schon gut, dran deine Treü man spührt.

Nur, weil diß arme Volk noch nie ist angeklaget
auch wegen solcher List und Untrey nie verdacht,
so deücht mir, würden sie unschuldig überjaget,
wenn unverhörter Weis sie würden umbgebracht.
Mein Rath ist der: mann laß dis Volk erst unterfragen,
mann untersuch ihr Thun, Gewerb u. Gottesdienst,
mañ forsch, ob iemand hab etwas auff sie zu klagen,
ob sie uns Schaden thun, ob sie uns thun Gewinst.
70 v° Und dann so richte mann nach vorerlern'ten Thaten;
unschuldigs Blut hat oft manch Land und Haus gestek't
in Jammer, Reü und Leidt.

So sind wir schon verrathen,
wenn erstlich unser Rath wird diesem Volk entdekt
eh' er wird ausgeführt, so können sie sich hüten,
so kan denn ihre List auch werden stark genug
mit uns zu kriegen u. in unser Blut zu wüten,
so können sie indeß gewinnen Zeit u. Fug,
ein ander mächtig Volk, so sie schon lange kennen,
das ihnen lang im Sinn, uns an den Gränzzen liegt,
zu reizen, das es uns mit Macht u. List bekriegt.
Wo bleibt dann unser Ruh, wo bleibt dann unser Glükke?
Sie sind Verräther, traun, Verräther von Natur 72 r°
und von Vorfahren her; mann sehe nur zurükke,
mann findet ihrer List noch 1000 Mörderspuhr
im Agagiter Landt. Ich schwere bey die Götter,
und wenn der ja diß Völk'gen länger duldt,
sie werden bald fürwar seyn unsre Dieb und Tödter!
Mein Hertz ist treü, weh' dem, der alsdann nicht gewolt!

Ich spühre, tréüer Freünd,
du meines Landes Vater,
dein Hertzze liebet mich
und wachet vor mein Glük.
Wolan denn, auf dein Wort,
so lebe kein Verräther,
so schaff' denn, das mein Reich nicht List noch Leid anblik! 72 v°
Dein Will, mein Will, dein Wort, mein Wort, dein Rath, mein
Gnügen!

So rath ich denn, das dein Gebot ausgeh',
das dieses böse Volk im Blute sol tod liegen,
getöd't von deinem Volk, und das diß all's gesche
auf einen Tag, ich wil dazu schon Ordnung machen,
das Geld in deinem Schatz sol auch bereitet seyn.

Da, nim̄ den Siegel-Ring zum Zeichen, deine Sachen,
die thut der König selbst, das Geld, das bleib auch dein,
mein Schatz ist reich genug.
Der Himmel gebe Segen 74 r°
dir, große Majestät, in deinem Rath und Wegen.

Der Himmel straffe den, der mit Untreü und List
dir, Herr, und deinem Reich falsch und entgegen ist!

Die Götter geben das!

Es ist nunmehr ergangen,

Herr König, dein Befehl, dein Urtheil und Gebot,
Theres und Bagathan, die seind nun aufgehangen,
Exempel der Untreü und aller Welt ein Spott.

So müßen die Verräther
und alle Übelthäter
seyn diesen beyden gleich.
So blühe Ahasverus Reich
ohn List, ohn Tük
n Lust und Glük
in Fried und Ruh!

Glük zu dem Könige, Glük zu!

109 v° Was aber, liebstes Hertz, warum doch bistu kommen?
Es zeiget deine Blödigkeit u. Scham,
das du was wichtiges zu reden vorgenommen.
Drum sage sonder Furcht u. Gram:
was, Königin, ist dein Begehr?
was bittest oder forderstu?
U. solt ich dir auch selbst verehren mein halbes Königreich,
ich sag' es zu!

Was halbes Königreich, was aller Reiche Schätzze,
die sind in meinem Sinn gewiß nicht so viel werth,
das ich, Herr König, sie bey deine Gnade sezze,
durch deinen Gnadenblik ist größers mir beschert.
Drum̄ bitt ich, Majestät, sie las es ihr gefallen
u. komen gnädig heüt zu meiner Malzeit ein,
die ich ihr zugericht, ich bitt auch diß vor allen,

das auch Fürst Haman mit mag gegenwertig seyn.
Ich wolte gern einmahl dem König selbst aufwarten
bey meinem schlechtem Tisch!

O lieb' Holdseligkeit,
wie kön't ich schlagen ab das Kleine meiner Zarten?
Sagt, Käm̄erlinge, das sich Haman straks bereit
u. thu, was Esther wil. Ich wil, mein Lieb, erscheinen;
du solst alsdenn dein Hertz auch gantz entblößen mir.
Ich wil dir zeigen auch mein herzliches Wolmeinen. 75 v°

Ich bin des Königs Magd.

Vielmehr des Königs Zier!

So geh ich denn voran, der König bleibe gnädig.

Begleitet, Käm̄erling, sie bis an ihren Platz!

Ich folge dir balde, mein Schatz.

Gottlob, von erster Sorg ist nun mein Herzze ledig!

Act. IV, sc. 1

Ey, ey, ey, 74 v°
mein lieber Mardochai,
hastu auch wol gehört,
wie Haman tobt u. schnaubt
und wie der König ihm erlaubt,
die Juden zu erwürgen Mann vor Mañ?

Was ist die Ursach dann?

Weil du ihn nicht wie andre hast geehret.

Und solt das alles Volk entgelten?

Ja, alles Juden-Volk in Ländern weit u. breit,
wo es nur wallet, wo es ist zerstreüt.

Gott wol ihn schelten!
U. wie hat er das können nur erhalten?

Und was erhelt er nicht?
Er ist ja selbst des Königes sein Schalten u. sein Walten,
was er nur wil, das geth, das steth,
das steigt, das felt, das wird erhöht,
das lebt, das stirbt, wenn er ein Wort nur spricht.
Ach, hettstu ihm die Knie doch gebeüget
u. gleich wie wir die Ehre ihm erzeiget!
Gott bleibt im Herzzen darum doch geehrt!

Was Knie ihm gebeügt, die Knie?
77 r° Dem Haman? Ey, so wär ich nim̄er nie
des Lebens oder Gottes Gnade werth!
Und Sadok, wilt du Gott so aus den Augen sezzen
und einen Heyden Gottes Ehre würdig schäzzen?
Du, Sohn des Abraham?

Und solt Abraams Samen,
das Volk nach Gottes Nahmen,
umb deinetwillen nur allein
als Dieb, Verräther, Mörder u. Blutsünder
auf einmal all' so kläglich hingerichtet seyn?
Umb solch ein kleine Sach,
das du solch einem Herrn nicht so viel giebest nach,
ist das auch recht?

Und solte Gott nicht können
der Menschen Anschläg wiederum zertrennen?
Und solt Abraams Samen
Israel, das Volk nach Gottes Nahmen,
umb eine solche kleine That
u. daran es kein Schuld nicht hat,
so kläglich werden straks ermordt?
Unmöglig! Ey doch!

77 v° Gott bestätige dein Wort,
doch hat es Sethar mir vertraut!
Ich aber kan es noch nicht glauben,

das diß der König solt erlauben,
und solte Esther auch nicht haben vorgebaut,
die mehr als Haman ist, die Königinne,
die auch ist unsers Bluts, mir wil es nicht zu Sinne!

Zu Sinne oder nicht, die Sach ist dennoch wahr,
u. alzu wahr, doch noch nicht so weit offenbar.

Act. IV, sc. 2

Nun reg' in Freüden dich, du Asche der Vorfahren, *79 r°*
du Asche, glüklich drum, weil nach so vielen Jahren
ein Agagiter lebt, ein Haman, welcher soll
von deiner Feinde Blut die Welt noch machen vol;
die Juden, die vormals mit Mord u. Eydesbrechen
dich wolten tilgen aus, die wil ich heüte rächen!
Ob sol der Phoebus eh diß Jahr beschließen nicht,
bis ich sie ausgetilgt u. gäntzlich hingericht
von Sur bis an der schwarzzen Mohren Gränzzen
sol Land, Statt, Dorff u. Feld von Judenblute glänzzen!
Du, Sethar, schlage an des Königes Gebot,
Fluch, Unbarmherzigkeit, Angst, Marter, Blut u. Todt
sey auf eüch Judenvolk, ihr meiner Väter Mörder!

So eil ich denn, das ich, Herr, dein Gebot beförder'!

Hör, Sethar, höre recht, schlag es am Schloß erst an
u. drauf auch in der Statt, damit es iederman
noch heüte lesen mag!

Sehr wol!

Halt, hör' noch weiter! *79 v°*
Drauf sende, wie gesagt, straks fort des Königs Reüter,
das sie in Persien u. Meden hin u. her
die Postbrieff tragen aus. Es sol kein Jude mehr
auf den virzehnden Tag des Monats Adar leben!

Nur eines wundert mich: und warumb sol doch eben
der Monat Adar zwar und der dreyzehnde Tag

deswegen seyn bestim̄t zu dieses Volkkes Plag?
Und warum doch nicht eh'r?

Ia' denk'! in zwölff Monaten,
ohn das die Weisen mir auch diesen Tag selbst rathen,
so kom̄en ja die Brieff in solchem weiten Land
unfehlbar alle den Landpflegern fein zuhand,
zudem wird denn auch das Spectacul schöner werden,
wenn alles Judenvolk auf einen Tag zur Erden
im Blut liegt todt gestrekt, man kan mit leichter Müh'
auch alle auf einmahl straks überrumpeln sie!

Dein Anschlag, der ist gut!

81 r° Dem Glük auch darum näher!
Weil meine Weisen selbst die Stern und Zeichen-Seher
bißher von Mont zu Mont, von Tag zu Tag das Loß
auf Glük u. Unglük mir geworffen in den Schos,
da hat das gute Glük im Monat Adar troffen
auf den dreyzehnden Tag!

Ich wil ohn Zweifel hoffen,
es soll zu guter Stund nach deinem Willen geh'n!
Wo, großer Fürste, soll ich dich denn wieder sehn?
Ich geh' ietz, diß zu thun.

Wo? in dem Fürsten-Saale,
der König hat mich heüt geladen zu dem Mahle.
Er kan ja, wie du weist, ohn mich nicht frölich seyn
und eßen, trinkken nicht. Da will ich in den Wein
Zorn, Grillen und Verdruß tagtäglich einvergraben,
bis nach verlauffnem Jahr die Brief erwürkket haben
der Juden Untergang. So! Frölich! Guter Ding!

Ich geh in deiner Gnad,
o großer Fürst, dein Diener früh' und spath.

Laß alles recht geschen!
81 v° Der König ehr't mich selbst, nur bin ich zu gering
dem alten Moses-Kopff; halt, halt, du solt bald sehen,
du Jude Mardochai, du Hund, du Ehren-Schänder,
das man noch nie umsonst eins Fürsten Ehre minder

u. ist es Sünde dir, wenn sich dein Knie mir beügt,
so ist es Sünde nicht, wenn sich auch vor mir neigt
dein ganzzes Judenvolk im Blut erstarrt zur Erden
u. dann soll auch mein Nahm u. Ruhm noch größer werden,
der seiner Väter Asch auch so geehrt noch hält,
das er ihr Blut noch rächt auf Sauls, des Mörders, Erben.

Seht, eines Juden stoltze That macht wie viel 1000 Juden sterben!

Act. IV, sc. 3

Anna Jehovah hoschiah na
hazlichah na

83 r•

O Israel, o Israel, du bist zum Todt erkohren; erkohren!

O Arme wir, o Arme wir,
warum sind wir gebohren; gebohren!

Elohim Zanach Ihalanezah
Jeschan appecha bezon maritecha
zechor adathcha kanitha kedem

O Gott, warum verstößt du uns so gar
u. zürnest über deiner Herde Schar?

Warum bistu so grimmig uns zur Straffe?
Gedenkke doch an deine liebe Schaffe!

Gedenk an Zion doch, gedenk an deine Erben,
du wohnst ja bey uns noch u. wilst uns laßen sterben!

Elohim Beoznemu Schamánù!

83 v°*

85 r•

Was vor Geschrey
ist vor des Königs Thor?

Ach, Hatach, ach! ach! ach!

* *В немецком тексте здесь и далее в подобных случаях — пустые страницы.*

85 v°

87 r°

87 v°

Steh' auf, Herr, warum schläffestu?
Warum thustu die Augen zu
89 r° und stößest uns zur Rache?
Soll unser Drangsal, Angst u. Pein
bey dir denn gantz vergeßen seyn?

Wo ist hier Mardochai?

Wo er ist, das weis Gott!

Er kennt und kennt sich nicht, er lebt und ist doch todt,
doch ist er Mardochai, das ist betrübet sehr!

Sey getrost! Die Königinne
weis dein Trauren, Klag u. Leid.
Aus Mittleiden, gleichem Sinne
schikt sie dir diß beß're Kleid
u. wil, das du solst ablegen
deinen Sack u. Traur' — Gewandt,
weil ihr banget, das deßwegen
du kömst in Gefahr u. Schandt!

Was sol ich diß Kleid annehmen,
89 v° der ich deh' in Todtes Grämen;
nein, wie es Gott auch schik',
ich thu es nicht, bringt ihr das Kleid zurük!

Und wilstu das abschlagen,
o Mardochai, der Königin,
was wird sie doch darzu sagen?
Ich bit, ich bitt', das Kleid nim̄ hin!
Du bist hir vor des Königs Thor,
es ist Gefahr, sieh dich wol vor!

Was vor Gefahr, die Noth kan größer ja nicht werden
als ich sie sichtbarlich schon vor den Augen hab
u. wolte Gott, das ich allein in den Gefährden
begriffen wär!

O Israel
dich trifft des Todes Ruhr.

Ey, aber thu doch nur
dismal der Königin Befehl,
den sie von guten Hertzzen meinet.

Ich weis es wol, 91 r°
doch aber sol
der Sak von meinem Leib nicht eher wieder kommen,
bis dem Volk Israel die Sonne wieder scheinet!
Indeß geht, sagt, ich bitt, das sie sich selbst nicht schäm'
und Gott zu Ehren auch ein schlechtes Kleid annehm
u. vor ihr armes Volk auch fasten woll u. beten
u. wenn es ihr dünkt gut, vor ihren König treten
u., wie sie kann,
den König treiben an,
auf das er ändre doch den Blut u. Mörder-Rath,
den Haman über uns gestifftet hat,
wie Hatach ihr wird haben schon bericht.

Wir können weiter denn dich zwingen nicht,
fahrt wol zugleich!
Gott sey mit eüch!

Unsre Seele wird gebeüget
in Verachtung, in den Staub. 91 v•

Auch der arme Leib sich neiget
zu der Erden als ihr Raub.

Kom̄, Erlöser, diß zu stillen,
hilff umb deiner Güte willen!

Hir bring ich, Mardochai, der Esther from̄e Thränen
u. ihr mitleidend Hertz auf deine Klagebitt'!
Ihr Sinn, ihr Wuntsch u. Will u. ihr begierlich Sehnen
war größer weit als ich es kunte tragen mit. 93 r•
Sie hette heüte gern ihr Wollen unterfangen,
zum Könige zu gehn, vor eüch zu suchen Rath,
sie stund auch fertig schon u. were bald, bald gangen,

so aber weis das Reich, der Hoff, ja Land u. Statt,
das wer zum König komt, eh' denn er wird geruffen,
er sey gering, hoch, Weib u. Mann, wer sich erkek't,
der mus ja sterben straks, straks vor des Königs Stuffen.
Nun ist die Königin gewiß in dreyßig Tagen
geruffen nicht, seit bey dem Könige sie war,
wie dürffte sie denn nun in diesem Fall sich wagen,
wer wolt ihr rathen auch auf Tod u. Todsgefahr?

Was Todsgefahr? Denk't sie allein denn noch zu leben,
wenn alles sterben muß, was nur hebreisch ist?
Nein, traun, sie wird drum nicht sich der Gefahr entwehnen
wenn sie ietz ihres Bluts u. Volkkes so vergißt,
es wird noch ärger seyn! Denn wird sie dißmahl schweigen
u. sicher seyn, weil sie ruht in deß Königs Schoß,
so wird Gott anderwerts den Juden Rettung zeigen
u. sie der Straf und Rach u. Tode stellen blos,
93 v° sie und ihrs Vaters Haus. Wil sie ietz nicht bedenkken,
das vieleicht Gottes Gnad ihr, da sie nicht dran dacht,
zum besten ihres Volks die Crone wollen schenkken?
Und soll nun Gottes Rath bey ihr so seyn veracht,
das sie zu unsrer Hülff ietzund nicht was wil wagen?
Sie sehe, was sie thut, das ihr es nicht gereut!

Ich wil denn deine Wort ihr wiederumb antragen,
wart' hier!

Bring, edler Freünd, uns beßeren Bescheid!

Ach, laßt uns nicht ablaßen,
Gott in die Räth zu faßen!

95 r° Herr, wie bistu doch so ferne,
fernest dich zur Zeit der Noth!

Wenn Gottlose wolten gerne
Frome zwingen in den Todt!

Steh' auf, Herr, erheb' die Hände
und vergiß nicht uns Elende!

Nun, beßeren Bescheid von unsrer Königinne!
Sie will, das, Juden, ihr zusammen alle trett,

soviel in Susa sind; und dann mit Hertz u. Sinne
zu eüren Gott vor eüch, vor sie insonders bett'.
Ihr solt 3 Tage lang nicht trinkken oder eßen,
es sey Tag oder Nacht, sie wil dergleichen thun
mit ihrem Jungfervolk, denn ihrer selbst vergeßen
und wieder das Gesez auf Gnad u. Ungnad ruhn.
Sie wil am dritten Tag nach ihrer Fast mit Flehen,
mit Thränen treten auch dem König ins Gesicht.
Es mag ihr drüber denn weh' oder wol geschehen,
und kom̄t sie umb, so kom̄t sie umb, sie acht es nicht.
Sie wolt auch gern ihr Leben,
gleichwie sie sagt, hingeben,
könnt ihr nur seyn errett'.

Gott höre uns u. ihr Gebett'!

So geth u. thut dem so!
Gott helff eüch!

Amen! es woll' geschehen!
Nun ist mein Hertz in etwas beßer froh'.
Kom̄t, liebsten Freunde, laßt uns gehen,
laßt uns versamlen unsre Brüder
und allesamt vor Gott demütig fallen nieder
u. nach der from̄en Esther Rath
von Fasten, Thränen, Bet u. Flehen
nicht wieder von der Erd aufstehen,
biß uns der fromme Gott erhöret hat,
und wer weis, was Gott vor Wunder thut!

Ich hab auch einen beßren Muth!

Act. IV, sc. 4

Mi jitten mizzyon jeschúath Israel

Kinder, Kinder! Laßt uns beten,
laßt uns doch in solcher Noth
unsrer Väter Gott antreten,
Abram, Isaac, Jacobs Gott!
Stimmet mit mir an nur Klagen,
Klagen, das in Thränen schwim̄t,

laßt uns seufzen, laßt uns sagen,
wie die Angst das Hertzze stimm't.

Gott, der du einig all-regier'st

97 v°

99 r°

99 v°

Ihr, meiner frommen Jungfern Schar,
fart fort, mit Andacht Gott zu preisen,
ich weis, er wird uns offenbar
bald seine Wunderhülff erweisen.
Stim̄t ihr nun auch eür Leidchen an,
weil ich bey überhäufftem Leid
u. hochstbetrübter Mattigkeit
fast nicht mehr singen kan.

101 r°

O Unschuld, flieh' zum Throne...

101 v°

103 r°

103 v° Jetz hat der König sich gesetzt in kühle Lufft
auf seinen güldnen Tron, a große Königinne,
den gantzen Tag hab' ich gewartet u. gehofft,
bis daß ich seine Pracht bin worden inne,
drum lieff ich straks hieher, wie dein Befehl den̄ war,
umb seine Gegenwart zum Nachricht dir zu bringen.
Er sitzzet gantz allein, drum minder die Gefahr.
Sieh', was du thust, es soll dir wolgelingen!

Auf, ihr Jungfern, schmükket mich
wieder schön und königlich,
bald! Ich wil denn ietz was wagen
u. viel lieber sterben eh'
selbst, als künftig sehn erschlagen
dich, mein Volk, mit großem Weh'.
Du, Hatach, eile du zum Mardochai
u. sag ihm, das ich ietz recht auf dem Wege sey,

zum Könige zu gehn,
er sol von Hertzzen vor mich flehen!

Sehr gut! Gott geb' dir guten Muth!

Act. IV, sc. 5

So ging die Königin schon fort? 103 r°

Ja! Traue meinem Wort!

Vor mich? Ach, das ich möcht
von Hamans Hand alleine sterben

Ey! mein werther Mardochai,
verzage doch noch nicht,
wer weis, was unsre liebe Koniginne
noch heüte wol ausricht,
sie ist ja unvergleichlich klug von Sinne,
holdselig auch dabey,
behertzt u. trägt nicht Furcht noch Scheü.
Ja, als alleine nur darzu gebohren,
das sie ein Königs-Hertz soll zwingen,
wer weis, worzu sie Gott erkohren! 105 v°

Gott laß es ihr dißmahl gelingen
und geb' ihr Gnade aus der Höh'!

Mit Gott! es wird gescheh'n,
ich mus nun wieder gehen
gen Hoff.

Mein Freünd, ich bitte, das,
wenn du dißfalls erhührest was...

Du solt es bald, bald wieder wißen.

Gott laße dir die Treü genießen!
Mein Gönner, lebe wol!

Du guter Hoffnung voll!

Dann soll die Hoffnung gut erst heißen,
wenn Gott uns aus der Noth wird weißen!

Ietz macht die Hoffnung doppeltmahl
noch größer unsre Furcht u. Quaal.

Act. IV, sc. 6

107r° Was hilft es? Macht und Ehr,
Kron, Reichthum und was mehr,
das kan doch endlich nicht vergnügen.
Ich bin ein Potentat
und mus dem Wechselrad
des Glükkes dennoch unterliegen!
Ein Schäffer stehet doch bey seinen Schaffen.

Ein Schäffer stehet doch bey seinen Schaffen
des Tags u. Nachtes selbst versichert,
da mich, ach, meine Herd
des Tags u. Nachts beschwert,
ja, mit getreütem Tod oft schüchert;
so leb ich schlechter dann
als mañ mich siehet an
in Ehren-Schein u. Glükkes-Wahne,
107 v° u. wenn mein Wunsch auch alles hat,
werd ich drumb beßer satt
als mein geringster Unterthane!

Grosmächtigster König, dort kom̄et gegangen
die Konigin selbsten.

Ach Gott! Ach, was Bangen
beklem̄et mein Herze! *

Wie? Was? Wie mich dünkt, so waget sie viel!

Ach, ach Gott!

Ach, sie sinkket, sie sinkket!

Sie sinkett in Ohmacht darnieder.

Ey, Esther, was ist dir? Ermuntre dich wieder!
Ey, Esther, mein Leben!

* *В рукописи слово* «сердце» *дано в виде рисунка.*

Ach, ach, Gott!

Köngin! Der König küßt dich!

Wie ist dir zu Sinne, 109 r°
o Esther, ach Schwester! Was hastu zu scheüen?
Kan ich dich nicht von dem Gesetzze befreyen?
Ich mache mich sicher vor List u. Untreü
durch dieses Gesezze, du aber bist frey!
So wenig als mich die Gebote selbst rühren,
so wenig wil, Königin, dir auch gebühren
deswegen zu fürchten Gefahr oder Schad!
Schau hir doch den Zepter zum Zeichen der Gnad,
tritt näher herzu, du mein Herzze, mein Leben!

O Gott! Wie war ich doch mit Angst u. Furcht umgeben!
Ich bebe noch, als ich, o großer König, dich
erblikte nur,
so deuchte mir, ich seh' an dir
mehr, traun, als Majestäten-Spur.
Es kan, traun, keine Pracht, wie hoch sie ist geacht,
Herr, deine Herrligkeit erreichen!
Dein Ansehn, Würd u. Ehr wil über menschlich mehr
den Engeln Gottes sich vergleichen!

Act. V, sc. 1

Mich labt der süße Wein, 110 r°
noch mehr der Augenschein,
den auch die Sternen können tragen
und keine Lekkerey
kom̄t diesen Lippen bey,
die gantz mit Rosenzukker stuzzen.

Die Rede zeigt nur
des Königs Gnadenspuhr,
nicht, was ich würdig bin zu schäzzen,
darum betrüb ich mich,
wenn nicht genügsam ich
des Königs Willen kan ergezzen.

Du meines Lebens Lust,
es wallt in dieser Brust
es wall't in dieser Brust 111 r°

ingleichen auch ein still Betrüben,
weil ich nicht gnugsam kan,
wie mich mein Hertz regt an,
dich, meines Herzzens Hertzgen, lieben!

Wo ist doch in der Welt
ein Reich so schön bestellt,
mit solchen Kronen so geschmükket!
Nur Wunder auch zugleich,
das nicht der Himmel eüch,
ihr beyden Götter, zu sich zükket.
Die Welt ist eür' nicht werth,
was, die verachte Erd
verdunkkelt nur eür' Himmelprangen,
das wer eüch beyden recht,
wenn ihr dort oben möcht
zu Trotz dem Phoebus eüch umbfangen;
denn müßt der Götter Schar
bey eüch, ihr großes Paar,
mit aller Pracht beschamet stehen!
Wer weis, ob Jupiter
dich nicht, o Ahasver,
.111 v° selbst würd auf seinen Thron erhöhen
und dich, o Königin, die Juno setzzen hin
auf ihren goldbeflam̄ten Wagen?

Was Wagen, Gott, was Ehr!
Ich wünsche mir nichts mehr
als was genießt schon mein Behagen,
mehr acht ich meine Wonn
als Stern, Mond u. Sonn
u. aller Götter Luftgewim̄el!
Was könte Jupiter mir doch wol geben mehr
als mir gibt der, mein Seelen-Him̄el!

Herr König, schone mein,
ich wil zwar gerne seyn
ein Wolvergnügen deinen Willen,
doch auch nur deine Magd,
u. was dir nur behagt,
das wil ich auch mit Lust erfüllen!

Ja! Königin, sag' an,
was ich dir geben kan!
Sag an, was du auch kanst begehren,
das ganzze Königreich
theil ich mit dir zugleich
sampt allen

Kein Königreich wird mir mehr nütze!
Was solt ich bitten noch,
da ich volkommen doch
des größten Königs Hertz besitze.

Indem du so, mein Licht,
nichts von mir bittest nicht,
so ist mein Bitten mir versaget!

Ey, hett' die Freyheit ich,
ich hette beßer mich
etwas zu bitten lang gewaget!

Mein Esther, sage dann,
ich seh' es dir doch an,
daß dir liegt eine Bitt im Sinne.

Wolan! Dieweil denn ich
so weit zu wagen mich
die große Gnade nun gewinne,
gehorsam theils zu seyn,
theils mich auch zu befreyn
von dem, was mir im Herzzen lieget,
so bitt ich dieses hoch,
der König wolle doch
bis morgen nur noch seyn vergnüget,
auch morgen gnädig seyn
und wieder kom̄en ein
mit Haman hir zu meinem Eßen,
das ich wil richten an!
So wil, Herr König, dann
ich was zu bitten seyn vermeßen.

Wol gut, du meine Lust,
das du so weislich thust
und meinem Trunk ietz nicht wilt trauen;
doch soltu morgen sehn,

wie ich dich wil erhöhn,
du meine Lust u. Kron der Frauen!
Mach, Haman, fertig dich,
das morgen gleich wie ich
du hir auf Esthers Will erscheinest.
Ade, mein Leben, du,
gebrauche deiner Ruh
und bitte morgen, was du meinest!

Mein König, ruhe wol!

Ja, deiner Liebe vol,
in der ich dich wil wieder grüßen.

Laß mich, o Königin,
daß ich nicht würdig bin,
noch letzt die Gnaden-Füße küßen.

Act. V, sc. 2

Und solt ich eher schlaffen müßen,
bis alle meine Freünde wißen,
was Gnade mir doch wiederfährt,
wie mich die Königin auch ehrt!
Ihr Tisch war mir nicht so gros Glük
als ihrer Augen Gnadenblik.
Wie offt, wie oft sah' sie mich an,
dann lieblich u. bald sauer dann,
ich weis nicht, was ich draus soll denkken!
Wer komt dort? Das du müstest henkken,
er ist der Jud! Ey, Wunder doch,
ob er auch ist so trozzig noch?
Er gehet, wie mir deücht, betrübet,
115 v° vieleicht, weil das Gebot ihm andre Sinne giebet;
was gilts, er kommet, umb Gnad mich anzuflehn!
Nein, traun, er wil vorübergehn.
Ich mus doch selbst den Hund probiern,
ob er noch nicht, wie es sich soll gebührn,
mir Ehr erzeigen wil! Hör, Alter, hör,
was gehstu hir, was ist hir dein Begehr?
Hast an den König du etwas zu bitten?
So sag es mir, ich wil es schaffen ausgerich't!
Gantz nichts, o großer Fürst, nichts nicht.

Du grobes Holtz von so verstokten Sitten,
kanstu denn nicht die Knie beügen?

Die Ehre mus ich Gott allein erzeigen!

Und was vor Gott?

Gott, die Furcht Israel!

Furcht, u. du fürchtest nicht des Königes Befehl?

Ja wol! Israels Gott doch mehr.

Ach, das du nicht ein Hund u. ich ein Fürste wär,
ich wolte dir den Kopff! Doch wart noch diese Nacht!

Und wenn du armer Mensch heünt schläfst in deinen Sünden 117 r°
und 1000 Arten Tods sich umb dein Bett' herfinden,
so ist ein großes Aug, das über uns noch wacht
und mit der Sonnen—Blikken
uns Freüd u. Trost u. Leben kan zuschikken.

Act. V, sc. 3

Bey solcher großen Gnad und unverglichner Ehr
da werden deine Freünd auch weit glükselig mehr.

Ja, liebes Weib u. ihr, ihr ältsten meine Kinder,
die mir der Him̄el gab!

117 v°

119 r°

119 v°

121 r°

121 v°

Act. V, sc. 4 post. Act. V, sc. 2 producenda

In dieser trüben Nacht, 123 r°
da weder Mensch noch Wild noch Vogel wacht,
wach' ich alleine nur in Angst u. Sorgen,
mus fürchten auch noch einen trüben Morgen!

Arch, Esther, Königin,
ach, wüßt ich ietz doch nur dein Hertz verborgen,
vieleicht fürchtst du auch einen bösen Morgen!

Ich strekke mich hieher,
als wann ich schon ein Bild des Todes wer!
Dir, Gott, bestehl ich mich sampt Angst u. Sorgen,
gib, wenn du wilt, uns einen frohen Morgen!

Act. V, sc. 5

Schlag auf, o Sethar, liß,
liß meines Reichs Geschichten!
123 v° Ich weis nicht, was vor Hindernüß
mir Sinn u. Schlaff u. Ruh' vernichten.

Soll ich etwan aufschlagen,
was sich hat zugetragen
vor eüres Reichs Anfang?

Nein, das wird seyn zu lang!
Schlag auf, was dieses Jahr
vor Dinge sich begeben,
in was vor Stand, Glük u. Gefahr
mein großes Persen-Reich at müßen schweben.

Gehorsamlich!

Ob ich schon nicht kan schlaffen, ich wil
darum nicht müßig seyn noch still.
Ich schlaff, ich wach' zum besten meinen Schaffen,
was hastu dar?

Ein Held, Sabuchadar geneñet,
der schlug die Parther aus dem Feld
und hat drauf die Rebellen gantz zertrennet.

125 r° Ich weis die tapfre That.
Was Lohn hat er bekom̄en?

Hir steth, das ihm der König hat
geschenk't die Herrschafft, so er eingenommen.

Sehr wol! Was weiter noch?

Des Hamans Tapfferkeiten.

Nun, der hat sich verdienet hoch,
drum ist auch der nechst' an meiner Seiten.
Was mehr?

Ein Grosgesandt aus Indien Methade
gab seines Mohren Fürstenland
in Eürer Mayestäten Schutz u. Gnade.

Was kriegt er vor Geschenk?

200 Perser Pferde
und so viel Säbel u. Gehenk
von edlen Steinen unschätzbarer Wehrde!

Nichts mehr?

Ja, noch dabey viel theüre Pfeil u. Bogen.

Und wenn mann so ist gabenfrey, *125 v°*
so werden mehre Länder angezogen.
Liß weiter fort!

Es war der König selbst umfangen
mit schwerer Seüch u. Todsgefahr.
Durch Hermes Kunst ist aber er entgangen
dem scheinbarlichen Todt.

Die Hand, die mich curirt
und mich errettet aus der Noth,
die hab ich, wie ich weis, auch selbst geziert
mit meinem Fingerrink von unverglichnem Werth,
dabey ich ihm auch noch anhing
mein gülden Bild von großem Schatz und Zierde.

So zeigt das Buch auch an.

So lohn ich Kunst u. Treüe.
Liß fort!

Theres u. Bagathan
verschwuren sich durch Meüchelmörderey,
127 r° den König selbst zu Nacht zu bringen umb das Leben.

Ich hab es noch in guter Acht.
Der Galg' hat ihnen recht den Lohn gegeben.
Liß noch!

Und Mardochai, ein Jud und gut Gewißen,
entdekte die Verrätherey
und hat den König so dem Mord entrißen.

Was war mein Leben werth?

Hir stehet nichts geschrieben.

Nichts?

Nichts!

Wie, nichts? Das ist verkehrt!
Die größte Treü ist unbelohnt geblieben.
Ein Mohr, ein Artzt, ein Held
genießen große Güther!
Fürwar, auch eine güldne Welt
ist kaum genug vor meines Lebens Hüter!
Sag an, was giebstu Rath?

127 v° Es steth in deiner Gnad,
Herr König!

Vor die treüe That
kein Lohn, ist mir Gefahr u. Sünd' aufladen!
Wer geth im Hoff?

Noch früh' genug,
den König selbst zu sprechen.
Gib Glükke mir nun Weg und Fug.
das ich mich an den Judenhund mag rechen
noch diese Morgenstund.

Fürst Aman ist zugegen.

Ruff ihn!

Fürst Aman, sey gesundt!
Der König ruffet dich, mit dir was zu erwegen.

O Glükke! das komt recht!

Mein Freünd, tritt doch was näher!

Herr König, dein getreüster Knecht
komt ietz in tiefster Demuth als ein Fleher.

Ich weis, das Nacht u. Tag 129 r°
du auf mein Reich u. Landen
zum besten alles nimst in Acht.
Nun komt was sonders mir gleich ietz zu handen:
es ist ein Man, der hat
mein Hertz zu sich gekehret.
Gib du, mein Lieber, guten Rath:
wie soll der Mann doch würdig seyn geehret,
der Mann, den ich sehr lieb?

Das Wort kan mir gefallen!
Es sagt mir meines Herzzens Trieb:
der König wil mich ehren mehr vor allen!

Was sagst, was denkkestu?

Herr König, wol! Auf dein Begehren
ist diß mein schlechter Rath hirzu:
den Mann, den lieben Man, den du wilst ehren,
den las in deiner Tracht bekleidet köstlich werden,
es
den laß in deiner Tracht bekleidet köstlich werden,
es steh' auch deiner Kronen Pracht auff seinem **Haupt**,
das beste deiner Pferden, 129 v°
das werd ihm zugeführt,
und wenn er solchermaßen
wie selbst der König ist geziert,
so sol der größte Fürst durch alle Straßen
ihn alsdann führen u. hellstimig dießes laßen hören:
so soll mann thun dem Mann,
den selbst der König lieben wil u. ehren!

Auf, straks u. nim̄ mein Kleid,
nim̄ meine Kron u. Zierde,
das beste Pferd auch, das ich reit,
laß Mardochai genießen solcher Würde!

Waß? Mardochai!

Ja, der!
Du solt ihn selbst umführen
in der sehr wol verdienten Ehr.

131 r° Den Juden, den?

Laß keine Saümnüß spühren,
geh' straks, thu, was ich wil! Was stehstu?

O ihr Götter!

Dabey den Ausruf auch erfüll:
so ehrt der König seinen Lebensretter!

Ich gehe denn! O Götter! Ach!
Must ich den Rath erdenkken
zu meinem Spott! O tolle Sach!
Ich mus den ehren, den ich wolte henkken!

Traun Haman bild sich ein,
das ihm das nicht gebühre.
Es war ihm als wie Herzzenspein,
das er selbst, wie ich wil, den Mann umbführe.
131 v° Sein Rath hat das gethan.
Und bricht schon an der Morgen?
Legt, Bursch', mir neüe Kleider an,
der Tag bekleidet mich in neüe Sorgen.

Triumphus Mardochei.

Hört, alle Bürger, hört! Des Königes Begehren
ist, diesen Mañ, den er sehr liebt, also zu ehren.

Ach, ist es Ernst! Ach! Oder Spott!

Nein, Mardochei, es ist des Königes Gebott!

So soll mañ thun dem Mann, ihr Leüt, ihr Herren,
den unser König selbst wolt ehren gern!

Ich bin der Ehren gar nicht werth!

Ey, still doch! wenn der König es begehrt.

Schaut, Leüte, solche Ehre sol man geben 133 r°
dem Mann, den selbsten gern der König wolt erheben.

Der es doch nie verdienet hat.

Dein Gott, der gönnt dir diese Gnad.

Schaut, solche Ehr dem Man ein großer Fürste giebet,
die weil ihn also ehrt der König selbst u. liebet.
Nimm meinen Lorber auf!

Das ist kein gutes Zeichen,
den Lorber von dem Kopff. Das ist nicht ohn Verdacht.
Mich dünkt, der Glükkeswind wird nun gar anders streichen,
der Lorber, wie es schein't, fürcht sich auch solcher Pracht
auf des Tyrannen Har, darauf er mehr mus zittern
als zierlich stehn! Der Tag fängt wunderlich sich an!
Wie muß des Juden Ehr den Haman doch verbittern!
Wer weis, was Gott noch mehr vor abends geben kan!
Wie wird sich freüen doch mein' edle Königinne!
Ich spring in Freüden auch zu bringen ihr die Post,
ich weis, sie wartet mein mit Schmerzzen schon darinne.
O Hochmuth, schäme dich, o Demuth, sey getrost!

Act. V, sc. 6

Auwe Schande, auwe Schmach, 113 v°
auwe Marter, Spott und Rach,
ich dacht, es war auf mich gemeint,
so wird die Ehre meinem Feind
von mir selbst eingeräumet.
O Mord, das hett mir nicht geträumet!

Wie hat mein Herre das versehn?

Mein Rath, der ist verkehrt geschehn.
Ach, hett ich es doch recht bedacht
u. meine Bitt' erst angebracht,
den Juden aufzuhangen!
So wer ich solchem Schimpff entgangen!

Nein, traun, das war nicht Zeit noch Ort,
zu bitten umb des Juden Mordt,
da selbst des Königes Begehren
dem Mardochei gab solche Ehren!

Es hat sich müßen schikken
135 r° zu meiner Schand und seinen Glükken.
Ihr Weisen, saget mir doch frey,
sagt, was doch dünkket eüch hirbey?

Wir sagen ungern unsrem Herrn:
es stehn am Himmel zwene Stern
einander ietz entgegen,
die nicht viel Gutes dir auslegen.

Was denn, sagt frey!
Wir dürffen nicht,
bis er uns Gnad u. Muth zuspricht.

Und ist mir noch was übrig Ehr,
so sagt es frey, denn ich drauff schwer.

Ich bin zu blöde.

135 v° Ibraim, ey, rede, du bist der altste!
Macht doch fort,
es sol mich nicht so sehr eür Wort
erschrekken als eür' Tändelwerk mir bange macht.

Ich sahe nächten spat von fern
gar einen kleinen dunklen Stern,
der ließ doch plötzlich seine Stralen
so weit, so stark u. helle pralen,
das nebenst ihm verdunkelt ward
ein schöner Stern von großer Art,
so das er nicht mehr war zu seh'n.

Was deütet das?

Es kan geschehen, das
ein Geschlecht, gering zu melden,
wird dämpffen einen großen Helden.

O Mord, das hab ich heüt gefühlt!
Was sagstu, Aidar?

Ey! Es spielt mir in dem Sinn mein böser Traum! 137 r°

Wie der?

Mir deucht, ein großer Baum
stund schön und gab auf grüner Matten
den Vögeln Ruh', den Menschen Schatten,
drauf schlug ein kleiner Donnerkeil
mit solcher Macht, in solcher Eyl,
den Baum so schmetterlich enzwey,
das seine Splitter als wie Spreü
von Winde wurden weggeführt,
das mann kaum seinen Ort mehr spürt.

Kein Donnerkeil felt ie so schwer
als mir zur Schmach des Juden Ehr.

Wol! Wenn der Traum so ist erfüll't.

Und meinstu, das es mehr noch gilt?

Ich weis nicht.

Ich kan auch nicht wißen,
was ich doch aus dem Traum soll schließen.

Was schließen? Kan auch größre Schmach 137 v°
dem heüt'gen Stos wol folgen nach?
Was, Asairan, was doch sagestu?
Deütstu mir denn nichts beßers zu?

Ich wil andeüten, was ich denkke,
der Himmel es zum besten lenkke?

Was denn?

Als gestern ich anfing
früh morgens, da die Sonn aufging,
zu sehen auf der Vögel Witz,
da hatt' ein Täubchen ihren Sitz
auf einem dürren Myrten-Strauch;
ich sahe einen Falkken auch
hoch fliegen, lauren hin u. wieder,
der schoß schnell' auf das Taubchen nieder.
Der Falke, der den starkken Flug
nicht mehr kont hemmen gnug,
139 r° kam auf die Klipp so hart geschoßen,
daß er den Kopff enzwey gestoßen
und todt zur Erden niederfiel.

Das ist ein tolles Vogelspiel.

Das Täubchen flog drauf ohne Scheü
hervor, der Furcht und Feindes frey,
und setzte sich viel höher noch
auf einen Palmenbaum.

Was doch wil dieses Täubgens Muth nun sagen?

Es wird fast eben drauf ausschlagen,
was die geprophezeyet schon!

Es sey denn, das mir diesen Hohn
heüt an der Königinnen Tisch
der König wiederumb adwisch
und diß ersetz mit größern Ehren.
So sol sich Persien Reich umkehren,
das schwer ich theüer!

139 v° Mein Herr und Hertz,
ich weis nicht, was vor stiller Schmertz
mir Kopff und Sinn und Muth zernagt
und nicht viel Gutes mehr zusagt.
Der Stern, der Traum und das Gesichte
macht, das ich lauter Unglük tichte.

Ach, machstu mir nicht beßren Muth!

Was hilfts? Der Anfang ist nicht gut!
Der Mann vom judischen Geschlecht

war heüt ein Herr u. du sein Knecht;
der Jude, den du woltst aufhangen,
must heüte dir zu Trozzen prangen
in Purpur, Kron u. Königs—Zierd
u. du hast selbst sein Pferdt geführt.
Was wilstu gegen ihn nun thun?
Mein Rath ist: laß den Zorn nur ruhn,
du wirst gewislich vor ihm fallen!

Kom, großer Fürste, zu dem Mahle, *141 r°*
der König wartet dein schon in dem Saale.

Zur Königin?

Die dich begehrt vor allen.

Ich bin zwar nicht gar wol zu paß!

Ey, laß doch, laß das Grämen, laß!

Fort doch! Wie lange sol der Konig stehen?
Er wil ja ohne dich dahin nicht gehen!

Ich gehe fort, farth wol, ihr meine Lieben!

Fahr wol, mein Herzzens-Herr!

Es wende dein Betrüben die königliche Gnad!

Kom doch!

Ich gehe. *141 v°*

Adieu!

Act. VI, sc. 1

Ja, diß laßt, Mardochai, die Königin dir sagen:
sie freüt sich herzlich sehr
um solche Pracht u. Ehr,
die Haman selbsten dir hat müßen heüt antragen.
So zahlt Gott endlich par, ob er schon lange borget!

Ach, Gott, hilff weiter doch!

Und zweifelstu denn noch?

Warum mus aber doch der Haman mit ihr speisen?

Sie hat etwas im Sinn,
dar ich zu tum in bin.
Es wird ihr kluges Werk sich aber bald ausweisen.

143 r° Vieleicht, so denkket sie, den König abzuflehen
die blutge Urtheilschrift,
die Haman hat gestifft?

Das kan noch Perser Recht nicht alzuwol geschehen.

Vieleicht, so denkket sie, den Haman abzulenkken.

Und was sie auch vorhat,
das werd ich nimmermehr, noch du, mein Freünd, errdennken.

Ey wol, so thu sie denn, was Gott ihr ein wird geben!

Ich bitt aus Hertzen-Grund, o Gott, regier den Mund,
der ietz bemühet ist umb deines Volkkes Leben!

Gedulde dich, ich wil zur Köngin wiederkehren!
Und kan was merkken ich...

Ach, Freünd, das bitt'ich dich:
bring eilends mir doch bey, was du wirst im̄er hören!

Act. VI, sc. 2

143 v° So sage endlich doch,
wie lange wilst du noch,
mein schönstes Lieb, mein einzges Leben,
dein ofnes Hertze mir nicht geben?
Es kan der Wein, die Kost
sampt deiner Augen Trost
nicht eher meine Freüd erfüllen,
bis ich erst recht weis deinen Willen.
Und warum seüfzestu,
ich sage dir ja zu,
mein halbes Reich auch straks zu geben!

Mein König, gib mir nur mein Leben!

Was?

Ach, einen Gnadenblick,
ist ietz mein einzig Glük;
laß, König, deine Gnad ietz walten,
so bleibt mein Volk u. Leben noch erhalten!

Was Lebens-Noth ist dar? 145 r°

Ich schweb' in der Gefahr,
ich u. mein Volk sol von der Erden
erwürgt, geschlacht, vertilget werden!

Weß Freundeswerk ist das?

Ich wundre mich!

Ach, waß?
Verkauft sind wir zum Todte
und wolte, wolte Gott,
wir weren doch nach Sclaven-Rechten
verkauft zu Mägden u. zu Knechten,
so wolt ich schweigen gern,
denn würd' es meinem Herrn,
dem Könige, so sehr
nicht schaden; ja, viel mehr
würd unser Dienst noch Nutzzen bringen!

Was endlich soll von diesen Dingen 145 v°
doch werden fort? Sag an,
wie, wo, was vor ein Mann
darff diß im Sinn doch nun
nur nehmen so zu thun?

Der böse Feind, mein Wiedersacher,
ist Haman hier!

O Unruh'macher,
du, Haman?

Weh', o weh'!

Weg, das ich ja nicht seh'
den Hund vor Augen mehr!

Ey, eifre nicht so sehr!
Herr König, wo doch hin?

147 r° In Garten.

Was Unglük wird auf mich nun warten?
Nun, nun, nun bin ich hin!
Ach, große Königin,
ach, schenk mir diese That,
ach, Gnad, ich bitte Gnad!

Du hast das Werk dir selbst ersponnen,
es fall auf dich, was du ersonnen!

Ich klage selbst mich an!
Ich hab unrecht gethan!

Ey, denkst du nun zurück!

Soll denn mein Bubenstük
als deine Gnade größer heißen?
Nein, größer Ruhm ist Gnad' erweisen.

147 v° Dir? Der zuvor doch hat
verspeyet meine Gnad'?

Ach, Königin, darumb
wird größer nun dein Ruhm,
wenn du dem grösten Ubelthäter
doch Gnad erweißt!

O du Verräther!
Ich frage, wenn dein Mord
so wehre gangen fort,
hett'stu geschon't auch mein?
Wie schweigstu nun so fein?
Wer auch die Unschuld sicher blieben,
das sie dein Grim̄ nicht aufgerieben?
Recht dem, das dich betrift,
was andern du gestift.

Zwar Recht! Doch bitt ich Gnad!
Ich wil vor solche That
zum Sclaven ewig mich verbürgen!

Was wil der Böswicht noch erwürgen
selbst meine Königin
hir in der Kam̄er drin?

Auwe! 149 r°

Unwerther Hund,
dem nimmer sey vergunt
des Königs Antlitz!

Tausend Rachen!
Was sol ich mit dem Mörder machen,
der selbst nicht hat verschont
das Haupt, das ich gekront!

Wo, große Majestät,
dein Knecht die Freyheit hat,
hirzu in Einfalt was zu sagen!

Sag an, was hastu noch zu fragen?

Als heüte ich, wie mir Eür Mayt. befohlen,
ging, Haman auch hieher zu diesem Mahl zu holen,
da stund im Hof ein Baum, wol 50 Elen hoch,
gantz neü gebaut; ich fragt, was er bedeütet doch;
drauf hab' ich von dem Volk zur Antwort diß ėntpfangen:
dran soll der Mardochai, der Jude, heüt noch hangen!

Was, Mardochai?

Ja, den, der doch durch seine Treü 149 v°
dem König hat entdekt die Meüchel-Mörderey,
so auf ihn war gericht.

Den wolt er laßen henkken?

Ja, den!

Er. Mayt. kan draus gar leichtlich denkken,
wie er mein Volk u. mich gesucht hat zu dem Todt.

Den Man, den er doch selbst hat heüt auf mein Gebot
geehrt u. in der Statt so prächtig umgeführet?

Denselben Mann!

Hat dich Megerengifft gerühret,
du Hund? Trabanten, auf, auf nembt ihn alsobald
u. gebt den Mörder stracks dem Henkker in Gewalt!

151 r° Ach, Gnade!

Das man straks ihn mög' erhenkket schauen
an selben Baum, den er dem Mardochai durfft bauen.
Fort, fort, zum Galgen zu!

Fort, gnädger Herr, fort!

Ach, Königin!

Weg. weg!

Ach, Gnade!

Nicht ein Wort!
Hengt er nicht diesen Augenblik,
so hüt' eüch alle vor dem Strik!

Act. VI, sc. 3

O Übermuth!
Sammt dem verflüchten Glükke!
151 v° Wie fall' ich über deine Tükke!
O Ehrgeitz, leicht zerbrochnes Guth,
o Hoffart, schnell verschwundner Schein!
Ich kunte nicht zufrieden seyn
mit aller Welt, Ehr, Stoltz u. Prangen!
Nun bleib ich zwischen Ehr u. Schanden hangen.

Nein, gnädigster Herr, ihr sollt beßer schon henkken
zwischen zwey Strikken, die ich Eüch wil schenkken!

O Stoltz u. Pracht,
so alle Menschen neidet

und kaum sich selbsten leidet!
Wie nem ich nun zu spat in Acht,
was doch war meines Lorbers Ziel,
als er mir von dem Haupte fiel!
Kein Lorber steth so fest beblättert,
den nicht die Zeit u. Neides Macht zerschmettert!

Dein Lorber, der kan sich nun schöner erstrekken 153 r°
zum Neste, darinnen die Raben selbst nekken.

O Herrengnad
sampt den verfluchten Glükken.

Wir bitten, er wol doch die Gnade uns erzeigen.

O Sicherheit
sam̅t den verblendten Sinnen,
die nicht begreiffen können,
was Unglük ihnen vorbereit,
was meiner Weisen Klugheit sah'!
Mein Stern ist dem Verschwinden nah',
ein Täubgen nun des Falkken spottet, 153 v°
mein Lebensbaum wird ausgerottet.

Hier steth dein Baum, bald werden die Balken
schön prangen mit einem so edelen Falkken!

Zu guter Nacht,
mein Lieb sampt lieben Kindern!
Mein Fall wird eüch wol hindern
zu der gehofften Glükkespracht!
Doch wünsch ich eüch zu letzt das gern,
das Glük, das bleibe von eüch fern,
das Glük ist nur sein selbst verkürzzen,
wen es erhebt, den wil es kläglich stürzzen.

Wir wollen den Herrn so feste schon schnallen,
eh' soll er verrotten als stürzzen u. fallen!

Ihr Freünd u. Feind
samt allen klugen Leüten,

laßt Hamans Fall eüch deüten,
das Hochmuth sich zu spät beweint.
155 r° Den Galgen hab ich selbst gebaut!
Wol dem, der nur dem Himmel traut,
der Spott des falschen Glükkes Ränkken,
hir mus der Hochmuth ein Exempel henkken!

So henkke, so schwenk dich, Exempel des Stoltzzes,
erstikke am Glükke des eigenen Holtzzes,
so zaple, so kraple, du Bildnüß der Thoren,
der Leben u. Witz in der Ehre verlohren!

Act. VII, sc. 1

Ist Haman nun gehangen?
Hastu es selbst gesehn?

Ich hab ihn selbst gefangen
zum Galgen sehen gehn.

Ich kan es kaum, kaum glauben!

So kan der große Gott
die Ehr den Stoltzen rauben
155 v° u. machen ihn zu Spott.

Was hastu uns vor Freüden,
mein Zadok, mitgebracht!

Gott hat aus unsren Leiden
nun lauter Trost gemacht.

Wie denn?

Es ist gestürzzet,
der uns zu stürzzen dacht,
dem Haman ist verkürzzet
sein Leben, Ehr u. Pracht.

Wie? Redst du das im Traum?

Ich habe selbst geschaut
ihn henkken an dem Baum,

den er dir hat gebaut.

Hastu es selbst gesehen?

Mit diesen Augen, ich! 157 r°

Wie ist es doch geschen?

Gott hat es wunderlich
durch unsre Königinne,
die Esther, so geschikt,
die Macht der klugen Sinne
hat Hamans Grim bestrikt.

O Esther, du getreüe,
Gott sey dein Lohn u. Gut!

Ach, das sie Gott erfreüe,
wie sie uns ietzo thut!

Auf, Brüder, laßt uns preisen
des großen Gottes Gut,
laßt uns ihm Dank erweisen
in diesem Lobelied!!

frolok mit Hand, Mund, Herz* u. Seel 157 v°

Der Gott, der dich mit starkker Hand
geführet aus Egypten Land,
den Pharao mit seiner Nacht
in rothen Meer auch umgebracht.

Der dich auf Adlers Flügeln trug
u. vor dir große Könge schlug
u. gab zu Erbe dir ein Land,
dran nicht gebauet deine Handt.

Der dich mit Him̅elbrod ernehrt 159 r°
u. Wachteln warff auf deinen Herd,
der dir gab wunderbaren Trank,
frisch Waßer, das aus Felsen sprang.

---

* *В рукописи слово* «сердце» *дано в виде рисунка.*

Der dich mit mehr als Vaters Treü
bracht endlich durch die Wüsteney
und setzte dich in sichren Schos
des Lands, drin Milch u. Honig flos.

Der allzeit hörte dein Gebet
u. dich aus aller Angst errett,
das deine Feind auch umb dich her
sich alle mußten fürchten sehr.

Der dich umb deine Sünde zwar
den
159 v° den Heyden gibt gefangen dar
u. doch, wenn du busfertig bist,
in Banden dein auch nicht vergißt.

Wenn tausend Augen suchen dich
gantz auszutilgen jämmerlich,
so wacht sein Auge über dir
u. zahlet deine Thränen hir.

Wenn dich ein Feind nur saur anblikt,
so wird er bald von Gott erstikt;
der dich zu freßen sich vermas,
ist ietzund selbst der Vogelfras.

Und Israel geth franc u. frey,
fängt wieder an zu leben neü,
161 r° u. prangt in Gottes Gnad u. Ehr,
als wenn es sein Augapffel wer.

Mein Volk, mein Volk, erkenne das,
ehr diesen Gott ohn Unterlas,
vor dem der Heyden Götter sind
gantz athemlos, stum, taub u. blind!

So freüe dich nun, Israel,
frolok mit Hand, Mund, Hertz u. Seel,
es lebet noch der alte Gott,
der dich kan retten aus der Noth!

Laß, mein Gott, dir gefallen
diß schlechte Lobelied!

U. laß uns ferner wallen
in Sicherheit u. Friedt!

Gott, was wir dir gesungen, 161 v°
hat unser Hertz gemeint.

Wer kommet dort gesprungen?
Hegai, unser Freündt.

Wie wunderlich kan Gott das untre kehren obeń,
der stolzze Haman ist zum Galgen zwar erhoben,
noch beßer wird erhöh't der fromme Mardochai!

Hört doch, was redet er?

So lohnet Gott der Treü,
ach, wie so wahr hat mir mein Herz * geprophezeyt,
mein Hertz, das ietzund ist in Esthers Glük erfreüt,
das über Mardochai sich auch erfreüen soll.

Mein Gott! Was Neües?

Mein Herz * ist freüdenvol, wo find ich nun den Mann?

Hir, hir, mein Freünd Hegai, 162 v°
hör doch, mein edler Freünd!

O liebster Mardochai,
ich weis nicht, ob du ietz mit Glükke kom̄st zu mir,
ey, oder ob das Glük kon̄t selbsten ietz zu dir.

Mein Hertzenfreünd, mach mir doch nicht vergebens hoffen!

Was? Dieses Reiches Ehr steth dir ietzunden offen,
der König helt ietz schon mit seiner Esther Rath,
wie du solst seyn erhöht in Hamans Glükkes Stat,
der ietz am Galgen henkket.

Wer, ich in Hamans Ehren,
wer, ich Hebreer, ich?

Du wirst es bald, bald hören, ich kunte länger nicht vor Freüden
hören zu,

* *В рукописи слово* «сердце» *дано в виде рисунка.*

ich eilte den Bericht dir straks zu tragen an.

163 r° Und wer komt dar gegangen?

Zwey Räthe.

Da, nun wirstu Befehl empfangen.

Gegrüßet u. geehrt seystu, o Mardochei,
den selbst der König ehrt
von wegen seiner Treü,
der König, dem du eh'
errettet hast das Leben,
der wil dir Ehr
und Glück nun
mehr zu Lohne
geben;
drum hat er uns gesandt,
dich straks zu führen ein.
Auf! Denn der König
sampt der Köngin warten dein.

Ach, Gott, ist das ein Traum,
ach! Oder dein Geschikke?

164 r° *Parmasta*

Ja, frommer Mardochai, Gott schikt dir selbst diß Glükke.
So dankke Gott u. folg uns auf des Königs Wort,
wir gönnen dir die Ehr, kom, geh' nur mit uns fort!

Geh', Bruder, Gott mit dir, wir gleiten dich von fernen
und bald, bald werden wir dich nennen unsern Herrn.

Ach, denk an uns denn auch, wenn es dir wol wird gehen!

Und betet ihr vor mich, was Gott wil, mag geschehen!

Parmasta

Was macht ihr doch viel Werks mit eüren langen Scheiden?
Fort, Freünd, wir müßen dich noch erst in Purpur kleiden
auf Königs Befehl.

164 v° Da geth der Mann nun hin, wer solt ihm das ansehen,

auf dem, als einer Stütz, des Reiches Last sol stehen.
In einem schlechten Kleid geht Weisheit oft bekleidt
und Gottes Furcht prangt doch zuletzt in Freüd u. Herrligkeit.

Act. VII, sc. 2

Und warum nicht, mein Liecht, du Freüde meines Lebens,
und soll denn Mardochai denn nun so gar vergebens
mein Lebens-Retter u. dein Vetter seyn zugleich?
Nein, traun! Ich schwere heüt bey meinem Tron u. Reich,
wie Haman heüte hat der Untreü Lohn bekom̄en,
wie du sein Haus u. Gut auch schon hast eingenom̄en
als mein Geschenk, so soll dein Vetter auch noch heüt
alhir erhoben seyn in Hamans Herrligkeit. *166 r°*

Der König ist des Reichs, noch mehr doch mein Gebieter,
er thue, was er wil! Doch unsere Gemüther
seind solcher Art, das sie nicht suchen große Ehr,
des Königs Gnad ist uns vor aller Hoheit mehr.

Doch wil ich, das die Treü sol ihren Lohn empfangen.

Hier, große Majestät, hir kom̄t nun angegangen
der Mardochai, gleich wie der König es begehrt.

Traun, auch der erste Blik ist meine Ehre werth.

Grosmachtigster Monarch, vor dem die Welt sich bieget,
sieh' gnädigst an den Knecht, der dir zu Fuße lieget!

Bistu der Mann, der vor mein Leben hat gewacht,
der mir den Mörderrath so treülich beygebracht? *166 v°*
Gib Antwort, scheü dich nicht!

Was mir selbst mein Gewißen
befahl, das hab ich ja anzeigen billig müßen.

Ich mußt, Herr König, ja das selbsten schreiben an,
das dieser Mardochai solch treües Stük gethan.

Was wolte Haman dir davor zu Lohne geben?

Ach, er stund meinem Volk u. mir selbst nach dem Leben
und dadurch mein't er selbst die Königinne mit.

U. dadurch ist er nun selbst seines Lebens quitt.
Steh' auf, mein treüer Freünd, besitz du seine Stelle,
sey fort mein nächster Rath u. meines Reichs Geselle!
Wo dieses schöne Bild ist meiner Krone werth,
so wird ihr Vetter auch von mir wol recht geehrt.
Schau, nim̄ hir meinen Ring, den Haman pf(l)ag zu führen,
deß' er nicht würdig war, dich sol er beßer zieren,
nim auch zugleich mit hin die Ehr u. volle Macht,
168 r° drum sich der tolle Mensch so liederlich gebracht,
laß deine Treüe nur vor mich u. mein Reich wachen!
Es sol sein mein Gebot u. Wil, was du wirst machen!

Mein König, gönne mir, das ich auf diesen Tag
auch meine Gnad' hirbey dem Mann erweisen mag!

Wie nicht?

So wil ich ihm denn wiederum das schenkken,
was mir der König gab; der Mann, der dich wolt henkken,
der sol dir räumen ein sein Haus, Hoff, Hab u. Gut,
besitze du das nun!

Ich dankke mit Demuth!

Ach, aber...

Was ist das, was wieder vor Verdrießen!

Wir wießen nicht.

Ich fall, o König, dir zu Füßen
u. bitte flehentlich, sieh meine Tränen an,
laß Hamans Bosheit doch sein gäntzlich abgethan!

168 v° Steh' auf, mein werthes Lieb, steh' auf, o Koniginne,
schau meine Gnade hir, eröffne deine Sinne,
was ist es, was bittestu?

Ach, mein Herr König, ach!
Errette doch mein Volk u. mich von Tod u. Schmach,
laß meine Thränen doch dir in dem Herzzen wallen,
laß doch, mein Herr u. Hertz, dir dieses nur gefallen,
das mann durch starkke Brief des Hamans Mord-Anschlag,
den Juden zugedacht, straks wiederruffen mag!

Denn wie doch immer sol dem Übel ich zusehen,
das mein Geschlecht u. Volk so soll zugrunde gehen?
Wie sol ich sehen das?

Was? Nun u. nim̄er nicht!
Und ist nicht Haman drum so schändlich hingericht,
weil er die Mordhand wolt an alle Juden legen?
Hör, Mardochai, schreib dem Anschlag straks entgegen,
schreib, wie es dir gefält, versiegel es dabey
mit meinem Ring, damit es unerbrechlich sey!
Schreibt, Räthe, straks u. schnell u. das in meinem Nahmen! 170 r°

Wol! Großer König, wol! Nur wie sol mann berahmen
solch einen neüen Schluß? Es hat des Hamans Neid
des Königs Briefe schon geschikket weit u. breit.
Nun ist der Perser Recht nie wieder umbzustoßen,
was einst der König hat versiegelt u. beschloßen.
Was neüer Brief wird denn nun wieder heben auf
den ersten Königs-Schluß, der ietz in vollen Lauff
durch alle Länder geth, die Juden umbzubringen?

Was, und ist denn kein Rath in Hamans Bubendingen?
Was, Cantzler, sagestu?

Herr König, deine Gnad
erhore nur ein Wort, es ist hirzu noch Rath.

Wie dann?

Es ist zwar kund fast schon in allen Ländern
des Königes Gebot, das niemand nun kan ändern. 170 v°
Es mus nach unserm Recht der Schlus nunmehr bestehn,
sol nicht des Königs Ehr zugleich mit untergehn.
Doch kan man drum wol auch nun neüe Brieff ausschreiben,
die straks den ersten Schlus nicht eben hintertreiben.
Es würge, wer da wil, auf den bestim̄ten Tag,
doch so, das sich der Jud auch tapffer wehren mag.
Es sey, das man die Hand an Judenvolk darff legen,
es sey auch frey, das sich das Judenvolk hergegen
mag wehren, rächnen auch ein ieder, wie er kan,
auch selben Tag, wenn man̄ sie mördlich greiffet an.
So bleibt des Konigs Wort beständig fest in allen,
und wenn denn dis Gebot wird durch das Reich erschallen,
so wird den Juden, traun, nicht Schad noch Leid geschehn,
weil ieder selbsten mus in Furcht vor ihnen stehn!

O wol, o guter Rath, was deücht dir, liebste Seele?
Was sagstu, Mardochai, wenn ich nun das bestehle?

Ach ja, mein König, ja!

Wer das nicht gut vor eüch?

172 r° Ja wol! Gott segne dich, Herr König u. dein Reich?

Wol, denn so laßet straks ein solch Gebot ausschreiben!
Du, Sethar, solt das Werk denn straks forttreiben!
Laß schreiben schnell'. das auf des Hamans Trug u. List
dem froṁen Judenvolk nun freygegeben ist,
sich gegen ihre Feind zu samlen in den Städten
u. auf bestiṁten Tag sein Leben selbst zu retten,
so wie es kan u. mag: trotz dem, der sie nur kränkt,
der werde billig in sein eigen Blut ertränkket!
Schreibt, das auch meine Vögt u. Landesobrigkeiten
mit aller Treü u. Macht beystehn den froṁen Leüten!
Hörstu!

Ja, Majestät, die Schrift soll straks fortgehn
u. vor drey Monaten noch dein Wort zu Werkke stehen!

Entdekke auch darbey des Hamans List u. Ränkke,
u. das er ietzo drum am hellen Galgen henkke,
u. das ein treüer Jud' besizze seine Stell
172 v° in größerer Herrligkeit.

Es sol geschehen schnell!

Mein Lieb, eh' in der Welt ein Feind dich solte kränken,
so wolt ich dir zu gut den Sebel selbst anhänkken,
den Harnisch ziehen an u. scheüen keine Müh,
ja, mehr mit Freüden stehn im Blut biß an die Knie!
Es thut mir weh', das dich der Haman so betrübet,
der Hund!

Ich bin nicht werth, das mich so gar sehr liebet
mein König u. mein Herr.

Ja, dich u. auch dein Blut! Du, Mardochai, solt sehen,
ob eüch mein Herz* ist gut!

* *В рукописи слово «сердце» дано в виде рисунка.*

Der Haman war nicht werth des stoltzen Lorberkrantz,
du bist noch würdiger der Pracht des Kronenglantz!

Coronatio Mardoch.

Setzt, treüe Räth', ihm auf die andre Königs-Kron
u. sagt dabey: das ist Treü u. Demuth Lohn!

So krönet der König die Demuth u. Treü! *174 r°*

Gekrönete Demuth den Hochmuth auspey!

Du Stüzze der Weisheit, so trage die Bürde

So laßet darauf nun Trompet u. Pauken schallen!
Die Hochmuth ist nun selbst in ihren Strik gefallen,
die Demuth ist gekrönt u. wol belohnt die Treü,
die Kronen sind erret, die Unschuld, die ist frey.
Frolokket mit Jauchzen u. Springen,
laßt heüte nur Freüden erklingen!
So, so, so, so!
Gros Mosca, sey du mit uns froh'!

Mox conjungenda cum Musica

So kan des Königs Wort auch selbst die Frechheit krümmen,
so mus Untreü u. Mord im eignen Blute schwimmen,
so wütet Haman noch mit seinem Morder-Rath,

repraesentatio cladis

doch so, das selbst ligt todt, was ihm gefolget hat.
Auf, freüt eüch nun mit uns, Israels from̄e Bürger,
kom, tritt nun auf den Hals der dir verhaßten Würger, *174 v°*
der Würger hat sein Schwerd selb gegen sich geführt.
Victoria ja! ja! Ihr Helden, triumphiret!

So! Blankke Waffen,
habt nun zu schaffen,
des Königs Willen
recht zu erfüllen;
drauf, drauf, biß unser Muth ist gnug ergetzt!
Vor eürem Blikken
sol alles tükken;
tobt hin u. wieder,

schlagt alles nieder,
bis unser Muth u. Blut sich wieder sez't!

Du dolle Rache,
schäm dich der Sache!
176 r° Du freches Neiden,
must nun selbst leiden,
was du der from̄en Unschuld zugedacht!
Wilstu Blut wißen,
es sol dir fließen
aus eignem Herzzen
zu spätem Schmerzzen,
seht, was der Neid ihm selbst vor Unglük macht.

3

Vor diesen Straffen
möcht mancher schlaffen
im weichen Bette,
wenn er nicht hette
ohn Ursach alzufrüh das Schwerd gezükt.
Liegt dann, ihr Mörder,
lehrt andre förder
durch eüren Schaden
sich zu entladen
176 v° vor Haß u. Neid und Rach, so selten glükt!

4

So blüh' in Freüden
auch unter Heyden,
der frommen Ehre
zu langer Lehre,
Gott kan die seinen retten wunderlich!
Der Starkke lieget,
der Schwache sieget,
Gewalt mus sterben,
Unschuld mus erben
Ruhm, Ehr u. Glük u. endlich freüen sich.

5

Was diesen Morgen
noch stund in Sorgen,
in Todes-Schrekken,
kan ietz ausstrekken...

«Артаксерксово действо»

Немецкий текст списка, хранящегося в Тюрингенской национальной библиотеке г. Веймара (ГДР) (шифр HS FOl. 426 e) *

(2. Akt, 1. Szene)[1] *Bl. 1*

(A r t a x e r x e s:)[2] (Die stoltze Vasthi sey denn nun vergeßen und+ ich vergnügt.
Der Zorn, so bisher hat mein Hertz beseßen der liegt.
Nur kan ich noch nicht wißen noch erdenkken, was Muth, was Macht [3]
das falsche, freche Weib hat können lenkken zur Pracht,
zur Pracht, zu solchem Trotz und+ Pochen! Denkt doch zurük,
das sie so mein Gebot und+ auch gebrochen ihr Glük!
Mir deücht, es sol ihr lebenslang gereüen!

---

* Текст воспроизводится по изданию К. Гюнтера: K. G ü n t h e r. «Das weimarer Bruchstück des ersten russischen Dramas «Artaxerxovo dejstvo» (1672)».— «Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts», B. III. Akademie — Verlag. Berlin, 1968, S. 120—178. Здесь и далее примечания издателя К. Гюнтера даются в переводе с немецкого.

[1] *Поставленные в круглых скобках указания акта и сцены, как и имена говорящих действующих лиц, восстановлены нами. Они отсутствуют в немецком тексте как списка В, так и списка Л. Знаком + обозначаются слова, которые в рукописи даны в сокращении.* [2—2] *В списке В на л. 1-м нет немецкого текста. Он начинается только на л. 1 v. Отсутствующий отрывок и несколько следующих строк обнаруживаются в списке Л. Мы воспроизводим его здесь по списку Л, заключая в скобки.* [3] *Русский текст первых двух строк и некоторые слова последующих строк помещены на полях или под строкой в примечаниях; некоторые слова при этом даны и на немецком языке*: wtorajo dêeistwa Sĉen perwaja — nineje gordaja Astin da budet iswerjena i wkonez sabwenna — erniedrigt... und gar vergessen — obnál — as rasrêeschál — ismûischläti erdenkken — koi umûisl was Unverstand — koi vlásti was Macht.

(M e h u m a n:). . . Was, große Majestät?
Gereüen? Ach, mein Hertz mus sich noch scheuen)[2],
Bl. 1v so daß mir Sinn und Krafft zergeht,
wenn ich gedenkke nur an ihre bittre Thränen,
an ihren [4] (Schrek und+ Angst und+ Hertzeleid) [4],
als ich mitleident nur ihr anfing zu erwehnen [5]
des Königes Gebot und+ den Bescheid [6],
das ewig ewig sie nun solte sein verstoßen
von ihres Königs Lieb und+ deßen [7] Angesicht,
wie da die Augen straks in Waßer ganz zerfloßen,
wie sie mehr Athem kunte holen nicht+,
wie sie zur Erden [8] fiel, wie sie so kläglich stehnte,
wie sie so jam̄erlich wünscht, das+ es nie geschehn,
wie sie nach einen Blik des Königs sich nur sehnte.
Ich kunt es länger nicht+ ansehn
und+ kan es ich auch sagen nicht+![9]
(A r t a x e r x e s:). . . Dermaßen
Bl. 2 mus mann die Thorheit allzu spath bereüen,
zu spat und+ auch ümbsonst [10].
(B i g t h a:). . . Die Götter wollen laßen
der+ gleichen Reü ergehn auf alle, die da sein
dem Könige untreü!
(A r t a x e r x e s:) . . .Fürwar es mus mich reüen,
das+ sie so lieder+lich+ verscherzet+ Kron und+Ehr,
das+ sie so schlecht belohnt mein treübeständigs Lieben.
Und+ über dieses alls so kränkket mich noch mehr,
das+ ich so einsam nun in Wittben Bett mus liegen
und+ traurig welzen mich die liebe lange Nacht
und+ finde doch nich(t) Lust noch Liebe und+ Vergnügen.
Darzu hat gleichwol mich das+ stolzze Weib gebracht.
Ach beßer! Hett ich sie mit Augen nie gesehen!
Sie ist nicht würdig, das ich im̄er sie gekant,
Bl. 2v das undankbare Beest!
(C h a r b o n a :) Kan denn denn [11] nicht+ dies' Unlust
des Königs sein gewand
in beßre Friedsamkeit?
(A r t a x e r x e s:)— — — Wie soll ich mir denn rathen?
(C h a b r o n a:) Grosmächtigster Monarch! Gehorcht dir nicht+
die Welt,

[4–4] *Восстановлено по Л.* [5] *Л.*: als ich nur anfing, ihr Mitleid mit zu erwehnen. [6] *Этой строки в Л нет.* [7] *Нет в Л.* [8] *Л*: zu Boden. [9] *Л*: ich kont es länger nicht mehr sehn und + kan es ietz auch sagen nicht. [10] *Здесь в Л кончается немецкий текст.* [11] *Слово ошибочно написано дважды.*

und+ wer doch fürcht sich nicht+ für Deinen Wort und+ Thaten,
und+ wer verspricht doch dem, was dir nur wolgefelt?
Und+ kanst gar leicht erregen
mit einem Worte nur [12] die Völker zu dem Krieg.
Auf dein Wort müßen sie die Waffen niederlegen.
Wenn nur dein Zepter winkt, so tobt Krieg oder Sieg.
Dein Wort wirfft Städt und+ Berg [13] und+ starke Mauren ein.
Ümb einer einzgen Fraun der+ König lang gekränkt und+ so betrübet sein? *Bl. 3*
Sind deine Stätte nicht+ vol lauter wunderschönen
der schönsten Weiber, die Göttinnen auch sind gleich?
Wer den kan [14] deine Macht verkleinern oder höhnen?
Und+ wenn es dir gefält, das mann in Deinem Reich
die schönsten Jungfern soll aufsuchen und+ auslesen
und+ bringen sie hierher in deinen Fürsten Saal.
Die dir dan meist gefelt an Schönheit, Zierd und+ Wesen,
die seÿ an Vasthi statt dein liebstes Ehgemahl.
(D i e K ä m m e r e r:) . . . .[15]
(S e t h a r:) So wird sich bald verändern
. . . .[16]
(A r t a x e r x e s:) Wol, sendet Schauer aus in allen meinen Ländern! *Bl 3v*
Geschwind, daß man̄ die Sach bis morgen nicht+ aufschieb!
. . .[17] alle Schönen holen,
es wird ja in der+ Welt noch Vasthi gleichen sein.
(S e t h a r:) Auch noch viel beßere!
(A r t a x e r x e s:)— — — Thut denn, was ich befohlen.
Stellt dem Hegai zum Schmuk die Dirnen ein.
Fürwar, solt ich, ein Herr von solchen großen Machten,
besorget sein ümb Fraun,
da der+ Welt Granzzen [18] doch nach meiner Gnade trachten,
. . . .[19]
wenn ich ein schönes Bild seh Vasthi Krone tragen,
wenn Treü und+ Wollust mir zur Seiten wieder liegt.

---

[12] *Первоначально было*: «Du zwingst mit einem Worte». *Два первых слова зачеркнуты, сверху надписано*: «nur». [13] *Первоначально было*: «wirfft hohe Berg», *слово* «hohe» *зачеркнуто и вместо него надписано*: «Stätt und+». [14] *Первоначально было*: «wer wolte», *слово* «wolte» *зачеркнуто и вместо него сверху надписано*: «den kan». [15] *Отсутствуют 5 строк.* [16] *Нет одной строки. По смыслу, возможно, следовало*: «des Herrschers Trauer in Freude». [17] *Пропущено 1/2 строки. По смыслу, возможно, следовало*: «Befehlt, man solle zu mir». [18] *Sic! Вместо* «Gränzzen» = Grenzen, Gebiete. [19] *Пропущены 3 строки.*

(H e g a i:) Ja, Mardochei, ich sage noch,
glükselig bist du lieber Mann zu nennen,
das+ dich der+ Him̄el liebt so hoch
und+ dir das schöne Bild hat wollen gönnen.
Ich weis, mein Herze sagt mir's zu:
Du Schönste wirst ererben Vasthi Krone.
O künftig große Köngin du,
wenn Ahasver[20] nun küßet dich,
so denk, ach, denk dann auch an mich,
gib deine Gnade mir alsdann zu Lohne!
(E s t h e r:) Ich armes Kind, wie sol ich mich doch schikken
in deine Wort, o werther Freünd,
und+ wie sol träümen mir von solchen Glükken,
Bl. 4v da noch viel schönre Dirnen sein,
mehr werth der Königs-Kron und+ solcher Ehre?
Ich bin erzogen nur im Staub,
und+ was noch wol geschiktres an mir wehre,
das hat die Armuth ihr zu Raub
hinweg. Ich bin nur arm und+ from zu nennen.
(H e g a i:) So redet zwar dein Höfligkeit,
doch der+ muß blind sein und+ nicht+ sehen können,
der nicht+ erkennt, wie überweit
mit deiner Schönheit du vorgehest andren.
Es sind 400 an der+ Zahl
der schönsten Jungfergens aus allen Ländern
alhier in dieses Schloßes Saal.
Wen̄ aber unter die in allen Reichen
nur eine ist, die dir
an Schönheit, Ehr und+ Pracht kan gleichen
so sterb ich meiner Ehren hier.
Bl. 5 Ich weis nicht+ waß!
(M a r d o c h a e u s:)— — — Mein edler Herr, ich bitt,
last uns mit dieser Ehr doch sein verschonet,
da ja Gefahr beÿlauffet mit.
Wir sind so hoher Dinge nicht+ gewohnet.
Ich hab erzogen dieses Kind
in Einfalt, Still und+ solchen Sachen,
die mann beÿ schlechten Leüten find.

---

[20] *Бывшее* «Артаксеркс» *зачеркнуто и сверху надписано*: «Агасфер», *ср. л.* 16 *v*, *где еще стоит*: «Артаксеркс».

Was sol mein Esther denn zu Hofe machen?
Diß zarte Haupt trägt lieber einen Blumen Kranz
als solche schwere Last der+ goldnen Krone.
Diese Augen scheüen sich vor Königs Pracht und+ Glanz,
ihr blöder+ Sinn, der fürcht sich mehr vor Spott und+ Hohne,
als daß er große Ehre hoffet und+ begehrt.
Die Finger sind gewohnt zum Spinnrad und+ zur Nadel
und+ sind drum keines . . . . . .[21]
Kurz, wie soll es doch sein,
das Fürsten und+ von Adel
beherschen sol ein Bürger Kind?
(H e g a i:)— — — Wen̄ sie die Krone trägt, *Bl. 5v*
wenn sie den Zepter führet,
was vor ein Fürst und+ Herr wird dann wol sein,
der+ so ein schönes Bild, in Königsschmuck gezieret,
die selbst der+ König liebt und+ ehrt,
verachten solt und+ sie nicht+ solt erhöhen?
(M a r d o c h a e u s:) Wer aber weis, ob ihr das /einst noch/[22] wieder+fährt,
ob sie noch würdig wird, den König eins(t) zu .[23]
des sie nicht+ würdig ist, und+ ob sie nicht+
der+ ander+n Schönen Spott mus werden?
Gott weiß, was mir mein Herz[24] zuspricht,
das+ wär ihr denn ein großer Spott
. . . . [25]
(H e g a i:) Was, was, ich schwere bey Ahasverus Macht,
wenn dieser Schönheit Pracht und+ him̄lische Geberden
bey unsern Könige so weden sein veracht,
so sol drüm ewig sein betrübet mein Gewißen[26].

(*Arie der T h y r s a*:)

Wir gönnen dir gern solche Ehre
und+ zeigen willig diß dabey;
des selbst das Glük ver+räthrisch sey
der Him̄el ungerecht auch wehre,
wenn du nicht+ würdest so geehrt
mit Krohnen, der+er du bist werth.

---

[21] *Пропущено* 1/2 *строки. По смыслу, возможно, следовало*: «Zepters wert». [22] *Оба слова в косых скобках зачеркнуты.* [23] *Маленький пропуск. Следует добавить*: «sehen». [24] *Слово* «сердце» *дано в виде символического рисунка.* [25] *Пропущена 1 строка. По смыслу, возможно, следовало*: «und mir wär dies der sichre Tod». [26] *Здесь обрывается немецкий текст.*

(E s t h e r:) Wohin sol dieses Zielen
daß+ ihr mich so hoch erth,
ihr liebesten Gespielen,
ich bin es traum nicht+ werth.
ich bin von schlechten Stande
und+ hab es nie gesucht.

Bl. 15v (M a r d o c h a e u s:) Hört ohn Beschweer.
Ich sahe dise Nacht im Traume streiten
zweÿ große Drachen zwischen gros Geschreÿ,
es war auch [27] Donner Knall und Blitz dabeÿ,
und solch ein Weltgetüm̄el,
das sich bewegte Erd und+ Him̄el.
Darzu fing eine schwarzze dikke Wol(k),
Bl. 16 erfüllt von Jammer, Furcht und+ Schrekken,
das heilge Gottes Volk
so grausamlich an zu bedekken,
das es sich alles Leben
in solcher . . . .[28]
sich gänzlich het begeben,
ruften sie mächtig an den einzig wahren Gott.
Sie(h), da ergos sich straks aus einem kleinen Brunne
ein großer Strom ganz unverhofft und+ schnell,
die Finsterniß ver+schwand, das Elend das zerrune,
die Sonn ging wieder+ auf und+ macht auch alles hell,
das arme Gottes Volk fing an zu siegen,
ein [29] Drache siegt' auch mit,
die Stolzen musten alle unterliegen,
der+ andre Drache auch. Nun sag, ich bitt,
was denn bedeüt wol dieser Traum?
(A s a r i a:) Fürwar, es soll mir fehlen kaum.
Der Traum bedeüt, was du führst in Gedankken,
Bl. 16v dein Hoffen und dein wieder Wankken,
...[30] und+ Blödigkeiten.
Das sind zweÿ Drachen, die in dir selbst streiten.
Wenn aber Artaxerx aus seinem Gnadenbrunn [31]
wird einen Liebesstrohm auf Esther laßen fließen,
Alsdann wird unser(m) Israel
in seiner finstern Elendshöl

---

[27] *В ркп. стоит*: «aus». *Очевидная ошибка*; *ср. в русском тексте*: «и».
[28] *Пропущено* 1/2 *строки. По смыслу, возможно, следовало*: «Angst und Not».
[29] *Перед этим словом стоит перечеркнутое* «der». [30] *Пропущено* 1/2 *строки.*
[31] *Первоначально, вероятно, было*: «Gnadenbronnen», *рифмовавшееся с* «Sonne(n)».

aufgehen eine neüe Sonne(n)
. . . . [32]
Dann wird dein' Hoffnung herrlich siegen,
die Furcht ganz unterliegen.
Wer weis auch, was noch heüte sich zutregt.
(M a r d o c h a e u s:) Fürwar, es ist wol ausgelegt,
ach, aber lange noch nicht+ geschehn.
Nur aber solte noch mein altes Haupt diß[33] sehn,
das Esther würde zur Königin erkohren,
so wär Israels Leid auch ganz und+ gar verlohren,
und ich wär neü gebohren.
(A s a r i a :) Gott geb es! Freünd, ich geh', die Stund ist nun zu bethen.
(M a r d o c h a e u s:) Ich wil in gleichen Werk auch meinen Gott antreten. *Bl. 1[?]*
(A s a r i a:) Geh' hin in Fried,
und+ du seÿ gutes Muths.
(M a r d o c h a e u s:) Gott geb uns bald zu hören etwas guts!

(2. Akt, 6. Szene)

(H e g a i:) Grosmachtigster Monarch, du großer Ahasver,
du liebes Ziel aller Menschen Kinder,
ohn' dem die Welt auch ohne Soñe wär!
So lange steht dein Reich ganz trübe
und+ kränkket sich mehr, als es ie gewohnt
ümb deiner, dir entraubten Liebe.
Ihm scheinet zwar die Sonne [34] und+ mangelt doch der Mond [35].
Der Mond [35] der+ große(n) Sonn wolt über dich ganz steigen,
verlohr den Schein und+ ist darduch ver+loschen ganz. *Bl. 1[?]*
Es mus ein ander+ Licht vor dir sich neigen,
so wird entbrenen recht erst deiner Gnaden Glanz.
Hir steth ein Bild mit Demuth ganz ver+hüllet.
Zieh du ihr ab den Flor und+ gib ihr einen Blik,
so wird von deinen Glanz sie herlich angefüllet,
und+ ihrer Tugend Schein wird heller noch zurük
. . . . [36]
(A r t a x e r x e s:) Wie rührt mir schon das Herz diß schöne Bild von fernen.

---

[32] *Пропущена 1 строка. По смыслу, возможно, следовало*: «und von Esther Gnad und Wonne auf uns fliessen». [33] *Первоначальное* «noch» *зачеркнуто и надписано*: «diß». [34] *Слово* «солнце» *дано в виде рисунка.* [35] *Слово* «луна» *дано в виде рисунка.*[36] *Пропущена 1 строка. По смыслу примерно было*: «auf dich scheinen».

Ja, wol ist sie der+ Mond [37] die andern sind nur Sternen.
Entblöße denn, Göttinne,
entblöße deine Liebligkeit.
Bisher spielt Tag und+ Nacht mir schon im Siñe
die Pracht, so mann von dir ausschreÿt.
Laß endlich Ahasver auch sehn
das Wesen, das an Dir beliebt die ganze Welt.
Bl 18 (E s t h e r:) Grosmachtigster Monarch, vor dem mein Herzze bebet,
auf deßen Gnaden auch mein Wil und+ Hofnung lebet!
Ô Herr, dem zu Gebot mus stehn,
was Lebendes nur weit und+ breit
die Erd in ihrem Zirkel helt!
Zwar meine Niedrigkeit
ist gar nicht + werth der+ hohen Augen Blikken,
die du mir gönst izund,
und+ wie sol traümen mir von soclhen Glükken,
weñ mir nur dieses ist vergunt
zu werfen mich zu deiner Gnaden Füßen.
(A r t a x e r x e s:) Steh' Göttin auf! Auch diese Hand zu küßen,
vor der sonst alles zittern mus,
ist dir schon freÿ.
(E s t h e r:) Ich arme Magd! Was sol ich sagen?
(A r t a x e r x e s:) Ihr Stützen meines Reichs, ihr meines Stuhles Saülen,
die ihr mir rathet selbst zu neüer Eh' zu eilen,
hört zu, ich hab eüch etwas vorzutragen!
Bl. 18v (M e m u c h a n:) Der+ König rede nur, wir warten!
(A r t a x e r x e s:) Ihr wißet alle wol: Es steht in meinen Garten
recht in der Mitt' ein schöner Öhlebaum
allein, und+ ümb ihn her ist ein sehr großer Raum.
Ich hab ihn zwar bisher mit Willen laßen stehen,
damit ich beßer noch möcht seine Schöne [38] sehen.
Offt hab ich auch gedacht, steht er so schön allein,
viel schöner würd er noch beÿ seinesgleichen sein!
Indem ich denkke diß, so gibt des Him̄els Seegen,
das+ ein ver+achtes Kraut sich ümb den Baum mus legen,
der Epheü sonst genant, der schlingt sich so ümb ihn,
das er von Wurzel auf nun gans und+ gar ist grün.
Nun steth der+ schöne Baum in doppelt schöner Würde [39],

[37] *Слово* «луна» *дано в виде рисунка.* [38] *Первоначальное* «Früchte» *зачеркнуто и надписано*: «Schöne». [39] *Первоначальное* «Zierde» *зачеркнуто и надписано*: «Würde».

er gibt sein reiches Öhl und[+] hat auch seine Zierde.
Er grünet ümb und[+] ümb nun im̄er fort und[+] fort
und[+] stehet nicht[+] allein, er ziert den ganzzen Orth.
Seht, was ein schlechtes Kraut vor Augenlust kan geben!
(M e m u c h a n:) Es müß ihr Majestät auch grünen so und[+] leben!
(C h a r s e n a:) Wir merken wohl das[+] Wort und[+] wünschen diß dabëy, Bl. 19
(S e t h a r:) das dieses schöne Bild des Königs Epheü sey!
(S e t h a r:) Ja, großer Öhlebaum, du gibst uns Öhl und[+] Seegen.
Ach, stehstu einsam noch, biß sich ümb dich wird legen
der keüsch und schwankke Arm der[+] Allerschönsten hier,
dann wirstu doppelt sein des großen [40] Reiches Zier.
(A r t a x e r x e s:) Wolan, es sey denn so, die Vasthi ist gestürzzet.
Es hat die Hoffart selbst ihr Ehr und[+] Glük ver[+]kürzzet.
Besiz du ihren Stul, du aller Schönheit Pracht!
Ich zwing ein großes Reich, du zwingest meine Macht.
(E s t h e r:) Ach, ach, o Gott' Ô König! Mich geringen... [41].
(Artaxerxes:) Und[+] warum weinstu? Bl. 19v
(E s t h e r:) Ich bin nicht[+] werth der[+] Gnad.
(A r t a x e r x e s:) Hör, liebe mich, wie dich mein Herz [42] erwehlet hat!
Ihr Räthe, setzt ihr auf die theüre Königs Krone!
(M e m u c h a n:) Selig lebe dann, lebe, du Schönste der[+] Schönen!
(C h a r s e n a:) Es wolle der[+] Him̄el mit Gnade dich kröhnen!
(A r t a x e r x e s:) So nimbt [43] die Demuth denn der Hoffart Pracht zu Lohne.
Gebt ihr den Zepter auch in ihre rechte Hand.
Hör, Esther, nun hat sich mein Herz [42] zu dir gewand.
Du kriegst ein großes Gut, mein Herzze, denck, zu eigen,
drum mußtu beßre Ehr und[+] Treüe mir erzeigen,
als Vasthi hat gethan! Bl. 20
(E s t h e r:) Ich bin des Königs Magd,
und[+] will sonst nichts[+] anthun, als was ihm behagt.
Dein Augenwink sol mich zu allen Dienst regiren.
Ich wil in Niedrigkeit den hohen Stand auch führen
und[+] will gehorsam sein in aller Niedrigkeit
nur ümb der[+] Ehre, die du mir erzeigest heüt.

---

[40] *Первоначальное* «Königs Ehr... (?)» *зачеркнуто и надписано*: «grössen».
[41] *Маленький пропуск. Следует добавить*: «Magd». [42] *Слово* «сердце» *дано в виде рисунка.* [43] *Первоначальное* «trägt» *зачеркнуто и надписано*: «nimbt».

(und⁺ diß nur ümb der⁺ Ehre, die du mir heüt anbietst)[44]
(A r t a x e r x e s:) Küßt ihr die Füß, ihr Räth', und⁺ heist sie Königinne!
(M e m u c h a n:) Es wünscht dir, Königin, Glük unser Herz[45] und⁺ Sinne!
(C h a r s e n a:) Frau Königinne, leb und⁺ zeig uns deine Gnad!
Bl. 20v (S e t h a r:) Der Him̄el segne dich, der⁺ dich gekrönet hat!
(A t m e t h a :) Frau Königinne, seÿ ein Öhlbaum im̄er grüne!
(T h a r s i s:) Ich wunsche, das das⁺ Glük dir, Kön'gin, selbsten diene!
(M e r e s:) Frau Königin, nim mich zu deinem Knecht auch hin!
(C h a r s e n a :) O seÿ gnädig uns, du große Königin!
(H e g a i:) Besizze, Königin, besizze nun den Stat,
den dir mein Herz[45] zuvor schon längst gewünschet hat!
Laß deine Gnade mir auch so sein zugewandt,
Gleichwie dir[46] mein Herz[45] die Ehr und⁺ diese Kron' gegönt!
(A r t a x e r x e s:) Kom̄t, Räthe, geht mit mir nach meinem Fürsten-Sale
Bl. 21 und⁺ seid erfreüet heut beÿ meinem Hochzeit-Mahle!
Nun Esther, schönstes Lieb, du bist nunmehro mein,
und⁺ diese Nacht wil ich auch ganz der deine sein.

---

[44] *Этот второй неподходящий вариант зачеркнут.* [45] *Слово* «сердце» *дано в виде рисунка.* [46] «dir» *надписано над строкой неправильно. Строка должна звучать так*: «Gleichwie mein Herz *dir* Ehr...».

Иудифь

‖ПРЕДИСЛОВИЕ л. 1

Великий Алексей Михайловичь, о царю самодержче, к сему [1] многих стран государю, тебе же весь народ великия, малыя России ся кланяет, купно же и белыя! О великий князю, превосходитель мира, обладателю востока, и севера, и запада ж к тому! Но и то тебе мало. Достойно бо и быть второму миру было, ей, что вселенная едина пред тобою, когда многих царей наследие есть с тобою? [2] Ты убо, ей, еси можнейший во [3] вселенней, зане царству славы ты дал еси презельной: весь христианской род скифетр твой почитает, божиею бо милостию он всех их защищает от врага крестова [4], лютаго бусурмана, да христиан ему одолети несть дано[а]. То, царю, ты творишь над тем же недругом имети всегда счастье, победу такожде, к сему же и воздаяние. Бог же превышний соблюдает твое царство, зане оградою ‖ есть всему христианству. Тем же, л. 1 об.
великий царь, пред тобою вся силы изчезают. Аще Авенгаддад [б], той сильной царь ассирийской, Дафан град осадил со силою великою, однакожде округ неприятеля стоит еще сильнейшая стража, кий град тот бронит, небесныя ж воины огненныя и страшныя. Тем же пророк Елисей может рабу изрещи: «почто боишися человеческия силы, их же зде больши есть с нами, нежели с ними?» — И твои, о царю, ограждены пределы для неприятелей огненными ангельми, иже [5] крепко стерегут царского твоего дому. Зри, великий царю: зде ти, ей, изъяснится

[а] *Испр. из* дана *АЩФ.* [б] *Испр. из* ивен гадат *АЩФ.*

---

[1] кисму *Ф.* [2] *Проп. Щ.* [3] но *Щ.* [4] Христова *Щ.* [5] их же *Щ.*

в комедии сие, объявляя, како Бог наш чюдесно в странной земли хранит благочестиво и безопасно и как пременяет печаль зелную в счастье, что токмо скорбь пребысть во окомгновении,
л. 2 брань творяще || со врагом. По сем же благощастно [6], о всесилный царю, начало есть всем монархом||[в].

л. 3

[г] ПЕРВАГО ДЕЙСТВА СЕНЬ ПЕРВАЯ [7]

Навуходоносор, Мемухан, Моав, Аммон, Нееман, Корей, Лапидоф, четыре протазанщики, четыре спалники.

Навуходоносор

Что, [8] мои вы [8] советники верныя! Како великодушие мое сие объяти [9] может! Быстрая река Тигр [д]киванием руки [е]моей [ж]точию установитися должна; Евфрат возбуряет гордыя своя волны по желанию моему даже до облак самых и паки повелением моим низлагает оныя ко [10] утишению; и самая Адосон река, богатством исполненая, в ней же черныя индиане купаются, [11] принужденна ми [11] дань от своего золотого пес-
л. 3 об. ку подавати. Великая Асирия || такожде вящшим себе быти вменяет счастием в подданстве у мене пребывати; храбрый Персид страшится и слушает заповеди моя [12]. И сам дерзновенный медский царь еще и ныне пред великим именованием [13] моим вострепещет, зане мимошедшаго году увиде, яко крепкия и толстыя [14] столного его царского Екваваниса града стены от дыхания моего движашася и воздражаша. Что же ми рещи? Самое солнце, к нему же аще и молюся, избледнеет, егда ему жертву приношу, подобием аки усрамлену, сущу, что сицевый вельможа перед оным усмиряется. Токмо сей нищетный
л. 4 род, полевыя мыши, иже в Киликии [15]||, в Дамасце, в Ливане, в Кармелии и в Кидаре обитают, множае же и иный самоволный народ, иже не вем на какова [16] уповает Бога, живущ тое страны Иордана в Галилеи, в Самарии и во Июдеи, окрест Иерусалима, скифетр мой лобызати не хощет, но дерзает послов моих со уничижением воспять посылати. О Навуходоносоре! низвержи

[в] *л. 2 об. чистый А.* [г] *Отсюда до л. 25 почерк II.* [д-ж] *Вставл. на полях А*; *в тексте* омаванием моим *АЩФ.* [е] *Конец слова обрезан при переплете А.*

---

[6] благочестно *Щ.* [7] *Доб.* явление 1 *Щ.* [8-8] мы и вы *Щ.* [9] объявити *Щ.* [10] по *Ф.* [11-11] при нужде и нами *Щ.* [12] твоя *Ф.* [13] имением *Ф.* [14] только святыя *Ф.* [15] Кипии *Щ.* [16] никакова *Ф.*

Список русских актеров к постановке пьесы «Иудифь». Фрагмент рукописи (70-е годы XVII в.).

либо скифетр свой к ногам сего презрителнейшаго народа, или исторгни мечь ко отмщению над теми псами. Вы же, советники, что глаголете?

Мемухан

Что же, о царю, много и глаголати? Не точию те народы,
л. 4 об. их же ты, ‖ всесилнейший монархо[17], именовал еси, но и вельми множайшия, их же нарещи несть возможно и коих солнце[18] едва знает, персть полизуют ног твоих. Таков же паки безпохвалный народ точию, между горами живущий и во вертепех храняющийся, имать словеси твоему противлятися? Ни, царю! Примися за оружие — инако, что сицевый безпочтенный народ тя презирати может, болшим было б поношением, нежели честь, что над толико множеством народов победоносцем был еси.

Моав[3]

Ей, истинно, ибо твоему могутству что б пользовало, аще
л. 5 б безсравненная сила твоя ‖ и всю вселенную воздвигла[19], когда бы то к самому твоему царскому поруганию приходило? Тем же имеет ли того ради превеликое имя твое всему миру проявленно быти, дабы токмо единое мира всего гнездо, гнездо, безсмысленными людми исполненное, оное умалити и твою победоносную честь низвергати имело? Ей, казни то достойно!

Аммон

Достойно казни, отомщения и правды. Токмо присоветую, дабы ваше величество того пустыннического народу и свой гнев сь яростию сице достойным не почитал, да они б тем славу не получили, яко сицеваго возмогли удобно смутити монарха[20];
л. 5 об. но и паче ‖ со смехом да их казниши, ничто же бо воздвигает льва от своего покоища, аще и пес мимо побежит. И хотя б тот безумной скот возхотел спящаго лва за уши терзати, однако же лев, о том не радив, токмо лапу свою протянув, пса сице во сне точию и дерзость его казнит. Тем же, о можнейший царю, искуси их точию со смехом воевати: аще они воинов твоих презирати возмогут, яко послом твоим наругалися? Истинно же ти глаголю, что паче прохладную[21] игру, нежели кровавую войну доволными очима узриши.

---

[3] *Вставл. на полях, текст реплики слит с репликой Мемухана Щ.*

---

[17] монахом *Ф.* [18] нарещи *Ф.* [19] подвигла *Ф.* [20] монаха *Ф.* [21] похвалную *Ф.*

Н е е м а н

Велеможнейший монарх [22]! Аще ми, покорственнейшему рабу твоему, такожде слово к сему изрещи долженствует, тогда прежде ‖ смиренно о свободе и милостивом поволении молю, *л. 6* дабы безо всякого опаства, не досадив твоего величества, и без зломнителства некоего предвступления [23] пред сими премудрыми советники глаголати могл.

Н а в у х о д о н о с о р

Како ни, советниче [24] мой [25] верный Неемане [25]? Глаголи свободно и безопасно, еже хощеши, зане аз не точию знаю твое благоразумие, но и [26] верное сердце твое, еже царству моему никогда же еще иное, точию вся благая радело есть. Убо чесо ради седиши на сем месте, точию да советником ми будеши и, еже к делу, прислушаеши [и]? И ты по тому же, яко и инии, [27] да говориши [27]; инако бы [28] когда бы ми еси хотел ‖ со *л. 6 об.* молчанием служити, тогда б то возмогл и стул, на нем же седиши, исполнити.

Н е е м а н

Благо, всемилостивый государь царь, глаголю же тогда. Подобает мечу обоюду добре изострену быти, аще им обнадежно [29] резати кто похощет; сице достоит и [30] к войне не токмо начало, но и [31] совершение оной добре разсудити, аще искусно быти имать. Ибо что же удобнее есть, яко огнь зажигати, но что же и труднее, яко тот же паки утушити [32]? И твоему могутству зело удобно будет великую силу войска из сей равной земли извести, но тяжко оное чрез безпутныя ‖ идумей- *л. 7* ския горы провести; еще же труднее утружденное войско в целости паки на прежнее место к смотру поставити и всякого воина [33] особно в свое паки жилище [34] для упокоения [35] устроити. Что же тя, великий миропобедитель, к той ярости против того нищего народу принуждает? Несть бо честь множае народов преодолети, зане вси малые короли победоноснаго радостнаго торжества твоего недостойни. Ни же в [36] том похоть есть царство свое распространити, ибо ти мощно есть сице их

[и] *Испр. из* прислушает *АЩФ.*

---

[22] монах *Ф.* [23] представления *Ф.* [24] советник *Ф.* [25–25] Неемане верный *Ф.* [26] *Нет Щ.* [27–27] договориши *Ф.* [28] бо *ЩФ.* [29] обнадешко *Щ.* [30] *Нет Щ.* [31] *Нет Щ.* [32] утушати *Ф.* [33] войска *Ф.* [34] *Доб.* ввести *Щ.* [35] упоения *Щ.* [36] о *Щ.*

удобь лишитися, яко орел никоего ластовичнаго гнезда не потребует. Аще ли поношения ради, что они твое прирожденное ‖ владение возгордили? Но и в том студ вящший на них самех пребывает, нежели чтоб сие тя и мало безчестити могло. Аще дивия звери паче зайца в царя себе имети хотят, неже великодушного льва, тогда бо сами тем посрамляютца. Не хотят ли тогда и сия несмысленныя дикия [37], или горные, козы и сурики тое честь и благополучие восприяти, дабы сицевой мира сего монарха, каков еси ты, ими владети и защищати их имел, — и они да возложат на болшую главу, яже между сими безразумными главы обретаетца, коруну и назовут ею своим царем: стыдение на них самех да будет и пребудет, ‖ ты же пребываеши Навуходоносор.

л. 7 об.
л. 8

Навуходоносор

Истинно, яко Навуходоносором [38] пребываю. Но веси добре и сие, советниче мой, что яко Навуходоносор величествием доволен есть сицеваго народу ни во что почитати, тако и вельми паче преизлишно величайший есть от таковых псов не обезчестен быти.

Корей

Сие же есть, о чем и аз помышляю, царю ты всех царей! Кому бо не известно, что единая точию муха предражайшее [39] благоуханное миро смердящим сотворити может? Кто же тогда ‖ о том и сумневатися учнет, что и те идумейския прузи твой несравненной венец аще не огрызати, однакожде осквернити б не возмогли? Тем же сие им возбраняти достоит, донеле же оным еще болшой рой во след не наступит[к] : ибо которой изменник или мятежник по сем, зря на сей образец, не учинился бы такожде упорственным, рекуще: «Что же Навуходоносор в Киликии [40], в Самарии и в Галилеи живущим сотворити [41] могл, иже заповеди его возгордеша?» О [42]! Истинно, не имать ли [43] царь о сицевом поношении смущатися? Буди же им тако: ‖ да останешися в дому, да яси, да пиеши, опочиваеши и свой царской прохлад употребляеши; но мы же, раби твои, прежде упокоитися не желаем, дондеже за сицевое непослушание достойную воздамы мзду и кровию оное истребим.

л. 8 об.
л. 9

[к] *Проп., оставлено место в ркп. Щ.*

---

[37] дисине *Ф.* [38] Навуходоносор *Щ.* [39] предражайшая *Щ.* [40] *Доб.* и *Щ.* [41] *Нет Ф.* [42] а *Щ.* [43] *Нет Ф.*

Лапидоф

Ей, дерзостно, дерзостно[44] наступайте на них! Иже бо в таковом деле, еже о цареву честь, ружья своего не помышляет во Иерусалиме кровию украсити, той не достоин, яко честный воин, от неприятелского меча живот свой положити, но велми паче пси[45] отца его в Ниниве на торжище || кровь его да л. 9 об. полижут. Кто убо весть, чего для бози, иже однакожде царю нашему в совете их место дати должни, сие допустили, что таковой ни к чему ж угодной, нищетной народ[46] слову и повелению его противлятися дерзают? Не тоя ли ради вины содеяся, да бози тем ему пространнейший путь к вящшей чести изьявляти благоизволяют? Ибо царя нашего мечь изрядно кровию всех народов земных очервлен, лишен[л] точию еще жидовския крови[л]. Подобно убо яко венец его не доволно бы украшен бяше, егда бы в нем токмо един драгой камень не был, тем же обычаем и победителный || мечь его[47] доволно не украшен, донеле же жидовския крови лишается. Дерзай, наступай, непобедимый л. 10 Навуходоносор! Не остави ни единое же место всея вселенныя, иже либо скифетр твой не лобзает, или меча твоего не осязает. Принуждай всенародие[48], да исповедуют, яко ты[49] един еси[49] бог земный.

Навуходоносор

Тако да и збудется, и сие есть совершение целомудрого совета вашего. Аз сам скифетр сей на тысящу частей сокрушу или отомщуся над сими псами. Лапидоф! Иди немешкотно к моему великому воинскому воеводе, к Олоферну, объявляя || л. 10 об. ему, да все помышление его будет к войне и ко кроворазлитию, и еще днесь ко мне в тайную мою комнату да приидет, идеже сам аз ему повеление мое объявлю[50,51,м] (*Зде вострубят.*)[м,51]. Уже трубят[52] к столу. Востаните, советники, и вослед мене идите, у стола множае о сем да поговорим.

[л–л] *Вставл. над строкой А.* [м–м] *На полях А; в конце реплики Навуходоносора Ф.*

---

[44] *Нет Щ.* [45] вси *Ф.* [46] *Доб.* и *Щ.* [47] *Нет Ф.* [48] всенародне *Щ.* [49–49] еси един *Ф.* [50] объявляю *Щ.* [51–51] *Нет Щ.* [52] вострубят *Щ.*

I-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я[53]

Сисера, Мосоллом, Сомнас, Сусаким.

Сисера

Истинно же, товарыще[54]: яко вода не текущая, но тихо ||
л. 11 стоящая смрадный дух скоро приемлет, тако и аз сам себе аки бы смердящим быти мню, что толь долгое время дома без дела пролежати принужден был. Но ныне, когда служба военная во иудейскую землю пойти сказано, тогда кровь моя аки бы уже на стенах иерусалимских возыграет.

Мосоллом

Мне же, брате, якобы сердце мое напередь возлетети хощет; досадно бо ми есть еще так долго, покамест войско конечно двигнется, ждати. Аз желал бых, дабы воутрее всем воинским людем смотр учинился. ||

л. 11 об. Сисера

Уже то не долго, мню, продлится. Знаю бо воеводу нашего Олоферна добре, яко ему зде уже, в Ниневе, десять нощей не пребыти. Таков бодр сей обретается великодушный воин, что ми и несть вестно, аще воинское сердце его множайшее в храбрости своей, или наипаче в скорости счастия имеет.

Мосоллом

Воистинну храбр он в скорости и скор во храбрости, к сему же благодатен есть и щедр к подручным воином своим. Мню, яко во видении уже[55] видети могу, како он[56] венчалныя главы к ногам своим низлагати, клейноты же их к нам прики- ||
л. 12 дати учнет.

Сисера

Что[57] клейноты? Еще аз уповаю два полные купецкие дворы в Дамасце граде себе в свойство получити.

Сомнас

Что[58] же нам убогим будет?

Сисера

Вы же, воины, подражайте предводителю вашему. Аз бо вас обнадеживаю, яко ныне из Асирии ходите, ничто же с собою, разве соль да пшено, несуще, но паки возвратитеся воспять златом и сребром обогащени. ||

---

[53] *Доб.* явление 2 *Щ.* [54] товарыщи *Щ.* [55] иже *Щ.* [56] *Нет* *Щ.* [57] то *Щ.* [58] То *Щ.*

Сусаким л. 12 об.

Но, благородный господине капитане, мочно ли ми нечто вопросити?

Сисера

Скажи, что же?

Сусаким

Сказывают, что жиды свиного мяса не ядят?

Сисера

Но тебе же что к тому?

Сусаким

Тогда и нам свиных жарин [59] и калбас не будет?

Сисера[60]

О великая свинья сам! Тогда бы лучше свиную жарину, нежели косяк бархату, ‖ и паче колбасу, нежели золотую л. 13
чеп [61] в корысть себе добывати хотел? Пойди, стыдися!

Сомнас

О! ни! Аз бых свиней не коснулся, но красную деву во изрядном одеянии взял бых.

Мосоллом

Что [62] же бы с нею хотел сотворити?

Сомнас

Одежду от нея взяв, про себя бых держал, но деву моему милостивому господину капитану дарил бых. ‖

Мосоллом[63] л. 13 об.

Но то бы еще праведное деление [64] было.

[65] (*Зде приходит Селум*) [65]

Селум[н]

Капитаны и вси началники, салдаты и вси воинския люди! Послушайте велеможнейшаго воеводы нашего Олофернова повеления.

[н] *Доб.*; *нет в ркп. АЩФ.*

[59] жаринных *Ф.* [60] *Нет Щ.* [61] *Нет Щ.* [62] то *Щ.* [63] *Доб.* зде приходит Селум *ЩФ.* [64] делание *Щ.* [65–65] *Нет ЩФ.*

(*Бьет на барабане и кличь чинит.*)

Утре в первом часу дни все на Марсово, пред царскими враты сущее, место да соберитесь, и всяк с [66] своим ружьем под знамя свое да ставится. Воевода хощет сам генералной смотр учинити. Дерзайте, дерзайте ко нарочитой войне! Живи, Навуходоносор!

Мосоллом

л. 14 Слыши, товарыще! Тамо || слышим желания нашего. Барабанщик! Зри, приими ефимок за тое радостную весть.

Сисера

О светлая сабля! Радуйся сим вестям, зане вящшая ти честь в крови утупети, нежели во ржавчине. Прииди, брате, да днесь возрадуемся и з женами нашими попрощаемся, воутрие бо ехать будет прочь, прочь! Минувшу же году, хто весть, будет ли зде кожа наша или хотя и [67] волос? ||

л. 14 об.

I-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я [68]

Навуходоносор, Моав, Лапидоф, Олоферн, Ахиор глаголют, Мемухан, Аммон, Неман, Корей молчат.

Навуходоносор

Пойди же, верный мой воине! Пойди, Олоферн! Буди же избавитель чести моея! Но возвратися паки, дондеже венчалныя главы тех мятещиков ко мне приведеши. Пойди же, навуходоносорово [69] счастие тя да проводит. ||

л. 15

Олоферн

Велеможнейший монарх, его же милостию токмо аз живу, безь его ж паки повеления весма мертв есмь! Пресилнейшее слово твое, еже ныне на мя возлагаеш, воскрешает мя воистинну паки из мертвых. Доколе олофернов меч на стене висит, дотоле и живот его на стене висящ пребывает. Но егда ему [70] возможно меч свой в теплой крови напоити, тогда и бывшей [71] мертвостуденой [72] живот его паки возгревается. Истинно же Олоферн по нынешнее число меж жидами мертв пребываше.||
л. 15 об. Кто бо [73] его тамо познаше? Или кто его имяноваше? Или кто о нем что проведал есть? Но ныне, аще бози живут истинно, и тамо воскреснути имать. Великий государь! Аще ми то болезнует, что твоя честь от сицевых недостойных псов рушена бысть, обаче же сподобляюся тем великое счастие изобрести,

---

[66] *Нет Щ.* [67] *Нет Щ.* [68] *Доб.* явлени 3 *Щ.* [69] *Доб.* тя *Щ.* [70] *Нет Щ.* [71] пребывшей *Щ.* [72] мертвой студеной *Щ.* [73] бы *Щ.*

тебе верность мою в посреди кровавого мира изъяснити и честь твою, яже прежде сего инако умножатися не возможе, сим новым изобретением и средствием возвеличати. Аз убо || доведу, как драгоценна великаго Навуходоносора честь является: никакия сильныя крепости, никакия[о] непобедимыя грады, никакия толстыя стены, ни высокия столпы, ниже воистинну и тысящи златыя со всего света сущими драгими каменьми осажденныя царския венцы не возмогут оную окупити и удоволство за ню учинити, кроме Иордана, Амана и Фарфара, и вся потоки и рвы, в тех землях обретающиися, исполненныя человеческою кровию. || *л. 16*

л. 16 об.

Навуходоносор

Ей, Олоферн! Истинно же ти сие возлюбитися[п] может[74], что аз ти превысочайшее сокровище мое, его же множее живота моего почитаю и никоею вселенною окупити не мочно, имянно же честь мою поверяю; того же ради прилежно смотри, да служение свое над сицевым сокровищем достойно исполниши. Но чтоб еси всему миру[р] явно показати могл, яко не точию моим повелением, но и весма лицем моим ходиш, се тогда дарствую тя моим мечем, его же силная моя мышца самая носила в то время, во еже извоевах Арфаксада, царя || медского, на поли, *л. 17* еже имянуется Рагав, прежде бывшаго Ериоха, царя еликорска. Той мечь во всех походех твоих да носят пред тобою, да очи[75] силою моею возгорятся, и сердце твое к храбрости возбудится; тем же достоит ти, да употребляеши во всех бранех сей, а не иной мечь сам: тогда бо счастие мое к тебе пристанет и победителем тя сподобит.

Олоферн

Кого же, о непобедимый царю, такая превысокая милость к смелости б не привела? Мышца моя прежние храбрости посрамится, когда ныне мечь самого Навуходоносора || носити *л. 17 об.* имать. Но обаче же вся слава, по достоинству, Навуходоносорова пребудет тако истинно, яко свойственной[76] мечь его в руце моей народы подклонит. Токмо опасаюсь, дабы рука моя чрезъизлишно дерзостна[с] не была, чесо ради молю, да ты, пресилнейший повелитель, ми намерение узакониш, коль далече ми сечь, убивати[77] и разоряти[78].

[о] *Испр.*; *в ркп.* никия *А.* [п] *Испр.*; *в ркп.* возлюбити *АЩФ.* [р] *В ркп. на полях* свету *А.* [с] *Испр.*; *в ркп.* дерзостно *АЩФ.*

---

[74] можешь *Ф.* [75] *Доб.* твои *ЩФ.* [76] свойственно *Щ.* [77] убавити *Ф.* [78] разорити *Ф.*

Навуходоносор

Тот же самой мечь, иже еще от медские крови влажден, об-
разец ти покажет. Яко во Арфаксадовые и всех его присовокуп-
ленных народов крови без милосердия уязвился бе, тако и
л. 18 ныне да уязвится в кровь пре || зрителев моих.

Ахиор

Велеможнейший царю всех царей! Возможно ли твоему смиреннейшему рабу едино точию словцо со всяким уклонением изрещи?

Навуходоносор

Слышу, Ахиор, мой верный ты воевода над амонейским тебе подручным войском!

Ахиор

Всемилостивейший [79] царь государь [79]! Изобретаются два
столпа, ими же не точию коиждо царство, но и вся вселенная
л. 18 утверждена есть и содержится. То || есть правда и милосердие.
об. Един же другому долженствует воспомогательство творити,
ниже ов другаго отринути: похотящему же выну праведным
быти, царство скоро изпустошеет и подданных лишится; паки
же, присно токмо милосердием сущу, всенародие учнут влад-
ствовати [80], царю же нужда боятися. Убо милосердие содер-
жит весь мир во изобилии, правда же его держит в воздержании.
Тем ж и аз мню, великий монарх, и совещаю [81] лутче сему [82]
быти, яко правда и милосердие клеврети да будут Олоферну,
и с ним же они купно нас управят. Аще ли же всех людей
л. 19 посечем, || умертвим и в крови потопим, тогда ты, великий
Навуходоносор, будеш множайших земель, но не множайших
людей царем; получиши великие, но без подданных пустоши.
Аще же дадим просящим милосердие, тогда те, иже тя ныне
и презреша, по сем со вящшим страхом и со смирением ти
воздадут достойную честь. Возможем [83], правда, умерщвляти,
но никоего мертвеца к службе твоей паки воскресити. А их
же живых оставим, можем оных к службе твоей правдою [84]
принудити и потом милосердием их к тому удобно приучити [85]. ||

т *Испр. по ЩФ; в ркп.* долждствует *А.*

[79–79] государь царь *Ф.* [80] вдовствовати *Щ.* [81] совещают *Щ.* [82] суть *Щ.* [83] возможет *Ф.* [84] и правдою *Щ*; *Нет Ф.* [85] прилучити *Щ.*

Навуходоносор л. 19 об.

Истинно, Ахиор, благо ты рекл еси. Вы же, советники, что о сем непщуете? Что глаголете?

Моав

Ей, истинно, всемилостивый царь государь! Праведно Ахиор сказа, ибо в начале было бы то жалобно и недостойно, когда бы убогим безвинным подданным то терпети, что упорные [86] правители их [86] погрешили. К сему же те в живых осталные люди изряднее преизящные твои деяния наследником своим розглашати, нежели пустые грады и стены, пепел и камение сие сотворити ‖ возмогут. л. 20

Лапидоф

И победы твои, о великий Навуходоносор, вельми изряднейшие будут в твоих землях, когда Олоферн венчалные главы со толико тысящ похвалными вои, живых в плену имущих, повсюду с собою повезет и по сем конечно семо в Нинив град, возрадуяся, припроводит. Великое же тогда и презелное победы тоя таковаго царя достоинства годного восприятие и стретение будет, множае лутче, нежели бы мертвые недруги в [87] своей истой крови на идумейских полях остались, и храбрость наша ‖ купно с ними бы истлела. л. 20 об.

Навуходоносор

Ей, то истинно. Сверъх же сего мню, что казнь над теми мятежщики зело тяжчайшая будет, егда в плену и в поношении живы пребудут, нежели да с честию живота лишатся. Двигнися тогда, Олоферн! Пойди и посети всех тех несмысленных народов, иже к западу обитают и повеления моя презирают. Посети же их не яко приветливый посол, но яко судья и мститель самоволства их. Той убо народ, иже твоему токмо помаванию[у, 88] противлятися учнет, ‖ тех убо весма да искорениши, ниже единого в той земле не оставиши и [89] иже [90] к стене мочится. Но тем царем, иже мечь мой лобзают и милосердия желают, даси живот, обаче [91] же тако, да при возврате твоем яко доброволные пленники купно тебе последствуют, да мое победоносное радостное торжество не токмо украшают, но и зде к ногам моим да ниц положатся и моими неволниками нарицаются. Пойди тогда! Навуходоносорова благодать, счастие его тя проводит! л. 21

[у] *В ркп. на полях* киванию рукою *А*.

[86–86] правителных *Щ*. [87] *Нет Щ*. [88] киванию рукою *Щ*. [89] *Нет ЩФ*. [90] ниже *Щ*. [91] оба *Щ*.

[92,ф] (*Зде царь скифетр* [93] *на главу Олоферна кладет.*) [ф,94]‖

л. 21 об. Олоферн

(*на колена припадает и говорит:*)

Живи, царю всех царей! Живи, Навуходоносор! Вси же врази твои персть [95] от ног твоих да полижут!

Вси

Царь благо да живет! Царь благо да живет! Да благо живет великий Навуходоносор!

I-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 4-я [96]

Олоферн, Ахиор, Сисера, Мелех, Месулла.

(*Одид носит мечь пред Олоферном.*) ‖

л. 22 Олоферн

Изрядные вы воины, верные вы мои началники, им же аз ныне живот мой и иже ми паки счастие свое вручили! Пойдите с силным войском тем, великого Навуходоносора добрым строением, в намеренной путь. Как скоро аз из царской казны злата и денег довольно вам и всему войску моему восприиму, абие вам вослед пойду. Дайте ж ми тогда ныне роспись всего войска, еже ми водити вручено. Колико пехоты, конниц и стрельцов есть? ‖

л. 22 об. Сисера

Великий воевода! Зри, зде у мене есть роспись всего войска, тако, яко вчерашняго дни оное смотрено.

Олоферн

Чти ю предо мною, Сисера!

Сисера

Асирийской пехоты есть 50000[х] человек, медские изрядные пехоты 34500[ц] человек, [ч]аммонейские, юже Ахиор водит,

---

[ф-ф] *В ркп. на полях справа, часть текста срезана при переплете А.* [х] *Пустое место в ркп. Ф.* [ц] *Пустое место в ркп. Ф.* [ч-щ] *Пустое место в ркп. Щ.*

[92-94] *Нет Щ.* [93] кафстр *Ф.* [95] перстен *Щ.* [96] *Доб.* явление 4 *Щ.*

есть 13500[ш] человек [щ]; аз [97] веду наемные пехоты 22000[ъ] человек.

Олоферн

Колико же будет [98] в числе [98] всей || пехоты? *л. 23*

Сисера

Всего будет в числе 120000[ы] человек, междо ими же ни един обрящется, иже бы не искусен [99] и силен был супротиво трем человеком [100] устоятися.

Олоферн

Истинно, то зело изрядное войско. С ним бы возможно и новой свет преодолети.

Ахиор

Ей, такое войско доброму воину великое сердце подает, ныне бо конечное получим счастие: или великая сия сила всех устрашит, и тако сподобимся господами и повелительми быти; или то страшное войско все в крови умертвит, тогда однако ж победителми будем, яко вся преодолели есмы. Но обаче сие [II,1] в руках божиих, како они устроити [1] то благоизволят. ||

Олоферн *л. 23 об.*

И бози не могут Навуходоносора отринути. Колико же в собрании конниц и стрелцов?

Мелех

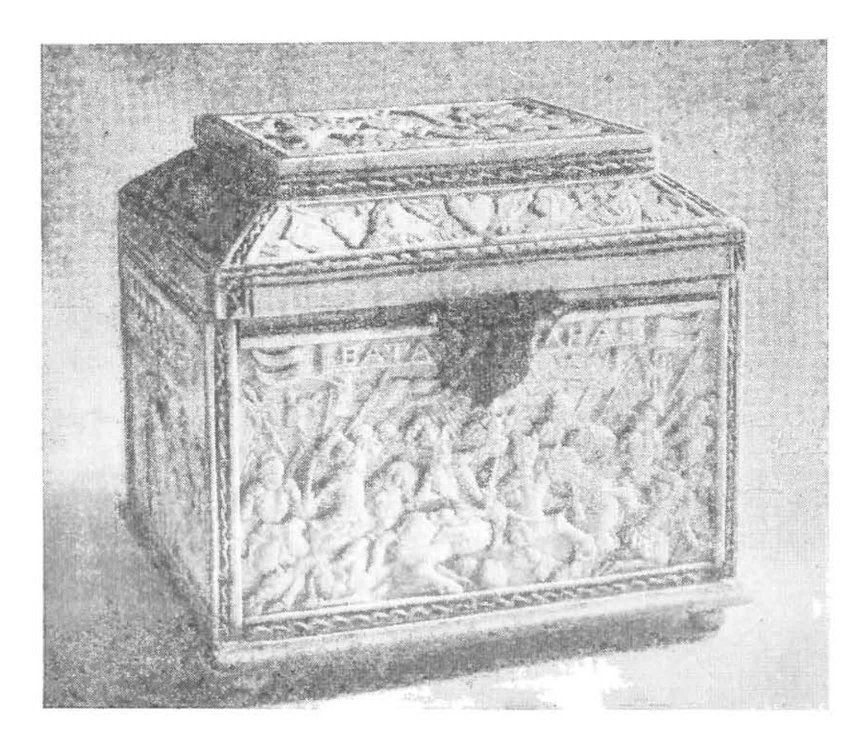
Великий воевода! Аз под моим имею началом 7600[ь] человек парфянских храбрых конниц, да 4400[э] человек мидянских избранных воинских людей, воистинно таковых, из них же[2] всяк добре искусен сам таким [2] войском [3] владети. К сему же и кийждо усердствует сицевому гетману, яко ты, о прехрабрий Олоферн, еси, последствовати.

[ш] *Пустое место в ркп. Ф.* [ъ] *Пустое место в ркп. Ф.* [ы] *Пустое место в ркп. Ф.* [ь] *Пустое место в ркп. Ф.* [э] *Пустое место в ркп. Ф.*

---

[97] а *Щ.* [98–98] *Нет Ф.* [99] испужен *Щ.* [100] человек *Щ.*

[II, 1–1] *Нет Ф.* [2–2] *Нет Щ.* [3] войско *Щ.*

Ларец с изображением эпизодов из библейской «Книги Иудифи», первая половина XVIII в. Собрание академика Б. А. Рыбакова

Олоферн

Тогда конных в собрании 12000[ю] человек обретается?

Мелех[я]

12000[II, а] их в числе есть, милостивый воевода!

Олоферн[б]

Ей, ужасаюся такова[4] войска в поли узрети: земля, на ней
л. 24 же стою, подо мною ‖ воспаляет. Нужда ж ми есть[5] итти и все

[ю] *Пустое место в ркп. Ф.* [я] *Доб. и зач.* Олоферн *Щ.*
[II, а] *Пустое место в ркп. Ф.* [б] *Вставл. на полях, текст реплики слит с репликой Мелеха Щ.*

[4] тако *Ф.* [5] яты *Щ.*

лучшия и потребнейшия воинския припасы, то есть множество злата и сребра, ис царские казны взимати, ибо без денег никая [6] охота ниже у единого взыскуется. Поидите же вы, верные началники, впредь меня и ведите войско благо, емлите с[7] собою скотов, волов, стада же овчая и вельблюдов по цареву узаконенному указу и колико вам требно будет. Жито же и всякая пища, яко уже повелением моим устроих, имеет вам из Сирии изобилно последствовати. Будите благодушни и войско увеселите, донде же аз их сам прибытием моим множае возрадую.

Мосоллом

Благо! Благополучно буди начало повеления твоего! ||

Мелех л. 24 об.

О Олоферн! Твоим счастьем днесь да рушимся!

Сисера

Иди же благо, Олоферн, обаче не без нас.

Ахиор

Войско благо да идет, обаче же не без тебе.

Олоферн

Пойдите благо вы, храбрые вои [8], их же в трех днях паки поздравляти желаю, или ми лутче в мире не жити. ||

[9,в] II-го ДЕЙСТВА сень I-я[10] л. 25

Иоаким, Садок, Мелхия.

Иоаким

О Боже, коль печалные времена дожихом, бедные мы люди! Коль лютые вести приходят ныне из-за рубежей наших! Все писма, все вестники, все путешественники и странники, иже ныне в 4-х месяцех из Июдеи пришли, вещают нам ничто же иное, разве о пленении, о пожаре, убивстве и о [12] крoвoразлитии [13], еже той лютой мучитель Олоферн, воиноначалник || царя Навуходоносора, с своим силным [14] войском содевает [15]. л. 25 об.

[в] *Отсюда до л. 43 почерк III А.*

[6] никакая *Ф.* [7] *Нет Щ.* [8] воины *Ф.* [9] *Отсюда начинается текст У.* [10] *Доб.* явление 5 *Щ*; *Доб.* Комедия Олофернова *У.* [11–14] *Нет У.* [12] *Нет Щ.* [13] крови разлити *Щ.* [15] *Нет ЩУ*; *доб.* со всеи *ЩУ.*

Садок[16]

Ей, страшно и ужасно, еже о нем глаголетца. И слышно[17]: все [18] Киликийские страны объиде, и не точию все [18] крепкие грады, но и села их взя [19]. Славный Мелофиль [20] град супротивитися ему не возможе, разруши же Фарсис [21], град богат зело, и поби вси сыны [22] исмаили, иже [23] живяху противу лица пустыни и к югу земли Хеллон, острею [24] меча. И их же
л. 26 абие не умертви, тех он для болезненной [25] неволи || живых остави. О Боже! Коль далеко еще тому свирепому [26] мечю снедати? [26]

[27] Мелхия

Ей, паче о сим повесть твори, как уже блиско предел наших люто разоряет. Киликиские страны еще отчасти [28] от нас далече отстоят, но Мадиамская земля к нам ближе, идеже вся исплени и поби, яже обрете. Дамаск еще ближе нас, где ему мало бысть в крови человеческие свирепствовати, но и плоды земные, то есть жито — огню, плодоносные древеса — секирам, виногради же косам их предано есть. Сице он во
л. 26 об. всех, блиско || к нам сущих, землях люто соделал, яко уже нам и мнится, что зде во Июдеи пожар той обоняти и вопль пленников слышети можем [29]. Ей, кровь мертвых, кажетца, яко уже в потоках наших плавает.

Иоаким

Что же тогда вяще нам ждати, токмо да прямо чрез пределы наши скочит и во сне, без опаства нашего, нас убиет и горше нас почтет, нежели всех иных язык?

Мелхия

л. 27 Он же сам языческого есть роду, || а однакожде языческих не почитает богов. О Боже! Колико меньши он святыню нашу и храм наш пощадит! [30]

Иоаким

[31] Что? Пощадит! Храм наш иерусалимъский, украшения и богатства ради, от злата и сребра, во всей вселенней прославен есть сице, яко и все мечети убогими домами против его вменяются. Не разумеете ли, что он о сем и во сне помышляет, как

---

[16] *Нет У.* [17] слишно *У.* [18–18] *Нет ЩУ.* [19] вся *ЩУ.* [20] Сиелофин *ЩУ.* [21] Фареис *Щ*; Фараис *У.* [22] *Доб.* их *У.* [23] *Нет У.* [24] острее *ЩУ.* [25] *Доб.* и *У.* [26–26] *Нет ЩУ.* [27–30] *Нет У.* [28] *Доб.* ти *Щ.* [29] возможем *Щ.* [31–33] *Нет У.*

бы тое церков ограбити и богатство[32] из нея[32] получити[33] возмогл[34]?

Садок[35]

Боже отец наших! Николи же да[36] || допустиши святая Твоя от необрезаных языков осквернити, ниже люди Твоя да даны будут им на поругание! *л. 27 об.*

Иоаким

[37] Тако, возлюбленная чада моя, Господу Богу смиренным сердцем и покаянием да помолимся, и получим милосердие. Между же[38] сим достоит нам не закосневати, или спати, но недругу предварити и всякие промышленные средствия взыскати, ибо никакие Бог прежде не действует чюдеса, разве когда всех человеческих промыслов уж[39] не станет.[40] ||

Садок[41] *л. 28*

Но что же нам советуешь, отче святый, что же нам творити?

[42] Иоаким

Вы старейшие мира есте, идите тогда и обьявите совет мой судии вашему и правителем[43], и всем вобще старейшим, да абие[44] пошлют во всю Самарию окрест даже до Ерихона, и да облягут вси верси[45] гор, и[46] оградят стенами отпертыя села и всякие запасы да собирают, яже к войне требна суть.

Мелхия

Воистинно зелная сия исполнити нужда есть, и самое естество учит такожде и малейшаго червия, аще и совершенно не возможет сопротив || лятися, однако ж пред супостатом своим хотя да сожмется[47]. *л. 28 об.*

Иоаким

[48] Сверх сего напишем и[49] ко всем обитающим противу Ездролона, иже есть против поля великого близ Дотаим, и ко всем, идеже недруг можаше пройти, да все каменные горы и пути междо горами ко Иерусалиму крепко стражею осадят. Не[50] обретшу же соколу прилету, безопасна в пещере своей пребывает[51] горлица.

[32–32] нынея *Щ*. [33] *Доб.* не настанет *У*. [34] возмог *ЩУ*. [35] *Нет У*. [36] *Нет Ф*. [37–39] *Нет У*. [38] *Нет Ф*. [40] настанеш *У*. [41] *Нет У*. [42–47] *Нет У*. [43] справителем *Ф*. [44] обыя *Щ*. [45] верны *Щ*. [46] *Нет Щ*. [48–51] *Нет У*. [49] *Нет Щ*. [50] но *Щ*.

Садок[52]

Ей, когда порубежные соседи наши нам [53] пособствовати похотят, тогда великая нам [53] помощ и безопаство учинится. ‖

л. 29

[54] Иоаким

Несть им леть сие отказывать, зане самим вода ближае под уста приходит, нежели нам. Но Господь Бог лутши нас защититель и спаситель будет, к нему же со прилежанием возопием, и жены и дщери наши пред Ним смирятся [55] в посте и в молитве, священницы же и левиты возложат на ся вретища, и младенцы [56] в праху [56] да лежат на земли пред храмом господним. Ей, храм сам да тужит, и олтарь господень накрою вретищем, уповая, яко Бог возрит на наше смирение и умилосердится на ны [57].

Мелхия

[58] Ей, воистинно помолимся [59], рыдаем, воздыхаем, плачем, стонем [60] ‖ и возопием, не преставая, дондеже услышит [61] нас Господь.

л. 29 об.

Садок[62]

Он же покажет, яко силнейший есть паче всех богов язы ческих.

[63] Иоаким

Идите же того ради, творяще, еже вас увещевах. Целуйте ж от мя старейших и правителей [64] мира. Аз же пойду, всенародие к покаянию да увещеваю [65]. [66] Живите ж [66] благо, возлюбленные друзи! Бог вас да благословит!

Мелхия

Бог да [67] укрепит тя [67] к всемирному [68] утешению. ‖

[52] *Нет* *У*. [53–53] *Нет* *Ф*. [54–57] *Нет* *У*. [55] смотряся *Щ*. [56–56] враг *Щ*. [58–61] *Нет* *У*. [59] молимся *Щ*. [60] станем *Щ*. [61] *Доб*. на *У*. [62] *Нет* *У*. [63] *Отсюда прерывается текст* *У*. [64] справителей *Ф*. [65] увещевают *Щ*. [66–66] живи тоже *Щ*. [67–67] укрепится *Ф*. [68] всему мирному *Щ* .

Олоферн, Сисера, Мелех, Одид, два протозанщики,[г] Савал, Фафнай [70], Фула, Регма, четыре послы [г]от Сирии [71], Месопотамии, Ливии, Опамеи.

Олоферн

Сей есть истинной путь, иже нас к добродетели ведет и [72] имяни нашего бесмертным сотворити может. Правда, что венцов лишенные цари и [73] связаные правители и велеможа ныне исповедают, яко Навуходоносор царем всех царей и государь всем государем есть; все разоренные мечети и сокрушенные идолы свидетельствуют ему единому богу быти, пред ним же вси иные бози || низпадати должны. Обаче же и разтерзанные стены, разрушенные столпы, ей, толико бесчисленных тысящ курганов зело по многих годех сказывати учнут, каков Олоферн воин прежде бысть. л. 30 об.

Сисера

Истинно же Навуходоносорово имя исполнено есть силою, Олоферново же счастием. Того ради и вся к доброму приходят совершению: все крепчайшие грады отверзают нам врата, и[74] иные места вручают нам ключи своя. К сему же вси владетели и князи стречают нас, восприемлюще, со вербами, со венцы и со свещами, воспевающе и веселящеся в тимпанех и в [75] свирелех. Иные же народы, на них же || еще и не помышляем, посылают к нам послов своих, моляще милосердия и мира. л. 31

Мелех[д]

И ныне, великий воеводо, четыре послы, то есть сириский, месопотамийский, ливиский и опумейский о [76] милостивом выслушании молят.

Олоферн[е]

[ж] Воведи их семо, научив оных, да абие в первом пришествии мечь Навуходоносоров лобзают во знамя подданства их.

[г—г] *В ркп. поставлено в квадратные скобки Щ.* [д] *Пустое место в ркп. Щ.* [е] *Вставл. другим почерком Щ.* [ж—и] *Реплики Мелеха и Олоферна слиты в одну; вычеркн.* Мелех. Олоферн.; *вставл. другим почерком* Сисера и Олоферн *Щ.*

---

[69] *Доб.* явлени 6 *Щ.* [70] Фувнай *Щ.* [71] Нери *Щ.* [72] *Нет Щ.* [73] *Нет Щ.* [74] *Нет Щ.* [75] *Нет Ф.* [76] *Нет Щ.*

Мелех

[3] Добро, милостивый господине![3] ||

л. 31 об.

Олоферн

Мню, яко бози гром свой в мечь Навуходоносора да молнию во очи мои вложили, зане вси предо мною сице устрашаются. Одид! Прииди семо. Егда ж внидут, тогда ты им мечь ко устам поднеси да прилежно смотри, чтоб со всяким смирением и с честию оной целовали во знамя подданства их. По сем же и венцы, яже обыкоша с собою приносити, да велиши им на меч возложити во знак победы моея [и].

Одид

Милостивый воеводо, се уже приходят. Лобзайте неодолеемый мечь великого Навуходоносора! Возложите на тот мечь
л. 32 венцы, исповедующе, || яко он облаадателем [77] вашим, государем и повелителем есть.

Олоферн

О варварский род от безразумных человек! Откуду приходиши семо? О чем предложение твое? Не тех ли такожде злодеев есте, иже великого царя моего божественное повеление презреша? Что глаголете? Како стоите, аки бы разрушитися хотяще?

[78] Савал

(*зде глаголет, дрожаще, яко бы ужаснувся*:) [78]

Всемилостивейший господине! Ты, силнейший победителю некогда непреодоленных народов! Ты, славо Новуходоносорова, страсе всеа вселенныя! Не стращай же вящи без того уже малодушных королей и [79] князей, иже и тако своего сра-
л. 32 об. мятца имянования || и благовольно венцы и правительные жезлы к ногам твоим низлагают. Аз посол есмь царя сирийска, сей послан из Месопотамии, третей послан из Ливии, последний же из Опамеи. Честь ти молим, сие да будет, яко царствия сия и земли прежде еще, нежели повелел им, и сие уже тебе повинуются. Чесо убо ради носиш с собою мечь силнейшаго царя вселенные? Хощеши бо им всенародие под его послушание

[3–3] *В ркп. поставлено в квадратные скобки Щ.*

[77] *Доб.* и *Щ.* [78–78] *Нет Щ*; *вставл. другим почерком* Послы. Савал *Щ.*
[79] *Нет Ф.*

привести. Мы же уже прежде, нежели тот мечь лобзахом, или нежели еще народ наш во очи его увиде, поклонилися есмы. К сему ж веждь, что не так безумные есмя, яко о нас непщуеши, понеже мы, яко разумные и мудрые человецы, || лутше сия вменяем и в преславное счастие почитаем великому л. 33
Навуходоносору служити и вь его [80] благодати жити, неже во гневе его умирати и тем ничто же получити, разве обдержания наша, люди вся, имения, жены со чады, ей,— еже множае есть,— и живот со всеми волностьми нашими погубити. Зри убо: зде вся лежат, яже именовах, у ног твоих с коруною, юже поныне царь сириский носил есть с такою мира славою, что той [81] венец никий еще монарха перстом единым осязати не возможе. Сам же ныне да разсудиш, || о премудрый княже, л. 3 об.
кая ти слава является, что оную ныне ногама своима попирати можеш?

Фуфнай

Велеможнейший воине! Ось, на ней же ныне вся вселенная обращатися должна, се зде лежит, и скифетр Месопотамийскаго царства, с ним же купно и всех земель грады, обдержания, горы, холми, нива, волы, стада овчая, козлы, кони, и велблюды, и вся, яже имамы, или вельми паче имели есми, ныне же твоя суть. Возхощеш ли зверей еще ловити, яже и самоволно || к тебе в сети прибегают? Или благоизволиш ли драгоцен- л. 34
ной бисер паче из моря изчерпнути, иже без меньших трудов сам ти на лоно сыплется? Что же множае желаеши, когда уже вся твоя суть? [82] Доволно ти [82] да будет, что мы самохотно твои раби и рабыни есмы, зане же бо сила твоя ничто же вящше истязати не может.

Фула

Такожде, благополучнейший княже и победителю, прибегает в послушание к тебе неосиленное еще Ливийское царство, еже весма темные и дикие пустыни вместо оборонных стен || и лютых зверей, лвов, рысей и леомпардов к воинской л. 34. об.
помощи себе имеет, чесо ради нас силою преодолети истинно же без зелных [83] трудов и [84] великого опаства не возможно будет. Тем же к подданству и к послушанию твоему нас подклонити ничто же ти вящи требно есть, точию да нам повелеваеши. Или аще и третее от нас произведати желаеши, да от твоея силы, яже паче чрезъизлишно аще нас счасливейшая будет,

---

[80] се *Ф.* [81] твой *Щ.* [82–82] довольности *Ф.* [83] дельных *Ф.* [84] *Нет Щ.*

бежати нам или в безпутные пустыни сокрыватися. Тогда тебе не с людми, но с нашими дикими зверьми токмо брань
л. 35 творити. Тем же, || милостивый господине, разсудно да изволиши размышляти, что же лучше есть: самохотно ли послушливым людем повелевати или со львами и иными дикими зверьми безполезную и неключимую брань творити? Зде лежит пред ногама твоима диадима преждебывшие нашие вольности. Ибо, когда поныне великому Новуходоносору миропохвально бяше, да от неволник своих возможе велеможами сотворити,— разсуди же тогда, аще сие не вящая похвала, что он свободных, честных и благородных ливийских жителей может своими неволниками сотворити.||

л. 35 об.

Регма

Что же, безсравненный и мужественный воине? Каких зде больших слов требуеши, зане единого слово всех наших слово есть, и всех наших уста единого уста есть? К сему же, ведут обычно пространные уговоры зломнителство некое, злохитрости [85] вослед себе. Лутче тогда, да сам искусно уведати изволиши. Тем же благоволи токмо [86] отведати, да приидеши к нам во Апомейское царство либо без меча и людей, аще нам вериши, или и [87] со всею силою своею. Аще работу нашу и пищу, юже воином твоим дати хощем, не презриши, прииди же тогда, да будеши милостивым господином нашим, мы же работати [88] ти [89] учнем сице, яко тя по верности нашей к
36 сожалению || приведем [к], что нас некогда в ненависти имел еси. Зде ключи ко всем вратам градов наших, яже повелением всех князей наших с собою взях отчасти для того, да велми множае ти доброволное подданство наше обнадежу, отчасти же и для того, егда того благополучения [90], честь сицевую приемлюще, сподоблюсь все врата наши пред очима твоима отпирати, да тогда из великого образца службы моея, когда ти все грады наши вручю, разсудити возможеш, колико же множае все иные народы наши готовы суть тебе в подданство предатися. Прииди точию, ожидаем бо пришествия твоего желателно. ||

л. 36 об.

Олоферн

О, ей, смокви ваши зело укусны, но, доколе не дозреют, вкусити их, зане еще горесны, не хощу, ниже оных [91], егда

[к] *Испр.*; *в ркп.* приведет *АЩФ*.

---

[85] зломнительство *Ф*. [86] *Нет Щ*. [87] *Нет Щ*. [88] робыти *Щ*. [89] *Нет Щ*. [90] благополучия *Ф*. [91] о иных *Щ*.

простареют и изстлеют, желаю. Обаче принесите ми наполненное блюдо смокв ваших, яже дозреша и свежо от древес сняти, тогда убо укус мой желательно их восприимет. Тем же [92] аще ли [93] бы есте [94] словеса сия [95], яже ныне уже поздо слышу, великому Новуходосору нашему в самое время объявили, тогда бы он всемилостивно и приятно оных восприял есть. Ныне же не вем, аще ли не замедлили.

Мелех

Великий победоносче! Преодо || лей же в том оправдания твоя *л. 37* и победи прежнее тех несмысленных народов безумие и невежество. Разумеша[96] бо те юродивии, яко толь далече отстоят от Диоса, его же гром ничто же [97] им вредити не возможе[97]. Ныне же, егда точию молния починает объявлятися, тогда же еще творят мудро, да предваряют [98] его со [99] смирением, донеле же самым громом в посред их не ударит.

Олоферн

Ей, истинно же так: и зверь, его же жива рукама ловят, многажды сладчайший есть, нежели той, его же копием ловчим убивают. Того ж ради да будет тако: земли и люди ваши, грады и села, поля || и злаки, леса и пашни, ей, и жены, [100] и *л. 37 об.* сыны [100] со дщерьми вашими, и вся обдержания и имения ваша да моя будут. Прииду же тогда к вам, моя си да обдержу. По аще ли же начальники [III, 1], правители, старейшая и подданныя ваши вобще вси повелению великого Новуходоносора, яко раби повинныя, с послушанием подклонятся, тогда увидят, что Новуходоносор бог сицевый, иже таков милосерд может быти, каков же и силен есть. Тем же идите и готовитеся меня достойною везде честию и поздравлением встречати. Идите же, аз бо вам вскоре последствую.

II-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я ||

Сомнас, Сусаким, Салман стоит, к столпу привязан; Селум. *л. 38*

[л]Сомнас

Кто же бы восхотел ныне болши мужику служити за сие житие, кое мы имамы, брате?

[л–с] *Вычеркн. Щ.*

---

[92] *Нет Ф.* [93] *Нет Щ.* [94] еще *Щ.* [95] *Нет Щ.* [96] не разумеша *Щ.* [97–97] *Нет Щ.* [98] претворяют *Щ.* [99] *Нет Ф.* [100–100] *Нет Щ.*

[III, 1] тогда к вам *Щ.*

Сусаким

Ей, братец, верую[2], яко Зевес, Арис, Афродита и вси бози на небеси лучшаго жития имети не могут, яко мы[3] зде низу на земли.

Сомнас

Аз желал бых, чтоб таковое житие и во веки пребыло, тогда богом рад небом бы поступился. Но опасаюся, что сие житие скоро возсприимет кончину. Ибо, аще единно токмо нам по
л. 38 об. ушам займут, яко || и слух, и видение устанет, в то время и вся радость минется. Или егда, яко уже к тому намеряется, со всякими народы мир учинится, тогда нужда будет по домом возвратится и паки изрядно хлеб молотити, где никто же по сем нас больши не назовет милостивым господином[4].

Сусаким

Не опасайся, брате! Мы столько накрадем[м] разбоем и грабежем издобудемся, что господами в наших землях возможем быти. Аще ли умремы, тогда пси[5] и вороны из нас учреждение себе да изготовят. ||

л. 39 Сомнас

Но что же убогим женам и детем нашим сотворити?

Сусаким

О, иной тогда их да пропитает! Ходи, брате, печалные сие думы да в винной бочке погребем. Пойди со мною на завтрак[н], аз ти пару колбас ужарити велю.

Сомнас (*смеется*)

Ха, ха, ха! Смеюся тому: всегда опасался еси, что свиными жаринами и колбасами не удоволишися. Ныне же чаю, когда еще год зде пребудеши, тогда все кишки твои в колбасы, ты же сам в свиное мясо пременишися. ||

л. 39 об. Сусаким

Ни, брате! Не хощу свиниею быти, инако бо возмогл бы окарак един от меня нашему воеводе на стол достатись. Пойди, брате, да сего дни возвеселимся. Бог весть, сколько поживем. Аще убо не[6] в небо достанемся, то однакожде мимо.

[м] *Испр.*; *в ркп.* не крадем *АЩФ*. [н] *Испр.*; *в ркп.* завтрик *АЩФ*.

---

[2] веруем *Щ*. [3] ты *Щ*. [4] государем *Щ*. [5] тип *ЩФ*. [6] *Нет Щ*.

Салман

Товарыщи, товарыщи! Возмите ж и меня с собою! Аз потому же лутчи бы хотел с вами ясти и пити, нежели голоден у столпа стояти.

Сусаким

Кой бес тя к столпу принес?||

Салман л. 40

Господыня моя [7] та, злодей, вчерашняго дни жалобу на мене принесла, потому велел войсковой моршалок меня зде к столпу привязать.

Сомнас

Что же ты тогда господыни зло сотворил еси?

Салман

Не хотела ми и гостям моим больши пить давать, и яз за то ея целую бочку вина в грязь выточил, она же тотчас и била челом, и за то мне сутки целые зде у столпа стояти и жажду терпети.

Сусаким

Дурак! Когда бы ты вино то || в горло[8] свое влил, тогда бы не надобно было сию нужду терпети. л. 40 об.

Салман

Тихо, тихо! Се тамо войсковой моршалок Одид приходит. Прошу вас, товарыщи, заступите добрым словом и молите о мне: аз вас сего дне доволно вином напою.

Одид

Предложи все изрядно Мелеху, слышиш ли, Селум?

Селум

Зело добро, милостивый господине!

Одид

Скажи ему, яко Олоферн повеле абие подъездных конниц 150 человек ко июдейским пределом послати || и все тамошние л. 41 преправы добре розыскати.

---

[7] *Нет Щ.* [8] голову *Ф.*

Селум

[9] Добро, аз[9] сие уже внял есмь.

Одид

Ниже да возвратятся, аще с собою языков имети не будут.

Селум

Скажю и то без забвения.

Одид

Аще же ротмистр той, которой подъезд поведет, против наказу своего что[10] не исполнит, тогда высочайшее дерево да пенковая веревка ему во мзду дана будет.

Селум

Аз все уже добре исправлю. ‖

л. 41 об.

Сомнас

Милостивый господине маршалок! Молим за сего бедного. Помилуй его, вели его освободить. Не нарочно сие сотворил есть.

Одид

Что? Не нарочно учинил, когда той своеволник целую бочку вина в погребе выточил?

Сусаким

Милостивый господине! Пресмотрелся, хотел бо[11] токмо малую кружку нацедить и позабыл гвоздь в руке, между же тем, как он из тое кружки пил, все вино из бочки на землю вытекло.

Одид

О лукавцы! Знаю я ваши злыя дела! Скажи, хощешь ли
л. 42 жене ‖ той вино то заплатить?

Салман

Чем, милостивый господине, мне платить? Ничто же бо имею.

Сусаким

Дурак! Мочно ти есть единo[о] с нею поспати[п,12]?

[о] *Вычеркн. в ркп. Щ.* [п] *Вычеркн. в ркп. Щ.*

[9–9] аз добро *Ф.* [10] *Нет Щ.* [11] *Доб.* то *Щ.* [12] *Доб.* помиритися *Щ.*

Одид

Что глаголеши? Хощеш ли платит, или ни?

Салман

Уже, милостивый господине, аз с нею помирюся.

Одид

Отпусти же его. Но, аще ли паки какие на тебя жалобы приидут, клену ти ся аз, что до тех мест у столпа стояти имееш, доколе очернееш.

(*Салман освобожден и челом бьет. Одид отходит.*) ||

Сусаким *л. 42 об.*

Приидите же, братия, да колбасы сьямы.

Сомнас

Ни, братья! Прежде пойдем да Салмана з госпожею помирим.

Салман

Добро, брате! Аз ее вино заплачю, но она такожде терпение и жажду мою, юже для нее претерпех, да заплатит, к сему же и [13] знаки на руках моих.

Сомнас

Доброе то намерение к миру! Но как же хочешь ее прежде вино заплатить?

Салман

Аз бочку[р] паки водою наполню, она же [14] тощой стомах мой жаринами и вином наполнит, [15] руки же мои поврежденные аравицким золотом да улечит [15].

Сусаким

Тогда бы аз по вся недели хотел трижды [16] у столпа стояти [16]. Пойдите ж, братия, да к намеренному месту приидем [с]. ||

[р] *Испр. по ЩФ*; *в ркп.* бучку *А*.

---

[13] *Нет Ф.* [14] *Нет Ф.* [15–15] *Нет Щ.* [16–16] стояти у столпа *Щ*.

л. 43 ## [17,т]III-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 1-я[18]

[19]Иосия, Гофониил, Авдия, Финеес.

Иосия

Приятель мой любимый Гофониил! Ныне время отчине [20] нашей показатца верно, которая и до смерти бы в постоянстве пребывала. Сполохи варварскаго Олоферна у нас зело умножаются, так что и горы, и камение уже от того дрожат и трепещут. Святой отец Иоаким, наш наиверьнейший архиерей, в своих писмах нас остерегает и со всего сердца своего научает, чтоб нам Бога ради бодръственное око на древнюю вольность израилевых людей имети, паче же, для святыя церкви иерусалимъския, все пределы наши [21] укрепить. Град [22] наш Вефулия тому мучителеву псу предстоит в перьвом устремле-
л. 43 об. нии, и, яко слышим, уже || гортан свою отверзе на нь, да поглотит ево. Ведай, честный воевода наш, что асирийская сила и ярость ея искусным каменем будет, на нем же подабает, [23]да верность [23] и храбрость твоя искусится.

Гафониил

Премудрый Иосия! Как ты так унываеши и глаголеши! Буди благоутишен и восприими [24]храбрость такую [24], которая никакова недруга неопасна есть. Истинно так, что Олоферн зело страшен, а рати ево сильны и храбры и благосчастие даное по се время во всем постоянно и непобедимо. Однако ж все то сумнително. Не веси ли, яко аще высокие древеса долго ростут, но однакожде внезапу скоро токмо от единаго громо-
л. 44 вого удару или от бури болшие сокрушаютца? Коликократно похулные враны || и пресилнейшаго льва снедоша, и крепчайшее железо ежедневно ръжа истребляет, яже точию прахом нарицаетца! Кто же ведает, аще ли и Олоферн пропасти под нашими стенами не обрящет? Убо Господь Бог исраилев с нами и славы своея не предаст болъваном и народу своего в поругание не даст.

Иосия

Истинно то, и надежда наша, что Господь Бог сам учнет за нас воевать. Аз же сие не страха ради, но для остерегатель-

---

[т] *Отсюда до л. 60 почерк IV А.*

---

[17] *Отсюда продолжение текста У.* [18] *Доб.* явление 7*Щ.* [19–25] *Нет У.* [20] отчизне *Щ.* [21] *Доб.* пределы *Щ.* [22] где *Щ.* [23–23] доверенность *Ф.* [24–24] такую храбрость *Ф.*

ства глаголю, чтоб нам по совету архиерея нашего быти осторожным и во время нужды противо сицеваго сильнаго недруга по образу предков наших смело стоять, ибо к спящему человеку и мыш в постелю внидет, яже пред бодръствующим и являтися не смеет [25].||

Гофонил л. 44 об.

[26]Что по должности моей достоит, аз то все исполъню и буду днем в печали, а нощию в бодрости. И когда покажет время к бою, тогда я готов, да к ползе градцкой ныне и всегда дело мое намерено будет. Неприятель да приидет, но с собою долгие ноги или крыла грифовые принесет, инако же тяшко ему будет чрез стены наши [26] преступити [27].

Авдия[у]

Истинно глаголеши, честный господине воеводо, что град Вефулия твердое ядро есть, на нем же многим притупятца зубы. Но аз в смирении своем велми иные помышления имею [28].

Гофонил

[29]Какия имееши [29] помышления?

Авдия[ф, 30]

Кто весть, аще Олоферн несть|| таков хитр, что, град наш [31] л. 45
Вефулию мимо[32] пустив, прямо ко Иеросалиму пойдет? Тогда мы в [33] вящем опасении будем, нежели когда бы нас [34] осадил. Того же бы ради, будучи нам в осаде, лутче было, что тогда от всея Июдейския страны помощ получили б, которые истинно Вефулию, яко порубежной град и [35] изрядной сщит, оставить не могут, разве они неприятелю врата отвержут ко всем их [36] землям. Аще же и мимо пойдет, тогда же [37] что нашему гнезду против ево делать? Ибо удобно в то время преодолени будем, когда чаем безопасным быть, нежели тогда, как случай имети будем боронитца [38].

Гофонил

Ни, ни, мой добрый Авдия! Лисица не входит в такую яму, где ей паки возвратитись невозможно. Олоферн не таков

у *Против реплики цифра* 1 *Щ*. ф *Против реплики цифра* 2 *Щ*.

26–26 *Нет У*. 27 приступити *ЩУ*. 28 имеют *Щ*. 29–29 *Нет У*. 30 *Нет У*. 31 *Нет У*. 32 мало *У*. 33 *Нет У*. 34 нам *У*. 35 *Нет ЩУ*. 36 *Доб.* им *У*. 37 *Нет У*. 38 *Текст У на этом прерывается*.

л. 45 об. прост, чтобы || ему оставить за собою и меньшое опаство или силу, помышляя, что ему Иерусалим не тако удобно взяти, как иные городы и села, которые, узнав безсилия свои, ему поддалися. Аще же меж Иерусалимом и Вефулиею побит будет, где же ему уходить? — занеже мы со иными порубежными городы назад ево не пропустим. И дал бы то Бог, чтобы то тако учинилося! Тогда бы мы тое лисицу в запоре имели!

Финеес

И мне сие мнится, яко истинно рекл еси, благопочтенный Гофонил, и вся впредь будущая разсудил еси. Ныне же сие советую, чтоб граждане всякими хлебными запасы из земель град наполнили, чтоб нас прежде неприятелского меча голод
л. 46 не одолел. Ты же, храбрый Гофонил, щит || нашего малодушия, свое дело исполнишь.

Иосия

Господь Бог исраилев то все благо сотворит.

Гофонил

Всякой к своему постановленному делу пойди. А ты же, Иосия, к совету аръхиерея Иоакима, да во всем благо устроиши. А граждане тебе с радостию во всем, яже требно суть, последствовати учнут. Аз же пойду стены и шанцы за градом, по каменным горам постановъленные, досматривать и, что вредителное обрящу, исправить. Простите!

Иосия

Прости, честный приятель!

Все

Прости, прости, прости!||

л. 46 об.

III-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я[39]

Олоферн, Ахиор, Сисера, Мелех, Мосоллом, Одид, Орив, xСелум, Сомнас, Салман, Сусаким x,[40].

Олоферн

Как мне не чюдитися или от ярости не сокрушатися, что те люди, которые в горах обитают и во свете едва знатни суть—

x–x *Вычеркн. в ркп. Щ.*

[39] *Доб.* явление 8 *Щ.* [40] *Доб.* 2 салдат *Щ.*

а где и знатни суть, тамо и ти [41] их не почитают, да на них возлают [42] — однако же силу мою уничтожати дерзают, или оной сопротивлятися помышляют?

Сисера

Велеможный гетьмане! Не могу верити, что твоя великая сила им [43] то противстояние почитает, понеже те люди малодушны. Ибо, яко кроты, егда узнают по естеству своему || пришествие злопогодия, в глубокие пещеры свои сохраняются, так же и те люди междыгорами и камением в шанцах и в валах сокрываются. И то чинят они не от храбрости, чтоб против твоей великой сылы стояти, но малодушием своим опасаяся кровавые бури асирийских великих войск, восходящей ярости лица твоего. л. 47

Мелех

Не так, честный товарыщю, глаголеши! Те люди не с малодушия [44] в горах [44] укрепились, а иных на залоге в шанцех и в валах постановили, но и боронитися хотят. Ибо вчерашнего вечера 150 человек рейтар из подъезду возвратились, с которыми будучие [45] началные нам девят ужников, [46] взятых на розных местех [46], объявили, и те единогласно в роспросе сказали, что вся Июдейская земля, и Самарийская, и Галилейская || союз учинили со всеми своими силами противо нас л. 47 об.
стояти за свою ветхую вольность и жен, и отроков своих, и до смерти неотступным быти. Да те же рейтары издалека приметили их силные шанцы во многих местех на горах и валы, людьми укрепленныя, и все пути замкнули. А подлинно, что мы поныне взятием людей и земель токмо игрушку имели, ныне же весь сей прохлад во кровавой [ц] пот пременится.

Мосоллом

То подлинно, занеже сколко моавских людей под моим началом суть, объявляют и от ветхих обрасцов памятуют, что тот жидовской народ таков упрям и непоколебим в своем намерении, что лутче в своей крови бедно умрети готовы, нежели под владением великаго Навуходоносора во всем благополучии жити. ||

[ц] *Испр.*; *в ркп.* крововавой *А*.

[41] нси *Ф*. [42] ползают *Ф*. [43] *Нет Щ*. [44–44] *Нет Ф*. [45] будучи; *доб.* ее *Ф*. [46–46] на розных местех взятых *Ф*.

л. 48 Олоферн

Рцыте ми, что есть люди сия, иже горами обладают? Или каковы и колики суть грады их и какова есть сила их? Или кое будет мужество их и оружие, или кто царь воев их? И царь их благоразумен ли есть, что он свое владение хощет погубити и мне добровольно предатися не хощет, яко же сотвориста и тии, иже одержат восток, но погордеша нами, не хотя нас с миром прияти, и не изыдоша во стретение нам?

Ахиор

Аще восхощеши слышати, милостивый господине, реку истинно пред тобою о людех сих, иже в горах обитают, и не изыдет слово ложно изо уст моих.

Олоферн

Подлинно так, что я сь ярости ис тех людей желаю крови
л. 48 об. пити || и жажду свою угасити, и охотен есмь жития того роду начало уведать.

Ахиор

Выслушай же, великой гетъмане, милостиво, что я тебе правду глаголати учну. Людие тии [47] от [48] колена халдейска суть. Тии же прежде в Месопотамии обиташа, яко не хотеша последовати богом отец своих, иже обиташа в земли Халдейстей. Оставляюще бо чины отец своих, иже при множестве богов быша, но единаго [49] Бога небеснаго [49] чтоша, иже повеле им, да изыдут оттуду и обитают в Харране[50]. Егда же бысть глад по всей земли той, идоша во Египет. Тамо же по четырехстах летех тако умножени суть, иже множество их не можаше сочтено быти. Егда же отягчаше их царь египетцкий работою в созидании градов своих [51] з блата [51] и плинфы, и возваша
л. 49 Щ ко Господу Богу своему. Сий же порази || [ч]всю землю Египетцкую язвами различными. Егда же изгнаша их египтене от себе и преста язва от них, и паки их восхоте поимати и к своей рабате обратити. Бежащим же им, бог небесный море раздили тако сюду и сюду, и воды яко стены сташа. Они же проидоша по суху посреде моря. Егда же постизаху их египтяне бесчисленно множество вои, и тако покры их вода, иже не оста от них ни един, иже дею последним возвестити. И егда

[ч–ч] *Пропуск АФ; восстановл. по Щ.*

---

[47] твои *Щ*. [48] *Нет Щ*. [49–49] небеснаго Бога *Ф*. [50] Хабрене *Ф*. [51–51] дела та *Щ*.

же проидоша ‖ море Чермное и внидоша в пустыню горы Синаи, в них же никогда же человек обитати возможет, ни сын человеческой. Когда почи, источники горки услаждени суть им на питание. И по летех четыредесятих брашно с небеси имеша, и где когда идоша, без лука и стрел, бес щита и меча, бог их ополчая, и одолеша, и не бе противляющагося им. Когда тамо отступиша от службы бога своего, и колкрат поклонишася богом чюждим разве бога своего, предани суть в плен и в поношение. Яко же покаяшеся, иже отступиша от службы господа бога своего, даде им бог небесный крепость во одоление, паки же Хананея царя, Невусея, и Фрезея, и Хетвея, Невея, и Оморея, и всех силных вь Есевоне [?] одолеша, и землю их и грады их одержаша. И даже доколе не согрешиша ‖ пред богом своим, быша с сими благая. Бог бо их ненавидит беззакония, иже прежде тех лет, егда отступиша от пути, иже даде им бог, еже ходити в нем. И не потреблени быша пленением от многих язык. И мнози юзницы их ведени суть в землю не в свою, ныне же возвратишася ко господу богу своему от росточения, яже расточени быша, и соединишася во единство [ч]. ‖ И взыдоша на горы сия вся и паки владеют Иерусалимом, где суть Святая Святых. Сего ради, господине мой, взыщи: аще [52] есть кая [52] беззакония их пред Богом их, взыдем к ним, яко предающи предаст их Бог тебе и будут повинни под иго силы твоей; аще ли не согрешиша людие сии пред Господем Богом своим, не можем [53] противитися им, яко Господь Бог защитит их, и будем в поношение всей земли.

л. 49 об. Щ

л. 50

л. 49

Сисера

Как ты, пес, сие рещи пред велможным гетъманом в очи можеш, что народы израилевы пред непобедимым царем Новуходоносором и войском [ш] ево супротивлятися будут?

Мелех

О изменниче и уже ныне не товарыщу! ‖ С твоих речей знатно, сколь верен еси ты великому царю [54] Навуходоносору! Понеже аммонейские породы и в соседстве июдейском родился еси, того ради желаешь, чтоб июдеи нас одолели и в неволю нас поимали, нежели великому государю [55] Навуходоносору их потребит! О изменниче! О горе! О, чево бы хотел, но не смею [56]!

л. 49 об.

[ш] *Испр.*; *в ркп.* войска *АФ*.

[52–52] кая есть *Щ*. [53] может *Щ*. [54] *Нет Ф*. [55] *Нет Ф*. [56] имею *Ф*.

Олоферн

Воздержися мало, Мелех!

Мосоллом

Что воздержатись еще нам храбрым от сицеваго изменнического воеводы, иже несть достоин храброго и честнаго воина в полку твоем под началом своим болши имети? Меньши, нежели нагие вефулийские нищетные [57] люди во израилевых ||
л. 50 народех почтенным быти, понеже они никогда воинскими людьми не были. Ей, воистинно, аще ныне сим мечем моим главы его на части розсещи не могу, однакожъде кленуся при мече Навуходоносора, что в забвении не будет, да ему ложной язык ево купно же с прелестным сердцем из утробы ево изторгну, егда ногами нашими на мертвых исраилевых главах стояти будем!

Сисера

То [58] подлинно совершитися имать! Аще ли правду рекл есть, тогда и мъзда ему добра будет, нам же злоключение. Аще ли ложную речь извещал, — яко аз ему в очи сие сказал,
л. 50 об. что он яко изменник солгал есть, — || тогда беда и злосчастие на него да будет, ибо междо всеми иными жидами, их же в плен получим, его прежде аз мечем своим ребра прободу.

Олоферн

О несмысленный Ахиоре! Како ти сие в помышление прииде, что един ты между нашими храбрыми вои великую Навуходоносорову честь низлагати дерзаеш? Убо что Навуходоносор, яко бог, вселенныя овладети может, свидетельствуют ныне множество государств и земель, их же аз безо всякого труда и яко во сне покорил есмь. Аще ли же Бог июдейский Навуходоносора преодолети может, хощу аз тебе ради живот мой во искушение дати, но не в таком изменническом опастве, яко
л. 51 ты [59] ныне || еси [60]. Салдаты! Отъимите у него ружье, держаще его [61] до тех мест связана, до коих ему мзда заслуженная воздана будет. Вы же, прехрабрые вои, готовитеся утрешняго дня рушитися и сей порубежной город во Июдеи осадити. Тогда покажу, что Навуходоносор истинный бог земный есть, и тако истинно, яко [62] отомстител чести его над Ахиором вскоре буду.

---

[57] несчетные *Ф.* [58] *Нет Щ.* [59] *Нет Щ.* [60] если *Щ.* [61] *Нет Ф.* [62] есть *Щ.*

Ахиор

Сия ли мзда за мою верность, о [63] Олоферн? Воспоминай, яко еще иный больший бог есть над Навуходоносором, противу же его несть ти мочно прати.

Олоферн

Иди, пес! Салдаты! Что же стоите? Возмите его, и поведите от очей моих, и сохраните его, да никое честное око вящи на него не взирает. ||

Салдаты — *л. 51 об.*

Пойди, пойди, милостивый господине!

[64] III-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я[65]

Иоаким, Садок, Мелхия.

Иоаким

[66] Ей, почтенный приятел мой! Зде есть писание от вефулиян, в нем же Иосия ми извещает, яко неприятель уже к пределам их [66] приходит.

Садок [67]

О Боже, Боже наш! Что же нам иное ожидати, разве то, что иные земли и уже безчисленныя грады, к сему же и все наши порубежные народы отчасти даже до акаяннейшия смерти претерпеша, отчасти же в поношенных веригах еще и узах терпят? ||

Мелхия — *л. 52*

[68] Однакождe все сицевыя Олоферновы [69] невольники и пленники[69], их же он от всех народов и языков с собою водит, в бедах своих множае благополучнейше суть, нежели мы, в нынешнем нашем свободном житии [70] пребывая.

Садок [71]

Чесо же ради, честный господине мой и приятель?

Мелхия

[72] Яко убо страх смертный велми горчайший есть паче самыя смерти, иже никогда же более, яко в окомгновении мучити может. Тако тоска наша, яже ныне посреди тысящ

---

[63] *Нет ЩФ.* [64] *Отсюда продолжается текст У.* [65] *Доб.* явление 9 *Щ.* [66–66] *Нет У.* [67] *Нет У.* [68–70] *Нет У.* [69–69] изменники *Щ.* [71] *Нет У.* [72–77] *Нет У.*

страстей отчаяние нам представляет, — аще живы или мертвы, [73] аще ли в подданстве или в плену [73] будем, и аще жены и дети наши смертную казнь приемлют или — еже горшее
л. 52 об. есть — аще до смерти || своея в поношению пребудут, — тысящью болши есть, нежели да быхом то злосчастие уже прияли и все истерпели. О вы, мучителя Олофернова пленники! Хотя ныне в веригах и узах ходите, однако ж велми счасливейшие есте, нежели мы в нынешней еще свободе нашей, им же нам еще множае горшую беду боятися.

Иоаким

О ты, мой возлюбленный друже, некогда премудрый Мелхия! Како [74] убо ныне глаголеши сицевыя отчаятелныя [75] словеса? Несть бо достойно самому о себе крест изковати, но благодушъным упованием ожидати, доколе Господь Бог сам кому крест наложит, и тогда он терпеливно носити. Аще имамы и [76] ведомость о неприятеле нашем, но свирепость и мучение его ||
л. 53 зде еще не обретается. Прежде сего, правда, Олоферн многих победи языков, мы же да уповаем крепко, яко сице удобно не возможет люд и достояние божие преодолети.

Мелхия

Ей, отче святый, подобает нам надежду имети и на Господа Бога уповати, да исралтян своих не отрипет и святая своя на осквернение языком не подаст. Но грехи наши достойную нам сотворяют [77] боязнь.

Садок [78]

Ей, истинно грехи наши [79] нас устрашают, страх же той всю Июдею и вся, к ней приналежащая, ко уныванию приводит. Воспоминай убо, отче святый: ныне уже всех человек сердца в малодушие приходят, неприятелю едва еще чрез пре-
л. 53 об. делы наши прошедшу. Что же тогда в то время будет, || егда он первой токмо порубежной град Вефулию обладает [80] и по [81] своему [82] обычаю оной жалостно разорит? Не учнут ли тогда все иные грады пред ним разрушатися?

Иоаким

[83] О братья возлюбленная! Не тако да глаголем! Аще бо на грады уповати будем, тогда удоб [84] погибнем. На Бога [85]

[73–73] *Нет Щ.* [74] кого *Щ.* [75] отчаятелнейшия *Щ.* [76] *Нет Щ.* [78] *Нет У.* [79] *Доб.* суть *Щ.* [80] он подает *ЩУ.* [81] *Нет У.* [82] твоему *У.* [83–88] *Нет У.* [84] убо *Ф.* [85] *Доб.* убо *Ф.*

да уповаем и да к Нему прибегаем, Он бо нас сам защищати может. Увещеваю вы тогда, да, к ногам Бога нашего припадше, грехи ваша изповесте и милости у Него молите. Весте убо, яко услышит Господь Бог молитвы [86] ваша, аще пребудете в посте и в молитве пред Господем. Памятьствуйте ж Моисея, раба господня, иже люди амалитския, надеющияся на силы своя, и величествия вои || своя, и всадники и колесницы, не *л. 54* мечем, но молитвами [87] святыми своими моляся одолел есть! Тако да будет всем недругом исраилевым, аще прилежите в том деле [88], яко начасте.

Садок [89]

Ей, истинно всем чистым сердцем ко Господу обратимъся, Он же нас да помилует [90].

Мелхия

Воистинну да постимъся со слезами и молимся, и во вретища нас и детищ наших оболчем, Господь Бог да узрит смирение наше!

Иоаким

Пойдите ж, братья возлюбленная, сотворити по намерению вашему. Аз же вниду в церковь господню, да вся ко утреннему [91] покаятельному || служению [91] устрою. Шествуйте ж благо. *л. 5 об.*

III-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 4-я [92]

Одид, Ахиор, Селум, Сусаким, Сомпас, Олоферн.

Олоферн

Да буди тако, безумный Ахиор! Понеже таков пророк еси, иже прорещи можешь, яко исраилевым людем [93] от Бога [93] их защищенным быти. Тогда пойди [94] же к ним и да будеши сам себе добрым пророком у исраильтян, иже однако радостно пророков, яко слышу, принимают и у себя их держат. Но в сем зело остерегателен [95] буди, да пророчение твое не мимо идет: ибо егда всех тех убогих жидов даже до единаго человека побием, тогда явно узриши, яко несть Бог ин, разве || Навуходоносор. Тем же тогда и праведно будет, да купно *л. 55*

---

[86] милостивыи *Щ*. [87] милостивыми *Щ*. [89] *Нет У*. [90] *Здесь прерывается текст У*. [91–91] *Нет Щ*. [92] *Доб.* явление 10 *Щ*. [93–93] блага *Ф*. [94] подите *Щ*. [95] остерегати мне *Щ*.

и ты со жиды асирийским мечем погибнеши и достойную казнь, яко изменник, приимеши. Истинно ж ти реку, что тогда нещадно будет и моим самым мечем такова пса сквозе сердце проколоти, укрепляюще тем, яко Навуходоносор государь есть всея вселенныя.

Ахиор

Велеможный воеводо! Что же сотворил есмь? Вопросил еси у мене совета, и аз ти отвещах, яко совесть моя [96] ми повеле[96] глаголати. Аще совет мой ти не угоден, и ты искуси дело то[97] по твоей мудрости иным лутчим образом сотворити, совершение же того свидетелством ми будет, яко аз ти никакова зла присоветовал есмь.

Олоферн

л. 55 об. Добро же, тогда ти никакова зла || и не опасатися. Аще добро и истинно прорекл еси, и ты иди безо всякого страху и трепету ко исраилевым людем, ожидая исполнения и [98] истинны пророчествия твоего. Аз ти к сему провождати повелю. Одид! Абие его да велиши крепкою стражею в град Вефулию провести и израильтяном в руки их отдати, извещая им, яко аз сего изряднаго амонея им и [99] Богу их в сохранение предаю.

Ахиор

Но, Олоферне, [100] обнадеживаю тя, [100] что Бог исраилев горъдость твою усмирит, люди же своя от мучителства твоего соблюдет.

Олоферн

Что ты, сабако, еще глаголеши? Одид![IV,1] Салдаты[щ,2] ! Иди, сабако! [3] *(Зде отходит со гневом.)* [3] ||

л. 56 Ахиор

Аз отхожу с радостию[4].

Одид

Пойди, пойди, безумный Ахиоре! Где ум твой делъся, что сице уничижателно о победоносных оружиях навуходоносоро-

---

[щ] *Выделено как обозначение говорящего Щ.*

[96–96] повеле ми *Щ*. [97] *Нет Ф.* [98] *Нет Ф.* [99] к *Щ*. [100–100] обнадеживаются *Ф.*

[IV,1] *Нет Щ.* [2] салдат *Щ*. [3–3] *Нет Щ.* [4] *Доб.* Олоферн и прочии воеводы отходят *Щ*.

вых глаголати и нашему воеводе тако упорственно отвещати дерзаеш? О [5] бедный ты, злосчастный и окоянный глупче[ъ]!

Ахиор

Иногда благосчастливее вас, убогих людей [6], иже во всех честях ваших ничто же множае, яко токмо Олоферновы изрядные неволники есте, кои ничто же иное творити и глаголати должни [7] есте, точию что он сам рад имети и слышати хощет, хотя бы то было сопротивно Богу истинны, сопротиво же и совести [8], и всех уставов.

Одид

Добро, добро, бедный ты! Глаголи же || ты ныне правду во Вефулии, мы же вскоре со Олоферном тебе и всех жидов в Вефулии посетим. Но тебе же особно воспросим: где июдейский силный Бог есть и твоя совесть? Салдаты! Возмите и поволоките его да вручите его во вратах в Вефулии стражи имянно. Слышите ли? *л. 56 об.*

Селум

Слышу, слышу, милостивый господине! Николи же таких не имел чютких ушей, как ныне, егда сицеваго изрядного воеводу под началом моим имети имам.

Сусаким

Аз бы рад по вся дни таковаго милостиваго [9] господина хотел прочь отволочь. Тогда и нам бы в конец единожды место очистилось, да началниками и воеводами будем.

Сомнас

А мне мнится, что аз уж и ныне воеводою, егда таковому благородному || князю сицевыя изрядныя удары в бока давати могу. Ступай, ступай, милостивый господине! Ступай, ступай! *л. 57*

[ъ] *Испр.*; *в ркп.* глубче *АЩФ*.

---

[5] и *Ф*. [6] *Нет Ф*. [7] должники *Щ*. [8] совестно *Щ*. [9] *Нет Щ*.

III-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 5-я[10]

Ахиор, Ванея с 4-ми человек вой, [11] или стрелцов [11].

Ахиор

(*Зде* [12] *привязан ко древу и* [13] *говорит*:)

Ныне же аз зде вишу, непостоянства изображение и прелестнаго колебимаго счастия свидетельство. О проклятое и предателное счастие! Яко еси во всех случаех прелютым всем мучителем: лишатися то тебе, а не употребляти нищетно, правда, есть и несносимо. Но обаче же [14] унше, нежели в прелестном твоем лоне преопочивати: ибо ему же приятен [15] еси, той долженствует приязнь ту со страхом и трепетом употребляти и вскоре, ей, абие со страшным падением прелесть твою ||
л. 57 об. уведати, жалеюще [16], да николи же во счастию пребыл есть. О бедный аз! О каких возмогл есть вчерашняго дни еще, в рамах у сего прелестнаго счастия сущи, владетелств похвалятися и таковых честей еще примножати? Ныне же [17] что, разве злосчастие мое и поношение? Аще бых князем не родился и никогда воинопачалником не был, аще бых о бок с Олоферном никогда не сидел или николи же богатеств, имения и сокровищ не имел, то бы ми сие падение никиим поношением, но вельми множае таковое поношение точию обыкновением было. Аз убо и прежде видех пленников или [18] неволников, связанных и во узах сущих, смеющихся и играющих [ы], зане обыкновения ради никаких радеша узов. Но сии[ь] руки, яже народов токмо побеждати обыкоша [19], [20] с ними же [20] купно и вольность, что связана есть, — то ми вящую творит скорбь, понеже, во узах пребывая, толико свободы не имам, да возмогу токмо едину
л. 58 руку сам || в своей истой утробе превращати и тако безчастному поношению моему благополучнейшую кончину с великодушною смертию сотворити.

Ванея

Место же зде, на нем же аз сирийских псов сам из стены своима очима видех. Где убо незапно содевахуся они?

[ы] *Испр.*; *в ркп.* играющи *АЩФ*. [ь] *Испр.*; *в ркп.* сие *АЩФ*.

---

[10] *Доб.* явление 11 *Щ*. [11–11] *Нет Щ*. [12] *Нет Щ*. [13] *Нет Щ*. [14] *Доб.* и *Щ*. [15] приятел *Щ*. [16] желающе *Щ*. [17] *Нет Ф*. [18] и *Ф*. [19] обыскаше *Щ*. [20–20] *Нет Щ*.

Ахиор

О горе мне! Аз [21] слышу людей глаголющих!

Ванея

Ох, жаль, что тех виселников не получихом! С ними убо бых утешное содевали б прохлаждение.

Ахиор

О, дабы львы и [22] иные лютые ко мне надбежали звери, яже бы ми скорую преподали кончину! Страшуся бо человек, занеже лютейшии суть, нежели львы и бабры [23].

Ванея

Кто возапиет? Кто рыдает зде?

Ахиор

О горе, горе! Плачевное бо есть недорождение прелестнаго счастия и жалобное мучителство лютых человек!

Ванея

Кто еси ты? И како семо еси || пришел? И кто тя зде привязал? *л. 58 об.*

Ахиор

Самим вам то зримо есть, яко не лвы, ни медведи, ниже волки сие сотворяху, токмо человецы, иже лютейшии суть паче всех лютых ливийских зверей.

Ванея

Что глаголеши о человецех [24]? Скажи, чесо ради [25] зде привязан еси [25]? Что еси зло сотворил и преступил?

Ахиор

Что Бога исраилева почтил есть.

Ванея

Бога исраилева? Неси ли от войска асирийска и язычник?

Ахиор

[26] Есмь аз [26] един от Олоферновых воевод, [27] аммонийский князь [27]. Обаче же страшуся Бога исраилева паче всех языческих богов, тем ж и в сию беду попал есмь.

---

[21] *Доб.* бо *Щ.* [22] *Нет Ф.* [23] бобры *Ф.* [24] человече *Щ.* [25–25] привязан еси зде *Щ.* [26–26] аз есмь *Щ.* [27–27] аз монийский царь *Ф.*

Ванея

Что Бога нашего ради ти терпети? Не буди то. Скажи ми [28] токмо со клятвою: несть ли каково коварство, прелесть или измена под сим сокрыто?

Ахиор

Как истинно Бог ваш единый Бог есть, сотворивый небо
л. 59 и землю, тако истинно || стражду сие не ради коего злосотворения, токмо понеже за весь род исраильский. Правду изрекл есмь, имянно, яко Бог их оных удоб избавити может от всея силы Навуходоносора. Тогда той мучителной Олоферн мя к вам в Вефулию изгна, да в защищении Бога вашего купно с вами жити или умирати дерзаю. Но вои мя, страха ради, да от вас яты не будут, зде привязав, побежали.

Ванея

Мощно ли сему безопасно и не ложно верити?

Ахиор

Не хощете ли мне верити или опасастес некакой лести, то из двух сотворите едино: или мя умертвите, еже скорбная душа моя с великим хотением желает, или возмите связана во град ваш, испытайте мя мукою, аз бо в том вам явственное и о иных вещех множае правду исповем.

Ванея

Воины! Разрешите ж его, да его пленом с собою возмем! Имаши ли, яко вещаеши, к Богу нашему упование свое, яко помощь дати и спасати может — благо: тогда бо сие употребляти имеешь и от скорби своея избавишися. Но аще некая
л. 59 об. злохитрость || и прелесть проявится, горе тебе тогда, горе! В то убо время сие древо токмо [29] прохладным ти жилищем и все нынешние скорби токмо [29] сном вменились против той беды и мучения, что на твою главу приходити будет.

Ахиор

Буди же по глаголу вашему. Но Бог исраилев, возмогий чюдестно избавляти, иже и мене чюдесно от скорби моея спасл есть, той сам весть, яко аз ото всякого прелщения чист, в сем же деле праведен и непорочен есмь. Той да воздаст вам милосердие, еже надо мною твористе.

---

[28] *Нет Ф.* [29–29] *Нет Ф.*

Ванея

Пойди же тогда, пойди во град, прежде нежели о нас [30] неприятель весть восприимет [30] и предварит ны на пути.||

[э]МЕЖДОСЕНИЕ ПОСЛЕ 3-го ДЕЙСТВА ПРЕД ПЕРВОЮ СЕНИЮ 4-го ДЕЙСТВА[31] *л. 60*

Салманасар, Адер, Агаг, Амарфал, Одид.

Салманасар

О мучителю! О свирепый и человеческие крови ненасыщенный[32] пес, Олоферне! То ли то храбрые дела, то ли то похвалные воинские обычаи — прежде [33] самому к [34] миру призывати, о милости обещатися и о [35] волности верою укрепляти, по сем же по такому договору у надеющихся на сицевую милость, у поддавшихъся земли и людей отнимати и венчаные главы в узы оковати? О коркодиле[ю], его же весь свет еще [36] не носил есть!

Адер

Но, почтенный приятель и клеврете мой, его же никое благополучение,|| но злоключение и неволнические узы моим приятелем сотвориста, почто же нам еще много возьяритися? *л. 60 об.* Что нам на Олоферна в том вину возлагати, зане паче наша вина тому есть! Чесо бо ради верили есмы сему прелестнику? Почто сице суетно предахом земли и люди наша в руки его? Чего убо для паче [37] главы наши со множайшею смелостию под яростную саблю его подлагати не дерзахом, нежели [я] да оныя [я] в сия невольныя [38] узы подали [39] есмя? Воистинно бывшие подданные наши сами нас множае, нежели Олоферна, проклинати учнут.

Агаг

Аще ли сие воистинно правда, но обаче кто же той великие силы его возможе сопротивлятися? Како сицевой скорости мощно бе убежати? И кому [40] бы сицевым преизящим словесем княжим не верити? Аще бы един уведал есть || о другаго нашествии, тогда бы, таким уведавшаго образцом уцеломудрився, воз- *л. 61*

[э] *Отсюда до л. 66 почерк II А.* [ю] *На полях в ркп.* змии *А.* [я–я] *Вычеркн. в ркп. Щ.*

[30–30] *Нет Щ.* [31] *Доб.* явление 12 *Щ.* [32] *Доб.* и *Щ.* [33] *Доб.* к *Щ.* [34] *Нет Щ.* [35] *Нет Ф.* [36] *Нет Щ.* [37] *Нет Щ.* [38] невидныя *Щ.* [39] отдали *Щ.* [40] како *Щ.*

могли бы, ополчився и совокупився единомышленно, крепко супротивитися или тому злосчастию поне лучшим остерегателством предварити. Но до коих мест еще глас о [41] Олоферновом мучителстве от единого рубежа до другаго пройде, уже мы мало не все вкупе [42] чрез [43] ложный договор в плен взяты есмя.

Амарфал

О, горе в пленении быти! Есть истинно неистерпимое иго, зане не обыкох его. Но при железных веригах и златый венец
л. 61 об. на главе имети || поношение есть, еже [44] зелнее паче горчайшие смерти и тяжчайших уз болезнует. Елико же принужден есмь венчанную главу мою пред ним ниц склонити, толико приветъствую отай в сердце моем, да глава бы моя николи же венец носила есть, или чтоб его глава некогда в радость к стройному позорищу от невысоких людей, каковые ныне мы обретаемся, на копии обношена была.

Агаг

Ей, аще бы сие желание исполнилос, то бы и нам возможно ||
л. 62 было паки свободу нашу и прежнее счастие получити.

Амарфал

О, аще ли бы ми еще толико счастия произбыло, дабы сие руки и ноги свободных могл имети, да бых нечто дерзнул сотворити, еже бы многим, ей, многим царством ползовало! Хотя бы ми еще радостнее вожделел [45] бы, нежели сице во узах жити и живота своего лишитися.

Адер

О господа! Сицевыя суетныя речи туне да не глаголем! Аще ли Бог есть, иже обыче всякие прелести и лукавства казнити
л. 62 об. и нас от мучителства сего лукавого || врага избавити хощет, тогда Он и мышцу, и руку обрящет, юже ко отомщению и погублению мучителя сего поучит и к тому укрепит. Наше великодушие паки ныне точию в том изъявим, да мучительство его презираем, злоключение же наше терпением полегчим. Тихо, тихо! Тамо бо к нам воинской маршалок грядет!

Одид

Вы, безчастные великоначалники! Како сице боязливи стоите, в сомнении суще, понеже ныне вам никакова злейшаго злощастия не опасатися паче того, еже уже терпите?

---

[41] *Нет Щ.* [42] вкрепе *Ф.* [43] *Нет Ф.* [44] сие же *Щ.* [45] возжелех *Щ.*

Салманасар

Но и таковое еще долее терпети болшую нам ежедневно боязнь притворяет и приводит нас х конечному отчая || нию, его же обаче не страшимся, но велми паче оного со желанием взыскуем. л. 63

Одид

Чесо ради? Что же таковаго неистерпимаго терпите, еже ко отчаянию приводит?

Амарфал

Истинно же, почтенный господине маршалок, яко венцы сие, пред ними же прежде сего князи великие низ кланялися, ныне ж и малейшему миру к поруганию и позору держатся. Сие убо царским сердцам неистерпимо есть.

Одид

Не тако, великодушные господа! Достоит велми множае вам помышляти, что Олоферн, господин наш, вам для того в пленении || вашем еще царские венцы на главах имети допущает, яко да от всех иных пленников провозхождение, честь и почитание имате. л. 63 об.

Адер

Весма то вместе не согласуетца — златые царские венцы со железными неволническими веригами [46].

Агаг

Никая же честь быти может по всех землях посмеятелного позорища волочимым быти!

Одид

Господа! Аз вам нечто присоветую!

Салманасар

О! То бы еще благосчастие было доброго присоветника[III,a] имети! ||

Одид л. 64

Послушайте мя. Егда же великий воевода Олоферн Вефулийский град во обдержание приимет, еже по немногих днях

[III,a] *Испр.*; *в ркп.* присоветники *АЩФ*.

---

[46] железами *Ф*.

учинится,— тогда вы, пад ему в ноги, молите у него милосердия, и егда о победе веселитися [47] учнет, подлинно вам узы ваши подлехчит, мы же и сами за вас молити его не замедлим.

Агаг

Уже толь долго будучая скорбь к никоей болши надежды допущает.

Одид

л. 64 об. О, ей, хотя смиренным молением вашим столко полу || чите, да вас болши не повезет с собою по разным землям к позорищу, но вас во Вефулии граде оставит и тем воином, иже тамо будут[48], вас в соблюдение вручит.

Салманасар

О, дали бы [49] то бози, чтоб Вефулия избавлением нашим была!

Одид

Идите же и не скорбите много. Кто весть, что в пяти или шти днех вам может добро приключитися?

Салманасар

Почтенный господине Одид! Благодарим тя о потешении твоем благом. ||

л. 65

Одид

Идите ж во мире, мне же отходити к воеводе, да послужу ему.

(*Одид зде отходит.*)

Цари же те, 4 человека, поют зело жалобно, еже последствует песнь[б]

Салманасар *поет стих 1*

Аще ли нам гордетца
Во царских сих венцах,
А в плену являтися
В позоре и во узах,
Злосчастие б не болело,
Поносу бы не было. ||

[б] *Нет разделения на стихи Щ.*

[47] молитися *Ф.* [48] *Нет Ф.* [49] вы *Щ.*

Адер *поет стих 2* л. 65 об.

Мучител Олоферне!
Пременное счастье
И ти вскоре лютое
Явит падение
Может вящши, неже мы
Есми от тя мучени.

Агаг *поет стих 3*

Иже царствы и людми,
Ей, владели есмя,
Ныне же в поношении
Нам терпеть есть нужда[50].
Но иже всем хвалится,
Абие сокрушится.

Амарфал *поет стих 4*

О прогневанный Боже!
Есть ли в Вефулии
Кое еще спасение,
Тогда нам помози.
Аще ли ни, то нас возми
К себе от сея жизни. ||

[51,в]IV-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 1-я[52] л. 66

[53] Иосия, Гофонил, Ахиор, Авдия, Финеес.

Иосия

Благо же, Ахиор, веруем тогда словесам твоим, яко истинны и не ложны суть, и по всему, како видим, чаем, что вся сия свирепому Олоферну в очи изрекл еси, яже ныне нас провещаваеши.

Ахиор

Ей, Иосия, господине мой, поистинне! Яко Бог ваш [54], на него же уповаете, и о Его великом имени аз от юности моея многа слышах, самою || истинною есть. Сице праведно аз Оло- л. 66 об.

в *Отсюда дол. 78 почерк V А.*

---

50 нужно *Щ*. 51 *Отсюда продолжается текст У*. 52 *Нет У*; *доб.* явление 13 *Щ*. 53–75 *Нет У*. 54 наш *Щ*.

ферну вся явственно предложих [55], яже вам днес паки сказах. Тоя же ради вины он мене связана к вам послал есть.

Гофонил

Прости же ми, приятный друже мой Иосия! Не вем убо, коим остерегателством сие зломнителное дело вняти имам.

Иосия

Чего ради, приятель мой Гофонил? ||

л. 67 Гофонил[г]

Како достойно есть к истинне радостно примерятися, тако и должно есть опасну быти, да не вся во истинну вменяются, яже истинною мнятся быти. Ибо тройственные лукавцы обыкоша злохитрости [56] своя между лучшие вещи сокрывати, имянно же тайноубийца [57] сокрывает смертоносной яд свой в пресладчайшем вине, прелестной друг сокрывает прелесное сердце свое в глубоцем смирении, предател же сокрывает лукавые советы и намерения свои в верности и во истинне. Вем убо искусно,
л. 67 об. что || в таковом обрасце, каков ныне на Ахиоре видим, многажды зело великая воинская злохитрость сокрыта бысть, и мы преизлищно да не верим.

Ахиор[д]

Зело почтенной и храброй господине мой Гофонил! Како ти возмогли о мне сицевыя помышления в чювства твои приходити? Аще убо уза те, яже днес от рук моих разрешили есте, и сие струпы, их же [58] ныне еще от тех же верви показати могу, не доволно свидетелствуют, что аз повестию моею, юже вам днес
л. 68 паки сказах, Олоферна сице || розъярил, что мене для того яти повеле и к вам послал есть. Добро же, велите ж на меня вервия те паки возложити и держите мя сами дотоле у себя в узах, доколе Бог ваш, на него же и аз ныне уже уповаю, по своему благоволению к совершению приведет. Тогда убо провесте [59] ми, что по Олофернову мучителному изречению купно [60] же с вами едино от двух ожидати: или бедно с вами смертию предану быти, или по том благополучнее, нежели прежде сего, с вами жити. ||

[г] *Зачеркн.* Гофониил; Ахиор *Щ*. [д] *Реплика слита с репликой Гофониила, на полях* Ахиор *Щ*.

---

[55] *Доб.* и *Щ*. [56] зло хитрити *Щ*. [57] тако убийца *Щ*. [58] *Нет Щ*. [59] разве те *Щ*. [60] колко *Щ*.

Гафонил л. 68 об.

О благий друже Ахиор[е]! Токмо бы [61] третее утаено не было, имянно измена! Ибо, яко помышляю, не возможе Олоферн никогда же лучше предателя в город наш промышляти, разве сим образом, изгнанным и связанным человеком.

Ахиор

Да будет же тако! Веруйте сице и держите мя яко изменника, и положите мя связана в угол. Точию дайте ми дыхание, хлеб и воду и проведывайте до скончания дела того целомудрием вашим, || аще аз солгах, или помышления ваша вас прелстили. л. 69
Аз бо не желаю ключей града вашего, ниже стражу и место на стенах ваших, велми менше свободное вшествие и изхождение чрез врата ваши, еже таким подобием возмогл бы кто на[62] измену помыслити. Но сице желаю токмо вашего доброполучия или злоключения сподобитися, кой суд ми гордый Олофер изрече и ко исполнению тому семо мя к вам прислал есть. Засвидетелствуюсь Богом всех богов, ей, засвидетелствуюся еще совестию моею пред Богом [ж]неба и земли[ж], яко радо || стным сердцем л. 69 об.
от Олоферна сицевое изречение восприях, зане вем, обнадежен сущи, что Бог ваш [63] спасет и защитит вы, Олоферна же со всеми вои его посрамит, яко сие аз ему и в очи изрекл есм.

Иосия

Воистипно, возлюбленной Гофонил, очи ми, сие слыша, слезами исполнены, и несть ми леть кое зло о сем праведпом муже помышляти. Олоферн, той варъвар, не его [64] так обещестил, как Богу нашему поругался и вес исраилтеской род похулил есть. Нам же || сего не возлюбити и благо ему не сотворити, л. 70
иже нас ради уже пострада—он же взыскует помощи у Бога нашего, а нас его не восприимати, но от себя его отринути — о! ни, сие да не будет, Гофонил, да пред Богом нашим и пред изгнанным странником сице согрешим.|

Гафонил

Ныне же исповедаю, приятел мой, господине Иосия, яко Охиоровою повестию к сожалению принужден есмь и ко иному помышлению приведен. Но кленуся [65] при сем, егда Олоферн,

---

[е] *Испр.*; *в ркп.* Ариор *АФ*. [ж-ж] *Вычеркн. в ркп. Щ*.

---

[61] *Нет Щ*. [62] *Нет Щ*. [63] *Нет Ф*. [64] ее *Ф*. [65] пленныя *Щ*.

л. 70 об. тою кровиею не насыщенный пес, точию к нам || да придет [66], тогда уведати имать, что многажды кошка, в утеснении сущи, вредителнее драти, нежели пес кусати может.

Иосия

О возлюбленныя друзи! Ныне не о драках, ниже о псах и кошках да глаголем, велми множая да восплачемся и молитвы [67] ко Господу Богу, ниц падше на землю, приносим, моляще единоя надежды исраилевы. Бог же отец наших да умилосердится [68] на ны. ||

л. 71 Иосия ж *молится*

О, ей, Господи Боже наш, Боже небесе и земли! Узри гордыню языков тех и наше смирение!

Финеес

О Боже Авраамля, Исаака и Иякова! Призри милосердием твоим на святая и яви, яко не оставиши надеющихся на Тя и низлагаеш уповающих о себе и [69] от своея силы хвалящихъся.

Иосия

Тако, братья возлюбленная, тако! К Господу Богу да прибегаем. Вем убо, что Он, яко милостивый и милосердый отец, жезл
л. 71 об. казни || своея, иже на нас уготови, паки сокрушит и во огнь ввержет, нас же, аки чад своих, помилует.

Ахиор

И аз в крепком пребываю обнадежении! Чаю бо, яко сицевые горькия слезы пред щедрым и милосердым Богом вотще излитися не могут, его же вы таковым прилежанием призываете.

Гофонил

Ты же, Ахиор, буди обнадежен, яко Бог отец наших, его же
л. 72 силу проповедал еси, той [70] тебе сия || даст воздаяния, да они о тебе не возрадуются, но ты наипаче погибель их узриши.

Иосия

Ей, зело приятный и возлюбленный гость [71] наш Ахиор! Ныне еще чюжд еси между нами, но, егда Господь Бог наш по-

---

[66] приведем *Щ*. [67] милостивый *Щ*. [68] умилостивися *Щ*. [69] *Нет* *Щ*. [70] по *Щ*. [71] господь *Щ*.

даст свободу нам, рабом своим, будет и с тобою той же Бог и впосреди нас, и яко угодно тебе, тако со всеми твоими да живеши с нами. ||

Ахиор *л. 72 об.*

Благодарю о сем благоприятии вашем, его же недостойнным себе быти еще вменяюся, обнадеживая вас, что ничто же любезнейшаго во всем мире себе не приветствую, разве две вещи: впервые, дабы впред аз со всеми си [72] моими по строению и обыкновению вашему Богу купно с вами служити могл, иже сам истинным есть Богом небесе и земли, и по сем вся языки да пред вами, праведными, посрамлены будут.

Вси *глаголют*

Амин, аминь, аминь. ||

Иосия *л. 73*

Пойди же тогда, муже ты любимый, аз бо тя оставити не могу. Приходи в дом мой, восприемлюще приятно учреждение и вечерю, юже ти благословением божиим представлю. Вси вы, любимыя друзи, приидите со мною, да гостя сего почтем, его же Бог нам послал есть, и да с [73] собою [74] час и другой при скудной вечери [74], юже изготових, возвеселимся, уповая на Бога, яко нам малое подкрепление благоизволит принимати. Аз иных презвитеров к себе позову. ||

Гафонил *л. 73 об.*

Благо зело, почтенный Иосия! Мы с охотою ти во след пойдем, понеже сонм целомудренный советников паче нежели излишнее учреждение будет [75].

Финеес

[76] Богу сие досадити, ей, не возможет, егда лепотно и воздержателно, к сему ж и умирително подкрепляемся [76] и увеселимся.

Авдия [77,з]

Но и паче, когда тол долго постилися есмя [78]. ||

[з] *Против реплики цифра* 3 *Щ.*

---

[72] *Нет ЩФ.* [73] *Нет Щ.* [74–74] *Нет Щ.* [76–76] *Нет У.* [77] *Нет У.* [78] *Здесь прерывается текст У.*

л. 74 Иосия

Приидите ж, любимыя друзи, да вкушаем и подкрепляемся мало! По сем бо паки, егда звезды на небеси блистатися учнут, вси людие возвани будут, да всю нощ молимся вкупе, просяще помощи от Господа Бога исраилева.

IV-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я[79]

Олоферн, Сисера, Мелех, Мосоллом.

Олоферн

Начало ныне, правда, учинено, храбрые вы [80] мои вои! Вефулия град истинно в руках моих, занеже уже в лоне войска
л. 74 об. моего объят есть [81]. Обаче удивляюсь зело, || что они нищие люди еще пред силою моею великою не страшаются и чрез послы своя милосердия молити не желают. Ей, крепчайших и безчювственнейших оных быти мню, нежели степы их и камение.

Сисера

Аще бы и крепчайшие были, нежели железо и уклад, однако ж железо и уклад еще мочно премощи, убо огнь уклад яко скудел измягчает, молот же истребляет железо аки плевели. Воеводо великий! Они было храбрости твоея еще сами не проведали, яко издали ттоскот тое слышали, и огнь ярости твоея самых еще не
л. 75 опали,|| яко издали пожар той услышали. Но напусти токмо на них силу и ревность свою, тогда ни о чем сице не роскаютъся, яко что [82] восхотеша [83] укладными и железными быти.

Олоферн

Но не вем, аще прузи те в худом гнезде своем сице достойни, дабы хотя единую мышцу к ним простреть. Аз бо имею удобнейшей на них промысл и чаю без великих трудов упорственныя главы их усмирити, да в скорых [84] днях з женами и з детьми сами
л. 75 об. ко мне изыдут. А иже богатество благодати моея презирают, || в то время, напитися студеныя воды да получити возмогут, в превысочайшее себе счастие вменяют.

Сисера

То бы воистинно прехладное утешение было! Но коим же обычаем, премудрый воеводо?

---

[79] *Доб.* явление 14 *Щ.* [80] *Нет* *Щ.* [81] зде *Щ.* [82] *Доб.* и *Щ.* [83] хотеша *Щ.* [84] которых *Щ.*

Олоферн

Вчерашнего дни обыдох окрест града и, егда вся положения и места разсмотрех, обрел есм источник велий вне града от страны юга, из него же вода трубами во град течет. И мню, яко един точию имеют кладезь той, из него же и сами || себе, и скоты *л. 76* своя напоявают во Вефулии. Тем же все трубы повелел пресечи [85] сице, яко проразумею, что днес ни единые капли воды не [86] имеют. Что же прочая по неколиких днях сотворят? Ей [87], нестерпимая жажда оных в станы мои изгонит или, нужды ради воды, зело беднее, нежели когда бы в своей истой крови залились, помрут.

Мелех

Истинно ж премудрой промысл! Но видел еси, милостивый княже, яко не далече от стен многие иные малые кладези есть, из них же черпают воду отай, колико хотят. || *л. 76 об.*

Олоферн

Видех, но токмо зело малые то источники, от них же едва бы доволно было малое стадо скотов напоити, чесо ради верити не могу, дабы от того во всем граде воды довольно быти могло.

Мосоллом

Аще не доволно на вседневную потребу, то однакожде вседневного прохлаждения ради. Тем же, егда слово мое угодно быти может, советую, да ко [88] всем кладезем стражи поставлены будут, да вефулиане не черплют от них воды. Тогда истинно или [89] без меча погибнут, или град || свой, его же ныне еще неодолеемым себе почитают [90], зане на горах поставлен, нам отдати подщатся. *л. 77*

Олоферн

Воистинно совет сей благ, ибо егда зверя кто прежде из вертепа его изгнати может, тогда и уловлен уже есть. Такожде егда и сие страшливые зайцы из пещер, из вертепов и ям гладом и жаждою изгнати возможем, тогда же наши будут. Тем же вы, сотники, Мелех да Мосоллом, идите абие и поставите крепкие стражи ко всем кладезям, || сущим близь стены градские [91] *л. 77 об.* имянно ко всякому кладезю по 100 человек, в день же [92] и нощию перемена да будет в их место.

Мелех

Зело добро, милостивый воеводо! Тотчас сия исполнена будут! [93]

---

[85] просящи *Щ.* [86] *Нет Щ.* [87] еси *Щ.* [88] коко *Щ.* [89] *Доб.* ни *Щ.* [90] *Доб.* тии *Щ.*
[91] гладкие *Ф.* [92] *Нет Щ.* [93] *Доб.* Мелех и Мослом отходят *Щ.*

Олоферн

Ты же, Сисера, поиди со мною. Аз бо сам днес еще округ града обыду и вся розыщу, аще ли промысл некой обрести не возмогу, как бы им переднюю стражу, на каменных горах стоящую, отняти.

Сисера

Зело добро [94].

[95] (*Зде отходят.*) [95] ||

л. 78 [и]IV-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я[96]

Июдиф, Абра.

Июдиф

Ей, Боже мой! Ничто же убо окояннейшаго несть, яко человек, и паки ничто же человеку несть обычнейшаго, яко болезнь. Жизнь наша ничем иным есть, токмо опасением, смерть также всегдашним страхом нам является. Обаче ничто же нам благополучнейшаго быти может, яко точию добрая кончина смерти. Пред тремя леты и 6 месяцей непщевах аз, яко окаяннейшая есмь и прескорбнейшая жена на сем свете, зане Бог ми блаженного и любезного сожителя моего Монасиса чрез скорую смерть от мира сего взя. Ныне же, благодаряще Господу Богу, возрадуюся о отшествии во вечную жизнь мужа моего, яко не сподобися с нами дожити сию окаянную беду и напасть, яже
л. 78 об. нам всем горчайшею смертию || стращает. Плакала есмь в то время, проводяще его к погребению, горко. Ныне же еще вельми горчае плачю, что не возмогу у него в гробе положена быти.

Абра

Госпожа моя премилостивейшая! Како ныне сице зело скорбна еси? Зане иногда во всяческих скорбех и злоключениях терпеливно пребывати и иных изрядно утешати можеши.

Июдиф

И ныне ми возможно благоволение божие и достойную казнь претерпети [97]. Обаче же было быти каменное, а не человечье

[и]*Отсюда до л. 88 почерк VI А.*

[94] *Доб.* Милостивый господине, зане то вящший способ есть, егда страж у них отняти возможем, тогда и Вефулия град конечно нами пленен нарещися может *Щ*. [95–95] *Нет Щ*. [96] *Доб.* явление 15 *Щ*. [97] терпети *Щ*.

сердце, иже бы не соболезновал о сицевой презелной нужде сего утесненнаго града: судии и старейшина со всеми гражданцы шедше ищут воды, идеже никоея обрести несть мочно. Отрочата и младенцы возопиют день и нощь || от жажды, матерем же *л. 79*
их исчезает млеко в грудях, понеже самым им нечем душу прохлаждати. Животное стоит такожде и лижет стены от презелной жажды, и колико уже от стад моих овец помроша!

Абра

Ей, госпожа моя прелюбимая! Вчерашняго дни самой ми сердце во утробе болело, егда увидех овцу во ограде нашей, дву мертвых агнец родящую, яже языки из уст своих испусти, знаменующе, яко в чреве матернем от жажды умроша. Овца такожде абие дух испусти.

Июдиф

Се ныне соболезнуеш сице о безразумном животне, яко же мне велми множае не болезновати о толь многих разумных душах, иже такожде, яко и скоты, от жажды умирати принуждены, аще ли Господь Бог чюдесно не подаст помощи? ||

Абра *л. 79 об.*

Ей, велие сие есть скорбление, еже и днес еще многих человек к смерти приведет.

Июдиф

Несть ли уже болши воды в кладязех?

Абра

О госпожа моя! Видех аз сего дни поутрии очима моима, яко матер едина младенца своего в третем[к] году от рождения положи в кладяз единой, да токмо прилипающие[98] капли ото дна полижет[99] и утруждший иссохлый язычек свой тем хотя мало овлаждит.

Июдиф

О всемилосердый Боже! Низсошли от высоты небесной нам ныне помощ свою, ибо нужда ныне толь зелна, яко никому ж иному, разве единому токмо всесилному Богу, оную отвратити есть мощно. Вем бо, и сердце ми[100] провещевает, яко Господь Бог

[к] *Испр.*; *в ркп.* ретем *А.*

---

[98] прилетающие *Щ.* [99] положить *Щ.* [100] *Нет Ф.*

л. 80 нам || вскоре чюдотворную преподаст помощь. Ты же, Абра, иди[V,1] на торжище прилежно, да слушаеши, о чем старейшие и судьи наши советуют, что помышляют, како разумеют граду присоветовати и какую о неприятелех имеют ведомость. Аз паки пойду в дом свой, в камаре моей своя си исполняти, ты же скоро паки возвратися и ответ ми явсвенной принеси.

Абра

Зело добро, госпожа моя! Аз не долго замедлюся.

[2]V-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 1-я[3]

[4]Авдия, Финеес, Иосия, Гофониил, Абра.

Авдия[4, л]

Увы! О, горе нашим убогим женам и детем! ||

л. 80 об.

Финеес

[5] О, горе, горе старейшим и судям нашим града сего, иже нас сице окаянно в пребеднейшую смерть жажды[5] преподают!

Авдия[м, 6]

О, коль лучше тем уже ныне, их [7] же Олофернова быстрая сабля вокомгновенным и [8] яко нечювственным усекновением сицевую злосчастную жизнь укратила и оных в траву к преопочиванию положила есть!

Финеес

[9] О, как радостно восхотел бых убогих пять отрочат моих, яже в дому лежаще в последней жажде метаются, пред Олоферънов обоюдуизостреной мечь убивающей жертве изринути и жадную душу мою хотя едино кровию их напоити [9] и удоволити. ||

л. 81

Авдия[н, 10]

Аз же приветствую еще днес умрети, да утрие моих сродников и домашних окаянную беду болши не увижу.

[11] (*Зде приходит Иосия и Гофониил.*) [11]

[л] *Против реплики цифра* 4 *Щ.* [м] *Против реплики цифра* 5 *Щ.* [н] *Против реплики цифра* 6 *Щ.*

[V,1] *Доб.* и *Щ.* [2] *Отсюда продолжается текст У.* [3] *Доб.* явление 16 *Щ.* [4–4] *Нет У.* [5–5] *Нет У.* [6] *Нет У.* [7] *Нет У.* [8] *Нет У.* [9–9] *Нет У.* [10] *Нет У.* [11–11] *Нет У.*

Иосия

[12] Ей, почтенный Гофониил! Аще ли правда, доброе даеш утешение, что Олоферн со всею силою своею ничто же стенам нашим сотворити не возможет. Обаче чем же имам убогих гражданцов со женами и детми их утешати, их же аз, да едино студенные воды напиются, от смерти ни на един день болши избавити могу? О, жажда велми лютейшая, паче самого [12] Олоферна!

Авдия[о, 13]

О старейшие вы!

[14] Финеес

О немилостивые суди!

Гофониил

Что за шум? Каков вопль сей? ||

Финеес л. 81 об.

Бог да будет судя междо вами и нами, что к таковой нас приводите нужде, яко не допущаете, да со асирияны мир сотворим, им же нас однако Бог в руце предал есть [14].

Иосия

[15] Братя возлюбленная! Чада возлюбимая! Не сотворите ж сице зло, ожидайте ся [15] помощи божия.

Авдия[п, 16]

Не имамы вящшие [17] помощи, но токмо нам в очах [18] вражиих от жажды умрети и бедно погибнути.

Гофониил

[19] Как же нам сотворити, возлюбленная вы? Что же нам промышляти, когда Бог еще не благоизволяет помощь нам подавати? Возможно ли нам [20] есть хляби небесныя отверсти и тако воду и дождь [21] низспустити?

[о] *Против реплики цифра* 7 *Щ.* [п] *Против реплики цифра* 8 *Щ.*

[12–12] *Нет У.* [13] *Нет У.* [14–14] *Нет У.* [15–15] *Нет У.* [16] *Нет У.* [17] вашея *У.* [18] руках *ЩУ.* [19–21] *Нет У.* [20] вам *Ф.*

Авдия[р, 22]

Несть потребно на небеса взыти, но [23] мощ [24] вам есть зде низу на земли промысл и помощ обрести. ||

л. 82

Иосия

[25] Како же, скажите! Дайте ж способы [25], да услышим!

Авдия[с, 26]

Созовите народ, да свободно Олоферну предамыся. Лучше бо есть, да поддамыся и живы пребудем, и тако Бога славим, нежели да погибнем и пред всем миром [27] в поношении будем, зряще, яко женам и детем нашим сице страшно пред очима нашима умрети.

[28] Гофониил

О друзя возлюбимая! Не добрый то совет! Помышляйте убо, яко на сей град наш порубежный вся Июдейская земля обнадежна: аще мы погибли, то и весь Исраиль погибнет. Хощем ли [29] того ради предателми быти всего исраилского народа? Ни! Не буди же [30] то, братия [30] возлюбленная, да сице сотворим.||

Иосия

л. 82 об.

Воспоминайте же, яко верной архиерей Иоаким нас увещеваше, да вес народ божий постоянно бран творим. А нам ныне лютому тому неприятелю поддатися, тогда убо мы, вефулияне, и во веки у всех исраилитян в поношении будем. Ей, они тогда нас из Авраамова рода и от похождения его вычтут и нас со наследники нашими языком приподобляти учнут.

Финеес

О, ныне во свидетелство приемлем небо, и землю, и Бога отец наших, иже мстится нам по грехом нашим, яко молихом вас, да предадите уже град в руку воем Олоферновым, да будет конец наш краток [31] во устах меча, и от жажды не погибнем.

У, у, у! (*Зде он плачет; вси возопиют, рыдающе*) [32] ||

[р] *Против реплики цифра* 9 *Щ.* [с] *Против реплики цифра* 10 *Щ.*

---

[22] *Нет У.* [23] не *Ф.* [24] мощно *ЩУФ.* [25–25] *Нет У.* [26] *Нет У.* [27] народом *У.* [28–32] *Нет У.* [29] *Нет Щ.* [30–30] добрая ти *У.* [31–32] (*Зде он плачет; вси возопиют, рыдающе*) во устах меча, и от жажды не погибнем. У, у, у! *Щ.* [32] возрыдающе *Ф.*

Финеес

л. 83

[33] Согрешихом, согрешихом со отцы нашими, не право деяхом [33] и беззаконновахом!

Авдия [т, 34]

Ты же, о Господи, иже милосерд еси, помилуй нас и в твоем наказании мсти беззакония наша [35] и не предай нас, исповедающих Тя, языком, иже не знают Тя, да не рекут и похвалятся: где есть ныне Бог их?

[36] (*Зде* [у, 37] *паки вси* [37] *плачют и рыдают*) [38]

Иосия

[39] Молчите же, братия возлюбленная [ф]! Послушайте мя: нужда велика есть и жажда неистерпима, обаче ж уже двадесят дней истерпели есьмы любви ради и верности к братьи нашей всего Исраиля, а еще малое время нам не претерпети сию нужду? ||
О братие возлюбленная! Терпеливи будите, да еще токмо пять *л. 83 об.*
дней ждем от Господа Бога милосердия, да ярость свою отсечет и даст славу имени своему. Аще ли же по пяти днех не приидет нам помощ, тогда уже сотворим по упрошению вашему и предадимся [39] Олоферну.

Финеес [х, 40]

О, ради сие, яко послушливые граждане, сотворити есми. Яже о нас, мужев, можем еще [41] пять дней жажду ту претерпети. Но како нам убогих [42] жен наших и детей пропитати, то воистинно не вемы.

[43] Иосия

Послушайте ж мя, друзя возлюбленная! На торжище еще един [44] есть кладязь, водою исполненной, его же по се время к
последней || нужде в заключении сохраних. Ныне же его отклю- *л. 84*
чити велю и ежедневно всякому дому по числу лиц подлинную меру тое воды разделяти, да хотя мало [ц] возмогут прохлаждатися [45].

[т] *Против реплики цифра* 11 *Щ*; *реплика пропущ. и дописана в конце сени У.* [у] *Слово обрезано при переплете А.* [ф] *Испр.*; *в ркп.* возлобленная *А.* [х] *Пропущ.*; *вставл. другим почерком* Авдия *Щ.* [ц] *Испр.*; *в ркп.* моло *А.*

[33–33] *Нет У.* [34] *Нет У.* [35] *Нет У.* [36–38] *Нет У.* [37–37] вси паки *Ф.* [39–39] *Нет У.* [40] Авдия *Щ*; *нет У.* [41] аще *Щ.* [42] убогим *ЩУ.* [43–45] *Нет У.* [44] *Нет Щ.*

Гофониил

[46] Аз же велю вылоску учинити к единому источнику близ рыбных врат, аще ли [47] возмогу [48] от неприятеля воду или поне кровь отбити [49].

Авдия [ч,50]

Но мы же еще глаголем, яко болши нам претерпети несть возможно. Минувшу бо пят дней, или свободным нам быти, или неприятелю в неволю ся предати [51].

Иосия

Бог нас да избавит! Идите токмо и утешайте сожителей ваших, жен и детей. Молитеся и призывайте Господа Бога, да подаст нам помощи.||

л. 84 об.

Финеес

Уже мы то исполним. Бог же нас да услышит!

(*Зде отходят*)

Абра

Таким обычаем по пяти днях здс [52] чюдесные действа [52] проявятся. Опасаюся тогда, яко к нам, отроковицам, асирийские те гости свататися учнут. Мне же ради да собудется, яко намеряют: некогда [53] и аз [53] сицевым случаем [54] честно мужа [54] сподоблюся. Между же сим аз вся сия госпожи моей объявлю, присоветовая оной, да заранее злато [55], серебро, жемчюг и драгие каменье закоплет и в земле сокрыет, да воем асирийским в корысть не достанутся. Аще же доброй какой воин приидет и [56] истинною мною сочетатися помыслит, то аз возмогу ему сокровище то проявити и тако с ним и себя убогатити, и в благополучии пожити. Госпожа бо [57] моя ни единого детища и наследия [58] не имеет, тем же возможно оной сие ми [59] за верные службы мои поступитися. ||

[ч] *Против реплики цифра* 12 *Щ.*

[46–49] *Нет У.* [47] *Доб.* же *ЩФ.* [48] возмогут *Щ.* [49] *Доб.* ими пожиров обити *У.* [50] *Нет У.* [51] *Здесь прерывается текст У.* [52–52] чудесное действо *Ф.* [53–53] нас *Ф.* [54–54] честному *Ф.* [55] *Доб.* и *Щ.* [56] *Нет Щ.* [57] *Нет Щ.* [58] последия *Щ.* [59] ему *Щ.*

Орив, Селум, Сомнас, Салман да Сусаким пиют веселящеся у единого кладязя на стражи сущи, Ванся же прииде на них со шти человек салдаты внезапу и отби их от кладязя.

Орив *поет* [щ, 61]

О братья наша!
Не печалитесь[62],
Ниже скорбите,
Но веселитесь.
Кто весть, кто из нас утре в живых будет?
Смело дерзайте,
Пока живете.
Не сомневайтесь,
Но веселитесь,
До коих мест сердце в теле живет.

Селум[63]

Братя любимая!
Испите вина,
Силу бо дает,
Внутрь укрепляет,
Что и смерти не убоятися.
Вино же творит,
Да ся веселит ||
Человек во житии, л. 85 об.
Так же[64] при смерти,
Тем же[65] исполнено храбростию.

Сомнас[66]

Любима братя!
Прохлаждайтеся,
Сон отженяйте,
Руже ж готовте.
О, здравствуй, Олоферн! здравствуй! здравствуй!
Аз веселюся,
Возрадуюся
И пию к тебе,

щ *Текст песни не разделен на стихи Щ*.

---

[60] *Доб.* явление 17 *Щ*. [61] *Нет Щ*. [62] плачитесь *Щ*. [63] *Нет Щ*. [64] *Нет Щ*. [65] *Нет Щ*. [66] *Нет Щ*.

Брате, за здраве
Прекрасных девиц во Вефулии.

щ (*Зде вытечка или вылоска*[67] *чинится*)щ

Ванея

Наступайте на них, вои! Наступайте, наступайте!

Сусаким

Кто идет? Кто идет? Кто идет?

Ванея

Наступайте на псов[68] тех, на них, на них!

Салман

Сполох, дворяне! Сполох, сполох!

Ванея

На них, на них смело дерзайте! Возмите в полон того пса!

Сусаким

Пощадите, господа мои! Пощадите мя, даруйте ми живот, аз бо от роду моего ни единого жида убил есмь. ||

л. 86 Ванея

О ты, собако! Почто же[69] имаши саблю и руже[70]?

Сусаким

Ружем[71] тем[72] аз токмо свиней убивал, а мясо в колбасы секл есмь, но никогда же им человека прикоснулся.

Ванея

Чтоб тебе и всем товарыщем твоим вси свиньи наши с кожею и с шерстию в чревах ваших торчали, нам же от вас, псов, токмо покой имети! Скажи ми, собако: что Олоферн ваш помышляет? Что он делает?

Сусаким

Он то же делает, что и мы: ест и пиет по вся дни, веселящеся и прохлаждаяся.

щ-щ *Слито с текстом песни Щ.*

---

[67] вылито *Щ.* [68] татей *Щ.* [69] *Нет Щ.* [70] оружие *Щ.* [71] оружием *Щ.* [72] *Нет Щ.*

Ванея

Ест ли окрест его крепкая стража?

Сусаким

Есть, округ бо его всегда 1000 человек тело его стрегут, обаче доброе вино ваше еще крепчайшее, зане ночию не допущает стражи той бодрствовати.

Ванея

Что же Олоферн думает? Не хощет ли едино [73] ко граду нашему [74] к приступу припустити [74]?||

Сусаким л. 86 об.

Ни, к сему войско наше не имеет охоту. Олоферн же начается, что вы сами к нему из граду изыдете и милосердия молити станете, яко же [75] и иные земли сотворяху.

Ванея

Так, так! Выдем мы [76] к нему [76] со серою и пеклою, со железом и булатом! Салдаты! Возмите того пса и, связав, воведите его с собою во град, яко тамо [77] да прочее его [78] испытуем. Между же сим граждане да изыдут и начерпнут зде несколко воды.

V-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я[79]

Иосия, Июдиф, Абра, Хабри, Харми, Гофониил.

Иосия

Сие воистинно [80] не вотще то делается, что сия благородная жена Июдиф к нам посылаше, желающе, да семо соберемся и ожидаем зде пришествия ея, нуждного ради разговаривания. ||

Хабри л. 87

Ей, сице она мене и Хармия молила есть, да вас в место созовем, и сама абие восхоте [81] семо к вам [81] приити и нечто граду полезное вам предложити. Се убо тамо она уже к вам и грядет.

Июдиф

Что, Абра, искусно ли слышала еси, яко Иосия и Гофониил по пяти днях помышляют град неприятелю предати?

[73] денно *Ф.* [74–74] приступою приступити *Щ.* [75] *Нет Ф.* [76–76] ныне *Ф.* [77] токмо *Щ.* [78] что *Щ.* [79] *Доб.* явление 18 *Щ.* [80] воинство *Щ.* [81–81] к вам семо *Щ.*

Абра

Ей, честная госпожа! Аз бо никогда же ослышивалас. Как же ми и того не дослышати? Се бо тамо старейшие уже в собрании суть, сама да изволиши их о сем вопрошати.

Июдиф

Бог да благословит вы, благие отцы града сего! ||

л. 87 об. Иосия

Бог тя да благословит и возлюбит, добродетелная и благоговеиная жено! По словеси твоему зде в собрании есмя, да услышим, что твое премудрое присоветование нам благое уделит.

Июдиф

Где же ми починати? Что же ми в начале глаголати и вопрошати, естьли поизволили предати град асириом, аще ли между пяти дней не приидет нам помощ?

Иосия

Презелная нужда и граждан нетерпеливость к тому нас принуждает.

Июдиф

Увы мне! Кто бо есте вы, иже искушаете Господа Бога?
л. 88 Несть сие слово, иже || [ъ]милость призовет, но наипаче ярость возбудит. Хощете ли вы к воли вашей милости господней время и день положити, когда ему нам помощи дать?

Иосия

Препочтенная госпожа! Никако не восхотехом сим милости господней время положити, токмо смятение людское тем и нетерпение хотели есми утолити и мало воздержати, истинно ж уповающе, яко Господь Бог между сим неложную нам преподаст помощ.

Июдиф [82]

Но терпелив же есть Бог, чего ради покаемся тому и отпущения со слезами взыщем: не гневается бо Бог, яко человек, дабы не пощадил. Тем же сердцем да смиримся [83] пред ним и постоянно ему да служим.

[ъ] *Отсюда до л. 114 почерк II А.*

---

[82] Иосия *Щ*. [83–83] *Нет Щ*.

Гофониил[83,ы]

Всегда есмы, благочестивая госпожа, храброе имели сердце неприятелю даже до самыя последния капли крови супротивитися и паче умрети, нежели варваром тем предатися. Но внутренняя скорбь и нужда сего толь долго || во осаде сущаго града так велика, что и прехрабрейшаго приведет в зелное воина сомнение. л. 88 об.

Июдиф

Что приведет в сомнение? Паче нам достоит, да в благодушии являемся, яко по скорби сей паки возрадуемся, зане не [84] последовали есми грехом отец наших [85], иже оставиша Бога своего и поклонишася богом чюждым, их же грех ради предани сут на погубление и на поругание врагом своим. Мы же инаго Бога не знаем, кроме того, от его же помощи ждем. Он же кровь нашу взыщет на врагов наших и смирит вся ѧзыки, востающая на нас, и сотворит их без чести Господь Бог наш.

Харми

Истинно же, о сем не сомневаемся. Но како между сим нам, убогим людем, помощи дати, иже нетерпения ради от тое неистермимыя беды едва не во отчаяние приходят? Ей, како нам убогих жен [86] и детей впред утешати, яже уже от жажды умирают и прочее никаковаго прияти могут утешения?||

Хабри л. 89

Ныне, правда [87], во граде отчасти утихло рыдание и плачь убогих граждан, понеже уложенной пятодневной срок конец нужды их и скорбления оных лучшое совершение прообразует. Между же сим поутрие подставляют они отверстые уста под низъспадающую студенную росу, засохлые языки своя еще охлаждати. Во вечер же изчитают и смечают они, колико еще часов остается или ко избавлению их, или к желателной погибели. Егда бо уложеные те пять дни пройдут, о Боже мой! кая тоска [88] между гражданы, плачь и рыдание востанет! Или сами отчаяния ради меж собою погубятся, или нас чрез стены измечут и недругу сами врата отвержут.

Июдиф

О҃ возлюбленныя вы! Не глаголите ж тако! Яко бо старейшие есте, достоит вам людей научати и премудростию вашею их

ы *Текст реплики слит с предшествующей Щ.*

[84] *Нет Ф.* [85] *Нет Ф.* [86] иже *Щ.* [87] неправда *Щ.* [88] толико *Щ.*

увещевати, да воспоминают, яко и [89] отцы наши искушени быша,
аще ли исправляют служение Господу Богу своему. Не искушен
л. 89 об. ли всячески есть Авраам и по многих искушениях || друг божий
наречеся? Такожде и [90] Исаак, и Ияков, и Моисей, и вси любящии Господа Бога не многия ли[91] скорби постоянно претерпеша? Но елицы же во Исраили, в нужде суще, со нетерпением на Господа Бога ропташа, от губителя истреблени[92] суть и от змии[92] погибоша. Сего ради в сем страдании да не [93] нетерпеливи явимся, но и паче [94] да исповемы, яко казнь сия божия [94] малейшая есть грех наших, верующе, яко приемлем наказание аки раби ко исправлению, а не к [95] погибели.

Иосия [96]

[97] О, кая [97] святая еси и благочестивая жена! Како истинно и безпохулно рекла еси! Твои сердец воздвижныя словеса не точию нас утешают, [98] но и грехи наши нам представляют [98]! О, моли за нас Господа Бога, мы же премудрому совету твоему последствовати будем: вемы [99] бо, яко от Бога есть.

Июдиф

Благо же. Понеже видите, яко от Бога суть, яже рекох вам,
л. 90 то буди же вам сие во искусство, что еже аз помышляю || сотворити на ползу отчины нашея, и то от [100] Бога есть. Не хощу же, да отведаете деяния моего, еже помыслих сотворити, но токмо молитвы творите за мя ко Господу Богу, да подаст к сему помощ свою.

Гофонил

О избрание всех премудрых и Богом дарованных жен! Девора некогда[VI,1] исраилевых людей от мучителства кананитейского воеводы Сисоры избавила есть. Даждь Боже, да и ты Деворою нашею будеши и нас от мучителства Олофернова да избавиши!

Июдиф

Тихо, тихо! Не шумите, аз бо не вем, еже Бог сотворити хощет. Но Богу, яже аз сотворити помышляю, вестно есть. К нему да молитеся, да в сих пяти днях, яко рекли есте, люди своя посетит.

---

[89] *Нет Щ.* [90] *Нет Щ.* [91] *Нет Ф.* [92–92] *Нет Щ.* [93] *Нет Ф.* [94–94] *Нет Щ.* [95] *Нет Щ.* [96] Харьми *Щ.* [97–97] оная *Щ.* [98–98] *Нет Щ.* [99] всем *Щ.* [100] *Доб.* Господа *Щ.*
VI, [1] *Здесь кончается текст Ф.*

Х а р м и

Тогда однакожде нам надежду чиниш на пять дней. ||

И ю д и ф

л. 90 об.

О, терпите же и не испытуйте мя [2] многими словесы, но, нощи сея собрався, ожидайте мене у врат. Аз же изыду со отроковицею моею и противо вражиих станов помолюся ко [3] Господу Богу, [4] между же сим и вы молитеся ко Господу Богу [4] нашему, да прочее возмогу вам сказати дела ваша.

И о с и я

Иди же тогда, утешителницо пресладчайшая скорби нашея! Иди в мире, сотвори по твоему помышлению, и Господь да будет с тобою во отмщение врагом нашим!

И ю д и ф

Аз ныне иду в камару мою, да к служению Богу уготовлюся, к сему что Бог ми на мысль подаст. Простите ж, друзья возлюбленная!

И о с и я

Прости, честная приятелницо! Мы такожде до тех мест молитися учнем, в молчании и уповании пребывающе. ||

V-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 4-я[5]

л. 91

Ахиор, Ванея, Сусаким.

А х и о р

Аще и мало воды было, кую ты, прехрабрый Ванея, у неприятеля отбил еси, то однакожде великое хотя малым отрочатем охлаждение было. Воистинно изрядное дело ты [6] всем сотворил еси!

В а н е я

О, когда бы вси асирийские воины таковые боязливые пси были, яко те пси, их же аз от кладязя отбил есмь, тогда бых поднялся у них все кладези отняти! Ей, истинно, Олоферновы люди подлинные пьяницы суть и боязливые безделники. Зри токмо, милостивый князю Ахиоре, каков сей есть небылица, его же поимав сюда привели есмы.

---

[2] *си Щ.* [3] *Нет Щ.* [4–4] *Нет Щ.* [5] *Доб.* явление 19 *Щ.* [6] *Нет Щ.*

Ахиор

Се смотри ты, еще не повешенной тате, како еще от [7] висилицы еси убежал, а сюда пришол? ||

л. 91 об.

Сусаким

Аз есмь от природы [8] моея доброй ковалер и господина [9] порутчика Ванея от кладязев наших сюда даже в дом его проводил. Но во [10] Вефулии граде весма грубогордые люди обретаются, которые ковалера в малой чести имеют, понеже нихто мя не хочет ныне паки назадь [11] на стан мой проводити.

Ванея

На висяницу ты, собако! Тамо тебе майстер Никель, се есть палачь, в провожатых постановлен есть.

Ахиор

Но ты, генералной воевода всех изменников, можеши еще тако пересмехати? Знаеши ли еще [12] меня?

Сусаким

Что мне тя знати, милостивый господине, понеже сих ради шуток и сам себя не знаю?

Ахиор

Имянуеш ныне мя милостивым господином! Како же мя в
л. 92 то время имяновал [13], || егда мя к дереву привязал еси?

Сусаким

(*зде тайно к себе говорит*:)

О, когда бых его в то время удавил, то бы ныне не возмогл так [14] возношатись.

Ахиор

Что ворчиш ты, собако? Что ропщеш? Како сице молчиши, ты скотина, ты осля? Говори ты, лютой ворище!

Сусаким

Аз несмь вор, ни осля, ниже скот, и не есмь ни собака, и ни какой человек.

---

[7] *Нет Щ.* [8] породы *Щ.* [9] днесь *Щ.* [10] *Нет Щ.* [11] *Нет Щ.* [12] сице *Щ.* [13] *Доб.* еси *Щ.* [14] человек *Щ.*

Ахиор

Что же тогда еси?

Сусаким

Аз есмь вещ, кая деревенским мужиком досаждает пущи тараканов, но имяни мне нет.

Ахиор

О висялнику! Не знаю ли тя аз? Не зовут ли тя Сусакимом?||

Сусаким

Ни, милостивый господине! То имя аз в то время в кладязь уронил, как меня Ванея в полон взял. л. 92 об.

Ахиор

О игрущий шуте!

Ванея

Милостивый князе Ахиоре! Се тамо приходит градский господин воевода, наш Гофонил.

Гофонил

Господине мой Ахиор! Возрадуюся, яко тя зде обрел есмь. Молю тя прилежно, да пойдеши со мною в дом мой ползы ради града сего и о неприятелских промыслех нечто тайно меж собою поговорити.

Ахиор

Зело добро, честный господине[ь] мой Гофонил. Но молю тя, да ми присоветуеши, что мне [15] с сим виселником делати.

Гофонил

С которым? С тем полоняником?

Ахиор

С тем, той бо палачник мя к дереву || привязал, у которого мене господин порутчик висящаго обрел есть. л. 93

Гофонил

О ты проклятой человече! Како дерзнул еси сицево над таковым князем содевати?

[ь] *Вставл. над строкой А.*

---

[15] *Нет Щ.*

Сусаким

Что Олоферн повеле, не праведно ли то и благо сотвориша?

Ахиор

Но Олоферн не повелел мя к дереву привязати, токмо не связана, но свободно в Вефулию вручити.

Сусаким

И мене Ванея [16] связа и [16] связана семо приведе.

Гофонил

О изрядное соравнение между тобою, небылицою, и сицевым велеможем, господином, каков Ахиор есть!

Сусаким

л. 93 об. Когда бы ты, прегрознейший господине || градский воевода, полным гетманом Олоферном был, а страшный полной гетман Олоферн был Гофонилом, тогда бых на твое повеление Олоферна, иже Гофонилом бысть, в животном возрасте повесил, не было ли бы то праведно?

Гофонил

Добро, добро! Шутки те вскоре кончину приимут. Что тебе мнится, милостивый господине мой Ахиоре: повесим сию часть воровской плоти Олоферну к позорищу на стену, вопрошая тогда, аще то праведно чинится?

Сусаким

Ни, господа мои! Прошу вас, обходите мимо мя с таковыми шутками, шея бо моя висети не привыкла. Лучше бы ми таким обычаем шею не имети.

Ахиор

Но буди же тако, изречение твое на тебе самом да и збудется,
л. 94 яко впредь без шеи будеш. Господине мой Гофонил! || молю тя, аще прошение мое ти годно есть, да велиши ему главу сняти и без шеи отпустити, и тогда не потребно будет ему висети.

Гофонил

Господине мой Ахиор! Вся, о них же просиши, не имать быти ти отказано. Салдаты! Возмите ж тогда его и поведите

[16]–[16] *Нет Щ.*

его к спекулатору к Доеху, к утрию глава ему да усечена будет. Тебе же, изменниче, краткое действо учинится.

Сусаким

Ей, истинно краткое действо, когда пядь длины моея убудет.

Гофонил

Поведите пса того прочь, прочь.

(*Зде салдаты, взяв Сусакима, отводят его прочь.*)

Ахиор

Честный господине мой Гофонил! Смел есмь стал твоими вежливыми словесы, егда обнадежил мя еси, о чем ни есть || молыти учну, яко ми отказано не будет. *л. 94. об.*

Гофонил

Ей, милостивый княже! Аз усугубствую изреченную речь мою со всяким усердием.

Ахиор

Молю тогда, да казнь над тем убогим человеком не вершится, зане, яко зримо самому ти есть, не полного[17] обретается разума. Точию страха ради изведен будет и, егда под мечем на колена приклопится, да прощение получит. Иногда тем от язычества отвращен будет и тогда мы виною спасению души его будем.

Гофонил

Воистинно премудро рекл еси, милостивый князе! Господине порутчик Ванея! Прикажи, да по утру страха ради под врата его к смерти приведут и, когда на колена припадет, вели спекулатору тогда, да вместо меча [18] лисей хвост употребит; потом же || извещай ему, яко [19] заступлением князя Ахиора *л. 95* дарование живота своего восприял.

Ванея

Зело добро, господине мой [20] и воевода! Сие действо и всех несколко утешит во скорбех своих.

---

[17] немногу *Щ.* [18] *Доб.* же *Щ.* [19] *Нет Щ.* [20] *Нет Щ.*

Гофонил

Пречестный княже Ахиоре! Помилуй мя, да благоизволиши ко мне в дом мой облехчитися. Имам еще малую крушку вина, кое ни с кем любезнее, яко с твоим благородием, поделитися желаю. При сем хощу радостно вразумитися о Олоферновом стану и воинских обычаех.

Ахиор

Зело добро, господине мой Гофонил! Никое таинство ти от мене имать сокрытно быти, елико о Олоферновых обыкновенных воинских промыслех ми вестно есть. Могу же к сему и некоторые способы, как над войском его промысл чинити, давати. ||

л. 95 об. Гофонил

Господине порутчику! Ты же между сим иди на стены градские и всю стражу крепко устрой, аз в два часа паки к вам прииду.

Ванея[21]

Должность мою аз уже исполню и ничто же оставлю. Простите!

(*Зде отходят.*)

V-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 5-я[22]

Июдиф

(*в молитвеннике своем.*)

Аще ли нужда есть велика, то однакожде упование ко Господу Богу превеличайшее имать быти. Аще все человеческия помощи погибоша, обаче всемогутство божие не погибе. Аще надежда слаба, но молитва имать быти[23] той силнейша. Аз тогда приклоню колена мои и воздену руце мои ко Господу Богу, слезы же мои излию к благодатным ногам его, воздвигая воздыханием моим милосердое отческое || сердце его. Вем убо, яко л. 96
сице про себя совет и укрепление, людем ж моим помощь истяжу. (*Зде преклонив*[24] *Июдиф колена свои, молится*[24] *сице:*) Господи Боже отца моего Симеона[25], иже дал еси ему мечь во отмщение иноплеменников, иже растлители быша в[26] скверности своей и

---

[21] *Нет Щ.* [22] *Доб.* явление 20 *Щ.* [23] *Нет Щ.* [24–24] колена своя Иудиф и молится *Щ.* [25] Самсона *Щ.* [26] *Нет Щ.*

обнажиша плоть девы в студ, и дал еси жены их в пленение, и дщери их в поимание, и весь плен на разделение рабом твоим, иже ревновали ревность твою! Помози ми, молю тя, Господи Боже мой, мне вдовице! Ты бо сотворил еси прежняя и ина по тех помыслил[27] еси, и бысть сие, еже рекл еси, вси бо путие твои уготовани сут и твои судбы в твоем проведении поставил еси. Узри на станы|| асирийския ныне, якоже некогда призрел еси л. 96 об.
на полки египетския, егда за рабы твоими оружнии течаху, надеющеся в колесех и в конницех своих, и во множестве бранителей. Но призрел еси на воя их, и тмы утомиша их, и потопи их бездна, и воды покрыша их. Тако да будут и тии, Господи Боже, иже надеются на множество свое, и в [28] колесех своих [29] и всадницех, и в стрелах своих [29], и в сулицах [э] славятся и не ведят, яко ты еси Бог наш, иже сокрушиши брани от начала, и Господь убо [30] имя есть [30] тебе. Воздвигни мышцу твою, яко от начала, и сокруши силу их в силе твоей, да падет [31] крепость их во гневе твоем, иже обещаются осквернити святая твоя и погубити заветы имене твоего, и отъяти мечем своим рог престола твоего. Сотвори, Господи, да мечем истовым его гордыня отсечется и да уловится очима своима на мя, || и да уязвиши его л. 97
лепыми глаголми уст моих. Дай же ми в сердцы дерзновение, да уничижу того силу и обращу его. Будет бо сие в память имени твоему, егда рука женска убиет его. Несть бо во множестве сила твоя, Господи, ни в конех силных воля твоя, ниже гордии от начала угодиша тебе, но смиреннии и кротцыи всегда тебе угодиша молением. Боже небес и творче вод, и Господи всего сотворения! Услыши мя бедную молящуюся и твоея силныя милости чающую. Воспомяни, Господи, на завет твой и дай слово во уста моя, и в сердцы моем совет укрепи, да дом твой во святыни пребывает, и вси языцы познают, яко ты еси Бог един и несть иного разве тебе.

VI-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 1-я[32]

Иосия, Хабри, Харми, Июдиф, Абра, Гофонил. ||

Иосия л. 97 об.

Что глаголеши, Хабри? Тако ли Июдиф украшается лепо и хощет ко Олоферну в станы его [33] изыти?

[э] *На полях в ркп.* копиех *А*.

---

[27] послал *Щ*. [28] *Нет Щ*. [29–29] *Нет Щ*. [30–30] есть имя *Щ*. [31] будет *Щ*. [32] *Доб.* явлению 21 *Щ*. [33] *Нет Щ*.

Хабри

Ей, ныне бо от нея приидох и видех сам ею облечену во одеяние благостыни своея, истинно сообразну некоему ангелу. Повеле же и отроковице своей, да лагвицу вина и сосуд елея, и круп, и смокви, и хлеб, и сыр с собою в путь возмет. Мене же моляше, яко да вас господ под врата созову, и сама возхоте не медля семо приити.

Харми

Зрите же, се тамо уже грядет.

Иосия

О Боже! Каков сей есть ангелский образ! Не видех ю никогда же в сицевой красоте, и мнится ми, яко Господь Бог сам оной сие благозрачие во очеса вложил есть. ‖

л. 98 Июдиф

Бог вам на помощь да будет, возлюбленная вы! Отворите ми малыя двери врат сих и пустите мя, да изыду.

Гофонил

Но, пречестнейшая госпожа, не приведеш ли сама себе в зелное опаство чести и живота своего, [34] наипаче же [34] несоравненные красоты ради твоея?

Июдиф

Не от похоти коея плотския украсихся, но Господу Богу на славу и честь. Он же убо ту красоту мою тому, иже о ней соблазнится, в ловитву претворит. Но не воздержите мене вящши!

Иосия

Благо же тогда: ничто же по словеси твоему вопрошаем тя вящши, ниже помышления твоего уведати желаем. Иди во мире! Бог отец наших да даст тебе благодат и вес совет твой силою своею да укрепит, яко да славится о тебе Исраил, и да будет имя твое в числе святых и преподобных! ‖

л. 98 об. Вси *рекут*

Аминь! Буди то, буди!

[34–34] но и понеже *Щ*.

Июдиф

Абра! Иди во след мене!

Абра

Ох, милостивая госпожа, страх таков на мя пришол, что чють,[35] сердце мое из утробы не выскочит.

Июдиф

Чего для ты сице страшишся, безумная?

Абра

Скажи мне, госпожа моя, каковы осирияне, таковы ли, что люди?

Июдиф

А хотя бы были что телцы, что тебе в том?

Абра

Телцов аз не боюся, ниже людей, но что асирияне за скоты, того ведати не могу.

Июдиф

Но когда аз не боюся, что же тебе ‖ боятися? л. 90

Абра

О, живот мой ми такожде любезен, матери бо моей много стало, до коих мест меня на сей свет принесла. Егда же мя асирияне убиют, то воистинну таков прекрасной живот не возмогу в торгу и за пять алтын купити.

Июдиф

Молчи же, велеречивая, с такими басни! Молися паче да иди за мною.

IV-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я

Олоферн, Сисера, Мелех и Мосоллом сидя в шатре пиют.

Олоферн

В три дни граду тому или в руках наших конечно быти, или[36] мне, Олоферну, сию главу на плечах не[ю,37] носити. ‖

[ю] *Вставл. над строкой А.*

[35] есть *Щ.* [36] и *Щ.* [37] *Нет Щ.*

л. 99 об. Сисера

Милостивый воеводо! Что же долго ждати? Изволь утре к ним посылати барабанщика, извещая им, да вскоре еще во время надежды милосердия получити здадутся. Аще ли ни, то к приступу вели войску итти. Чаю убо, яко когда в то время градские те мыши узрят в правду, инако учнут пищати.

Олоферн

Что еще ми псом тем честь сию приложити, да к ним пошлю? Ни, воистинну, кленуся при Новуходоносорове несравненном венце: аще ли они между треми днями доброволно не предадутся, тогда вес град велю сице сокрушити, яко и частем его к Ниневу граду летели, крови же жителей даж во Ефрат реку плавати.

Мелех

л. 100 Когда ко граду учнем крепко приступати, тогда те || боязливые псии[38] усмирятся и поддаватися восхотят, но уже поздно будет.

Сисера

Ни, мой товарыще! Они еще не само боязливи, ибо вчерашняго дни еще выласку учинили, стражу нашу от кладезя отбили и единого от наших воинов, изрядного человека взяли.

Олоферн

Смеют ли те боязливые зайцы [39] еще то [39] чинити?

Сисера

Для того что не смеют изыти, зане велия к сему приводит их нужда.

Олоферн

Но что же несмысленной той Ахиор у них творит?

Сисера

л. 100 об. Мню, яко в богомолии и в пощении || пребывает, пророчествуя им, яко бурмистру вефулийскому царем ниневитским быти, но ему же его гетманом быти.

---

[38] ти *Щ*. [39-39] то еще *Щ*.

Олоферн

О, ни, сего нового пророка аз новому тому царю в знамя напишу стояща, мечем сквозе сердце его прободену ради воспоминания пророчения своего! Но рад бых полоняника из города того имети.

Мелех

О, не удоб то сотворити, аще паки выласки не будет.

Олоферн

Добро же. Обсылайте же округ града воинских людей, да некоих из града, языка ради, изтяжати могут. Между же сим простите мя, иду бо ко опочиванию.

Вси

Прости, прости, Олоферн! ‖ Опочивай во здравии, мы же при твоей милости. л. 102

VI-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я[40]

Селум, Сомнас, Салман стоят на стражи, Июдиф и Абра выходят.

Селум

Како ли ныне з братом нашим Сусакимом содевается?

Сомнас

Уже едва болши ходити или стояти учнет, но токмо изрядною длиною своею на виселице висети.

Салман

О! Како ему то станет около шеи лоскотати? ‖

Селум л. 102 об.

Он таков был добрый брат испивати, шея бо у него пространная была, к сему ж изрядно пел есть.

Салман[41]

О, аще бы безумной той тако могл бежати, яко пети, то бы давно убежал есть, яко же и мы.

---

[40] *Доб.* явление 22 *Щ*. [41] *Нет Щ*.

Сомнас

Ей, когда бы ему ноги на виселице не околели, то бы и ныне возмогл бы убежати. Но что же зде в вертепе шумит?

Селум

Кто идет?

Салман

Кто идет?

Июдиф

Добрый, ей, добрый друг.

Селум

Кто еси ты? Откуду и камо грядеши? ||

л. 102 (*Зде Абра, ужасаяся, сокрывается за Июдиф.*)

Июдиф

Аз есмь жена еврейская.

[я] Абра[42] *тут же говорит*:

Аз же еврейское брение[я].

Июдиф

И ныне из Вефулии избегла есмь.

Абра

Но аз бы рада паки тамо была.

Июдиф[43]

Вем убо, яко в руцех ваших будут, зане вас презрели и не возхотели у воеводы вашего милосердия вопрошати и доброволно[44] здатися.

Селум

Мощно ли ти нам в том верити?

Абра

Ей, господа мои, и аз в том свидетелствую. ||

[я-я] *Вычеркн. Щ.*

---

[42] брат *Щ.* [43] *Нет Щ.* [44] доволно *Щ.*

Июдифь л. 102 об.

Сами уведаете, егда мя ко князю вашему Олоферну приведете, хощу бо вся сокровища ему, яже вем, открыти, [45] како удоб [45] возможет их одолети, и тамо не погибнет и един от воев его.

Селум

IV, [а] То сохранит живот твой сего ради, яко сицев обрела еси совет. Да идеши ко господину нашему, и сие веждь, яко егда предстанеши [а] пред ним, благо тебе будет и будеши любезнейша в сердце его.

Июдиф

Господь подай милость, егда вниду пред лице его!

Абра

То же и мне.

[б] Селум

Что мниши, брате: не отверзет ли очи Олоферн, яко увидит такую красную жену? ‖

[в] Сомнас л. 100 об. Щ

Аще ли бы она собою не похотела итти к нашему воеводе, и аз ведал бы, что с нею сотворити.

Селум

Что же?

Сомнас

Снял бы с нее красную одежду, яже бы добра добыча была жене моей привести в поминка, в тое красную жену отвел бы в подарках к воеводе нашему, как я ему прежде сего обещал есмь, якоже и ведаю, что он мене за то дарил бы доволно. ‖

Салман л. 101 Щ

Стой, брате! Чаю, и мне ис того жеребей будет.

Сомнас

О, мочно тебе удоволити сим красным родом, которой за нею стоит.

IV, а–а *Вычеркн. Щ.* б–е *Вычеркн. Щ.* в–ж *Пропуск (утерян лист) в ркп. А; текст восстановлен по Щ.*

45–45 таможде *Щ.*

Салман

Сицеваго непригожеваго стерва воронья не хотел бы, хотя б вся была в красном аравицком злате.

Абра

О милые господа, не уничажайте мя [г]! Чаю ж тело и порода моя не велми похулена, вы же мене в темной нощи добре разсмотрети не можете.

Июдифь

Молчи и не глаголи, многоречивая! Вас же, господ моих, молю, да мене и рабыню мою не уничижайте, инако [д] жалобу на вас князю донесу, за что он вам крепкое наказание учинити укажет. ||

л. 101 об. Щ

Сомнас

Прекрасная жена! Не велми свою рабыню заступай! Аз ведаю, что человек честной к ней не коснется, а о тебе не глаголю [е].

Селум

Ни, бози наши нас сохранят от сицеваго злоключения, и тебе, красная [ж]|| жена, и малое уничижение от нас не учинится,
л. 103
но мы тебе всякую честь воздадим. Дай мне прекрасную свою руку, а я тебе проведу к нашему воеводе.

Июдиф

Аз не малая отроковица, чтоб мене за руку весть! Слава Богу, и сама дойти к нему могу!

Селум

Обаче же мы тебе отпровадим.

Июдиф

Что провожать? О том вас токмо прошу, да путь мне укажете к вашему воеводе Олоферну. Что долго медлите? Не хощете ли ожидать, покамест вои из Вефулии приидут, мене достигнут и вас попленят или побиют, как учинили вашему товарыщу, которого в плен взяли? ||

[г] *Испр.; в ркп.* ся *Щ*. [д] *Испр.; в ркп.* ино како *Щ*.

Салман[46] л. 103 об.

О небо и земля! Подлинно то брата нашего честного Сусакима поимади! Зде нам, брате, не ожидати, поспешим скоро!

Абра

И я с вами, мои господа! И я с вами!

VI-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 4-я[47]

Олоферн, Сисера, Июдиф, Мосоллом, Мелех, Одид, Абра.

Олоферн

Что слышал есмь? Наши вои[48] сее нощи[48] благородную еврейскую жену пленили?

Сисера

Зело предивную красную жену, аз ее равной век не видал есмь. Мосоллом абие к твоей милости приведет ее. ||

Одид л. 104

Велеможнейший воевода! Тамо приходит Моссоллом и ведет с собою узники.

Олоферн

Кая тамо[49] сияет небесная красота? О дивно! Кто из вас, храбрых, поверил бы, что у смердящих евреов обретаются сицевыя красныя жены?

Сисера

Кто уничижит людей еврейских, иже сицевые красные жены у них обретаются? Да како не возможем ополчитис противо их?

Июдиф

Велеможнейший и милостивейший княже! К ногам твоим уклонилася покорная рыбыня еврейского колена, кая пришла в той надежди, яко храбрость твоя не токмо непокорных покорити может, но сверх того и непротивным || милость оказывать готова. л. 104 об.

---

[46] Сомпас *Щ*. [47] *Доб.* явление 23 *Щ*. [48-48] себе ныне *Щ*. [49] *Нет Щ*.

Олоферн

Сисера и Мосоллом! Воздвигните ее! Возбудися, красная жена, и радостна буди душею, и не ужаснися в сердцы твоем, яко аз никогда же побих мужа, иже хотяше служити Навуходоносору царю. Аще не быша людие твои не уничижили мене, не воздвигнул бы копия моего на них. И ныне же рцы ми, коея ради вины отошла от них и пришла еси к нам.

Июдиф

Милостивый княже! Приими словеса рабыни твоея, господине мой! Яко аще сотвориши по словеси сем рабыни твоея, и Господь Бог сотворит совершенно дело с тобою.

Олоферн

Кто не рад слышати такую благославную речь? Глаголи без-
л. 105 опасно, || красная жена!

Июдиф

Господь Бог подай благосчастие великому царю многих государств Навуходоносору, которой послал тебе ко отмщению всем людем лукавым, якоже не токмо человецы послужат ему тебе ради, но и зверие польные послушают его! Извести бо ся твоя мудрость всем языком и прославися по всей вселенней, яко ты един благ и силен во всем царстве его, и наказание твое всем властем проповедуется.

Олоферн

Полно, красная жена, мою славу хвалити! Рцы нам, что к делу служит.

Июдиф

Не утаилося, что глаголал Ахиор пред тобою, и известилося
л. 105 об. нам, что ему повелел еси сотворить || за то. А что Ахиор глаголал, то истинно. Весть бо Господь Бог наш, яко прогневахом его грехами нашими, иже глаголаша пророки своими к людем, да предаст их в руки врагом [50] за грехи [50] их, и яко да знают сынове израилевы, иже ныне прогневаша Господа Бога своего, сего ради страх твой на них есть.

Олоферн

Уже начинают боятися мя и силы моей опасаются!

[50–50] *Нет Щ.*

И ю д и ф

Наипаче паки глад терпят и за оскудение водное, ради жажды, с мертвыми сочетаются. Паки и сия советуют, да убиют скоты своя и пиют кровь их и святая Господа Бога своего, иже заповеда не осязати, едят жертвы. Сего ради подлинно погибнут.

О л о ф е р н

Аще же так, тогда Ахиор истинно глаголал. ||

И ю д и ф л. 106

Подлинно так, и я сего ради збегох от них живот свой сохранити, и посла мя Господь Бог мой сия тебе возвестити.

О л о ф е р н

Ну, благородная жена, тогда по то время в достойной чести [51] будем тебе блюсти [51].

И ю д и ф

Аз, раба твоя, так [52] в своем совете утвердила: хотя приидох к тебе, молитися Господу Богу своему учну. И ныне сущы пред тобою да изыдет раба твоя и молится Господу Богу своему, и речет мне, егда воздаст им за грехи их, и пришедши возвещу тебе, яко да аз приведу тебе посреде Иерусалима [53]и имаши [53] вся люди израилевы яко овцы, им же несть пастыря, и не возлает ни един пес противу тебе.

О л о ф е р н

Благо сотворили есте, бози мои! Кто || из вас прислал такую красную жену путь ми показати? л. 106 об.

И ю д и ф

Бог мой открыл ми то, для того что гнев на них, и посла мя о том обвестить.

О л о ф е р н

Что мните вы, господа благородные и храбрые, о сицевом намерении?

С и с е р а

Истинно зде красота и целомудрие обще во едином теле обитают.

[51–51] тебе блюсти будем *Щ*. [52] *Нет Щ*. [53–53] да *Щ*.

Мелех

Аз исповедаю, что сицевой жене равности во всей земле не обретаетца в красоте и мудрости.

Мосоллом

л. 104 об. Щ Аз удивляюся тому, иже при сицевой мудрости обретается молчание, потому что аз в крепком роспросе || [з]и единаго слова от нее не доступил есмь.||

л. 105 Щ

Олоферн

Твой Бог, благосотворенная жена, то благо сотворил, иже посла тебе, преже тот люд да дастъся в руце мои. Аще сотворит сие Бог твой, что рекла еси, то будет и мне Бог, а ты в дому Навуходоносорове будеши велика, имя твое прославится по всей земли.

Июдиф

Господи Боже наш послал еси то паче, как я желаю и рекла есмя.

Олоферн

Мосоллом! Проведите ее в хранилище сокровища моего и повелите ей тамо жит и уставите давати ясти от стола моего.

Июдиф

Господине милостивый! Покорно молю тебе, чтоб ты поволил сицевую высокую честь отринут, того ради, что не смею ясти от стола твоего, чтоб не проступилас есмя; но то, что принесох с собою, да ям. ||

л. 105 об. Щ

Олоферн

Аще оскудеет тебе сия, яже принесена с тобою, что сотворим тебе?[и] ||

л. 106 Щ

Июдиф

Жива душа твоя, господине мой, яко не снем [к] вся сия [к], раба твоя, дондеже сотворит то Господь Бог рукою моею сия,

---

[з–л] *Пропуск (утерян лист) в ркп. А; текст восстановлен по Щ.* [и] *Путаница листов Щ: реплика Олоферна на л. 105 об. слита с репликой Сусакима (вычеркн. в ркп.); далее следует диалог Сусакима и Ванеи из след. явления. У конца реплики стоит знак «+» и начало текста* жива душа твоя *(реплика Иудифи), т. е. отсылка к тексту на л. 106.* [к–к] *Испр.; в ркп.* всякия *Щ.*

яже помыслих. И прошу покорно, чтоб дать мне свободу в ночи, прежде светлости, исходить вон на молитву и помолитеся Господу Богу.

Олоферн

Благо же! Мосоллом! Сотвори все по ее велению и никому изобидеть ее не дай. И повелеваю, чтоб ясти ей то, что с собою принесла есть, и чтоб [л]|| ей по сих трех дней свободно ходить *л. 107* молитися Господу Богу. Да вы, началники воев, совокупитес по полудни ко мне для совету сих дел.

VI-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 5-я[54]

Сусаким, Ванея, Доох с протазанщики.

Сусаким[55]

Первое Сусакима повесить, второе вопросить по достоинству, третье[м] главу ему отсещи... [56] О! Зело изрядные потехи! Аз же то все в шутку почитаю.

Ванея

Скоро то проведаешь, что не шутка есть, как сей мастер болшим мечем своим главу твою отсечет, что на две сажени от телеси слетит.

Сусаким

Глава моя с шеи слетит? Может ли || мастер сотворити, что *л. 107 об.* главам летающим быти? И я прошу, чтоб он крыле к моему телеси притворил, и я главу и тело на тысящу верст отрину.

Ванея

Ну, ну! И то учинитися может, что ворон твое воровское тело и дале пронесет.

Сусаким

Слышу! Тогда я для уподобления ворону свое тело жареною свининою выкормил есмь.

[м] *Испр.*; *в ркп.* третьее *А*.

---

[54] *Доб.* явление 24 *Щ*. [55] Даох *Щ*. [56] *Доб.* Сусаким *Щ* (*как обозначение говорящего*).

Ванея

О свиной стомах и вороне снедение! Доволно! Не могу с тобою день целой розговаривати. Перестань, бо у мене иное дело есть.

Сусаким

Милый мой Ванея! Прошу тя, изволь погулять и з Доохом к
л. 108 жилищу своему и дела свои исполните, || а я зде и сам главою своею утешуся.

Ванея

О, ни, главу прежде отсещи!

Сусаким

Что? Главу отсещи? О приятелю мой и друже! Тогда я зело в благородном житии пребуду, потому что шапки никогда же в руцех не держати: когда главы не будет, где же ее надеть?

Ванея

О ты непригожие облезьяновы породы! Еще [57] ты [58] хочешь шутить в таком времени, где смерть свою пред очами видиш? Скоро, скоро! [59] Приклонися на колена [59]!

Сусаким

Господине мой! Указ о мне так содержит, чтоб мене на пядь укратить. А когда на колена припаду, тогда своего возрасту
л. 108 об. 4 пяди прекращуся. || А егда глава отсечена будет, то и пяти пядей возраста моего не будет, и то не учинится мне по указу.

Ванея

Просиш и молиш, что указу противно, аще почитаеши в длину и поперег. Однакожде счет мой у мене уже совершился, той же ныне тебе вкратце мечем совершу.

(Зде Доох и протазанщики возмут ево и хотят повалить.)

Сусаким

О милостивый господине спекулатор! Увы, увы! О горе мне! Милостивый же ты господине Ванея! Выслушайте ж, выслушайте ж у мене хотя единого слова!

---

[57] еже *Щ*. [58] *Нет Щ*. [59—59] приклони колена *Щ*.

Ванея

Глаголи же, что же требуеш, а рцы вкратце.

Сусаким

Ни, ни! Буде в правду то, и мне шутками от того не избавится, || а по смете моей главу ми отсечь хощете. И я молю вас, л. 109
даруйте ми время, да со светом еще прощуся, которого я впред не увижу.

Ванея

Чюдные [60] виселничьи речи говориши! Делай скоро и, какое твое мудрое прощение, извещай нам.

Сусаким

Прости, чюдный и изрядный свет честной! Аз желаю, чтоб при житии своем был и аз не грешен. А понеже злодейской спекулатор мне жить болши не допущает, и я молю у тебе, благородный свете, — ибо впред тя не обрящу — не велми печалтеся о моем скором умерщвлении, останутся еще многие воры и злодеи по смерти моей к покорению. Простите мя, пять мои братия, иже в Ниневе обитаете! Аще же ныне и не творите мне провождения,
однако ж и вы вскоре сицевым путем || пойдете! Прости, моя л. 109 об.
старая сестра, яже в Ниневе болшой торг имееши серными трески, веревками, сапожными колодками и вшаною отравою! Ял есмь у тебе часто блины пряженые, а здешние же кишки сотворили то, что все в забвении учинилос. Ты же по смерти моей товары и блины [61] свои да употребляеши! Простите вы, благородные сродники мои ис пятерых чинов: ярыжки, чуры, трубочистники, брения возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаютца! Аще ли же бы и аз учихся [62] такова же художества, [63] и на [63] пути сицевые горкие смерти не наступил бы!

Ванея

О! Правду глаголати, зело ты благие породы еси! Аз плюну на тя. Несть ли сему твоему прощению еще конца? ||

Сусаким л. 110

Ни, ни! Еще единое речение осталося.

---

[60] черные *Щ*. [61] банны *Щ*. [62] учинихся *Щ*. [63–63] *Нет* *Щ*.

Ванея

Глаголи же скоро, да [64] и Доох [64] речь свою исполнит.

Сусаким [65]

Простите ж мя вы, девять художеств, яже плоти моей угождаете: пиянство, блудодеяние, убивство, костарничество, оболгание, обманство, крадежство, разбойство и мошенничество!

Ванея

О ты злоокаянной вор! Всех ли[66] тех художеств научен еси?

Сусаким

Был бы есмь малодушной и нужной служилой, как бы тех художеств не учон был. ||

л. 110 б. Ванея

В правду подобает тебе быт дохтором в науке сих художеств. Доох! Постигни и приряди сво во изрядное [67] и красное одеяние и кроваваго цвету в камку [68].

(*Доох паки принимаетца за нево.*)

Сусаким

О господа! Еще едино речение изглаголю!

Ванея [69]

Когда же то скончится?

Сусаким [70]

Абие, абие исполнитца. Простите, седмь вы веселия [71] годовые времена: младые цыплятка, ягнятка, яйца свежие вешние, кормленые каплуны и телята жареные, к пасце молоко, сметана, колачи крупичатые с маслом и молодые голуби жареные, летние скворцы и жаворонки, молодые ряпки, кролики и зайцы моло-
л. 111 дые || осенние, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье в пирогах, шуба [72] и рукавицы да шапка теплая, зимние кишки жареные свиные, окараки и головы свиные ж, студени[73], ребра свиные и желудки во всех корчмах! Простите, простите!

[64–64] идох *Щ*. [65] *Нет Щ*. [66] де *Щ*. [67] грядное *Щ*. [68] скаку *Щ*. [69] *Нет Щ*. [70] *Нет Щ*. [71] веселитеся *Щ*. [72] *Доб.* баранья *Щ*. [73] *Нет Щ*.

Ванея

Колико же много твоего прощения будет и много ль тысящь речей глаголати хощеши? Доох! Сотвори с ним последнее речение ево, отсеки ему главу.

Сусаким

[74] О ни! [н] О ни! [н] Еще одино изречение да изглаголю, а болше не будет. Аще паки изреку [75] что, тогда мне тысящею главу отсеки.

Ванея

Не надобно тысящею, полно и единова. Делай абие кончение.

Сусаким

Прости сто тысящею и сто еще || сто тысящею, глава моя, яже от телеси моего отлучающаяся! Как брение из утробы коровьи, поезжай благо! Будеши бо изрядная потеха к детцкому игранию, где пси тешитися учнут в ямах палых скотов. А ты, благородное тело [76], будеш пища великим господам, которые твои судии будут, иже всем ворам и злодеем кончание творят и мясо и кровь междо собою, как отчину, разделяют. О вы, благородные вороны! Простите и во благодарство поимите мое тело, которое вы ясти будете! *л. 111 об.*

Ванея

Ну, уже ты своих гостей зазвал еси, время скатерть слати. Доох! Абие твори свое.

(*Зде Сусакима о землю ударят, и*[77] *бьют по ногам, и лисьим хвостом по шее его вместо* || *меча ударя, дондеже от того падет и будто мертвец лежит на земле. Ванея*[78] *с товарыщи отступят со смехом. Тогда приподымется Сусаким и со страху паки, встав, речет.*) *л. 112*

Сусаким

Яко же надо мною ныне творитца, не ведаю. Жив ли я или мертв? Право [79], впрям того знать не могу, подлинно ли умерл есмь аз. Аз подлинно слышу, что от мене живот отступил [80,81] из нутренних [81] потрохов в правую ногу, а из ноги в гортань, и

[н–н] *Вычеркн. Щ.*

[74] *Доб.* Колико же много моего прошения *Щ.* [75] изрекох *Щ.* [76] дело *Щ.* [77] *Нет Щ.* [78] *Нет Щ.* [79] прямо *Щ.* [80] *Доб.* и *Щ.* [81–81] изнутри их *Щ.*

правым ухом вышла душа. Токмо еще [82] мнится ми [82], яко несколько света помню. Зде мои чулки и башмаки. Тамо лежит моя шляпа, зде мой кафтан и штаны. Токмо того не знаю, где глава моя. ||

л. 112 об. *(Он везде ищет главы своея.)*

Сусаким [83]

О вы, господа! Аще ли кто от вас из любви и приятства мою главу скрыл, и я того покорно без шляпы прошу и молю, чтоб [84]мне он [84]возвратил. Или вор Доох с собою в жилище свое взял? Аз же по сей смерти инако не буду, токмо аки привидением, или мечтанием: нощию войду в чертог Доохов и ево так устрашу, что он главу мою мне возвратит.

(По сем выдет из строения.)

VII-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 1-я

Олоферн, Сисера, Мелех, Мосоллом, Одид, Вагав, Июдиф, Абра.

Олоферн

Ей, воистинно днес да возрадуемся, воины мои прехрабрые!
л. 113 Ныне вас || учреждаю в шатре, но во время скорое, имянно же [85] в сутках, надеюсь во Вефулии граде в лучших полатах вас употчивати.

Сисера

Тогда же твоей милости и того великого пророка и новаго владетеля Ахиора ко обеду позвати.

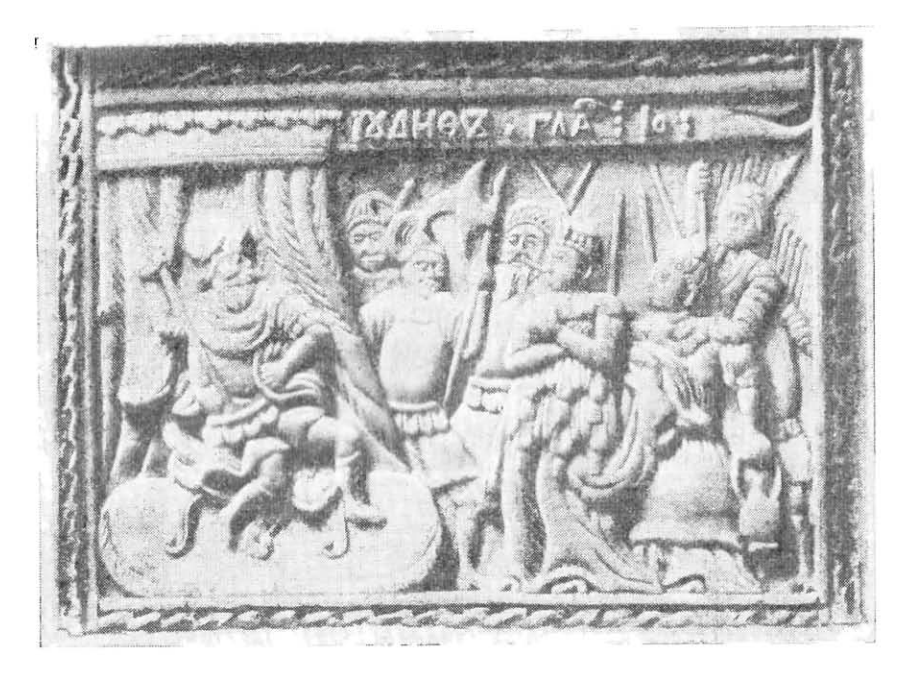
Олоферн

О, истинно, глава его конечно на столе предо мною быти имат. Но что же вам мнится, господа: не позват ли ми ту еврейскую прекрасную жену, прежде нежели к столу сядем, не токмо вящшую весть о граде том и о Ахиоре возприяти, но и с нею красоты ея ради утешитися?

Мелех [86]

л. 113 об. Ей, так! Что же [87] учреждение || без вина? Вино же, аще и лучшее, что безо всякие усердные радости? А что же и вся сицевая радость без доброзрачные и утешителные жены?

[82–82] мне ся мнит *Щ*. [83] *Нет Щ*. [84–84] он мне *Щ*. [85] еже *Щ*. [86] Сисесара *Щ*. [87] *Доб.* бо *Щ*.

Иудифь со служанкой перед Олоферном (ларец из собрания Б. А. Рыбакова)

Мосоллом [88]

Правда, яко достойна есть, да между всеми евреи она едина честь ту восприимет тебе, превеликому воеводе, у стола послужити. Но чесо же ради велми множае, яко в плену сущей, не повелеваеши, но паче о ней в печали пребываеши?

[о] Олоферн

Истинно рекл еси ты. Вагав! Иди и [89] моли [90] евреяныню, да изволит к нам приходити. Поносно [91] бо есть [91] пред асирияны, аще жена посмеется: быв у мене, отъидет бес порока. ||

о–р *Вычеркн. Щ.*

---

[88] Мелех *Щ.* [89] *Нет Щ.* [90] умоли *Щ.* [91–91] бысть *Щ.*

л. 114 Вагав

Добро, милостивый господине! Но сомневаюсь, яко приити похощет.

Олоферн [92]

Чесо ради?

Вагав [93]

Жена та толко радостей и во всем телеси своем не имеет, колико аз денег в пире своей, их же токмо два алтына есть. Ничто же бо иного не творит[94], разве день и нощь плачет, молится, постит и рыдает. Аз бы лучше три дни за караулом сидел, нежели у нее час один.

Сисера [95]

То она творит воедине сущи. Кто бо весть, о чем [п]она рыдает? Егда убо в люди приидет и милость к себе Олофернову узрит, тогда печаль та и в радость ей претворится.[р] ||

л. 114 об. Олоферн

Вагав! Иди, да сотвори повеление мое! Но со всяким вежством оную да молиши, яко ко мне на вечерю мою приидет, со обнадежением постоянныя моея к ней милости.

Вагав

Прилежание мое аз уже сотворю. Но, милостивый воевода, [с]егда аз ту прекрасную жену к сему приклоню, да [96] к тебе приидет, кая же ми мзда за то будет?

Олоферн

Новые сапоги тебе куплю.

Вагав [97]

О, то ми к бежанию готовитися! Того бых не рад.

Олоферн [98]

То тя саблею моею подарю.

Вагав

О! Боюся, дабы глава не слетела! [с]

[п] *Отсюда до конца почерк VII А.* [с–с] *Вычеркн. Щ.*

---

[92] *Нет Щ.* [93] *Нет Щ.* [94] *Доб.* и *Щ.* [95] *Нет Щ.* [96] но *Щ.* [97] *Нет Щ.* [98] *Нет Щ.*

Олоферн

Иди же скоро! [т]Ныне ми не есть время много розговаривати, уже ти за то воздам по достоинству. Между же[т] || сим, господа, мало да прохладимся, дондеже вечеря поспеет. [у] Ты же, Одид, приготов к столу[у]. (*Зде отходят.*) *л. 115*

[ф] Одид [99,100] (*зде он пиет.*) [100]

Аз рад твоей милости послужить, где едят да пиют. Буди же здрав![ф]

VII-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 2-я[VII, 1]

Июдифь, Абра, Вагав.

Июдиф

Уже аз то слышала, Абра, от Мосоллома, воеводского тайного слуги, о чем ты мне ныне вещаеш, яко Олоферн меня на вечерю к себе звати хощет. И того ради аз сице украсихся.

Абра

Но пойдешь ли [2], госпожа моя, к нему?

Июдиф

Почто ми нейти, когда [3] от [4] таковаго позвана буду господина [4]?

Абра

И аз украсихся. Возмеш ли мя [5] с собою?

Июдиф

Ей, и тебе тамо быти, ибо ествү мою за мною понесеш. Но кто же тамо грядет? ||

Вагав *л. 115 об.*

Изобрание всех добродетелей, украса всех красот и преизрядная красавица! Приими в честь предложение мое, зане сицевой князь, пред ним же все человецы вострепещут и иже всю вселенную ни во что же почитати может, се есть Олоферн великий,

---

[т-т] *Вычеркн.* *Щ.* [у-у] *Вставл. другим почерком Щ.* [ф-ф] *Вычеркн. Щ.*

---

[99] Вагав *Щ.* [100-100] *Нет Щ.*

[VII, 1] *Доб.* явление 26 *Щ.* [2] *Нет Щ.* [3] егда *Щ.* [4-4] такова господина позвана буду *Щ.* [5] меня *Щ.*

желание имеет тя у вечери своей видети, чего ради и мя к тебе послал есть, моляще, да к нему облехчишся.

Июдиф

О, я, убогая жена, тоея [6] убо чести несть достойна.

Вагав

Господин мой тя вящи всех почитает. Тем же, прекрасная госпожа, не возбраняйся к столу господина моего приити, да яси, пиеши и возвеселишися, красота бо твоя и милость Олофернова вас обоих благополучными сотворити может.

Июдиф

[7] Како ми [7] сицевому великому господину отказати? Вся, л. 116 яже благоволит || сотворити, усердствую даже до скончания живота моего.

Вагав

О, како ныне счаслив есмь! Идеши ли абие со мною?

Июдиф

Ей, аз уже совсем уготовихся [8].

Абра

О, что же ми говорити ныне! Вся вода вверх подимется, вси же горы и холми в глубину морскую вовержутся, и [9] вся вселенная переменится, когда госпожа моя едино замуж хощет итти. Аще же она за великого Олоферна пойдет, и аз же тогда [10] возмогу за какова воина асирийского, иже таков же доброзрачный, яко же и аз сама есть, пойти.

VII-го ДЕЙСТВА СЕНЬ 3-я[11]

Олоферн, Сисера, Мелех, Мосоллом, Одид, Орив, Вагав, Июдиф, Абра. ||

л. 116 об. Олоферн

[12] (*держит кубок в руце и говорит:*) [12]

Честные началники мои! Пию же аз про здравие всех тех [13], иже кров за великого Навуходоносора хотят излити. Не доброй то воин, иже на постели помышляет умрети.

---

[6] твоея *Щ.* [7–7] какому *Щ.* [8] уготовилась *Щ.* [9] *Нет Щ.* [10] того да *Щ.* [11] *Доб.* явление 27 *Щ.* [12–12] *Нет Щ.* [13] *Нет Щ.*

[14] (*Зде трубят. Зде в с и пиют.*)[14]

Здравствуй, Навуходоносор! Здравствуй, монарх великий!

О д и д [15]

Велеможный Олоферн! Зри, какая семо приходит пресветлая звезда!

О л о ф е р н

Истинно богиня некая еврейская та нарещися может.

[x] В а г а в

Милостивый господине! Дайте же ми сапоги или саблю свою, хотя ми бежати или главы лишитися.

О л о ф е р н

Что глаголеши, глупче? ‖

В а г а в [16] л. 117

Аз мню тому достойно быти, да глава ему отсечена будет, иже от таковы прекрасавицы бежал или устрашился ея.

О л о ф е р н [17]

Кому бежати или устрашитися? Никако! Но сприятствую, да сея нощи главу свою на лоне [18] ея держу.

И ю д и ф [19]

Милостивый господине! Бог сие желание твое исполнити может [x].

О л о ф е р н

О, садися, победителницо храбрости моея, обладателницо сердца моего! Садися возле мене, да яси и пиеши со мною, веселящеся. Ибо, яко ты едина мое непобедимое великодушие обладала еси, тако имаши милость мою сама, ни чрез кого же иного, совершенно употребляти.

И ю д и ф

Ей, господине мой! Аз возвеселюся усердственно: никогда же еще такой чести восприях. ‖ [20] (*Зде она оглядывается и говорит:*) [20] Абра! Дай ми ества, юже про мене уготовила еси! л. 117 об.

---

x-x *Вычеркн. Щ.*

14-14 *Нет Щ.* [15] Вагав *Щ.* [16] Олоферн *Щ.* [17] *Нет Щ.* [18] колене *Щ.* [19] Сисера *Щ.* 20-20 *Нет Щ.*

[21] (*Зде тихо говорит:*) [21] Да не [22] отходи же [22] прочь ни пяди! Слыши ли?

Абра

[23] (*дает ей ествy и молыт:*) [23]

[ц] Где мне отходити? Собаки [24] бы мя [24] заели [ц].

Олоферн

О вы, мои воины! Пию же к вам про здравие сея красавицы, яже впред еще асирием заступление быти имать.

Сисера [25]

Ей, истинно Навуходоносор великий нарицается бог Юпитер, ты же, Олоферн, еси Марс! Чем же асирийское небо возможет лучше украшено быти, яко сицевым прекрасным солнцем?

Вагав [26]

Тогда же аз Меркурием буду, понеже сию богиню Венус к Марсу привел есмь. ||

л. 118 Абра [27,28] (*говорит отай.*) [28]

Аз же хотя малою планетою буду [ч] у печи [ч].

Олоферн

Будите здравы вы [29], воины мои, про [ш]здравие сей моей [30] красавицы!

Вси

Благо да живет Олоферн с прекрасною своею!

Июдиф

Молю вас, господ моих, да мя сицевым имянованием обходите, зане аз раба есмь Олофернова, он же ми есть милостивым господином и повелителем.

Олоферн

[31] Ей, как еще была еси в Вефулии граде, тогда правда был есмь повелителем твоим. Ныне же, как того гнезда отступилась, то паче моею повелителницею сталась, ко прехрабрейше Оло-

---

[ц-ц] *Вычеркн. Щ.* [ч-ч] *Вычеркн. Щ.* [ш] *Испр.*; *в ркп.* при *АЩ.*

[21-21] *Нет Щ.* [22-22] отходиш *Щ.* [23-23] *Нет Щ.* [24-24] было меня *Щ.* [25] Мелех *Щ.* [26] *Нет Щ.* [27] Сисера *Щ.* [28-28] *Нет Щ.* [29] *Нет Щ.* [30] *Нет Щ.* [31] *Доб.* истинно *Щ.*

ферна учинилась: он бо еще ни единожды приступал к Вефулию, ты же, преизрядная гражданко, уже Олоферново || сердце, еже паче всеа вселенныя почитается [щ], обладала еси. л. 118 об.

И ю д и ф

Ей, воистинну, когда бы милости твоея сердце во владении своем имела, то бы почитала, яко весь свет себе в свойство получих.

О л о ф е р н

К сицевому получению бози тя сея нощи сподобят.

И ю д и ф

Благоволение божие с надеждою моею да исполнится.

О л о ф е р н

Не зриши ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хощу же говорити, но языком [32] (*зде он говорит, яко пьяный*)[32] болши прорещи не могу [33]. Хощу, хощу, но не могу [33] же, не тако от вина, яко от силы красоты твоея аз низпадаю. ||

М о с о л л о м [34] л. 119

Почто же, твоя милость, не упокоишися? Мы тя убо от утешения и удоволства не воздержим.

О л о ф е р н

Ей, правда. Не вдруг весма днесь возрадуемся [35], но нечто воздержимся [35], дондеже в Вефулию приидем. Но к благополучной нощи едино еще да напиемся.

В а г а в [36]

[ъ] Господине мой! Не припевати ли ми к сему?

О л о ф е р н [37]

Ей, пой, Вагав, нечто же о любви моей.

В а г а в [38]

Прехрабрый Олоферн уже преодолен есть, сам убо дается в плен, такожде и во узы. Еже мечь и сабля вражия не возмогла, то

[щ] *Испр.*; *в ркп.* потается *АЩ*. [ъ–ъ] *Вычеркн. Щ*.

[32–32] *Нет Щ*. [33–33] *Нет Щ*. [34] Сисера *Щ*. [35–35] *Нет Щ*. [36] Июдифь *Щ*. [37] *Нет Щ*. [38] *Нет Щ*.

женская красота сотворити успела из града Вефулии. Тем же слава будет написана[39] в книги памятныя во веки, что чюдным образом прежде взятья того града жена в свойство получила храброго Олоферна. ||

л. 119 об.

Олоферн[40]

Что? Убила?

Вагав[41]

Ни, в свойство получила.

Олоферн

То правда, прекрасная Июдиф, яко ти аз в свойство предался есмь ъ.

Июдиф

Тогда аз счаслива нарекуся, когда возмогу с[42] сицевым, его же в свойство себе получила есмь, то сотворити, еже сама похощу.

Олоферн

Добро, прекрасная! Не отходи же от мене, аз мало упокоюсь. (*Зде он припадает на одр свой, иные же тихо отходят.*)

[43] Июдиф

Абра![43]

Абра

Что желаеши, госпожа моя возлюбленная? Или хощеши одежду свою низ сложити? ||

л. 120

Июдиф

О, молчи же такими речми! Останся зде за дверьми, а не отходи же!

Абра

Благо же то, и никого внити пущу, исполни токмо, еже хощеши.

Июдиф

[44] (*приступив к постели, молится Богу.*)[44]

Господи Боже исраилев! Укрепи мя и призри в сей час на дело рук моих, якоже обещал еси Иерусалиму граду твоему

---

[39] *Доб.* будет *Щ.* [40] *Нет Щ.* [41] *Нет Щ.* [42] *Нет Щ.* [43–43] *Нет Щ.* [44–44] *Нет Щ.*

возвеличити его. Да совершу сие, яже умыслих, уповающе на тя. (*Зде Июдиф, приступив к постели и взяв меч Олофернов*[45], *извлече его и отсече ему главу, глаголюще*:) Господи Боже мой! Укрепи мя в сей час! Слава тебе, Господи, яко добро собысться, и возсылаю ти велие благодарение! Абра! Се возми главу сию мучителскую, пред нею же вся Июдея страшилася. Слава же Богу, что ныне ни единой деве уже болши не боятися! || л. 120 об.

Абра

О милостивая госпожа! Аз же[46] однако еще[46] боюся.

Июдиф

Тихо, вложи ю в пиру свою. Пойди да убежим.

Абра

Не Олофернова ли то[47] глава?

Июдиф

Что вопрашаеши? Что же осматриваеш? Спешно иди, да убежим.

Абра

О! Никогда бы[48] аз тако[48] дерзостна была! Ох! Таковому храброму воину главу отсекла! Бес таковым обычаем госпожу мою да возлюбит! Что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Июдиф з главою его ушла?

VII-го ПОСЛЕДНЯГО ДЕЙСТВА СЕНЬ ПОСЛЕДНЯЯ Ж[49]

Июдиф, Ванея, Иосия, Гофониил, Хабри, Ахиор. ||

Июдиф[50] л. 123

Стража! Отверзайте врата! Слышите ж, стражие! Отчините ж, глаголю вам, врата[51]!

Ванея[52]

Кто тамо? Кто возопиет? Кто же тамо шумит? Дворяне, за руже![53]

Июдиф

Аз зде пришла есмь, Июдиф.

---

[45] *Доб.* и *Щ.* [46–46] еще однако *Щ.* [47] тогда *Щ.* [48–48] тако аз *Щ.* [49] *Доб.* явление 28 *Щ.* [50] *Нет Щ.* [51] востаните *Щ.* [52] *Нет Щ.* [53] оруже *Щ.*

Абра

И аз, Абра, зде.

Июдиф

Бог же с нами, яко победу нам дал есть.

Иосия

О Июдиф! Июдиф! Паки к нам приходиши! Ожидахом тя со великим желанием, отчасти же и отчаяхом твоего назад возврату. Что же нам приносиши благое? Имаши ли какой про нас доброй совет? Аще ли же ни, то утрешняго дни приходит срок пагубы нашея.

Июдиф

Что же ми лучше приносити, кроме желаемого вам? ||

Иосия

л. 121 об. Мы желаем, да Олоферн нас вящще не мучит.

Июдиф [54]

Абра! Дай семо [55] главу мучителя того, в ней же от удара слабой жены очеса завратились.

Абра

(дает Юдифе главу и лобзает ю.)

О преизрядная главо! Аз никогда бы верила, да восприиму такову честь тебе, честнаго воина, лобзати.

Иосия

Что? То ли глава Олофернова?

Июдиф

Ей, то. Славите Господа Бога нашего, яко не оставляет надеющихся на него и показал нам есть милость свою мною, рабою его, и даде в сию нощь врага людей своих умертвити рукою слабой жены. Се убо и завеса, и покров, под ней же [56] лежал есть [57]. Смотрите на асирийского мучителя Олофернову главу,
л. 122 как пьяна на постели лежала, сия же мышца отсече || ему главу ту. Истинно ж жив Господь Бог наш, иже мя в том моем деле укрепил есть, да не осквернихся по вся те времена бытия моего тамо и без греха мя семо паки приведе со великою радостию и победою! Воздайте ж ему славу, и вси его за то возъвеличайте.

---

[54] Абра *Щ.* [55] *Нет Щ.* [56] *Доб.* иже *Щ.* [57] *Нет Щ.*

Гофонил

Но истая ли то, и самого ли Олоферна глава?

Абра

Мене токмо вопросите, господа мои! Аз его добре знаю, смотрех бо на него болши трех часов: овогда уста отверже, воздыхающе, овогда же очеса свои перемени, роздежену сущу на мою госпожу, равным обычаем, яко и ныне его видите.

Июдиф

Что же тебе о том глаголати? Господа мои! Аще в том деле сомнителны есте, || то призовите Ахиора, он бо, чаю, узнает *л. 122 об.*
главу Олофернову.

Ванея

Смотрите, тамо Ахиор и сам к нам грядет.

Хабри

О, слава тебе, Господи, яко тобою враг наших посрами!

Иосия

Блаженна еси ты, дщи, Господем Богом вышним паче всех жен на земли! Благословен Господь Бог, иже сотвори небо и землю, иже исправи тебе во отсечение главы началника враг наших и иже днесь имя твое возвеличил, да не отъидет хвала твоя от уст человеческих, иже дела господня почитают, яко не пощадила еси живота твоего печали ради и скорбей рода твоего, но воспомогла еси падению пред лицем Господа Бога нашего.

Вси *глаголют*

Аминь! Буди то, буди то! ||

Июдиф *л. 123*

Господине мой Ахиоре! Знаеши ли сию мучителеву главу?

Ахиор

О бози! Но вельми паче, о [58] Боже ты всех богов!

Иосия

Княже Ахиоре! Не ужаснися! Что ти деется? Прииди [59] в себе и разбудися!

---

[58] *Нет Щ.* [59] *Нет Щ.*

Июдиф

Ахиор, утешися, зане Господь [60] исраилев, ему же сведетельствовал еси, яко отмстит врагом [61] своим,— сей бо есть, иже отсекл [62] главу невернаго сего в сию нощ рукою моею. Востани же, Ахиоре, и прииди в себе. Смотри: не то ли глава Олофернова, иже противлением гордыни своея уничижи Бога исраилева и тебе смертию претяше, глаголя: «егда пленени будут люди исраилевы, тогда повелю мечем пробости ребра твоя»?

Гофонил

Возбуди же ся, княже Ахиоре! Како сице безсловесен еси и смятеся душа твоя? Скажи же нам истинну, аще ли то есть глава Олофернова. ||

л. 123 об.

Ахиор

О, ей, истинно, лицо то того пса и мучителя! Благословена ты Господем Богом твоим еси во всем жилищи Ияковли, яко во всех языцех, иже услышат имя твое, возвеличится ими Господь Бог исраилев тебе ради! А понеже явно ныне очима моима вижу, яко Бог исраилев сице чюдесно помощи дати может, тогда желаю [ы] от неверия того весма отстати и [63] во единого токмо его веровати. Тем же, братие любимая [64], не возбраните ми вместе с вами веру вашу приняти [65]. Аз бо рад обрезание приняти, примите мя токмо и сочтите мя с вашими во исраилев род.

Иосия

О, сердечно ради! Какое бо вящщее благодарение можем Богу воздавати [66], яко когда толь много неверных душ к нему приведем? Братом нашим да будеши ты и все наследие твое во вечныя времена.

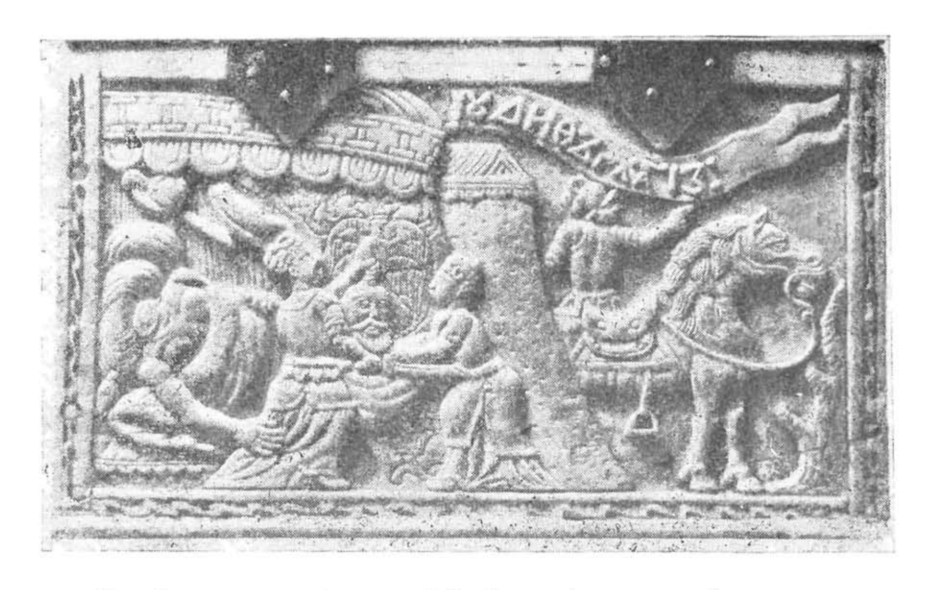
Июдиф

Услышите же мя, братие! Возвесите главу сию на стенах на-
л. 124 ших || градских и, егда взыдет солнце, возмите кождо вас оружие свое и изыдите внезапу со силою и воплем. Тогда стражие понуждени будут бежати к начальнику своему возбудити его на ополчение. Егда же воеводы притекут к ложнице Олофернове и обрящут его безглавна, повита в [67] крови его, нападет на них страх. Егда же познаете бежащих их, идите на них дерзновенно, яко Господь Бог сокрушит под ноги ваша.

[ы] *Испр.*; *в ркп.* желают *А*.

---

[60] господин *Щ*. [61] градом *Щ*. [62] отсекла *Щ*. [63] *Нет Щ*. [64] люди моя *Щ*. [65] *Нет Щ*. [66] возвати *Щ*. [67] *Нет Щ*.

Иудифь с отсеченной головой Олоферна (ларец из собрания Б. А. Рыбакова)

Гофонил

Ей, истинно благоразумный совет. Уже и день разсветает. Ванея! Возвеси главу ту на стенах, пойди с пятьюдесят человеки воинскими людьми да осади опаснейшая места сопротиву вражиих станов накрепко. Аз же абие со всеми граждани изыду и дерзостно на неприятеля наступлю. Господь Бог да подаст [68] нам помощь свою!

Иосия

Господь Бог да подаст нам счастие! Тогда ему воздамы за то вечную славу и благодарение. ||

(Зде сполох чинится со трубы и тимпаны, главу вывешивают на стену, а [69] Ванея тут кличь чинит.) *л. 124 об.*

Ванея

Зде висит яростная глава того мучителя, знамянующе, яко Господь Бог гордым противляется, смиренным же дает благодать. ||

---

[68] продаст *Щ*. [69] *Нет Щ*.

ЬЯВЛЕНИЕ 29 *л. 123 Щ*

Сисера

Внидите и возбудите его, яко изошли мыши ис пещер своих. (*Тогда Вагав вниде в ложницу, увиде мертвеца лежащи и возопи, раздрав одеяние, изходит к войску.*)

Вагав

Едина жена еврейская сотвори срамоту в дому царя Навуходоносора, се бо Олоферн лежит на земли безглавен!

(*И потом людие*[э] *июдейстии выходят и возвращаются со всеми пресвитеры видети Юдиф. И она же изыдет во стретение им, и благословят ю, глаголюще.*)||

Иоаким *л. 123 об. Щ*

Ты еси похвала Иерусалиму, ты веселие Исраилю, ты честь людей наших! Укреплено есть сердце твое, яко чистоту возлюбила еси и по муже своем иного не веси, того ради и рука господня укрепи тя, и будеши благословенна вовеки!

(*По сем воспевают стихи.*)[ю] ||

Паки сполох меж собою чинится и вопль, потом на радость трубят и последственную песнь поют[70]. *л. 124 об. А*

I

Воспойте Богу в тимпанех,
Пойте ж ему песнь нову,
Радуйтеся во кимвалех,
Благодаряще выну
О свободе и победе,
Юже[71] нам сподобил есть,
Сокрушив вражию гордость,
Господь Бог наш! Тем же ныне,
Что еси мир получил,
Радуйся, о Исраиль!

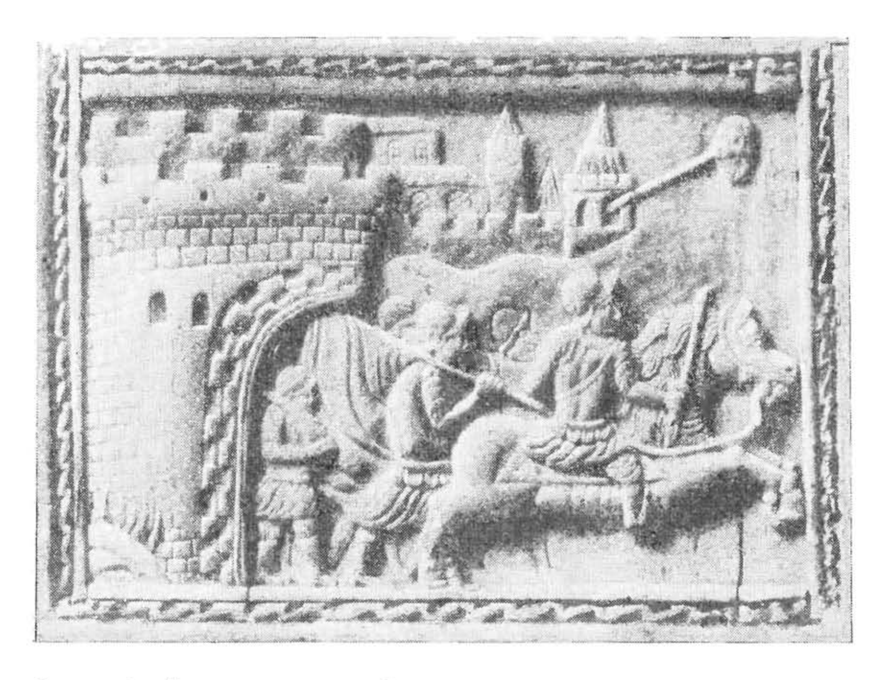
II

Ассур некогда[я, 72] от севера
Нас зело бе устрашил,
Егда войском силы своея ||

ь–ю *Текст явления, доб. в Щ; в А нет.* э *Испр.; в ркп.* люлие *Щ.*
я *Испр.; в ркп.* негли, некогда — *на полях А.*

---

70 *Нет Щ.* 71 иже *Щ.* 72 не глаголи никогда *Щ.*

Голова Олоферна на стене г. Ветилуи, из ворот которого выходят воины (ларец из собрания Б. А. Рыбакова)

Землю и реки покрыл, л. 128
[V,a] Стращая нас [a] люто смертью,
Мечем, огнем, поносом,
А жен и детей пленом,
Всякою жь укоризною.
Господь же то отвратил.
Тем же радуйся, Исраиль!

III

Таких гордых сам Бог казнит
Мышцею же женскою,
Егда их мертвых положит
Безо всякого бою.
Зде бо никакой гигант был,
Его же одолети.

V, a–a *Текст обрезан при переплете Щ.*

Жена же его уби
Июдиф тамо, где он жил,
Тамо его погуби.
Радуйтесь в Вефулии!

IV

Доброзрачье и красота
Уязви душу его,
Добротою ж словес ея ||
л. 125 об. Сердце си уловлено,
И тако ему отсече
Главу его и хвалу.
Войско ж устрашись тому,
Нам же их гонить в дерзости
Мощно, корысть взимая.
Радуйся, Вефулия!

V

Восхвалим же имя твое,
По бывшей зелной скорби,
Яже жажды ради бяше,
Радуясь, о Господи!
Зане нас утешил еси,
Благим дарствуя крепость,
Гордым же отняв смелость.
Тем же тож и по всей земли
Явны твои чюдеса.
Радуйся ж, о отчина!

Комментарии

Правила издания и комментирования текстов

Тексты пьес издаются по принятым в настоящее время правилам литературоведческих публикаций с соответствующей модернизацией орфографии оригиналов и введением необходимого текстологического аппарата. В подстрочных примечаниях к текстам пьес оговариваются немногочисленные случаи украинского произношения *ѣ* как *и*. Комментирование пьес предлагается в виде относительно кратких статей — комментариев, излагающих необходимые археографические и историко-литературные сведения, представляющие интерес для общего понимания этих произведений. Обширный объем издания не позволяет вводить комментирование последовательно-построчного характера.

Артаксерксово действо

Текст пьесы дошел до нас в трех списках XVII в. Один находится в ГБЛ, в рукописи Вологодского собрания (ф. 354), № 208. Второй — во Франции, в Лионской публичной библиотеке, в рукописи № 1346 (старый шифр № 1220). Третий — в ФРГ, в Веймаре, в Тюрингенской национальной библиотеке, в рукописи Hs. Fol. 426c.

Список ГБЛ, ф. 354, № 208 — в сафьяновом переплете с золотым тиснением, в лист, размером 24,7 × 39,6 см, 79 л. Пустые лл. 21 об., 79. Бумага с филигранями «Гербовый щит с короной» и буквами «WR» и крест с буквами «JHS» (Тромонин, № 386 = 1681 г., № 1242 = 1676 г.; Лихачев, № 3544 = = 1709 г. Churchill, № 410 = 1625 г. № 408 = 1671 г.). Почерков семь — скоропись последней четверти XVII в.

На л. 1 штамп «17 окт. 1919 г.», на лл. 1, 9, 78 об. штамп Вологодской областной библиотеки и инвентарный № 451715. На л. 79 запись XIX (?) в.: «Сия книга о комеде ша Прок.»

---

[1] См.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы.—ТОДРЛ, т. XI. М—Л., 1955, стр. 493—499; Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 468—534.

Титульного листа нет, часть листов из середины и конца вырвана (между лл. 46 и 47, 48 и 49, 50 и 51, 56 и 57, 73 и 74, 77 и 78 и после л. 78); поэтому есть пропуски в тексте IV, V и VI действий пьесы.

Рукопись подробно описана И.М. Кудрявцевым («Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева». М.— Л., 1957, стр. 84—88. Далее сокращенно: *И. М. Кудрявцев*).

И. М. Кудрявцев обнаружил сходство почерков, бумаги и переплета Вологодского списка «Артаксерксова действа» и ряда рукописей, писаных в 1670-х годах по распоряжению царя Алексея Михайловича в Посольском приказе («Книга о сивиллах, колика быша и киими имяны и о предречениих их» 1672 г.; «Титулярник», или «Корень великих государей российских» 1672 г.— в трех экземплярах; «Книга о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Великия России самодержца» 1672 г.; «Хрисмологион, сиреч книга пророчесловная от пророчества Даниилова сказание, сония Новуходоносорова, таже о четырех монархиах вселенныя, и о ложном пророце Махмете и царствия его, потом предречение Лва, царя Премудраго, и о турках и что имат быти во грядущее время...» 1673 г.; «Книга избраная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах»; «Василиологион»; «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей и прочая и всеа России непобедимейших монархов...» конца 1674 — начала 1675 г.).

Основываясь на палеографическом сходстве указанных рукописей и на показаниях архивных материалов Посольского приказа, И. М. Кудрявцев доказал, что Вологодский список «Артаксерксова действа» был изготовлен не ранее лета 1672 г. и не позднее осени 1674 г. писцами Посольского приказа по распоряжению начальника этого приказа Артемона Сергеевича Матвеева для царя или для царской семьи (И. М. Кудрявцев, стр. 89—99).

По предположению И. М. Кудрявцева, боярин А. С. Матвеев мог взять с собой этот роскошный список «Артаксерксова действа», будучи удален из Москвы в Верхотурье после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г., и оставить рукопись в Вологде или близ нее, когда возвращался в Москву из пустозерской ссылки (И. М. Кудрявцев, стр. 100—102).

Список пьесы находился затем в составе какого-то частного собрания, возможно, в библиотеке одного из дворянских имений, откуда после Великой Октябрьской социалистической революции попал в Вологодскую областную библиотеку, а оттуда — в ГБЛ (И. М. Кудрявцев, стр. 99—100).

По этому списку пьеса была издана И. М. Кудрявцевым («Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в.». М.— Л., 1957).

Список Лионской публичной библиотеки, № 1346 — в картонном переплете, в лист, размером 19,9 × 30,6 см, 177 л. Бумага с филигранями «Голова шута с семью бубенцами» (Лихачев, № 3542—3543 = конец XVII в.); буквы «MR» и «Герб Амстердама» (Лихачев, № 484—500 = 1650—1721 гг.). Русских почерков шесть — скоропись последней четверти XVII в.

На л. 26 запись вдоль корешка: «О друже, аще право хочеши жительствовати, должен еси всегда кончину свою воспоминати». На многих листах пометы на латинском языке, указывающие номера действ и сцен, имена действующих лиц и основное содержание некоторых отрывков.

Часть листов вырезана (между лл. 26 и 27); поэтому отсутствует текст II действия пьесы.

Рукопись подробно описана И. М. Кудрявцевым, использовавшим и систематизировавшим данные из книги А. Мазона и Ф. Кокрона (И. М. Кудрявцев, стр. 104—113; «La Comédie d'Artaxerxès (Артаксерксово действо)

présentée en 1672 au tsar Alexis par Gregorii le pasteur. Texte allemand et texte russe publiés par André Mason... et Frédéric Cocron». Paris, 1954).

Владельцем списка пьесы вначале был, по-видимому, Лаврентий Рингубер, живший в Москве и помогавший пастору Грегори сочинять пьесу. Список содержит два текста пьесы, соответствующих друг другу,— на русском и на немецком языках. Перед текстами помещена таблица, где пересказывается основное содержание пьесы и перечисляются интермедии, которые игрались между «действами». Текстам предшествует также список действующих лиц и исполнителей. Таблица и список написаны на латинском языке (частично на немецком и русском), вероятно, рукой Лаврентия Рингубера (И. М. Кудрявцев, стр. 109).

По предположению А. Мазона и Ф. Кокрона, Лаврентий Рингубер, бывший в Париже в 1678 или 1681 гг., мог передать рукопись кому-либо из отцов иезуитского «Общества Иисуса» или непосредственно иезуиту Менестрие (1631—1705). Последний же подарил рукопись Лионской библиотеке (см.: И. М. Кудрявцев, стр. 103).

По списку Лионской публичной библиотеки пьеса была издана А. Мазоном и Ф. Кокроном «La Comédie d'Artaxerxés (Артаксерксово действо) présentée en 1672 au tsar Alexis par Gregorii le pasteur». Paris, 1954).

Список Тюрингенской национальной библиотеки в Веймаре, Hs. Fol. 426e — в папке с мраморной бумагой, в лист, размером 21 × 33 см, 21 л. Бумага с филигранью «Голова шута». Русский почерк один — скоропись XVII в. (сходен с почерком шестого писца Вологодского списка).

Веймарский список содержит только II действие пьесы — на русском и на немецком языках. Текст II действия на немецком языке неполон (целиком только 1-я и 6-я сени; в остальном лишь первая половина 2-й сени, вторая половина 5-й сени и несколько фраз 4-й сени).

Рукопись описана К. Гюнтером, из статьи которого заимствуются приведенные здесь и далее сведения («Das Weimarer Bruchstück des ersten russischen Dramas «Artaxerxovo Dejstvo» (1672).— «Studien zur Geschichte des russischen Literatur des 18 Jahrhunderts», Bd. III. «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichen des Instituts für Slawistik», N 28/III, Berlin, 1968, S. 124—125. В группе древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР хранится перевод этой работы К. Гюнтера, сделанный В. Д. Кузьминой. Далее сокращенно: K. Günther).

Веймарский список, в палеографическом отношении близкий к Вологодскому, К. Гюнтер датирует 1672—1676 гг. Остается неизвестным, когда и как рукопись попала в Германию. По предположению К. Гюнтера, список мог привезти Лаврентий Рингубер, или его сыновья, или же сын доктора Блюментроста, отчима Грегори и лейб-медика царя (K. Günther, S. 127—131).

По Веймарскому списку отрывок пьесы был издан К. Гюнтером (K. Günther, S. 141—178).

Таким образом, в настоящее время нам известно пять текстов «Артаксерксова действа» — три русских и два немецких. Соотношение русских и немецких текстов определено И. М. Кудрявцевым. На основе документальных данных и того, что «довольно значительное количество строк русского текста — явные и буквальные переводы с немецкого», исследователь пришел к убедительному выводу: «Факт зависимости русского текста от текста немецкого можно считать почти неопровержимым» (И. М. Кудрявцев, стр. 69—70; 75—78; 306, 307).

Однако ни один из дошедших до нас немецких текстов не является общим протографом всех известных русских текстов пьесы. Как в Лионском, так и в Веймарском списке немецкие тексты написаны позже, чем русские, и применительно к русским текстам, а не наоборот (И. М. Кудрявцев, стр. 70;

K. Günther, S. 127). К тому же сами немецкие тексты не зависят друг от друга (K. Günther, S. 125—126). По-видимому, все русские тексты независимо от немецких, а немецкие независимо от русских и друг от друга восходят к недошедшему до нас общему немецкому протографу.

Ни один из русских текстов пьесы не является тем, к которому бы восходили остальные русские тексты.

Соотношение Вологодского и Лионского списков выяснено И. М. Кудрявцевым. Сопоставление показало их тесную близость, вплоть до сходных ошибок и сходного расположения текстов на листах рукописей. Но одновременно было выявлено «разное воспроизведение одних и тех же особенностей (или ошибок) протографа в обоих списках» (И. М. Кудрявцев, стр. 113—120).

Русский текст Веймарского списка был изучен К. Гюнтером. Исследователь указал на близость Веймарского списка Вологодскому и на их независимое восхождение к общему протографу («Manchmal bringt M eine korrektere Lesart, aber es gibt such Stellen, die in W richtig und im M falsch sind. In einigen Fällen haben W und M die gleichen unrichtigen Lesarten».— K. Günther, S. 136).

Ввиду недостаточности данных остается нерешенным вопрос о соотношении русских текстов Веймарского и Лионского списков. Как уже говорилось, оба списка дефектны, но удивительно точно дополняют друг друга. Веймарский список содержит только второе «действо» пьесы, пропущенное в Лионском списке; последний содержит зато все остальные «действа».

Однако независимо от того, составляют ли Веймарский и Лионский списки один список или являются частями двух разных списков, русские тексты пьесы восходят к общему русскому протографу, а тот восходит к протографу немецкому, но не как точный перевод, а как переработка немецкого.

В данном издании пьеса публикуется по Вологодскому списку ГБЛ (обозначен буквой *М*, т. е. «Московский»), потому что Вологодский список полнее Веймарского и, по наблюдениям И. М. Кудрявцева, более тщательно передает текст протографа, чем Лионский список. Разночтения даются по спискам Лионскому (обозначен буквой *Л*) и Веймарскому (обозначен буквой. *В*).

Так как в Вологодском списке есть пропуски, данное издание, следуя за изданием И. М. Кудрявцева, допускает заполнение пропусков соответствующими отрывками из Лионского списка, что оговаривается в подстрочных примечаниях. Раскрытие титл и внесение надстрочных букв в строку производится аналогично изданию И. М. Кудрявцева, но без употребления квадратных скобок и без добавления мягкого знака к частице «ж».

Первое представление «Артаксерксова действа» состоялось 17 октября 1672 г. Эту дату называет Лаврентий Рингубер в своих «Записках о поездке в Россию» («Rélation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber...» Berlin, 1883, S. 29).

На представлении присутствовал царь Алексей Михайлович. По словам И. М. Кудрявцева, «нет оснований отклонять предположение, что пьеса шла на русском языке», так как немцы — исполнители основных ролей уже давно жили в Москве, а перед постановкой пьесы актеры из Немецкой слободы занимались изучением русского языка (И. М. Кудрявцев, стр. 71—75).

По предположению И. М. Кудрявцева, в перерыве между действиями пьесы разыгрывались интермедии, в том числе сцены между мужем и женой, а вся пьеса заканчивалась эпилогом типа эпилога в «Темир-Аксаковом действе» (И. М. Кудрявцев, стр. 41, 64—65, 299. О подготовке первого спектакля и его дальнейших повторениях см. стр. 9—31).

Автором «Артаксерксова действа» был магистр Иоганн-Готфрид Грегори, пастор лютеранской кирки в Немецкой слободе Москвы, человек образованный и литературно одаренный, известный не только начальнику Посольского приказа, но и, возможно, самому царю. Авторство Грегори подтверждается документами Посольского приказа и свидетельствами современников, а также сведениями о литературной деятельности Грегори и содержанием пьесы. Помощниками Грегори в сочинении пьесы являлись ассистент лейб-медика царя Лаврентий Рингубер и, вероятно, сам лейб-медик Лаврентий Блюментрост и, возможно, учитель Юрий Гибнер, будущий руководитель придворного театра (И. М. Кудрявцев, стр. 11—14, 18, 20—21, 67—68).

Источниками Грегори, написавшего пьесу стихами на немецком языке, послужили следующие произведения: лютеранская Библия в немецком издании XVII в.; «Книга Есфирь» и «Псалтирь» на древнееврейском языке; «Иудейские древности» Иосифа Флавия; «История в девяти книгах» Геродота; басни Езопа в латинском и греческом изданиях XVI—XVII вв., вероятно, в немецком переводе; «Комедия о царице Есфири и гордом Амане», изданная в сборнике «Engelische Comoedien und Tragedien» 1620 г.; немецкие духовные песнопения. Кроме того, Грегори использовал некоторые сюжеты античной мифологии (об источниках пьесы см.: И. М. Кудрявцев, стр. 42—44, 50—54, 311—329).

Грегори творчески перерабатывал свои источники и создал не компиляцию, а новое произведение: «...из многочисленных драм об Есфири XVI и XVII столетий (до 1672 г.) ни одна ... не может считаться оригиналом, ни даже прототипом «Артаксерксова действа». Насколько мы можем судить, текст, приписанный пастору Грегори, среди всех этих произведений является оригинальным и своеобразным произведением» (А. А. Мазон. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори.— ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 358).

Перевод пьесы на русский язык местами превратился в ее переделку, так как русские переводчики иногда неточно понимали смысл немецкого текста, а в некоторых случаях сознательно изменяли его смысл, приближая к условиям русской жизни. Переводя библейские цитаты и выражения, они обращались, по-видимому, к Библиям, изданным в Остроге в 1580—1581 гг. и в Москве в 1663 г. Перевод разных частей пьесы был осуществлен с различной степенью тщательности. Начало пьесы, особенно первое действие, переведено с бо́льшим умением,— почти целиком стихами, с нередким употреблением типично русских выражений. Затем качество перевода резко ухудшается. Встречаются в русском тексте и полонизмы (И. М. Кудрявцев, стр. 76—81).

Как полагает И. М. Кудрявцев, над переводом пьесы, очевидно, работало несколько сотрудников Посольского приказа, среди которых могли быть и стихотворцы. В числе переводчиков, возможно, находились подьячий Посольского приказа Петр Долгово, который принимал участие в составлении перечисленных выше книг, «сделанных» в Посольском приказе, и польский шляхтич Иван Поборский, учитель сына боярина А. С. Матвеева (ср.: И. М. Кудрявцев. Издательская деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.)— «Книга. Исследования и материалы». Сборник VIII. М., 1963, стр. 242—243).

Во вступительной статье уже говорилось, что эта пьеса отвечала политическим обстоятельствам своего времени. На одном из примеров этого, не замеченном исследователями, остановимся подробнее.

Дело в том, что авторы не случайно сочинили пьесу на тему из жизни Персии, хотя бы древней. В предисловии к пьесе упоминается и современная Персия, так как авторы просят царя оказывать милость не только Персии, но и немцам. «Тогда не на Персию лучь своего милосердиа послеши,— обраща-

ются авторы к Алексею Михайловичу,— но во время оно да будут Артаксерксовы люди точию немцы» (л. 2 об.).

«Артаксерксово действо» было сочинено в то время, когда правительство Алексея Михайловича особенно интенсивно стремилось наладить дружественные отношения с Персией. «В последней трети XVII в.,— пишет один из исследователей этого вопроса,— ...опасность со стороны Турции заставила царское правительство смотреть на Персию, как на дружественное государство, могущее оттянуть часть турецких сил от русских границ» (Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в.— «Исторические записки», 8. (М., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 157).

В 1660—1670-е годы между Россией и Персией активизируются дипломатические отношения. В обе стороны следуют посольства с богатыми дарами. Так, в 1660 г. царю из Персии был привезен престол, украшенный алмазами и различными драгоценностями. В 1662 г. царь Алексей Михайлович отправил персидскому шаху богатую кровать, по замечанию И. Е. Забелина, самую дорогую кровать в Москве XVII в. В 1663 г. в Москве по велению царя сделали для персидского шаха громадный орга́н в десять голосов, доставленный затем в Персию (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 6 (т. XI—XII). М., 1961, стр. 565; И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст., т. 1, ч. 1. Изд. 4. М., 1918, стр. 274; Дм. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 735).

Незадолго до создания «Артаксерксова действа» русско-персидские отношения стали более тесными. В 1667 г. Россия заключила договор с Армянской компанией в Персии о вывозе всего персидского шелка исключительно в Россию. В 1668 г. к шаху было послано посольство с царскими грамотами об этом (а также для того, чтобы побудить шаха выступить против Турции). Подобный договор был равносилен русско-персидскому торговому договору; причем с казны шаха не брали пошлин (Е. С. Зевакин. Указ. соч., стр. 158; А. А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, стр. 100).

Правда, восстание Степана Разина несколько затормозило активное развитие русско-персидских связей. «После восстания Разина,— пишет Е. С. Зевакин,— произошло некоторое охлаждение в русско-персидских отношениях. Недовольство шаха отказом царского правительства компенсировать понесенные персами убытки повлекло временное прекращение присылки персидских послов в Россию, несмотря на то, что царь продолжал отправлять своих посланников и гонцов» (Е. С. Зевакин. Указ. соч., стр. 158—159).

За четыре месяца до постановки «Артаксерксова действа» в июле 1672 г., когда уже велись приготовления к спектаклю, в Посольском приказе состоялся созыв выборных торговых людей по поводу закрепления условий договора с упомянутой Армянской компанией. Когда в конце 1672 г. в Москву приехал представитель из Персии, то боярин А. С. Матвеев предъявил ему обвинение в нарушении договора (вспомним неоднократное упоминание в «Артаксерксовом действе» о том, что в Персии указы, раз утвержденные царем, уже не меняются: «персидский закон есть — никогда разрушати, еже царь едино повеле написати».— Л. 78; ср. еще л. 9). В феврале 1673 г. русско-персидский торговый договор был подтвержден (С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 569—570; А. А. Зонненштраль-Пискорский. Указ. соч., стр. 82).

Первая пьеса русского театра писалась в самый разгар русско-персидских переговоров; к тому же авторы пьесы находились «в ведомстве» того учреждения, которое эти переговоры вело. Глава Посольского приказа

А. С. Матвеев, участвуя в переговорах, находил время следить и за ходом подготовки театрального представления. Подобные обстоятельства, думается, сыграли роль в выборе темы первой и последующих пьес.

Кроме политических обстоятельств, авторы пьесы учитывали образ жизни и интересы московского двора. Тема «Артаксерксова действа» была удачно выбрана еще и потому, что сюжет библейской «Книги Есфирь» пользовался особенно большим распространением в Москве 1670-х годов, когда события из легенды об Есфири начали изображать в царских дворцах (в новых царских «постельных хоромах», в хоромах царицы Коломенского дворца, в Измайловском дворце) и излагать в стихотворной форме: монах Мардарий Хоников в стихах к «Библии» Пискатора 1674 г., Симеон Полоцкий во «Френах о смерти царицы Марии Ильиничны» и в «Гусли доброгласной» (см.: И. М. Кудрявцев, стр. 34—39).

Отмечается также отражение в пьесе увлечения царя Алексея Михайловича соколиной охотой, отражение придворного «чина» поведения, суеверности верхов русского общества XVII в., роли думных дьяков при дворе, наконец, отражение деятельности придворных врачей (И. М. Кудрявцев, стр. 49—50, 54—56, 304, 309, 326—327).

Предисловие к пьесе дает нам основание судить о том, какое впечатление при дворе произвел новый жанр. Зрители, по-видимому, испытывали острое чувство «живости» показанных им героев, как бы существующих наяву. Известно, что на представлении одной из пьес царь, не вставая, просидел десять часов подряд. Авторы пьесы, начиная с Грегори, в своих предисловиях предупреждали царя и зрителей о «живости» персонажей как об особенности нового развлечения. Грегори представлял Артаксеркса царю следующим образом:

Сей есть потентат пред вами жь, о царю, себя хотя явити,
иже вящше лет двутысящ во гробе заключен есть...
Се предстоит Артаксеркс, пришед от Мидии и Персии...
Что же есть дивно,
яко Артаксеркс, аще и мертв, повелению твоему последует?
Твое убо державное слово того нам жива представляет...

(л. 2)

Если Грегори, льстя царю, ловко объяснял, что «живость» Артаксеркса появилась в результате повеления царя, то в «Темир-Аксаковом действе» подобная черта персонажей уже объявлялась достоинством, вытекающим из самой природы «комедии». «Велеможнейший монарх,— обращается автор или авторы в предисловии,—... и для того камедия нарицается мастерством, потому что она ... живых персон в речении и ризах показывати... приводит» (л. 1).

Подобное впечатление «живости» персонажей позволяло автору «Жалобной комедии об Адаме и Еве» трактовать пьесу как зеркало, отражающее поступки людей,— «в зерцале россмотримся...» (стр. 1353), а Симеону Полоцкому совершенно недвусмысленно говорить, что все описываемое как бы происходит на самом деле:

О блудном сыне вся речь будет наша,
аки вещь живу, узрит милость ваша

(л. 601 об.)

Так обещает он зрителям «Комидии притчи о блуднем сыне». То же повторяет он в пьесе «О Навходоносоре царе»:

То комидийно мы хощем явити
и ако само дело представити...

(л. 617 об.)

В этом отношении отличие «Артаксерксова действа» от остальных пьес выражается в том, что Грегори, будучи первым, постарался убедительнее оговорить непривычную для царя и царского двора «живость» персонажей. Он не только сослался на якобы имевшее место «повеление» царя, но тут же и развенчал «живого» Артаксеркса, чтобы не возникло нежелательного впечатления о соответствии между персидским владыкой и русским царем. Грегори счел нужным специально подчеркнуть казалось бы самоочевидное: то, что «живой» Артаксеркс — это «отрок», исполняющий роль монарха. Очевидно, в то время подобное пояснение было необходимым.

Сего же Артаксеркса власть, аще бысть велика,
обаче ныне несть подобна,
Яко же бе прежде, весь его сигклит ныне суть дети,
дело бо его величества, власть, славу и чин
есть, о царю, по изволу твоему сему заимоданно...
Твое убо державное слово того нам жива представляет
во образе отрока ... *(л. 1)*

Можно задать вопрос, как Грегори, сочинявший первую драму для русского театра, мог предвидеть ту сторону спектакля, которая затронет воображение царя. Ведь таких зрелищ при дворе еще не было. Здесь возможны разные предположения, из которых наиболее вероятно то, что предисловие, оговаривающее «живость» персонажей, могло быть написано после первой постановки «Артаксерксова действа» 17 октября 1672 г.

Вместе с тем постановка «Артаксерксова действа» свидетельствовала о некоторой подготовленности русских зрителей к ее восприятию. Довольно сложная драматургическая форма, с рядом ее условностей, оказалась вполне доступной, хотя зрителям, конечно, помогало и знание библейского сюжета.

Приведем пример, показывающий не только драматургическое мастерство Грегори и его помощников, но и определенный уровень культуры восприятия у русских зрителей. Действие в пьесе отнюдь не целиком развивалось на глазах у зрителей. О многом приходилось сразу догадываться по ходу пьесы; одного знания Библии было недостаточно. Например, в первом действии «Артаксерксова действа» непрерывную линию в развитии событий можно было понять, усвоив, что по ходу пьесы не все речи персонажей сообщаются зрителям. Артаксеркс, лишив царского венца гордую царицу Астинь, посылает «спальников» известить царицу о своем приговоре, но соответствующей речи «спальников» к царице в пьесе нет. Следующая «сень» (явление) пьесы начинается так, словно «спальники» где-то за сценой уже передали царице слова царя, и она, выйдя на сцену, лишь переспрашивает:

Астинь

Сице ли я, Астинь, пребуду отверженна?

Мегуман

Изверженна еси ты и всеми посмеянна

(л. 8 об.)

Можно было бы заподозрить дефект (пропуск) в этом месте текста пьесы, если бы подобный прием не использовался многократно на всем протяжении «Артаксерксова действа». Например, во втором действии отсутствует речь Мардохея к друзьям о том, что Есфирь увезли в царский дворец. Новая «сень» как бы вводит в середину беседы Мардохея с друзьями.

Асарий

Что глаголеши, Мардохей? И Есфир ли взята есть ко двору царя нашего?

Мардохей

Увы мне! Взята есть! Мне увы!

(л. 15)

Сходным образом начинается несколько «сеней» в третьем действии. Так, Артаксеркс спрашивает: «Любимая супруга, кто ти сие открыл есть?» (л. 29 об.), и зрители должны были догадываться, что Есфирь где-то за сценой уже предупредила Артаксеркса о готовящемся убийстве его.

В четвертом действии одна из «сеней» также начинается не с речи вестника, а с вопроса того лица, которому уже передана весть.

Мардохей

И наша царица к царю ся подвигла?

Гатах

Есть так, аз видех. Меня к тебе послала
и в своем шествии сказати велела...

(л. 104 об. рукописи Лионской публичной библиотеки, № 1346)

Количество примеров подобного рода можно увеличить. Для Грегори и его помощников такой способ намеренных «умолчаний» являлся, по-видимому, излюбленным приемом усиления занимательности и динамичности пьесы, встречавшим несомненное понимание царя и придворных, раз постановка пьесы повторялась неоднократно.

Таким образом, изложенные выше наблюдения в той или иной степени иллюстрируют связь первой пьесы русского театра с политической и идеологической жизнью России 70-х годов XVII в. и с культурными запросами царя и царского двора того времени.

А. С. Демин

«Иудифь»

Текст пьесы дошел до нас в четырех списках. Три списка находятся в БАН. Первый, XVII в., в сборной рукописи 31.6.2; второй, XVIII в., в рукописи собрания Петра I, А.1.65 (старый шифр 16.17.7); третий список, XVIII в., в сборнике Устюжского собрания, № 29. Четвертый список, XVIII в., находится в рукописи Парижской национальной библиотеки, Service Slave, DM Slav., N 39.

Сборная рукопись БАН, 31.6.2 — в картонном переплете, состоит из двух рукописей в лист и в 4°, размером 18,5 × 29 см и 17,5 × 23,5 см, 136 л. Бумага с филигранями: первая рукопись — «Герб Амстердама», нескольких

типов, с литерами «GB» (точных соответствий найти не удалось, наиболее близкие типы — Churchill, № 1, 5, 9 — 1660-е годы); вторая рукопись — «Pro patria» искаженный (начало XIX в.).

Содержание сборной рукописи:

1) л. 1—125, Иудифь;

2) л. 126—133, Симеон Полоцкий. О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных.

«Иудифь» написана семью скорописными почерками XVII в. Смена почерков, за исключением двух случаев, происходит на границе «действ» и «сеней», притом работа переписчиков не равна по объему. Первым почерком переписано только предисловие к пьесе (л. 1—2). Почерк второй — основной в рукописи; им выполнена наибольшая часть работы —л. 3—24 об., 60—65 об., 88—114. Третьим почерком переписаны л. 25—42 об. Четвертым почерком — л 43—59 об. Пятым почерком переписаны л. 66—77 об.; шестым почерком — л. 78—87 об. Седьмой почерк появляется на л. 114 и продолжается до конца драмы, до л. 125. Смена второго и седьмого почерков на л. 114 — единственный случай, когда новый писец включается в работу не на границе сеней или хотя бы листов, как было до сих пор, а продолжает работу своего предшественника буквально с середины фразы. Больших разрывов на стыке разных почерков в рукописи не наблюдается. Со сменой почерка отчасти связаны орфографические особенности разных частей — так, можно отметить различное написание имен: Июдифь — Иудиф, Гофониил — Гафонил и т. п.

В тексте «Иудифи» отмечается пропуск в речи Ахиора, который объясняется, по-видимому, утерей листа (он приходится на грань между листами 48 об.— 49). Уже после использования рукописи Н. С. Тихонравовым в ней были утрачены еще два листа — между листами 102—103 и 106—107. При переплете рукописи оказалось частично срезанным поле, а с ним и обозначения говорящих действующих лиц и ремарок.

Рукопись БАН, собр. Петра I, А.1.65 — в картонном переплете, в 4°, 124 л. Бумага с филигранью «Герб Лондона» и литерами «CS» (Churchill, № 243 — 1707 г.). Основной почерк — скоропись конца XVII — начала XVIII в., с правкой русской и украинской скорописью начала XVIII в.

Рукопись подробно описана (под шифром 16.17.7) в статье С. А. Щегловой «Новый список драмы «Юдифь» (в кн.: «Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського», ч. IV. Київ, 1928, стр. 243—252).

Как свидетельствуют старые каталоги, рукопись поступила в БАН в 1728 г. из дома царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I, и, следовательно, имеет непосредственное отношение к придворному театру царевны (см.: М. Н. Мурзанова. Обзор собрания рукописных книг Петра I (первой и второй частей).— В кн.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век». М.— Л., 1956, стр. 52—56).

Правка русской и украинской скорописью, отмеченная нами в списке, представляет собой следы позднейшей редакторской работы над рукописью. Работа эта разновременна. Более или менее точно можно определить время работы только первого редактора, который вычеркнул целый ряд сцен, особенно —во второй части рукописи, по содержанию — исключительно комических, сохраняя лишь серьезную, трагедийную линию пьесы. Так, полностью исключена 3-я «сень» II «действа» — сцена с ассирийскими солдатами, когда Салман привязан к столбу (л. 37 об.— 42 об.); вычеркнуты шутки ассирийских солдат, встретивших Юдифь и Абру по выходе их из Вефулии (3-я «сень» IV «действа», л. 100—101 об.), шутливая торговля Олоферна с Вагавом, когда последний требует награды за доставку Иудифи (1-я и 3-я «сени» VII «действа», л. 111 об.— 112 об. и 114 об.— 115). Исключены даже

отдельные реплики того же плана — Абры, Сусакима и т. п. В то же время редактор добавил новое вступление (пролог) к пьесе (л. 2—2 об.), являющееся откликом на современные ему события. Там мы читаем:

Ныне же сподобихомся очима зрети,
Како шведская гордыня посрамися
И вся аръмея его до конца потребися,
Нашего же пресветлаго всеросиского монарха
премудросмиренная десница превознесеся.
Даруи, господи боже, и в предидущую лета
такожде счастия получыти,
Здраво же и благополучна во вся лета пребыти.

Строчки эти, несомненно, являются откликом на Полтавскую битву: следовательно, этот пролог и вся редакторская работа над списком пьесы были выполнены в 1709—1710 гг., возможно, в связи с подготовкой пьесы к постановке, а сам список появился ранее, между 1707 г. (дата бумаги) и 1709 г.

По-видимому, при первом редактировании текста в список были внесены некоторые исправления явных ошибок — разделены неправильно слитые реплики, дописаны ремарки и пропущенные имена говорящих действующих лиц; кроме того, редактор надписал над каждой «сеныо» слово «явление» с очередным номером (как указывает С. А. Щеглова, в этом сказалось влияние русской драматургии начала XVIII в., не знавшей разделения на «действа», а только на явления).

Позднее, возможно, вторым редактором списка были внесены мелкие исправления в ремарки и в имена говорящих действующих лиц, а главное — приписан еще один новый пролог (л. 1—1 об.), являющийся переделкой того, который, будучи добавлен первым редактором, читается на л. 2—2 об. Изменения коснулись в основном «конкретной» части пролога — вместо приведенных строчек, повествующих о разгроме шведской армии, в новом прологе читаем в общем плане:

Даруй, господи боже, пресветлейшему нашему
монарху истинную лжю попрати
И смирением гордость посрамити,
Врагов же всех под ноги его низложити.

Наконец, украинской скорописью в списке добавлены только стихи в конце пьесы (л. 123 об.). По-видимому, какой-то читатель не понял отсылки в конце вставленной сцены «По сем воспевают стихи», адресующей к заключительному песнопению на л. 122—122 об., и прибавил собственное четверостишие. Тем же почерком на л. 124—124 об. написаны молитвы и различные изречения.

Сборник БАН, Устюжское собр., № 29 — в пергаментном переплете, в 4°, 91 л. Бумага без филиграней. Почерк один — южнорусская скоропись конца XVII — начала XVIII в.

Правописание рукописи южнорусское: можно отметить такие явления, как замена и-ы (обичай, живих, слишно, пустини и т. п.), и-ѣ (для неволѣ, свѣрѣпому и т. п.), а-я (прамо, израднии), у-ю (цару).

Сборник содержит роли из различных пьес, в том числе роли Садока и Авдии из «Олоферновой комедии» (л. 6—9) и ноты песни Амарфала (л. 90 об.).

В сборнике имеются владельческие записи певчего Григория и карлика Юрька (Юрася), или Георгия Кордовского.

Сборник подробно описан в кн.: И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени.— ПДП, CCXVIII. СПб., 1898, стр. II—VIII.

Рукопись Парижской Национальной библиотеки, *Service Slave*, *DM Slav*, *№ 39*, в лист, 116 л. Текст просмотрен по микрофильму, любезно предоставленному нам Г. Н. Моисеевой. Ею же установлена датировка рукописи по водяным знакам (60—80-е годы XVIII в.). Почерк один — писарская скоропись последней четверти XVIII в.

На обложке запись почерком XIX в.: «Nabuchodonosor. Tragédie, composée par la fameuse Princesse Sophie Alexievna, soeur de Pierre le Grand. Ce manuskrit est unique».

Упоминание о царевне Софье Алексеевне в записи на обложке связано, по-видимому, с той традицией, существовавшей в научной литературе первой половины XIX в., по которой царевне Софье приписывалось создание собственного придворного театра и написание нескольких пьес. Однако в конце XIX в. эта легенда была разрушена работами И. Забелина, П. О. Морозова, И. А. Шляпкина, убедительно показавшими, что придворный театр был создан не Софьей Алексеевной, а другой сестрой Петра — царевной Натальей (И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц. М., 1869, стр. 491; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 194—198; И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. XII—XVIII).

Рукопись дефектна — текст обрывается (не дописан) на последней реплике Гофониила в 3-й «сени» V «действа», после чего следуют чистые листы.

Каково же соотношение дошедших до нас списков пьесы?

Рассмотрим сначала соотношение списков БАН 31.6.2 (далее обозначен буквой *А*) и собр. Петра I, А.1.65 (обозначен буквой *Щ*).

Щ, написанный одним скорописным почерком, близок к *А*. Разночтения *А* и *Щ* связаны в первую очередь с ошибками писца *Щ*. Переписчик *Щ*, по-видимому, плохо понимал свой оригинал и потому сравнительно с *А* допустил целый ряд ошибок, часто приводящих к бессмыслице, например: «вдовствовати» (*Щ*, л. 20) вместо «владствовати» (*А*, л. 18 об.); «перстень от ног твоих да полижут» (*Щ*, л. 22 об.) вместо «персть от ног твоих да полижут» (*А*, л. 21 об.); «враг» (*Щ*, л. 30) вместо «в праху» (*А*, л. 29) и т. п. (см. ряд примеров в статье С. А. Щегловой). В некоторых случаях переписчик *Щ*, не поняв смысла фраз, оставлял пустое место (см. *Щ*, л. 3, 11, 23 об., 26 об. и др.). Одновременно он проводил некоторую правку текста, не значительную по существу, заключающуюся прежде всего в сокращении ремарок. В некоторых случаях он ошибочно сливал вместе две реплики, а в конце рукописи не всегда обозначал имена говорящих действующих лиц. На л. 105 об.— 106 об. *Щ* можно отметить ошибку: очередная реплика Олоферна на л. 105 об. слита с репликой Сусакима, позднее вычеркнутой, и далее следует диалог Сусакима и Ванеи из следующего явления. С л. 107 текст переписан в должной последовательности.

Несмотря на ошибки писца, *Щ* дополняет *А* в тех случаях, когда там утеряны листы; в частности, здесь нет пропуска в речи Ахиора. В немногих случаях переписчик *Щ* дополнял свой оригинал необходимыми, на его взгляд, уточнениями: так, здесь вставлены две ремарки — в 4-й «сени» III «действа» и во 2-й «сени» IV «действа»; добавлена реплика Сисеры во 2-й «сени» IV «действа». Наконец, в *Щ* имеется дополнительная сцена, по-видимому, включенная переписчиком, изображающая события в ассирийском лагере после гибели Олоферна и победы израильтян, прославляющих свою героиню. Эта сцена помещена на л. 123—123 об. после пометы «зри», вводящей весь новый текст между последней репликой Ванеи и заключительным торжественным песнопением израильтян.

Таким образом, при большой близости *Щ* к *А* оба списка скорее всего восходят к общему протографу.

Обратимся теперь к списку БАН, Устюжск. собр., № 29 (далее обозначен буквой *У*). Список *У* полностью повторяет список *Щ* (см.: В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957, стр. 109). Можно отметить совпадение даже правописания (за исключением указанных выше южнорусских особенностей *У*). При внимательном рассмотрении оказалось, что в *Щ* все реплики Авдии, читающиеся также и в *У*, перенумерованы славянскими цифрами, притом теми же чернилами, какими они переписаны в *У*. Учитывая происхождение *Щ* из дома царевны Натальи Алексеевны, можно сделать вывод о том, что *Щ* послужил источником *У*.

Тождество *Щ* и *У* лишний раз подтверждает мысль И. А. Шляпкина о том, что в Устюжском сборнике № 29 нашел отражение репертуар придворного театра царевны Натальи Алексеевны.

Непосредственная связь *Щ* и *У* позволяет уточнить датировку списка *У*. Если И. А. Шляпкин датировал его периодом между 1674 г. (год первой постановки «Иудифи») и 1721 г. (провозглашение Петра I императором), то мы предлагаем дату 1707 г. (дата бумаги *Щ*) — 1716 г. (год смерти царевны Натальи) (ср.: И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. VI).

Остается рассмотреть список Парижской Национальной библиотеки Service Slave, DM Slav, № 39 (далее обозначен буквой *Ф*). Список *Ф* точно следует за списком *А*. В *Ф*, как и в *А*, отсутствует часть речи Ахиора, что, возможно, свидетельствует о использовании писцом непосредственно текста *А*. Разночтения *Ф* и *А* незначительны, по большей части они объясняются непониманием текста переписчиком *Ф*. Так, он явно не знал значения славянских цифр, поэтому при перечне войск Навуходоносора (4-я «сень» I «действа») вместо чисел везде оставил пустое место (л. 26—26 об.). К ошибкам, связанным с непониманием источника, относятся и такие написания, как «4 прота, занщики» (*Ф*, л. 1) вместо «4 протазанщики» (*А*, л. 3), «только святыя» (*Ф*, л. 4) вместо «толстыя стены» (*А*, л. 3 об.), «убавити» (*Ф*, л. 20 об.) вместо «убивати» (*А*, л. 17 об.), «исправителей» (*Ф*, л. 34) вместо «и правителей» (*А*, л. 29 об.), «монах» (*Ф*, л. 5, 7) вместо «монарх» (*А*, л. 4 об., 5 об.) и т. п.

Таким образом, соотношение известных в настоящее время списков «Иудифи» представляется следующим: *Ф* и *У* восходят соответственно к *А* и *Щ*, которые в свою очередь восходят к недошедшему общему протографу.

«Иудифь» полностью издавалась дважды (см.: Н. И. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика, ч. VIII. Изд. 2, СПб., 1789, стр. 187—328; Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. 1. СПб., 1874, стр. 76—203). Издавались также отрывки из пьесы (издание отрывков по изданию Н. С. Тихонравова см.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древнерусской литературе. Изд. 5. М.— Л., 1952, стр. 523—530. Издание отрывков по списку *У* см.: И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 9—15; И. А. Шляпкин. Старинные действа и комедии Петровского времени.— СОРЯС, т. 97, Пг., 1921, стр. 170—176).

Ни Н. И. Новиков, ни Н. С. Тихонравов не указали источника, по которому публиковали текст пьесы. Между тем в обоих изданиях (далее издание Н. И. Новикова обозначено буквой *Н*, а Н. С. Тихонравова — буквой *Т*) встречаются явные ошибки, заметные даже без сравнения со списками пьесы. Так, еще П. О. Морозов отметил в *Т* пропуск в речи Ахиора, рассказывающего по требованию Олоферна об истории иудеев (П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 157). В *Н* встречаются ошибки, связанные с непониманием текста или почерка оригинала: «киему» вместо «к сему», «Фуларегма» — слитие двух имен в одно, вместо «Фула, Регма». Пьеса в *Н* получила название «Нату-

ходоносор, Мемухан, Моав, Аммон, Нееман, Корей, Лапидоф, четыре протизанщика, четыре спальника», потому что издатель принял за заглавие перечень действующих лиц 1-й «сени» I «действа». В связи с этим прежде всего встает вопрос о списках пьесы, использованных в изданиях *Н* и *Т*.

По мнению С. А. Щегловой, издания *Н* и *Т* были подготовлены по списку *А*. Сделанное нами сравнение текста пьесы по рукописи *А* и по изданию *Т* подтверждает вывод С. А. Щегловой: во всех случаях, когда издатель оговаривал какие-либо исправления явных ошибок или заменял слово, стоящее в тексте пьесы, тем, которое поставлено здесь же на полях,— эти исправления и замены находили точное соответствие в списке *А* (ср. *Т*, стр. 76, 77, 87, 88, 90, 104, 111, 123, 127, 130, 136, 164, 168, 176, 193, 202 и список *А*, л. 1 об., 3, 16 об., 18 об., 20 об., 38 об., 46, 57 об., 60, 63 об., 71, 96 об., 99 об., 104 об., 118, 118 об., 124 об.).

По-видимому, тот же список *А* послужил основой и для издания *Н*. Сравнение текстов *Т*, *Н* и *А* показывает, что исправления в *Н*, хотя и не оговоренные в издании, находят соответствие в списке *А*.

Сопоставление текстов *Т* и *Н* с *А* выявило целый ряд ошибок, допущенных издателями. Особенно много их в издании *Т*. В ряде случаев, но крайне непоследовательно, орфография *А* изменяется в *Т* по нормам XIX в. Так, в *Т* печатается «небесныя», «огненныя», «черныя» вместо «небесные», «огненные», «черные», как в *А*, и, напротив, «сицевые», «изрядные» вместо «сицевыя», «изрядныя»; «благосчастно» вместо «благощастно» и «злощастие» вместо «злосчастие», и т. п. Можно указать также на многочисленные пропуски в *Т* отдельных слов и даже фраз, что часто меняет смысл текста. Вот некоторые пропуски издания *Т*: «яко ты един *благ и силен* во всем царстве его» (*Т*, стр. 176; ср. *А*, л. 105); «да велиши *ему* главу сняти» (*Т*, стр. 161; ср. *А*, л. 94); «аз бо в том *вам* явственнее и о иных вещех правду исповем» (*Т*, стр. 126; ср. *А*, л. 59); «*Идите же*, аз бо вам вскоре последствую» (*Т*, стр. 103; ср. *А*, л. 37 об.); «толь долгое время *дома* без дела пролежати принужден был» (*Т*, стр. 82; ср. *А*, л. 11); «Аще ли же всех *людей* посечем» (*Т*, стр. 88; ср. *А*, л. 18 об.); «да мое победоносное радостное торжество *не* токмо украшают, но и зде к ногам моим да ниц положатся и *моими невольниками нарицаются*» (*Т*, стр. 90; ср. *А*, л. 21); «великая *сия* сила всех устранит» (*Т*, стр. 92; ср. *А*, л. 23).

Кроме пропусков в *Т* встречаются исправления, не оговоренные издателем, а иногда и просто ошибки: «моему» вместо «твоему», «нам» вместо «вам» и т. п. Таким образом, издание Н. С. Тихонравова следует признать непригодным для пользования текстом пьесы.

Как это ни удивительно, издание Н. И. Новикова, по сравнению с изданием Н. С. Тихонравова, оказалось гораздо совершеннее в передаче текста пьесы «Иудифь». За исключением орфографической правки текста по нормам XVIII в. (выдержанной намного последовательнее *Т*), здесь можно отметить только единичные ошибки: «малшия» (стр. 229) вместо «малодушия», «противонастояти» (стр. 231) вместо «противо нас стояти», «мой... дружене! Когда...» (стр. 237) вместо «мой... друже! некогда...», «нынешнему» (стр. 241) вместо «нашему», «бобры» (стр. 244) вместо «бабры» — в последнем случае ошибка объясняется, по-видимому, непониманием слова «бабры» и заменой его близким по написанию, в результате чего получилась бессмыслица: словом «бабр» назывался хищный зверь, род тигров, известный прежде всего на юге Сибири и в Кайсацких степях. Это значение и отражено в тексте пьесы: «Страшуся бо человек, занеже лютейшии суть, нежели львы и бабры» (л. 58). По-видимому, в конце XVIII в. это слово приобрело лишь местное, областное значение (в словаре Даля оно сопровождается пометой «сибирское»), что и сказалось на непонимании его значения в издании *Н*.

В результате рассмотрения всех известных в настоящее время списков и их изданий в качестве основного текста для настоящего издания принимается текст *А*, как наиболее ранний и наиболее точный, несмотря на пропуски, которые восстанавливаются по списку *Щ*. Разночтения даются по спискам *Щ*, *У* и *Ф*.

«Комедия из книги Иудифь» или «Олоферново действо» была поставлена при дворе царя Алексея Михайловича вслед за «Артаксерксовым действом». Первая постановка ее состоялась между 2 и 9 февраля 1673 г., и далее спектакли шли в течение нескольких лет то в Москве, то в Преображенском, чередуясь с «Артаксерксовым действом», а позднее — с другими пьесами придворного театра.

О постановке «Иудифи» в 1673 г. свидетельствует, во-первых, челобитная о жалованьи Иоганна Пальцера, в которой он пишет: «И в прошлых во 181 и 182 годех для учения вь Юдифиной и в Товииной комедиях по тому ж был...» (см.: С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 59). Во-вторых, дату первой постановки пьесы подтверждает заметка в одном историческом сборнике конца XVII — начала XVIII в.: «Во 181-м, 2-м, 3-м годех на Москве в Преображенском селе учинена была комедия по библейскому писанию древних в подобие бытей ... како Июдиф отсече голову пришествием своим...» (рукопись ГПБ, F. IV. 558, л. 97. Заметка опубликована целиком: И. А. Шляпкин. Материалы для истории русского искусства (К истории древнерусского театра).— «Искусство», 1883, № 16, стр. 184).

В. Н. Всеволодский-Гернгросс приводит другую дату первой постановки «Иудифи» — 15 февраля 1674 г. (В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч., стр. 105). Но думается, что к 1674 г. относятся известия не о первом, а о следующих представлениях «Иудифи». Документ от 15 февраля 1674 г. о выдаче И.-Г. Грегори сукна для костюмов «к строению Алоферновой комедии» (С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 38) имеет отношение к усовершенствованию или обновлению прежнего спектакля; речь в нем идет о костюмах только для пяти воинов и двух жителей Вефулии, в то время, как для нового спектакля материалы выдавались обычно единовременно по большому списку, что можно видеть по ряду других документов, изданных С. К. Богоявленским.

В языке рассматриваемой пьесы встречаются многочисленные германизмы — как в лексике, так и в синтаксисе: «окомгновение», «живи благо», «беспохвальный народ», «счастопадение», «делай абие кончение» и пр. (см.: П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 186). Наряду с германизмами в языке пьесы можно отметить большое количество полонизмов или украинизмов, таких, как «велеможный гетман», «сицевый монарха», «укусны» (вкусны), «войсковой моршалок» и т. п. Польская форма «моршалок» (маршалок) характерна для документов допетровского времени; затем ее сменила форма «маршал» (уже из немецкого) (см.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1961, кн. 5, стр. 130; Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху.— СОРЯС, т. 88, № 2, СПб., 1910, стр. 189). Эти особенности языка «Иудифи» исследователи объясняли тем, что пьеса первоначально была написана на немецком языке, а в Посольском приказе ее перевели с немецкого либо поляк, либо украинец.

С новой гипотезой о языке, на котором первоначально была написана «Иудифь», выступил А. Мазон (А. Мазон. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори.— ТОДРЛ, т. XIV, М.— Л., 1958, стр. 355—363). Он высказал предположение, что, кроме «Артаксерксова действа», остальные пьесы, в том числе «Иудифь», из-за недостатка времени, отведенного на

подготовку спектаклей, были сочинены сразу по-русски. Именно такой ситуацией (немец, пишущий по-русски) А. Мазон объясняет многочисленные германизмы в тексте пьесы. Гипотеза эта, представляющая несомненный интерес, не отвечает, однако, на другие вопросы,— в частности, о происхождении уже отмеченных полонизмов, вряд ли возможных в языке пастора Грегори.

Добавочным свидетельством в пользу того мнения, что «Иудифь» первоначально была создана на немецком языке, может послужить употребление в пьесе термина «ефимок» («приими ефимок за радостную весть» — I «действо», «сень» 2-я). Ефимками в России XVII в. называли западноевропейские талеры. В русское обращение ефимки были пущены с 1654 г., в период денежной реформы царя Алексея Михайловича, в значительной мере — в связи с воссоединением Украины с Россией, поскольку западноевропейские талеры имели хождение в украинских землях. В 1660 г. ефимки были изъяты из обращения, и этот термин сохранился лишь в таможенных и посольских документах (см.: И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.— «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 103—156).

Таким образом, в 1670-е годы, когда была создана драма «Иудифь», термин «ефимок» имел очень ограниченное распространение, связанное прежде всего с Посольским приказом. Вряд ли мог его употреблять пастор Грегори, приехавший в Россию в 1660-х годах, когда ефимок как монета был уже изъят из обращения. «Немец, пишущий по-русски», едва ли стал бы заменять привычное ему слово «талер» словом «ефимок», не имеющим уже за собой в Москве реальной основы.

Можно думать, что слово «ефимок» в текст «Иудифи» было внесено переводчиком Посольского приказа, поскольку оно в период создания пьесы имело еще хождение в посольской среде. По-видимому, первоначально драма была написана действительно на немецком языке и, подобно «Артаксерксову действу», затем переведена на русский в Посольском приказе.

И. Е. Забелин высказал предположение, что переводчиком «Иудифи» был Симеон Полоцкий. Однако Б. В. Варнеке показал, что язык и стиль драмы никак не соответствуют языку и стилю Симеона Полоцкого (Б. В. Варнеке. История русского театра, ч. 1. Казань, 1908, стр. 52). Польское происхождение переводчика, помимо уже упомянутых полонизмов и украинизмов в языке пьесы, подтверждется и употреблением слова «ефимок», поскольку, кроме России, только в Польше так называли западноевропейские талеры,— на Украине же господствовало название «талер».

Хотя пьеса была написана на немецком языке и переводилась поляком, в ней можно заметить некоторые черты идейного сходства с повествовательной литературой, бытовавшей на Руси XVII в.

В связи с тенденцией развития сюжета пьесы, как бы предсказывающей гибель Олоферна (отсечение его головы), заслуживает внимания тема «меча Навуходоносора». Победоносный меч, которым Навуходоносор дарит своего военачальника, занимает в пьесе немалое место. Его носят перед Олоферном во время торжественных выходов; офицеры клянутся «перед мечем Навуходоносоровым»; в унизительной процедуре послы от подчиненных государств должны лобызать этот меч и возложить на него привезенные венцы. Меч Навуходоносора обагрен кровью его врагов и непокоряющихся народов.

П. О. Морозов считал, что мотив меча Навуходоносора появился в драме под влиянием «Сказания о Вавилонском царстве», где сказочный меч-самосек Навуходоносора, аспид-змий, побеждает всех его врагов (П. О. Морозов. Указ. соч., стр. 167). Эта гипотеза справедлива лишь для решения вопроса о происхождении мотива, функции же его в драме совершенно отличны от «Сказания о Вавилонском царстве». В последнем меч-самосек — ору-

жие защиты от врагов, в пьесе же он превращается в символ большой и неправой силы, покоряющей и унижающей свободные народы. Этим обусловлено и его обращение против своего носителя — оружие грешника обрушивается на его голову. Таким образом, победоносный меч Навуходоносора оказывается тем орудием, которым наказывается (в соответствии с основной идеей пьесы — «господь гордым противится, а смиренным дает благодать») гордый Олоферн, и именно поэтому так важно было автору особо подчеркнуть силу этого меча.

Основная идея (наказание гордых) и ее решение в пьесе позволяет связать «Иудифь» с современной ей повествовательной литературой, где тема «гордого царя» и вообще наказания гордых получает особое, самостоятельное значение именно при царе Алексее Михайловиче,— в 60—70-х годах XVII в. (повести о царе Аггее, о Дмитрии Римском, перевод повестей из «Римских деяний» и «Великого Зерцала» и т. п.). Тема «гордого царя» до этого периода в основном связывалась с изображением царей-язычников, гонителей христианства или врагов Руси (Батый, Мамай и т. п.). Отголоски такого восприятия этого образа можно заметить и в «Иудифи», поскольку и Навуходоносор и Олоферн по пьесе — язычники. Однако связь с повестями XVII в. не менее явная. Она выражается прежде всего в мотиве провозглашения Навуходоносора богом на земле — мотив этот можно отметить и в более ранней повести об Адариане, в «прикладе» о цесаре Иовениане из «Римских деяний», в апокрифах о Соломоне и Китоврасе, которые связывались с повестями о «гордом царе» (см.: А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872).

Кроме этого мотива, «Иудифь» роднит с повествовательной литературой само наказание гордеца. Если против царя-язычника выступает обычно князь-христианин со своим войском, то в беллетристических повестях гордец наказывается лицом, более слабым или же стоящим ниже на общественной лестнице. Так, гордящиеся богатством оказываются в услужении у крестьянина или даже у нищей братии (Дмитрий Римский, царь Аггей), а превозносящийся силой и могуществом Адариан посрамлен женщиной. В «Иудифи» точно так же гордый Олоферн, стоящий во главе огромного войска, погибает от руки женщины, представительницы угнетенного им народа.

Из сказанного следует, что подобно «Артаксерксову действу», пьеса «Иудифь» выступала в комплексе переводных и оригинальных произведений русской литературы XVII в., имея общие с ними идейно-литературные особенности.

Е. К. Ромодановская

Приложение I

Пролог I

По рукописи БАН 16.17.7.

л. 2 ‖ Благоразумнии слышателие, внемлите глаголы моя, како светы апостол Павел пишет: господь гордым противится, смиренным же благодать дает.

Навуходоносор царь высоко сердцем вознесеся,
На людей же израилевых яросно воспалися,
Посла Алоферна грады их разбивати
И повеле богом себя нарицати.

Алоферн же вся сия сотворити хотяше,
Немедленно воином прижати веляше,
Людей же израилевых жаждею хотя уморити
И грады скора, скора сокрушыти.
Людие же ко господу со смирением возопиша
И велию милость получыша.
Посла бог едину жену еврейску именованну,
Июдиф названну.
Ея же мышца главу Олоферну отсекает
И всю славу его погубляет. ||
л. 2 об. Воистинну смирения гордость посрамляет,
Како женская рука великаго воина убивает.
О сей же гордости писания нам поведствует.
Ныне же сподобихомся очима зрети,
Како шведская гордыня посрамися
И вся аръмея его до конца потребися,
Нашего же пресветлаго всеросискаго монарха
премудросмиренная десница превознесеся.
Даруй, господи боже, и в предидущуя лета
такожде счастия получыти,
Здраво же и благополучно во вся лета пребыти.
О сем же действе просим прощения,
Ежели от неразумия нашего в чем неисправления. ||

Пролог II

По рукописи БАН 16.17.7

л. 1 || Благоразумнейшия слышателие, внемлите глаголы моя, како святы апостол Павел пишет: господь гордым противится, смиренным благодать дает.

Новуходоносор высоко сердцем вознесеся,
На людей же исраилевых яросно воспалися.
Посла Олоферна грады их разбивати
И повеле богом себя нарицати.
Олоферн же вся сия сотворити хотяше,
Немедленно воином прилежати веляше,
Людей же израилевых жаждею хотя уморити
И грады их скоро, скоро сокрушити.
Людие же ко господу со смирением воззопиша ||
л. 1 об. И велию милость получиша.
Посла бог едину жену еврейску именованну,
Июдифь названну.
Ея же мышца главу Олоферну отсекает
И всю славу его погубляет.
Воистинну смирение гордость посрамляет,
Како женская рука великаго воина убивает.
Даруй, господи боже, пресветлейшему нашему монарху
истинную лжю попрати
И смирением гордость посрамити,
Врагов же всех под ноги его низложити.
У вас же, слышателей, просим прощения,
Ежели в сем действе было наше неисправление. ||

Приложение II

Заметка о представлении «Иудифи»

(По рукописи ГПБ, F. IV. 558)

Во 181-м, 2-м, 3-м годех на Москве в Преображенском селе учинена была комедия[а] по библийному писанию древних в подобие бытей, яко же былин при древних царех, при Давиде и Соломоне, и како Июдиф отсече главу пришествием своим, лепотою зрака и одеянием риз преукрашенных, на главе имея митру царску. И пришед в полк людей асирийских, сиреч вавилонских, иже виде она град свой в погибели и ко взятию предваряющ от людей асирийских, и возвестиша онаго полку воеводе асирийскому мужу Алоферну. Он же возрадовася о ней, яко пришед жена от града того, его же он хоцет взяти. И сказа ему словеса утешителная, яко преклаияяся она до градовзятия ему. Собра же воевода тогда чиноначалства людий от полку его и вечеря с ними, веселяся, и упився от вина. И шед в ложницу, ляже на одр свой, никому же ту входити повеле, токмо единая Июдиф. И упився от вина, успе сном. Июдиф же стояше близ одра его, виде спяща Алферна, возопи ко господу богу, яко да спасет град их и свободит[б] от пленения Израиля своего. Взем его меч и отсече главу асирийскому воеводе Алферну. И тут его обертев одевалом, а главу взем в ризы своя и изыде из ложницы и крепи ю. И вопроси ю стражи о изходе ея. Она же сказа им, яко идет до источника измытися, понеже возвещенно б о ней стражем. И пришед ко стене града и возопи людем своим, да примут во град, и сказа, еже бысть и да изыдут из града люди против асириян, понеже обезглавен Алферн, и показа им главу его. Оне же вышед из града, поби асирияи малыми людми многие тысяци и град свой спасе от погибели. О том же пишет в Книге Июдиф. л. 97

Такожеде и о царице Езвирь, како упроси у царя своего вес род свой израилтеских от посечения мечя, и болярина своего Мардохана от смерти избави, ему же древо приготови Аман, болярин царев. По упрошении же царь на том древе повеле Амана обвесити пред враты дому его. В книге Езвирь против того действоваху и сим веселяшес в нощи тамо car z blishnimi swoimi boliary. ||

Siu sze igru и uczini немец, яко же во Амбурхе и в протчих Римских градех на окупу ей держат и многую казну тем збирают. А кто хощет смотрети, по дукату имеет дати, сиреч червонному златому. Из ыных земел приезжают смотрети многие чесные их люди и кролевичи закрытыми лицы. Овогда же пущают гром, овогда же дождь и снег, сице козньми действоваху. л. 97 об.

Takova ubo igra byst na Moskwe komediia.

Некто поведа от галандов Izbrant, яко того ради приял Анбурх град многое разорение, иже бе он был в нем и се видев.

Anno Domini 1686-go s ruskimi gosty widel w Anburche.

[а] *В ркп. на полях* игра. [б] *Испр.*; *в ркп.* свобит.

Словарь

Абие — тотчас, сейчас же
Аз — я
Аки — как
Алтын — денежная единица, ходячая монета — три копейки
Аще — если, хотя

Бабр — хищный зверь, вид тигра
Бедно — люто, жестоко
Безверный — неверный
Благолепный — красивый
Благоутишный — спокойный
Бо — так как
Богатно — обильно
Болван — идол
Брашно — пища
Брение — размокшая глина, грязь; нечистоты

Ведомость (о неприятеле) — сведение, известие
Вселепна — великолепна, красавица
Вем — знаю
Венчальный (венчальные главы) — увенчанный царским венцом
Вертеп — пещера
Вертоград — сад
Весь — селение
Взыскать — отыскать, найти
Внити — войти
Возбранить — запретить
Возъяриться — разгневаться
Восхитить (восхищение) — похитить, унести
Вретище — грубая одежда (из мешковины)
Вскую — зачем
Всуе — напрасно, без основания
Выну — всегда

Вытечка — вылазка, внезапное нападение
Выя — шея
Вящше, вяще — больше

Глаголати — говорить, рассказать, сообщить
Гоже — угодно, нравится
Горше — хуже

Да — пусть, чтобы
Дедичный — наследный
Десница — правая рука
Для — из-за
Днесь — сегодня
Доброзрачный — красивый на вид
Дондеже — пока не
Достоит — надлежит, следует
Древле — прежде

Егда — когда
Еже — чтобы
Ей — да, верно
Елей — масло
Еликий, елико — какой, сколько
Естество — природа

Жалеть — горевать, скорбеть, жаловаться
Жесточь — твердость, суровость
Живот — жизнь
Животное — все живое
Животы — имущество
Жупел — сера

Закосневать — пребывать (жить) в неправде
Залога — стоянка солдат
Зане — так как, так что

Заповедь — обычай, постановление
Запор — состояние запертого, заключенного
Застава — заклад, обещание
Звездословцы — предсказатели по звездам
Зело — очень, сильно
Зельный — чрезмерный, большой
Злоба — беда
Знаменовать — обозначать, предвещать
Знатно — явно, видно, приметно
Зрак — вид

Иде же — где же, когда же
Иже — который, кто
Извергать — изгонять, удалять
Изводити — выводить, превращать
Извол, изволение — воля, повеление
Извыкать — привыкать
Изрядный — особенный, необыкновенный
Имамы, имам — имеем, имею
Имати — брать
Имянути — назвать
Инде — в другом месте
Исповедать(ся) — рассказать, признаться
Исполненный — полный, наполненный
Истый — настоящий, верный

Камара — комната, покой
Камо — куда
Клеврет — участник в каком-либо деле, товарищ
Клейноты — знаки, означающие царскую власть; драгоценности
Колено — племя, род
Коло — колесо
Коруна — корона
Корысть — добыча, богатство
Костарничество — мошенничество, шулерство при игре в кости
Косяк (бархату) — кусок дорогой ткани
Красный — красивый
Кроме — без
Купно — вместе

Лагвица — чаша, сосуд
Лепота — красота
Лесть, лестный, льстить — ложь, обман; лживый, лгать
Лихва — проценты (от ростовщичества), прибыль
Ловитва — сети, козни, ловушка
Локоть — мера длины
Лоно — грудь, пазуха

Мзда — вознаграждение, дар
Миро — благовонная мазь
Мнити — думать, полагать
Молитвенник — молельня

Набоженство — набожность
Недро (нядро) — пазуха
Некосно — немедленно
Несрамно — без смущения, бесстыдно
Несть (несть лет) — нельзя
Непщевати — думать, полагать, рассуждать
Нечаемый — неожиданный
Ниже — нежели чем
Низлагать — низвергать, отвергать, разрушать
Нужда, нужа — насилие, принуждение
Нужной (солдат) — убогий, худой, плохой, слабый
Няти — брать

Обавание — очарование
Обаче — однако; но
Обесити — повесить
Обирати — избирать
Образ — вид, чин, сан, состояние, подобие
Обратиться — исправиться, возвратиться
Обседати (обсядати) — окружать
Овамо — туда, в ту сторону
Ови...ови — те...те, одни...другие
Олей — масло
Очертание — границы (всей земли)

Паче — больше
Пекла — смола
Персть — прах, пыль, земля
Пира — сума
Плевелы — сорная трава
Плинфа — кирпич
Поволить — изъявить волю, приказать
Подвигнуть — устремиться
Подъезд — небольшой военный отряд, употребляемый для разведки

Понеже — потому что
Понос, поношение — поругание, оскорбление, позор
Потщиться — постараться, пожелать
Пояти — взять
Прати — противоборствовать
Преграда — предел (государства)
Прелестный — вводящий в заблуждение, обманывающий
Прельстить — обмануть
Пресвитер — священник
Претити — угрожать, стращать
Причастник — участник
Произволять — хотеть, желать
Промысл — мысль, забота, прихоть; разведка о неприятеле
Протазан — оружие, состоящее из длинного древка с широким глухим или прорезным копьем и с кистью
Протазанщик — воин, вооруженный протазаном
Прохлад — удовольствие, спокойствие, нега
Пруг (мн. ч. прузи) — саранча
Пря — ссора, спор, распря
Пряженый (блин, пирог) — жареный в масле

Разве — только
Риза — одежда
Рожаный (цвет) — цвет розы, розовый
Роспрос — допрос
Ружье — оружие

Седалище — трон
Семо — куда
Сень — в спектакле часть действия, зрелище
Сице — так, таким образом
Сицевой — такой, таковой
Скудель — глина
Служебница — прислужница
Смоква — винная ягода, плод смоковницы
Соглядать — увидеть, узнать, проследить
Союз — узы
Спекулятор — палач
Сполох — испуг, страх, тревога, набат
Стогны (града) — улицы, площади
Стомах — желудок
Странный — чужеземный, иностранный
Страсть — мучение, бедствие, порок
Суд — приговор
Сулица — оружие, род копья или рогатины
Сурик — сурок

Талант — монета у древних греков и римлян
Тать — вор
Тимпаны — литавры
Точить — проливать (слезы)
Треска — щепа, щепка, осколки дерева
Треска серная — спичка
Тщание — старание, усердие
Тьма — 10 000

Убо — же
Убогий — ничтожный, недостойный
Угонзнути — вонзить
Удобосокрушенный — легко разрушаемый
Удобь — легко, без труда
Ужалиться — сжалиться
Ужник — узник
Уклад — сталь, булат
Укладный — стальной
Уничижать — пренебрегать, презирать
Утварь — украшение, наряд

Хитрость — умение, знание
Хлябь (хляби небесные) — отверстие

Шин — порядок, правила

Шанец (шанцы) — земляной или кирпичный окоп

Юзы — узы, цепи, оковы

Яже — которая
Язык — народ, племя
Языцы — иноплеменницы
Языческий — иноверный, иноплеменный
Яко — как, так что
Ярыжка — пьяница, шатун, беспутный мошенник

Список сокращений

БАН — Библиотека Академии наук СССР
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук
Лихачев — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899
ПДП — Памятники древней письменности
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР
Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844
Churchill — Watermarks in paper in Holland, England, France... in the XVII and XVIII centuries and their interconnection by W. A. Churchill. Amsterdam, 1935

Библиография

Библиографические справочники

Адарюков В. и Яковлевич В. Библиографический указатель книг, брошюр, журнальных статей и заметок по истории русского театра. СПб., 1904.

Адрианова-Перетц В. П. Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв.— В сб.: «Старинный спектакль в России». Л., 1928, стр. 184—197.

Виноградов Н. Н. Опыт библиографического указателя литературы по «вертепной драме».— ИОРЯС, 1905, кн. 4, стр. 406—407.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII—XVIII вв.— В кн.: «Сборник Историко-театральной секции», т. 1. Пг., 1918, стр. 1—71.

Пасенко В. К библиографии русской комедии.— «Библиографические известия», 1914, № 3—4, стр. 279—288.

Розов Н. Н. Материалы по истории русского драматического театра в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. XVII в. 1940-е годы. — В кн.: «Театр и музыка. Документы и материалы». М.— Л., 1963, стр. 57—71.

[Тихонравов Н. С.] Летописи русской литературы и древностей, т. I—V. М., 1859—1863.

Исследования

А. С. Театр при Русском дворе в XVII веке.— «Московские ведомости», 1857, № 133.

Адрианова-Перетц В. П. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст.— В сб.: «Старинный спектакль в России». Л., 1928, стр. 7—63.

Алексеев М. П. О связях русского театра с английским в конце XVII — начале XVIII в.— «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», № 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943.

Алперс Б. В. Основные принципы построения истории русского театра. От истоков до наших дней.— «Ежегодник Института истории искусств (АН СССР)», т. II. М., 1948, стр. 75—90.

Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861.

Архангельский А. С. Театр допетровской Руси. Казань, 1884.

Асеев Б. Н. Русский драматический театр XVII—XVIII вв. М., 1958.

Барсов Е. В. Новые разыскания о первой эпохе русского театра.— ЧОИДР, 1882, кн. 3.

Баскин Э. М. История русского театра, ч. I. М., 1928.
Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.).— ТОДРЛ, т. XI. М.— Л., 1955, стр. 280—299.
Богоявленский С. К. Театр в Москве при царе Алексее Михайловиче.— В кн.: «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. III, 2 [т. 6]. М., 1910, стр. 97—104.
Варнеке Б. В. История русского театра, ч. 1—2. Казань, 1908—1910.
Он же. История русского театра XVII—XIX вв. Изд. 3. М.— Л., 1939.
Всеволодский [-Гернгросс В. Н.]. История русского театра, т. I—II. Л.— М., 1929.
Он же. Искусство актера театра иезуитских и русских духовных школ в XVII и XVIII вв. М.—Киев, 1912.
Он же. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957.
Он же. Театр в России при Алексее Михайловиче.— В кн.: «История русского театра. Под ред. В. Каллаша и Н. Эфроса». М., 1914.
Он же. Театральные здания в Москве в XVII и XVIII ст.— «Ежегодник императорских театров», 1910, VII, стр. 1—26; 1910, VIII, стр. 1—30.
Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки. Л., 1959, стр. 8—10.
Гоян Г. Путь развития русского театра. М. — Л., 1939.
Гуревич Л. История русского театрального быта, т. I. М.— Л., 1939.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. М., 1915.
Он же. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII веках. М., 1869.
«История Москвы», т. I. М., 1951, стр. 603—637.
«История русского театра. Под ред. В. В. Каллаша и Н. Эфроса», т. 1. М., 1914.
Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.— Л., 1957.
Мазон А. А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори.— ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 355—363.
Матвеев П. Опала и ссылка боярина А. С. Матвеева.— «Исторический вестник», 1902, т. XXXIX, стр. 700.
Морозов П. О. Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетия. СПб., 1888.
Он же. История русского театра до половины XVIII ст. СПб., 1889.
Носкова С. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII вв.— В сб.: «Старинный спектакль в России». Л., 1928, стр. 265—368.
Опочинин Е. Н. Русский театр, его начало и развитие. СПб., 1887.
Паушкин М. М. Средневековый театр (Духовная драма). М., 1913.
Пекарский П. Мистерии и старинный театр в России.— «Современник», 1857, т. XI, кн. 1—2, отд. III, стр. 49—98.
Перетц В. Н. К постановке изучения старинного театра в России.—В сб.: «Старинный театр в России». Пг., 1923, стр. 7—33.
Он же. Несколько мыслей о старинном русском театре.— «Ежегодник петроградских гос. театров. Сезон 1918—1919 гг.» Пг., 1920 (на обл. 1922), стр. 217—225.
Он же. Театр в Московской России 250 лет тому назад.— В сб.: «Старинный театр в России». Пг., 1923, стр. 35—64.
Он же. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII

и начала XVIII в.— В сб.: «Старинный спектакль в России». Л., 1928. стр. 64—98.

Резанов В. И. К вопросу о старинной драме. Теория школьных «декламаций» по рукописным поэтикам. Нежин, 1913.

Он же. К истории русской драмы. Поэтика М.-К. Сарбевского. Нежин, 1911.

Он же. Памятники русской драматической литературы. Нежин, 1907.

Он же. Экскурс в область театра иезуитов. К истории русской драмы. Нежин, 1910.

Соболевский А. Заметки по истории драмы.— «Русский филологический вестник», 1889, № 1.

«Старинный спектакль в России. Сборник статей Адриановой-Перетц, Булгакова, Кашина, Ланга в перев. Всеволодского-Гернгросса, Ласточкина, Носковой, Перетца, Щегловой». Л., 1928.

«Старинный театр в России. Сборник статей под ред. В. Н. Перетца». Пг., 1923.

Тихонравов Н. С. Начало русского театра.— «Летописи русской литературы и древностей», т. III. М., 1861.

Он же. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I—II. СПб., 1874.

Цветаев Д. В. Генерал Бауман и его дело. Из жизни Московской новоиноземной слободы в XVII в. М., 1884.

Цветаев Д. В. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава, 1889.

Шляпкин И. А. К истории русского театра при царе Алексее Михайловиче (Заметки).— ЖМНП, 1903, март. «Критика и библиография», стр. 210—211.

Штелин Я. Краткое известие о театральных в России представлениях от начала их до 1768 года.— «Санкт-Петербургский вестник», 1779, ч. IV, август-сентябрь.

Щеглова С. А. Актеры и зрители светского театра XVII — начала XVIII в.— В сб.: «Старинный спектакль в России». Л., 1928, стр. 209—264.

Carlis L. Relation des trois embassades en Russie. 1857.

Gravier M. Une tragèdie allemand à Moscou. La Comédie d'Artaxerxès du pasteur Grégorii. («Revue des études slaves», 33. Paris, 1956).

Günther K. Das Weimarer Bruchstück des ersten russischen Dramas «Artaxerxovo Dejstvo» (1672).—«Studien zur Geschichte des russischen Literatur des 18 Jahrhunderts», Bd. III. «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichen des Instituts für Slawistik», N 28/III. Berlin, 1968, S. 120—178.

Günther K. Das Moskauer Judithdrama von Johann Gottfried Gregorii.— «Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts». Bd. IV. Berlin, 1970.

«La Comédie d'Artaxerxès (Артаксерксово действо) présentée en 1672 au tsar Alexis par Gregorii le pasteur. Text allemand et texte russe publiés par André Mason, membre de l'institut professeur honoraire au Collège de France, et Frédéric Cocron, docteur de l'université de Vienne et de l'université de Paris». Paris, 1954.

L. Ringuber. Rélation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Publié pour la première fois d'après les manuscrits originaux gui se conservent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha». Berlin, 1883.

О. А. Державина

Именной, географический и предметный указатель *

---

* Указатель составлен к русским, древнерусским и старонемецким текстам данной книги и включает: 1) имена авторов произведений, деятелей культуры и театра, исследователей; 2) названия произведений, рукописных сборников, старопечатных изданий, а также некоторых театральных жанров; 3) названия стран, населенных пунктов и учреждений, имеющих отношение к истории русского театра до начала XVIII в. включительно; 4) имена и названия персонажей и мест действия в литературных произведениях, вплоть до имен, лишь упоминаемых в древнерусских пьесах, и названий предметов реквизита.

Имена лиц и персонажей, названия произведений и географических пунктов до XVIII в. по мере возможности сопровождаются пояснениями. В скобках помещаются варианты имен, а также выходные данные изданий. Помета «драм.» или «лит.» обозначает эпизодическое упоминание лица или предмета в драматическом или ином литературном произведении. В системе отсылок главными являются слова: «Театр», «Спектакль», «Страны, города и местности».

Составитель А. Г. Мирзоян

Указатель дат *

* Указываются даты, упомянутые в данной книге и имеющие отношение к истории русского театра. Составитель указателя — А. Г. Мирзоян.

Список иллюстраций

Содержание

1 р. 27 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»